Пол Андерсон

Операция "Хаос"

Пол Андерсон

Операция "Хаос"

Ростов-на-Дону
"Гермес"
1993

БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ТОМ 1

РОМАНЫ

ОПЕРАЦИЯ .ХАОС.
ТРИ СЕРДЦА И ТРИ ЛЬВА

Пол Андерсон

1

ОПЕРАЦИЯ "ХАОС"

ББК 84. 7США-4
А 65

Серия основана в 1991 году

Составители *А. Г. Бобита, С. И. Прус*
Художники-оформители *В. Г. Еременко, И. И. Еременко*
Художник-иллюстратор *А. Е. Ткач*

Издание подготовлено при участии издательского центра КПКФ «Реванш» г. Харьков
Издатели выражают особую благодарность за помощь, оказанную в подготовке данной книги: *А. В. Гайденко, А. М. Цыганенко*

Пол Андерсон

А 65 Три сердца и три льва. Операция «Хаос»: Романы. — Т. 1. — Ростов н/Д.: Гермес, 1993. — 400с., ил. — (Библиотека фантастики). Издание второе, переработанное.

В первый том серии «Библиотека фантастики» включены два романа известного американского писателя Пола Андерсона, в которых отражена извечная тема борьбы Добра и Зла.

Для широкого круга читателей.

ББК 84. 7США-4

©Составление.
А. Г. Бобита, С. И. Прус, 1991
©Разработка серийного оформления.
В. Г. Еременко, А. Е. Ткач, А. Г. Бобита, 1992
©Художественное оформление.
В. Г. Еременко, И. И. Еременко, 1993
©Иллюстрации. *А. Е. Ткач, 1993*
©Стилевое решение макета.
А. Г. Бобита, С. В. Гизело, 1993

А $\frac{4703040100-007}{У\ 36\ (03)-93}$ Без объявл.

ISBN 5-87022-017-3

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В 1993 году в серии «Библиотека фантастики» по многочисленным просьбам читателей выйдет в свет продолжение знаменитой эпопеи Айзека Азимова «История Будущего», получившей премию Хьюго, как лучшая серия «всех времен и народов».

В ближайших выпусках Вы познакомитесь с романами, которые являются дополнением к к циклу «Основатели»:

«Стальные пещеры», «Обнаженное солнце», «Роботы утренней зари», «Роботы и Империя», «Звезды как пыль», «Космические течения», «Галька в небе», «Прелюдия к Основанию», «Основание в опасности», «Основание и Земля».

ТРИ СЕРДЦА И ТРИ ЛЬВА

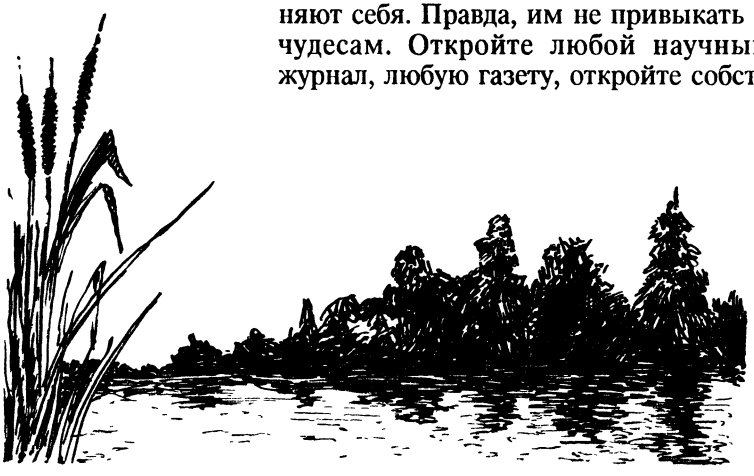

ПРОЛОГ

Теперь, через много лет, я имею право предать огласке эту историю. С Хольгером я познакомился лет двадцать назад, и тогда все было иным — и времена, и люди. Жизнерадостные парни, которым я читаю сегодня лекции, — отличные, разумеется, ребята, но мы с ними давно говорим на разных языках, и нет никакого смысла делать вид, будто мы можем понять друг друга. Поэтому я совсем не уверен, что эта история придется им по вкусу. Они гораздо рациональнее, чем были когда-то мы с Хольгером, и этим, на мой взгляд, сильно обедняют себя. Правда, им не привыкать к чудесам. Откройте любой научный журнал, любую газету, откройте собст-

венное окно и спросите себя: обычна ли наша обыденность и не полна ли чудес повседневность?

Мне рассказ Хольгера кажется правдоподобным, хотя я и не настаиваю на его абсолютной истинности, так как не имею никаких тому доказательств. Но, публикуя его, я далек от мысли о скандальной славе. Просто мне кажется, что если он правдив, то из него можно извлечь кое-какие уроки, и, может быть, они кому-нибудь пригодятся. Если же — что вероятнее — он только сон или откровенная мистификация, то и в этом случае заслуживает огласки — хотя бы ради его оригинальной увлекательности.

Безусловно, достоверно то, что осенью далекого 1938 года в конструкторском бюро, где я служил, появился Хольгер Карлсен, и в течение последующих нескольких месяцев я имел возможность узнать его довольно хорошо.

Был он датчанином и, как большинство молодых скандинавов, нес по всему миру великое любопытство. В юности он исколесил пол-Европы — на велосипеде и пешком, позднее, исполненный традиционного для жителя его страны восхищения перед Соединенными Штатами, добился стипендии в одном из наших восточных университетов и стал осваивать профессию инженера. В летнее время он бороздил Северную Америку (в основном — «автостопом») и брался за любую подвернувшуюся работу. Он так полюбил нашу страну, что после получения диплома устроился на неплохое место и стал подумывать о натурализации.

Хольгер легко сходился с людьми и быстро превращал их в своих друзей. Симпатичный, спокойный, со здоровым чувством юмора и скромными запросами, он не был ханжой и довольно часто позволял себе отпускать поводья в датском ресторанчике. Он не слишком блистал как инженер, но вполне соответствовал занимаемой должности: его мозги были приспособлены больше к решению практических задач, чем к глубоким аналитическим рассуждениям. Короче говоря, его умственные способности я бы не назвал выдающимися. Чего нельзя было сказать о его внешних данных. Он был гигант — больше двух метров ростом — и в то же время так широк в плечах, что никто не называл его длинным. Разумеется, он играл в футбол и если бы не отдавал столько сил наукам, стал бы звездой университетской команды. Грубая лепка его лица — с широкими скулами и выдающимся подбородком — была неправильной, но выразительной. Добавьте очень светлые волосы и широко расставленные голубые глаза — и вы получите его точный портрет.

Ему бы побольше наглости, и он мог бы стать настоящим донжуаном. Однако какая-то робость удерживала его от желания умножать приключения этого рода.

Итак, Хольгер был славным, но в общем-то довольно заурядным парнем того типа, который многие определяют как «свой в доску».

Он делился со мной некоторыми подробностями своей биографии.

— Хочешь верь, хочешь нет, — сообщил он мне, усмехнувшись, — но я настоящий подкидыш. Да, да, ребенок, буквально подброшенный на крыльцо. Такие случаи в Дании очень редки. Полиция изо всех сил пыталась что-либо разнюхать, но у нее ничего не вышло. Мне было, наверное, всего несколько дней, когда меня нашли в одном из дворов в Хельсингоре. Это очень красивый городок, вы называете его Эльсинором, родиной Гамлета. Меня усыновила семья Карлсенов. И больше в моей жизни не было ничего примечательного.

Так казалось ему тогда.

Помню, как однажды я уговорил его пойти со мной на лекцию иностранного физика, одного из тех великолепных талантов, какие рождаются только в Великой Британии — ученого, философа, острослова, поэта, эссеиста, — словом, человека Возрождения, хотя и лишенного, может быть, печати гения. Он излагал новую космогоническую теорию. Лекция завершилась несколькими смелыми гипотезами о характере будущих научных открытий. В частности, лектор говорил, что, если теория относительности и квантовая механика доказывают, что не бывает наблюдения без участия, если логический позитивизм утверждает, что многие из известных сущностей всего лишь абстракции или результат общественного договора, если ученые твердят, что о многих способностях разума мы даже не подозреваем, то, может быть, многие старинные мифы и волшебные сказки имеют своим источником не суеверия, а что-то иное. Когда-то откровенно смеялись над шарлатанами, занимающимися гипнозом и телепатией. Кто скажет, сколько великих загадок было осмеяно без осмысления? Фактами магии и волшебства пестрит история любого народа, любой фольклор. Может быть, эти факты когда-нибудь будут поняты с точки зрения науки? В нашем мире великое множество загадок. А в других Вселенных? Принципы волновой механики уже сейчас позволяют допустить существование самостоятельной, параллельной нашему миру Вселенной. Докладчик именно так и выразился: «Совсем нетрудно вывести математическую формулу существования бесконечного коли-

чества параллельных миров. В каждом из них фундаментальные законы природы будут немного другими. Следовательно, где-то в бесконечно удаленной Вселенной должно существовать абсолютно все, что только можно и даже нельзя вообразить!»

Хольгер откровенно зевал на лекции, а когда после нее мы зашли пропустить по маленькой, иронично заметил:

— Эти математики так парят свои мозги, что в осадок у них, конечно, выпадает в конце концов метафизика.

— Ты употребил, хоть и сам не понял, именно то слово, что нужно, — не без ехидства заметил я.

— Это какое же?

— Метафизика. Дословно — до и после физики. Иными словами там, где заканчивается физика, с которой ты привык иметь дело и которую ты меряешь логарифмической линейкой, или там, где она еще не начиналась. Именно о метафизике и шла речь в лекции.

— Ха! — он прикончил виски и заказал еще. — Вижу, тебя эта тема волнует?

— Пожалуй, да. Что такое единицы физических мер? Это сущности или условные знаки, которыми пользуемся, чтобы соотнести одно явление с другим? Что такое ты, Хольгер? Кто ты есть? Или, точнее, кто ты, где ты, когда ты есть?

— Я это я, я сижу здесь и в настоящий момент потребляю не совсем неприятную жидкость.

— Ты пребываешь в равновесии с данным континуумом, точнее, с рядом частных его проявлений. Я тоже — с тем же самым. Он для нас общий. Он представляет собой материальное воплощение определенных математических формул, связывающих воедино пространство, время, энергию. Некоторые из этих формул мы называем «законами природы». И потому строим на них целые науки — физику, астрономию, химию...

— Хей-хо! — поднял он стакан. — Кончим умничать и начнем пить с умом!

Я махнул рукой. Хольгер больше не возвращался к этой теме, однако, думаю, этот разговор позднее сослужил ему неплохую службу. По крайней мере, льщу себя этой надеждой.

За океаном разразилась война, и поведение Хольгера изменилось. День ото дня он становился все более взвинченным. Твердые политические убеждения никогда не были его амплуа, но теперь он на каждом углу с горячностью, удивлявшей нас, стал твердить, что всей душой ненавидит фашизм. Когда же немцы вступили на территорию его страны, он несколько дней беспробудно пил.

Оккупация Дании протекала довольно спокойно. Правительство проглотило пилюлю и осталось на своем месте — единственное из всех европейских правительств. Просто объявило о своем нейтралитете под немецким протекторатом. Думаю, что этот выбор потребовал определенного мужества: благодаря сознательному унижению небольшой кучки политиков на протяжении нескольких лет удавалось удерживать оккупантов от жестоких, как во всех европейских странах, репрессий, особенно в отношении еврейского населения.

Хольгер, однако, буквально ошалел от радости, когда датский посол в США обратился к Белому Дому с призывом вторгнуться в Гренландию. К тому времени большинству из нас было очевидно, что Америка рано или поздно будет втянута в эту войну. Самым простым выходом для Хольгера было дождаться этого дня и немедленно встать в ряды ополченцев. Впрочем, он мог поступить еще проще — вступить в британскую армию или примкнуть к «Свободным норвежцам». В доверительных беседах со мной он часто повторял, что сам не поймет, почему не делает этого.

В 1942 году начали, однако, поступать известия, из которых можно было понять, что терпение Дании лопнуло. Дело еще не дошло до взрыва (который в конце концов прогремел в виде всеобщей забастовки, после чего немцы немедленно низложили короля и превратили страну в еще одну порабощенную провинцию), однако уже пошли в ход карабины и динамитные шашки.

Вопрос о возвращении домой стал для Хольгера своеобразной idea fix. Он обсуждал его и так и эдак, но никак не решался поставить точку. На принятие окончательного решения у него ушло много вечеров и пива. Наконец последовала капитуляция. После седьмой и последней, как говорят в Дании, Хольгер перестал быть американцем и укрепился в своем гражданском долге. Он уволился, мы устроили ему прощальную вечеринку, и на следующий день он уже всходил на борт судна, идущего в Швецию. Из Хельсинборга он добрался домой на пароме.

Некоторое время он старался держаться в тени, не без основания побаиваясь, что поначалу немцы будут держать его под особым контролем. Он получил место на заводе «Бурмейстер и Вайн», специализирующемся на производстве корабельных двигателей. В середине 1942 года он решил, что оккупанты уже вполне уверились в его лояльности, и присоединился к движению сопротивления. И тут оказалось, что его служба — настоящая золотая жила для диверсий и саботажа.

Не стану утомлять вас длинным перечнем его подвигов. Довольно сказать, что он работал на совесть. Их небольшая организация, в сотрудничестве с английской разведкой, действовала не менее успешно, чем эскадрилья бомбардировщиков. Во второй половине 1943 года они совершили самую дерзкую из своих акций.

Необходимо было вывезти из Дании некоего Х. Союзникам был нужен его талант. Немцы, прекрасно осведомленные о способностях Х., держали его под строжайшим надзором. Подпольщикам удалось, однако, вывести Х. из дома и доставить в Зунд, где уже ждала лодка, приготовленная для отправки в Швецию. Оттуда он должен был попасть в Великобританию.

Наверно, навсегда останется тайной, пронюхало ли гестапо об этой засекреченной операции или ночной патруль наткнулся на пляже на группу подпольщиков совершенно случайно. Кто-то вскрикнул, кто-то спустил курок — завязался бой. Пляж был каменистым, плоским. Звезды и огни со шведского берега лили на него тусклый, но ровный свет. Лодка уже отчалила, и подпольщики решили вызвать огонь на себя, чтобы дать ей без помех добраться до цели. Откровенно говоря, на это было мало надежды. Лодка была неуклюжей и тихоходной. Тот факт, что ее так отчаянно прикрывали, говорил о ценности груза. Через несколько минут, в течение которых датчанам удастся в лучшем случае убить десяток солдат, немцы вломятся в ближайший дом и по телефону свяжутся со штабом оккупационных войск в Эльсиноре. И мощный патрульный катер перехватит беглецов прежде, чем они достигнут нейтральной территории. Но подпольщики сделали свой выбор. Пути к бегству не было.

Хольгер Карлсен понял, что сегодня умрет. Перед его внутренним взором пронеслись картины безмятежного прошлого, в котором было так много солнца, где кричали над головой чайки, а на крыльце дома, полного дорогих ему мелочей, стояли его приемные мать и отец... И почему-то он вспомнил старинный замок Кронборг, красную черепицу и высокие башни и покрытые патиной перила моста над зеркальной водой...

С раскаленным пистолетом в руке он укрылся за камнем и палил в темные расплывчатые силуэты. Вокруг свистели пули. Рядом раздался чей-то стон. Хольгер в очередной раз прицелился и выстрелил...

Мир вокруг взорвался ослепительной вспышкой, и упала тьма.

ГЛАВА 1

Когда он пришел в себя, все его ощущения сводились только к одному — адской головной боли. Потом стало медленно возвращаться зрение. Вскоре он смог различить, что странный предмет, маячащий в тумане перед его глазами, — это корявый древесный корень. Он шевельнулся — под ним зашелестели сухие листья. Ноздри щекотали запахи земли, мха, влаги.

— Где я нахожусь? — пробормотал он. — Что за черт!

Он сел. Потрогал голову и нащупал запекшуюся на волосах кровь. Должно быть, пуля только скользнула по черепу. Сантиметра на два ниже — и...

Ладно, но что же случилось потом? Сейчас ясный день, он в диком лесу и вокруг никого. По-видимому, его товарищам удалось вырваться с побережья, и они вынесли его на плечах. А потом спрятали в этой чаще. Но почему они раздели его догола и бросили одного?

Он заставил себя подняться на ноги. Мышцы ломило, во рту было сухо и гадко. Подташнивало от голода. Голова разламывалась от боли. По бьющим сквозь кроны деревьев лучам он определил, что солнце уже в зените: утренний свет не имеет такого золотистого отблеска. Ого! Он провалялся без памяти часов двенадцать!

Рядом по пятнистому ковру из листьев и мха бежал ручей. Он наклонился и стал жадно пить. Потом умылся. Холодная вода несколько взбодрила его. Теперь он внимательно, пытаясь понять, где же он находится, осмотрелся по сторонам. Гриибский лес?

Нет, конечно, нет! Здесь настоящая чаща: огромные буки и ясени, наросты лишайника на стволах, буйные заросли боярышника, черный бурелом... В Дании со средневековья не осталось таких лесов.

Красной искрой взлетела на дерево белка. Пронеслась пара скворцов. Сквозь разрыв в листве он увидел ястреба, парящего в небе. Разве в его стране еще остались ястребы?

До него вдруг дошло, что он совершенно наг. Что делать? Предположим, его товарищи имели самые веские причины на то, чтобы раздеть его и оставить здесь. Но тогда они не могли бросить его надолго... С другой стороны, не стряслось ли чего-нибудь с ними самими?

— Не дай Бог, тебе придется провести здесь еще ночь в таком виде, друг мой, — сказал он сам себе. — И еще очень хотелось бы знать, куда тебя занесло.

До его слуха донесся непонятный звук. Он прислушался. Звук повторился, и Хольгер узнал в нем лошадиное ржание. Он воспрянул духом. Значит, где-то поблизости ферма. Он уверенно двинулся вперед, в ту сторону, откуда донеслось ржание, продрался сквозь заросли кустарника и остановился в изумлении.

Таких лошадей он никогда не видел. На поляне стоял жеребец громадного роста — настоящий першерон, но изящного и благородного сложения. Черный и блестящий, как дождливая ночь. Уздечка украшена серебром. Поводья с бахромою. Седло тонкой кожи, с высокими луками. Белая шелковая попона с вытканными на ней черными орлами. Притороченный к седлу вьюк...

Хольгер протер глаза и подошел ближе.

— Все нормально, — произнес он, — кто-то питает слабость к костюмированным прогулкам верхом. Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Конь потянулся к нему, встряхнул длинной гривой и радостно заржал. Потом подвинулся к Хольгеру и тепло фыркнул ему в щеку. Хольгер потрепал его по шее. Славный коняга. Что это у тебя на уздечке? На серебряной пластинке было выгравировано архаичным шрифтом: Папиллон.

— Папиллон, — позвал Хольгер.

Конь снова заржал, откликаясь на свое имя, переступая с ноги на ногу, и ударил копытом.

— Значит, тебя зовут Папиллон? — Хольгер взлохматил коню гриву. — По-французски это бабочка, не правда ли? Удачная шутка — назвать Бабочкой такого зверюгу.

Его заинтересовал вьюк за седлом, он пощупал его и отогнул край ткани. Что за дьявол! Кольчуга!

— Эй! — крикнул он снова. — Есть тут кто? Выходи!

Тишина. Только прострекотала, издеваясь, сорока.

Оглянувшись вокруг, Хольгер заметил еще кое-что: к стволу дуба прислонен длинный шест со стальным наконечником и защитной, как на шпаге, чашкой посредине. Копье? Ей-богу, настоящее турнирное копье!

Тот образ жизни, который вел Хольгер Карлсен во время войны, превратил его в человека, не робеющего перед буквой закона, как большинство его соотечественников. И потому он, не медля более, снял с седла вьюк и развязал его. Он обнаружил там длинную, до колен, кольчугу, конический шлем с пурпурным плюмажем, стилет, кожаный пояс и толстый кафтан. Кроме того, несколько комплектов одежды: бриджи, рубахи с длинными рукавами, короткие туники и другие пред-

меты старинного туалета. Часть одежды была из грубого крашеного полотна, другая — из обшитого мехом шелка. Он уже не удивился, когда, обойдя коня, обнаружил висящие на седле щит и меч. Щит был прямоугольный, фута в четыре длиной, в новеньком полотняном чехле. Он снял чехол: стальная пластина на деревянной основе была с лазурным покрытием, и на ней — три красных сердца и три золотых льва.

Герб. Чей? Показалось, что где-то его уже видел... Странно. Кто здесь собрался на карнавал? Он вытянул меч из ножен — длинный, двуручный, обоюдоострый, с эфесом в форме креста. Низкоуглеродная сталь, профессионально определил он. М-да, так старательно не мастерят реквизит даже в кино. Странно. Он вспомнил мечи, которые видел в музеях. Средневековые предки не могли похвастать излишком роста. Этот же меч как будто был сделан специально по его мерке, а ведь его считали верзилой в двадцатом веке.

Папиллон заржал и попятился. Хольгер резко обернулся. И увидел медведя.

Здоровенный бурый медведь, по-видимому, заглянул сюда просто на шум. Он уставился на Хольгера маленькими глазками, постоял с минуту и, удовлетворив любопытство, развернулся и убрался обратно в чащу.

Хольгер перевел дух. Сердце прыгало, как мячик.

— Не исключено, что где-то сохранился заповедный участок леса, — услышал он свой рассудительный голос. — Не исключено, что в нем сохранилось несколько ястребов. Но в Дании нет — это абсолютно исключено! — медведей!

Может быть, медведь сбежал из зоопарка? Бред?.. Скорее всего он сам свихнулся и у него начались галлюцинации. Или он видит сон... Нет, непохоже. Все слишком отчетливо и подробно: и пляска пылинок в луче, и запах лошадиного пота, и мха, и собственного тела. К черту! Как бы там ни было, во сне это или в бреду, все равно надо что-то предпринимать. В любой ситуации прежде всего нужно искать информацию и пищу, подумал он. Именно в такой последовательности — информацию и пищу.

Жеребец казался настроенным дружелюбно. Грех покушаться на чужую собственность, однако его нужда, безусловно, острее, чем у лица, которое так беспечно бросило здесь свое имущество. Прежде всего он оделся. Непривычный туалет требовал некоторой смекалки при облачении, однако все предметы, включая сапоги, странным образом оказались ему впору. Лишнюю одежду и оружие он снова упаковал и приторочил вьюк на прежнее место. Вставил ногу в стремя, уселся верхом.

Конь фыркнул, сделал несколько шагов и вдруг остановился возле копья.

— Не думал, что лошади так умны, — вслух удивился Хольгер. — Ладно, намек понял.

Он поднял копье и поставил его концом на перекладину, свисавшую с седла рядом со стременем. Потом взял поводья левой рукой и чмокнул. Папиллон пошел.

Только проехав уже не меньше мили, Хольгер обратил внимание на то, что на удивление уверенно сидит в седле. Его опыт в верховой езде до сих пор исчерпывался несколькими неуклюжими попытками в прокатных пунктах. Он вспомнил даже свою шутку о том, что, если лошадь — это приспособление для сокращения расстояния, то проще сократить приспособление. Но откуда, скажите на милость, его внезапная симпатия к этому черному зверюге? Может быть, в его роду были ковбои?

Он предпринял попытку осмыслить технику езды и сразу почувствовал себя неуклюжим деревенщиной. Папиллон фыркнул. Хольгер мог бы поклясться, что насмешливо. К черту! Подумаем о маршруте. Они продвигались по тропе, но лес вокруг был так густ, что езда верхом, да еще с копьем наперевес, была сильно затруднена.

Тропа шла на запад. Солнце клонилось к закату. На фоне багрового неба стволы деревьев казались обугленными. Нет, это невозможно: в маленькой Дании нет таких обширных заповедников! Или, пока он был без сознания, его переправили в Норвегию? В Лапландию? В Россию? К черту на кулички?.. Что ж, черепная травма могла лишить его сознания и на день, и на неделю, и на месяц... Нет, нет, для этого рана на голове слишком свежая. Он в сердцах сплюнул.

Но все его черные мысли вмиг испарились, стоило ему вспомнить о еде. Сейчас бы две... нет, три копченых трески и кружку холодного пива... Или по-американски — отбивную с косточкой в жареном луке...

Хольгер чуть не вылетел из седла: Папиллон резко встал на дыбы. Из-за темных стволов выступил лев. Хольгер остолбенел. Лев остановился, его хвост яростно заплясал по бокам. Раздался рев. Папиллон нервно загарцевал и стал рыть землю копытом. Хольгер заметил, что рука сама подняла копье и направила его острием в свирепую морду.

Из глубины леса донесся протяжный волчий вой. Лев не торопился атаковать, а у Хольгера не было никакой охоты вести с ним дискуссию о правилах движения по лесным тропам. Зато Папиллон был настроен воинственно. Но Хольгер

сильно натянул поводья и пустил сопротивляющегося жеребца по дуге влево, в обход льва. Когда лев остался сзади, Хольгер вытер рукой мокрый от пота лоб.

Они продолжали свой путь и, вскоре настала ночь. В голове у Хольгера как будто вертелась дикая карусель. Медведи, волки, львы... Где такие страны, чтобы эти звери жили бок о бок? В какой-нибудь глухой провинции Индии?.. Но в Индии, кажется, нет европейской флоры... Он попытался вспомнить что-нибудь из Киплинга, но ничего, кроме общих мест — «запад есть запад, восток есть восток» — не приходило в голову. Тут невидимая в темноте ветка хлестнула его по щеке, и весь Киплинг закончился чертыханьем.

— Кажется, эту ночь мы проведем с тобой под открытым небом, — сообщил он коню. — Давно об этом мечтал. А ты?

Папиллон — черная масса среди царства тьмы — уверенно шел вперед. До слуха Хольгера доносилось то уханье филина, то хриплый визг вдалеке, то жуткий вой... Что это?! Мерзкий хохот откуда-то прямо из-под копыт!

— Кто тут?! Кто это?!

Топот убегающих ног. Улетающий смех. Озноб по спине. Ладно, едем дальше. Ночи здесь довольно прохладные.

Внезапно небо над его головой взорвалось звездами. Хольгер не сразу сообразил, что они выехали из чащи на открытое место. Впереди мерцал огонек. Неужели жилье? Он пришпорил коня.

Когда огонь приблизился, Хольгер разглядел ветхое примитивное строение, стены которого были сплетены из ивовых прутьев и обмазаны глиной, а крыша покрыта дерном. Внутри горел огонь, светилось крохотное окошко без стекол. Хольгер остановил коня и облизал пересохшие губы. Сердце отчаянно, как будто он снова оказался лицом к лицу со львом, колотилось.

Самое разумное сейчас — остаться в седле. Он ударил в дверь древком копья. Дверь заскрипела и распахнулась. В дверном проеме на фоне тусклого света показалась черная сгорбленная фигура и каркнула скрипучим старушечьим голосом:

— Кто здесь? Кто пожаловал в гости к Матери Герде?

— Я, кажется, сбился с пути, — произнес Хольгер. — Не пустишь ли меня на ночлег?

— О, это рыцарь! Молодой и прекрасный рыцарь! Хотя Мать Герда совсем ослепла от старости, но хорошо видит, кто ночью стучит в ее дверь, хорошо видит! Сходи, сходи с коня, славный рыцарь, и располагай всем, чем богата бедная стару-

ха, которая тебе искренне рада и которая в таких годах, когда нечего бояться греха, хотя и она знала другие времена, знала, знала... Но те времена кончились, увы, еще до того, как ты появился на свет, а теперь я совсем старуха, одинокая старуха, которая рада любой вести из большого мира, стучащейся к ней в дверь. Входи, отринь опасенья, входи, прошу тебя. Здесь, на краю света, ты не найдешь другого убежища.

Хольгер протиснулся в дверь. В хижине больше никого не было. Кажется, здесь он мог чувствовать себя в безопасности.

ГЛАВА 2

Он сел на табурет возле колченогого тесаного стола. Глаза ел дым, стелющийся под потолком и медленно улетучивающийся через дыру в крыше. Еще одна дверь вела из комнаты в конюшню, где в стойле уже стоял Папиллон. Земляной пол. В грубом каменном очаге пылает огонь. Когда глаза притерпелись к дыму, Хольгер заметил еще пару табуретов, соломенный тюфяк в углу, различную хозяйственную утварь, а также большого черного кота, сидящего на Бог весть откуда взявшемся здесь красивом и дорогом сундуке. Его немигающие желтые глазищи неотступно следили за Хольгером. Старуха — Мать Герда — мешала какое-то варево в железном котле, висящем над очагом. Седые волосы грязными прядями свисали вдоль морщинистых впалых щек, нос торчал крючком, рот беспрестанно кривился в бессмысленной ухмылке, — она была горбатой, худой и дряхлой, а ветхое платье болталось на ней мешком. Но глаза, глаза ее блестели темным и твердым огнем.

— Не след, конечно, — приговаривала она, — мне, бедной полоумной старухе, доверять тайны или просто-напросто то, о чем лучше не болтать, первому встречному. Много тут бродит по краю света разного тайного люда — почем я знаю, может быть, ты рыцарь из Фейери, превратившийся в человека, чтобы проверить и наказать за болтовню мой любопытный язык? Однако, славный рыцарь, никак не может он удержаться, чтобы не спросить о том, как тебя величать. Нет, нет, не нужно настоящего имени, зачем открывать его такой старой никчемной нищенке, которая годится только на то, чтобы зря молоть языком, но хоть какое-то имя, чтобы я могла обращаться к тебе согласно приличиям и с надлежащим почтением.

— Хольгер Карлсен, — сказал он.

Она буквально подпрыгнула, едва не опрокинув котел.

— Как? Как ты сказал, славный рыцарь?

В чем дело? Может, его разыскивают? Может, это какая-нибудь дикая окраина Германии? Он нащупал рукоятку стилета, который на всякий случай сунул за пояс.

— Хольгер Карлсен! Что тебя удивляет?

— Ох!.. Н-н-ничего, милостивый господин. — Мать Герда отвела глаза, и тут же вновь выстрелила в него зорким снайперским взглядом. — Только то, что и Хольгер, и Карл — это, прямо сказать, очень громкие имена, как ты и сам знаешь, однако, если говорить напрямик, я никогда не слыхивала, чтобы один из них был сыном другого, ибо их отцами, как известно, были Пепин Годфред и... или, точнее, я хотела сказать совсем другое... Конечно, в некотором смысле король — всегда отец своего вассала и...

— Я не имею отношения к этим джентльменам, — оборвал ее Хольгер. — Это случайное совпадение.

Она как будто успокоилась и выловила для него из котла кус вареного мяса. Он не заставил себя упрашивать и налег на еду, не мороча голову мыслями о заразе или отраве. Старуха выложила на стол хлеб и сыр, и он нарезал их стилетом. Венчала меню кружка исключительно хорошего пива. Расправившись со всем этим, он сказал:

— Благодарю. Ты спасла меня от голодной смерти.

— Что ты, что ты, рыцарь, мне стыдно, что я подала тебе такую еду, тебе, который, конечно, не раз и не два делил трапезу с королями и герцогами под музыку и песни менестрелей, и хотя я совсем стара и не очень искусна, но в твою честь, если пожелаешь, тоже могла бы спеть и...

— У тебя отменное пиво, Мать Герда, — поспешно прервал ее Хольгер. — Я никогда не пивал пива этого сорта. Кажется...

Он хотел сказать: «Кажется местный пивной завод просто чудом миновала громкая слава». Но старуха, хихикнув, перебила его:

— Ох, благородный сэр Хольгер, ты не простой рыцарь, и если ты даже и не из высшей знати, то человек ты опытный и проницательный. Мигом раскусил маленький фокус бедной старухи. И хотя добрые христиане вроде тебя чураются всякой магии и зовут ее измышлениями дьявола, но, по правде сказать, моя ворожба почти что то же самое, что и чудотворные деяния святых угодников, которые творят чудеса как для язычников, так и для христиан. Ты, конечно, должен понять, что здесь, на краю света, ну никак не обойтись без капельки

магии — больше для защиты от сил Срединного Мира, чем ради барыша, и в своей милости ты не станешь требовать сжечь бедную, но добронравную старуху за то, что она чуточку поворожила над кружечкой пива, дабы оно лучше грело ее старые кости в холодные зимние ночи, в то время как столько могущественных волшебников, ничуть не опасаясь справедливой кары, у всех на виду прямо-таки торгуют черной магией...

«Так она, выходит, ведьма? — подумал Хольгер. — А мне и в голову не пришло... Но что это она заговаривает мне зубы? И зачем без конца кривляется?» Он перестал слушать ее болтовню. Новая мысль поразила его. Он с удивлением прислушался к собственной речи. Он разговаривал со старухой на странном языке, твердом и звучном, похожем на старофранцузский с примесью немецкого. Вероятно, он сумел бы прочитать на нем какой-нибудь текст, с большим трудом, разумеется, однако никогда раньше не сумел бы говорить на нем с такой легкостью, с которой он сейчас говорил. Странно. Значит, способ, с помощью которого он совершил путешествие в... неизвестно куда, вооружил его знанием местного диалекта.

Он никогда не увлекался чтивом вроде научной фантастики, однако цепь всех этих странных событий все больше наводила его на мысль, что в результате какого-то невероятного воздействия он оказался в прошлом. Тут и эта убогая хижина, и старуха, которая восприняла его рыцарскую экипировку как нечто само собой разумеющееся, и этот язык, и безбрежный заповедный лес... Ну хорошо, предположим. Но что это за страна? В Скандинавии так не говорили. Германия? Франция? Англия?.. Но если он оказался в средневековой Европе, то что здесь делает лев? И что означают вырвавшиеся у старухи слова о стране Фейери?

Нет, эти вопросы нужно задавать не себе, а просто спросить напрямик.

— Мать Герда... — начал он.

— Да, благородный рыцарь? Каждое твое желание, которое я смогу выполнить, сделает моему дому честь, а потому только прикажи, а уж я расстараюсь на все, что в моих слабых силах, лишь бы ты остался доволен. Она погладила кота, все так же пристально пялящегося на Хольгера.

— Можешь ты мне сказать, какой сейчас год?

— Ох, и дивные вопросы задаешь ты мне, славный рыцарь, хотя виной тому, может быть, рана на твоей голове, которую получил ты, конечно, в ужасной битве с каким-ни-

будь великаном или чудовищем-троллем, она, наверно, и замутила немного память моего благодетеля. Но, по правде сказать, хоть это и постыдно, признаюсь тебе, что счет годам я уже давно не веду, тем более, что это и невозможно здесь, на краю света, где...

— Ну ладно. А что это за страна? Чье это королевство?

— Воистину, славный рыцарь, ты задаешь вопросы, над которыми бились многие мудрецы, а уж сколько ратников из-за них перебило друг друга! Хе-хе! Уж не знаю, с каких времен спорят об этих границах человеческие цари и властелины Срединного Мира, сколько здесь бушевало войн и творилось всякого чернокнижья; могу только сказать, что и Фейери, и Империя претендуют на эти земли, но никто им не господин, хотя и прав на них, конечно же, у людей больше: ведь только наш род здесь укоренился. Право на эти земли отстаивают и сарацины, ведь их Махоунд был родом из местных злых духов, как говорят. Что, Грималькин? — она погладила по спине поднявшегося на лапы кота.

— Значит... — терпение Хольгера лопалось. — Где же я могу найти людей... ммм... христиан... которые смогут помочь мне? Где тут ближайший король, герцог или кто-нибудь в этом роде?

— Есть тут город, и не так уж до него далеко, всего несколько миль, — сказала старуха. — Однако я должна предостеречь тебя, рыцарь, что пространство здесь, как и время, пречудесно искривлено чернокнижьем, и часто бывает, что место, к которому ты направляешься, находится совсем рядом, а только вдруг оно или провалится, или посыплются на тебя всякие напасти, так что ты запутаешься и не будешь знать, какую тебе выбрать дорогу, и откуда ты шел...

Хольгер сдался и записал себе поражение. Либо перед ним сумасшедшая, либо ведьма его дурачит. В любом случае рассчитывать на полезную информацию не приходится.

— Однако, если ты не побрезгуешь добрым советом, — внезапно произнесла Герда, — разумеется, не моим, потому что от такой рухляди уже никакого толку, и не Грималькина, который хоть и ужасно ловок, но от рождения нем, то можно попробовать такой добрый совет испросить, а вместе с тем разведать и способ, который выгнал бы из тебя порчу и вернул здоровье и память. Только не гневайся, ибо я хочу предложить тебе чуточку магии, и она у меня совсем белая... Или серая на худой конец, ты ведь сам видишь, что я не могущественная волшебница, иначе разве ходила бы в этих лохмотьях и жила в такой развалюхе? Нет, дворец из чистого золота — вот что

приличествовало бы мне, а тебе прислуживала бы сейчас челядь. Поэтому если я сейчас, по твоему повелению, вызову духа, маленького, совсем крошечного духа, то он поведает тебе обо всем, что тебя волнует и о чем напрасно пытать меня.

Хольгер поднял брови. Кажется, все ясно. Чокнутая. Лучше поддакивать, если он намерен провести ночь с нею под одной крышей.

— Как пожелаешь, Мать Герда.

— Ты и впрямь, рыцарь, из неведомых стран, если даже не перекрестился. Только иные рыцари, хоть и сотворят крест, да зато уж потребуют, чтобы подали им самого Князя Тьмы, да с таким нетерпением, будто не жаль им своих горемычных душ, которым гореть за это вечно в адском огне. Конечно, они не такие уж праведники, однако для Империи и они пригодятся, коли других не сыщешь в этих Богом забытых краях. Ты не из таких, сэр Хольгер, так что как не задать тут вопрос: а не из Фейери ли ты в самом деле? Но молчу, молчу — попытаем счастья у духов, хотя должна тебя предостеречь, что они на редкость капризны и могут вообще ничего не ответить или ответить так, что понять это будет непросто.

Герда взялась за крышку сундука, и кот спрыгнул на пол. Она достала треногу и котелок, установила их и всыпала в котелок какой-то порошок из склянки. В ее руке появилась короткая палочка, выточенная, похоже, из черного дерева и слоновой кости. Бормоча что-то и бурно жестикулируя, она начертала палочкой на полу две концентрические окружности и вместе с котом встала между ними.

— Этот внутренний круг, — объяснила она, — для того, чтобы удержать духа, а внешний — чтобы не дать ему вырваться, ибо он может разбушеваться сверх меры, особенно, если вызов окажется для него нежелательным. И я должна просить тебя, рыцарь, не молиться и не творить крестное знамение, ибо в этом случае демон без промедления сгинет, причем, в страшном гневе.

— Ладно, начинай, — сказал Хольгер.

Она затянула заунывный напев и стала приплясывать, не выходя из очерченного круга, и Хольгеру показалось, что он уже где-то слышал это странное пение. «Амен, амен...», — пела она. Слова тоже были знакомы. «Мало а нос либера сед...» Мурашки побежали по спине Хольгера. Латинские слова сменились каким-то кудахтаньем, в котором нельзя было разобрать ни единого слова. Потом она коснулась палочкой котла, и из него повалил густой белый дым. Клуб дыма рос и рос, но — фантастика! — не выходил за пределы внутреннего круга.

— О Велиаал, Ваал Зебуб, Абуддон, Асмадей! — заклинала старуха. — Самиэль, Самиэль, Самиэль!

Дым стал густеть и окрасился в красный цвет, почти целиком скрыв от Хольгера фигуру старухи. Он привстал с табуретки. Ему показалось, что над котлом нависло нечто змееобразное, полупрозрачное... О, небо! Он увидел, как вспыхнули пурпурные глаза и это нечто оформилось в человеческую фигуру!

Он не верил себе: существо из дыма заговорило свистящим шепотом, старуха отвечала ему на непонятном языке. Чревовещание? Галлюцинация, порожденная его утомленным мозгом? Конечно, галлюцинация, и ничего больше! Папиллон за стеной тревожно заржал и стал бить копытом. Хольгер случайно прикоснулся к стилету — лезвие было горячим. Значит, магия, рассудил он, возбуждает в металле циркуляционные токи!

Существо шелестело, ухало, корчилось. Хольгеру показалось, что их разговор со старухой длится уже целую вечность.

Наконец старуха подняла палочку и снова запела. Существо стало таять. Дым начал втягиваться обратно в котел. Хольгер сипло выругался и потянулся за пивом.

Когда дым полностью исчез в котле, старуха покинула круг. Ее лицо казалось бесстрастным, глаза были полуприкрыты. Однако от взгляда Хольгера не укрылось, что она вся дрожит. Кот, подняв хвост, выгибал спину и шипел.

— Престранный ответ, — пробормотала старуха. — Престранный ответ дал мне демон...

Хольгер с трудом выдавил из себя:

— Что он сказал?

— Он поведал... Самиэль поведал, что ты прибыл издалека, из такой дали, что человек мог бы идти и идти бесконечно, хоть до Судного дня, но никогда не достиг бы твоего дома. Так ли это?

— Так, — ответил Хольгер. — Да, я думаю, это так.

— И еще он поведал, что из катавасии, в которую ты угодил, выбраться сможешь только тогда, когда попадешь в Фейери. А значит, туда лежит тебе путь, сэр Хольгер. В Фейери.

Хольгеру это ничего не говорило.

— Не так страшна Фейери, как ее малюют, — хохотнула старуха. — И если уж вовсе начистоту, то сама я не из злейших врагов герцога Альфрика, самого сиятельного из всех рыцарей Фейери. Он немного чванлив, как и весь его род, но тебе он поможет, коли ты испросишь у него милости, — так поведал мне демон. А я сегодня похлопочу о проводнике, чтобы ты

мог туда добраться без проволочек.

— Сколько это будет?.. — Хольгер запнулся. — Дело в том, что я не могу заплатить много.

— Совсем ничего, — махнула рукой старуха. — Может, зачтется при случае мне добрый поступок, когда покину я этот мир для мира иного. К тому же, что может быть приятнее для бедной старухи, чем угодить такому красавцу? Эх, было время, да сплыло... Ну и ладно об этом. Дай-ка мне поглядеть твою рану, а после ступай в постель.

Хольгер, стиснув зубы, терпел, пока она промывала рану и накладывала компресс из трав, бормоча при этом заклинания. Он был так измучен, что готов был вытерпеть что угодно. Однако у него хватило благоразумия отказаться от предложения занять ее тюфяк: он предпочел охапку сена в конюшне, рядом с бдительным Папиллоном. Нельзя бесконечно искушать судьбу. И так его занесло, по меньшей мере, в диковинное место.

ГЛАВА 3

Хольгер проснулся и какое-то время лежал с закрытыми глазами, припоминая, что с ним произошло накануне. Потом вскочил на ноги и осмотрелся.

Итак, он провел ночь в конюшне. Допотопное сумрачное строение, пропитанное запахом навоза и сена. Черный конь, тянущий губы к его ладони... Он отряхнул одежду от приставших травинок. Отворилась дверь, и полумрак прорезал луч солнца.

— Добрый день тебе, славный рыцарь, — пропела Мать Герда. — Вот уж кто спал сегодня сном праведника, как говорится, хотя я за свою жизнь видала не один десяток добрых людей, которых по ночам терзала бессонница, и людей подлых, от храпа которых ходила ходуном крыша. У меня рука не поднималась будить тебя. Иди, взгляни, что тебя поджидает.

Оказалось, его поджидала миска овсянки с хлебом, сыр, пиво и кусок недоваренной свинины. Хольгера не нужно было долго упрашивать, но, расправившись с завтраком, он с тоской подумал о сигарете и кофе. К счастью, тяготы военного времени научили его довольствоваться малым. Он энергично умылся в корыте, стоящем на улице, и почувствовал себя совсем неплохо.

Когда он вернулся в хижину, оказалось, гостей в ней прибавилось. Правда, Хольгер обнаружил это только тогда,

когда кто-то дернул его за штанину и прогудел низким басом:

— А вот и я!

Хольгер опустил глаза и увидел коренастого человечка с темным земли́стым лицом, ушами, как ручки пивной кружки, носом-туфлей и белой бородой.

Человечек был одет в коричневую куртку, такие же штаны, но при этом бос. Роста в нем не было и трех футов.

— Это Хуги, — сказала Мать Герда. — Он будет твоим проводником.

— Э-э-э... очень приятно, — отозвался Хольгер.

Он взял карлика за руку и потряс ее, от чего тот просто остолбенел.

— Пора в путь! — весело воскликнула старуха. — Солнце уже высоко, а вас ожидает долгая дорога, чреватая напастями. Но не страшись их, сэр Хольгер. Лесной народ — а Хуги из их рода-племени — знает, как избегать нежелательных встреч. — Она протянула ему холщовый мешок. — Я собрала тут немного мяса и хлеба и еще кое-чего: уж я-то знаю, как вы о себе заботитесь, благородные паладины, странствующие по белу свету и прославляющие имена своих дам. Разве помыслите вы о том, чтобы припасти что-нибудь на обед? Ах, будь я молодкой, я бы и сама об этом не думала, ибо когда мир цветет, то живот не в счет, только теперь, в мои годы, о чем другом еще и помнить бедной старухе?

— Спасибо, Мать Герда, — смущенно поблагодарил Хольгер.

Он шагнул к выходу, но Хуги неожиданно вцепился в его штанину.

— Ты что? — пробасил он. — Замыслил в лес ехать в одной рубашонке? В чащобе этой найдется немало лихих людей, которые будут рады-радешеньки проткнуть ножичком богатого путника.

Мать Герда ухмыльнулась и заковыляла к двери. Хольгер распаковал свой тюк, и Хуги помог ему облачиться.

Толстый кафтан, кожаные наколенники. Потом кольчуга — звонкая и тяжелая. Ремни... Этот, кажется, на пояс, за него можно заткнуть стилет. Этот — через плечо, на нем висит меч. Пикейная шапочка, сверху шлем. Золоченые шпоры. Пурпурный плащ... Хольгер никак не мог решить: франтом или идиотом он сейчас выглядит?

— Доброго пути, сэр Хольгер, — напутствовала его Мать Герда, когда он вышел во двор.

Знать бы, как в этих краях принято выражать благодарность!

— Я... помяну тебя в своих молитвах, — промямлил он.

— Помяни, сэр Хольгер, помяни, — со смешком отозвалась старуха и скрылась в хижине.

Хуги подтянул штаны.

— Идем, что ли? — буркнул он. — А то слов много, а дела мало. И если кому надо в Фейери, то ему давно пора быть в седле.

Хольгер вскарабкался на Папиллона и усадил карлика впереди.

— Едем туда, — указал тот рукой на восток. — Не будем мешкать, так денька за два-три доберемся до замка Альфрика.

Они тронулись, и вскоре вновь вступили в лес. Хижина старухи скрылась за деревьями. Тропа, возможно, звериная, была довольно широкой и достаточно прямой. Шумела листа, распевали птицы, копыта стучали о землю, скрипели подпруги и позванивало железо. Воздух был чист и прозрачен.

Хольгер вспомнил о своей ране: голова не болела, старухины снадобья в самом деле оказались волшебными. М-да... Вся эта история, в которую его угораздило... Сосредоточимся. И порассуждаем. Итак, каким-то неведомым образом он перенесен в другое время, если не в другое пространство. Если это, конечно, не сон. Он находится в мире, в котором имеется по крайней мере одна настоящая ведьма, один натуральный гном и один некто по имени Самиэль — дух или демон, или что-то подобное. Не исключено, что в окружающем его мире это рядовые явления. Что из этого следует?

Рассуждать логично было совсем не просто. Нелепая ситуация, в которой он оказался, навязчивые мысли о доме и легкая паника (не останется ли он здесь навсегда?) — все это заставляло его мысли крутиться в какой-то дьявольской карусели. Перед его взором вставали, как наяву, изящные шпили Копенгагена, заросли вереска на берегу Ютландии, небоскребы Нью-Йорка и золотая дымка над Сан-Франциско, и вереница милых подружек, и миллион мелочей, которые окружали его в повседневной жизни. Ему хотелось кричать, звать на помощь, бежать со всех ног туда, где мирно стоит его дом... Нет, об этом лучше не думать. Не думать об этом! Будем думать о том, как приспособиться к изменившимся обстоятельствам. И если герцог из Фейери — будь это место хоть самой преисподней! — способен ему помочь, едем к герцогу! Хоть какая-то, но надежда. А пока остается благодарить судьбу хотя бы за то, что весь этот кошмарный бред каким-то чудом еще не помутил его разума.

Хольгер оглядел своего проводника.

— Я очень тебе благодарен, — сказал он. — Как я с тобой рассчитаюсь?

— О чем речь, — отвечал Хуги. — Я ведь стараюсь ради ведьмы. Не то, чтобы я был ее слугой. Мы, лесные, только подсобляем ей время от времени: дровишек подкинуть, воды там наносить или еще что по хозяйству. Не задаром, конечно. Слов нет, не шибко я ее, сову старую, праздную, однако пиво у нее хоть куда.

— Мне она показалась... весьма любезной...

— Да уж, язык-то у нее без костей, и стелет она мягче некуда, когда пожелает, — ухмыльнулся Хуги. — Вот так же охмурила она и младого сэра Магнуса, когда его сюда нелегкая занесла. Да ведь она якшается с черным искусством! Ловка она в нем, ловка, хоть и не больно сильна: вызвать пару демонов средней руки, да и те то соврут, то напутают, — вот и все, на что она способна. Помню, — вновь усмехнулся он, — как-то раз один крестьянин из Вестердейла залил ей сала за воротник, так она поклялась, что напустит на его хлеб спорынью. Да то ли он хлеб святой водой окропил, то ли ее ворожба была хилой, только кончилось все тем, что она тужилась-тужилась, кряхтела-кряхтела, да так ничего и не выворожила, разве что хлеба малость помяло градом. Вот они спешат угождать господам из Срединного Мира, все чает, что ей от них хоть какая милость перепадет, да только до сих пор что-то не видать для нее корысти.

— Что же случилось с сэром Магнусом? — спросил Хольгер.

— Да много чего. А в конце концов его сожрал крокодил.

Потом они долго ехали молча. Хольгер прервал молчание первым и спросил, что представляет собой лесной народ и чем он занимается. Хуги охотно отвечал, что народ его живет в лесах, а леса тут бескрайние, что кормится грибами да орехами, да разной лесной всячиной, и что дружит с малым лесным зверьем — кроликами и белками. Что нет у них способностей к магии, как у жителей Фейери, но зато нет и страха перед крестом и железом.

— А до всяких там войн и сражений, что не редкость в этих краях, нам и дела нет, — говорил он. — У нас свои правила, а на небесах и в аду, в Империи и Фейери — свои, как кому больше нравится. И пусть все эти господа друг друга в конце концов хоть перебьют, хоть перетопят, а у нас все как оно есть, так и останется. Чтоб их приподняло и треснуло!

Очевидно, подумал Хольгер, их раса за что-то сильно обижена и на людей, и на жителей Срединного Мира.

— Что-то я не понимаю, — усомнился он. — Если на Мать Герду положиться нельзя, то зачем мы по ее совету едем в Фейери?

— Вот именно, — пожал плечами Хуги. — Правда, я не сказал, что творит она только зло. Если нет у нее на тебя обиды, то отчего ж не помочь советом? Глядишь, и облагодетельствует тебя герцог Альфрик, коли развлечется загадкой, какую, сдается мне, ты ему загадаешь. Они там сами про себя наперед ничего сказать не могут. Живут в мерзости и потому в войне на стороне Темного Хаоса стоят.

Эти новые сведения для Хольгера ничего не прояснили. Пока что Фейери была для него единственной надеждой на возвращение, но в равной степени могло оказаться, что его загоняют в ловушку. Хотя зачем кому-то морочить себе голову и вредить неведомому чужестранцу, тем более, что у него ни гроша за душой?

— Хуги, — спросил он, — разве ты будешь рад, если я попаду в переделку?

— Зачем? Ты мне не враг. К тому же я вижу, что ты человек хороший, не то что некоторые, с которыми мне приходилось иметь дело. — он сплюнул. — Что там у Герды на уме, мне до одного места. Говорю, что знаю, вот и все, мое дело маленькое. Тебе надо в Фейери — пожалуйста, я провожу.

— И чем это для меня кончится, тебе безразлично, так?

— Ага. Меня научили не совать нос в чужие дела.

Карлик явно имел в виду какую-то старую обиду. Сделать из него союзника, подумал Хольгер, будет не так уж сложно.

— По-моему, — сказал он, — в узелке что-то булькает. А у меня пересохло в горле. Остановимся.

Хуги облизнулся. Они развязали подаренный мешок и обнаружили несколько глиняных фляг. Хольгер открыл одну из них и протянул карлику. Хуги опешил. Однако чувство субординации оказалось слабее любви к пиву, и он, махнув рукой, поднял флягу и приложился к ней от всего сердца. Опорожнив ее наполовину, он с трудом оторвался, отрыгнул и протянул пиво Хольгеру.

Пустая фляга полетела в траву. Они двинулись дальше.

— Диковинные у тебя манеры, сэр Хольгер, — после долгого молчания произнес Хуги. — Ты, пожалуй, не из императорских рыцарей, но, вроде бы, и не сарацин.

— Да, — кивнул Хольгер. — Я из очень далекой страны. У меня на родине считается, что между людьми нет особой разницы.

Глазки гнома удивленно сверкнули.

— Ужасные вещи ты говоришь. Кто же правит страной, где все равны — и господин, и простолюдин?

— Каждый имеет право голоса, когда нужно что-то решить.

— Быть того не может! Из этого выйдет одна болтовня и ни капли толку.

— У нас в этом деле порядочный опыт. Видишь ли, потомственные монархи слишком часто оказывались или глупцами, или садистами, или рохлями. В конце концов мы решили, что хуже без них не будет. В моей стране есть король, но он ничего не решает, а только как бы хранит традицию. А другие страны вообще избавились от королей.

— Хм! Престранные вещи... И, по правде говоря... Сдается мне... Уж не из сил ли ты Хаоса?

— Кстати, — сказал Хольгер, — что такое Хаос? Мне почти ничего неизвестно о ваших странах. Ты не мог бы мне рассказать?

Гнома не пришлось долго упрашивать, но из щедрого потока красноречия Хольгер выудил весьма скудные сведения: Хуги не блистал умом и вдобавок был закоренелым провинциалом. Главное, что определяло законы этого мира, была бесконечная война между изначальными силами Хаоса и Порядка. Но что это были за силы? Какова их природа? Во всяком случае, Хольгер понял, что на стороне Порядка в основном выступали люди. Правда, не все: некоторые из них, одни по недомыслию, другие — ведьмы и чернокнижники — из корысти, продались Хаосу. И наоборот, кое-кто из нелюдей поддерживал Порядок. Лагерь Хаоса составлял весь Срединный Мир, в который, как понял Хольгер, входили страны Фейери, Тролльхейм, а также страна великанов. Мир Порядка зиждился на принципах гармонии, любви и свободы, которые были ненавистны обитателям Срединного Мира. И потому они изо всех сил стремились разрушить Мир Порядка и подмять его под себя. Хаос не брезговал ничем, и особенно на руку ему были войны, которые люди вели между собой. Примером тому — война сарацинов и Империи.

Все это было для Хольгера мистикой и абракадаброй, но когда он пытался вытащить из Хуги более конкретные сведения, тот отвечал еще более туманно. Хольгер узнал лишь то, что земли людей, где правил Порядок, лежат на западе. Они разделены на Святую Империю христиан, страну сарацинов и отдельные королевства. Ближайшая страна Срединного Мира — Фейери — лежит к востоку, а район, где они находятся сейчас, — ничейный и спорный.

— В стародавние времена, — рассказывал Хуги, — сразу после Упадка, почти везде царил Хаос. Ну, стали его теснить — шаг за шагом. Дальше всего оттеснили, когда пришел Избавитель, однако же до конца с ним совладать не смогли. А нынче ходят такие слухи, что Хаос опять силу набрал и большую войну готовит.

...Что тут вздор, а что истина, выяснить удастся не скоро. Во всяком случае любопытно то, что у этого мира, кажется, много общего с миром Хольгера, так что они не могут не иметь каких-то связей. Очевидно, время от времени они как-то пересекаются, кто-то проваливается в параллельный мир, а потом возвращается с рассказами, которые затем превращаются в легенды и мифы. Выходит, для чудовищ из мифов здесь родина? М-да... Вообразив себе некоторых из них, Хольгер от всего сердца пожелал себе, чтобы эта догадка не подтвердилась.

Встреча с огнедышащим драконом или с великаном о трех головах — как бы они ни были интересны с точки зрения зоологии — вовсе ему не улыбалась.

— Ну и вот еще что, — сказал Хуги. — Крест свой нательный, если ты его носишь, и оружие железное придется тебе оставить за воротами. Также и молитв в замке нельзя читать. Господа из Фейери, конечно, против них бессильны, однако коли ты к ним прибегнешь, они отомстят и способ отыщут, чтобы на тебя злые чары наслать.

Атеистам, кажется, здесь делать нечего. Хольгер был крещен в лютеранской церкви, но уже много лет не переступал порог храма.

Хуги продолжал болтать без умолку. Хольгер из вежливости поддакивал. В конце концов их беседа вылилась в обмен анекдотами, и Хольгер выложил все плоские остроты, какие смог припомнить. Хуги рычал от смеха.

На берегу живописного ручья они остановились пообедать. Хольгер сел на камень. Хуги неожиданно положил ему на плечо руку и сказал:

— Сэр рыцарь! Я хотел бы, если ты не против, кое-что тебе посоветовать.

Итак, тактика Хольгера увенчалась успехом.

— С удовольствием воспользуюсь твоим советом, — ответил он.

— Я все думаю, как тебе быть. Может, ехать в Фейери, как насоветовала ведьма, а может, побыстрее повернуть в обратную сторону? И ничего путного придумать я не могу. Только одно: знаю я в здешнем лесу кое-кого, кто поумнее меня

и кому все слухи-новости ведомы...

— Ты хочешь устроить мне с ним встречу?

— С ней, а не с ним. Первого встречного я бы, понятно, к ней не повел, в головах у них одна только похоть, а она это не жалует. Ты — другое дело... Да! Проведу тебя к ней!

— Спасибо, друг. Может, и я когда-нибудь смогу тебе услужить.

— Пустяки, — буркнул Хуги. — Ты вот что... При ней поделикатнее, что ли...

ГЛАВА 4

Они повернули на север. Хуги разоткровенничался и теперь угощал Хольгера длинной вереницей воспоминаний о своих амурах с женщинами своего народа. Хольгер слушал вполуха, изображая восхищение, которого подвиги Хуги, несомненно, заслуживали бы, будь они правдой хотя бы наполовину.

Дорога стала подниматься вверх, лес поредел. По сторонам открывались поляны, залитые солнцем, напоенные ароматом полевых цветов, между деревьями дыбились серые валуны, порой лес расступался и открывался вид на синеющие вдали горы. Тропу то и дело пересекали ручейки, со звоном струящиеся в долину, украшенные миниатюрными радугами на перепадах. Срывались с ветвей, как изумрудные молнии, зимородки, высоко в небе парили ястребы и орлы, гомон диких гусей доносился из озерного камыша. Мелькнул заяц, тропу пересек олень, в кустарнике фыркала медвежья парочка. Светлые тени белых облаков бежали, как волны, по цветущим лугам, ветерок освежал лицо. Путешествовать по этому краю было подлинным наслаждением. Даже тяжеловесная рыцарская экипировка уже не казалась Хольгеру обременительной и дурацкой.

А из глубин его подсознания всплывали туманные воспоминания о том, что в этих местах он когда-то уже бывал. Или это напомнило ему Альпы? Пожалуй, нет. Высокогорные луга в Норвегии? Тоже нет. И дело, кажется, не во внешнем сходстве. Он бывал именно здесь! Но эта мысль была настолько дикой, что он постарался отбросить ее.

И все-таки, если переход в этот мир вооружил его знанием неизвестного языка, то не исключено, что его мозг может выкинуть и другие шутки. А может, в его теле просто оказалось чужое сознание? Он внимательно осмотрел свои ладони, крепкие длинные пальцы, ощупал нос, горбинку на

котором оставил ему на память тот великий день, когда они разнесли команду политеха (счет 38:24). Нет, он это он. И, кстати, настоятельно нуждается в бритве.

Солнце уже клонилось к закату, когда они выехали на пологий берег обширного озера. Из камышей поднялась в воздух стая диких уток.

— Туточки, — сказал Хуги. — Уф! Мой бедный зад. — Он спрыгнул с коня и потер ягодицы.

Хольгер спешился. Стреноживать верного, как пес, Папиллона не было надобности, он только перебросил поводья на луку седла. Жеребец потянулся к сочной траве.

— Надо ее подождать, — пробурчал Хуги. — У нее здесь гнездо. А коли ждать, быстрее получится, если промочить горло.

Хольгер извлек из мешка еще одну флягу.

— Ты мне так и не рассказал, кто она?

— Алианора-то? Дева она, лебедь, — ответил гном и сделал огромный глоток. — Летает себе по лесам и собирает наши слухи да новости — кто шепнет, кто крикнет. Мы тут все ее любим. Уф! Может, ведьма из старой Герды и никакая, но пиво у нее — как ни у кого другого.

Папиллон заржал. Хольгер обернулся и увидел гибкое пятнистое тело, скользящее к озеру. Леопард!

Мгновенье — и он уже, готовый к сражению, сжимал в руке меч.

— Не надо! Не надо! — Хуги попытался схватить его за руку. — Он мирный. Он не нападет, если его не трогать.

Леопард застыл и устремил на них холодный желтый взгляд. Хольгер вернул меч в ножны. Над головой зашумели большие крылья.

— Она, она! — закричал Хуги и принялся прыгать и размахивать руками. — Э-ге-гей! Давай сюда, к нам!

С неба упал лебедь. Такой огромной птицы Хольгер еще не видел. Лучи солнца золотили красивое оперение.

Хольгер неуверенно шагнул вперед, как принято представляться в подобных случаях. Птица взмахнула крыльями и отлетела в сторону.

— Не бойся, Алианора, не бойся! — выбежал вперед Хуги. — Это страсть какой благородный рыцарь, он хочет только кое-что у тебя спросить.

Лебедь встрепенулся, вытянул шею, раскинул крылья и поднялся во весь рост. И — Боже! — тело прямо на глазах стало удлиняться, шея — укорачиваться, крылья — утончаться... Хольгер перекрестился.

И вот вместо лебедя перед ним стоит женщина!

Нет — девушка! Не старше восемнадцати лет: стройная и высокая, загорелая, с каштановыми волосами, свободно падающими на плечи, большими серыми глазами, нежным ртом и россыпью редких веснушек на вздернутом носике — загляденье! Хольгер понял, что нужно делать: он расстегнул шлем, снял его, сдернул шапочку и поклонился.

Она робко шагнула ему навстречу. Ее длинные ресницы дрогнули. Весь ее наряд состоял из короткой туники без рукавов, сшитой, казалось, из перьев и плотно облегающей тело. Босые ступни тонули в траве.

— Стало быть, это ты, Хуги, — произнесла она. В ее низком контральто звучали те же, что и у Хуги, гортанные нотки. — Привет тебе. И тебе привет, сэр рыцарь, друг моего друга.

Леопард подошел к ней, сел и уставился на Хольгера подозрительным взглядом. Алианора улыбнулась и потрепала его по шее. Он потерся мордой о ее колено и заурчал, как дизельный двигатель.

— Этого длинного молодца звать сэром Хольгером, — объявил Хуги важно. — А ты, сэр рыцарь, понятное дело, видишь перед собой деву-лебедь. А потому пора подкрепиться. — И гном вновь приложился к фляге.

— Гм! — Хольгер не знал, что говорить. — Для меня большое счастье познакомиться с тобой, благородная госпожа.

Девушка явно продолжала его опасаться, и Хольгер решил, что следует вести себя как можно более учтиво.

— О нет, — улыбнулась она. — Это для меня счастье. Не часто я встречаюсь с людьми, а тем более с такими мужественными воинами.

Она не кокетничала — только соревновалась с ним в галантности.

— Так будем мы ужинать или нет? — подал голос Хуги. — У меня кишка к кишке прилипает.

Они расположились на траве. Алианора грызла черный хлеб с таким же, как и гном, удовольствием. Ели молча. Солнце уже падало за лес, и тени стали такими длинными, словно старались дотянуться до противоположного горизонта. Когда все было съедено, Алианора обратилась к Хольгеру:

— Один человек ищет тебя, сэр рыцарь. Сарацин. Он твой друг?

— Что?.. Сарацин? — растерялся Хольгер. — Пожалуй... Я прибыл издалека и никого здесь не знаю... Ты, верно, ошиблась...

— Может быть, — улыбнулась Алианора. — А что привело тебя ко мне?

Хольгер кратко рассказал об истории с ведьмой и своих затруднениях. Девушка нахмурилась.

— Ты полагаешь, что мне лучше не встречаться с герцогом Альфриком?

— Этого я не сказала. В Фейери я никого не знаю. Кое с кем из Срединного Мира я знакома, но с теми, кто попроще, — с домовыми и кобольдами, и несколькими русалками.

Хольгер почесал затылок. Опять двадцать пять! Едва только он сумел убедить себя, что он в своем уме, что ситуация, в которой он очутился, хотя и выглядит фантастичной, но все же может быть научно объяснена, как они опять за свое: плетут о сверхъестественном с таким видом, словно говорят о соседе по лестничной клетке.

Хотя... Может быть, оно и впрямь по соседству с этой поляной! Ладно! Разве он не видел собственными глазами, как полчаса назад лебедь стал человеком?

Его смятение осталось незамеченным, но от этого он почему-то почувствовал себя чудовищно одиноким. Нет, не нужно проклятий. Или рыданий. Благоразумие — прежде всего. Он помедлил и спросил:

— Не могла бы ты подробнее рассказать мне о сарацине?

— Ах, о нем... — девушка, не отрываясь, наблюдала за полыхающей на закате гладью озера. В воздухе носились ласточки. — Сама я не видела его, но лес полон разговоров о нем. Кроты бормочут в своих норах, шепчутся барсуки, зимородки и вороны кричат об этом повсюду. Вот я и узнала, что уже не одну неделю кочует по здешним местам одинокий рыцарь, сарацин по оружию и внешности. И всех спрашивает о христианском рыцаре. Никто не знает, зачем он ищет его, только тот в его описаниях похож на тебя: гигант со светлыми волосами, верхом на черном коне, и герб у него... — Она взглянула на Папиллона. — Твой щит в чехле. Герб, о котором он говорит, — это три сердца и три льва.

Хольгер вздрогнул.

— Но я не знаю никакого сарацина! — воскликнул он. — Вообще никого здесь не знаю. Я попал сюда из таких мест, о которых вы не имеете и представления...

— Может, это враг, ищущий твоей смерти? — с интересом полюбопытствовал Хуги.

— Я сказал, что не знаю его! — с раздражением воскликнул Хольгер и спохватился. — Извините... Я не в своей тарелке...

Алианора тихо рассмеялась.

— Не в своей тарелке? Как смешно!

Хольгер отметил про себя, что банальности его мира могут сходить здесь за острословие.

Однако вернемся к сарацину. Кто он такой, черт побери! Единственным мусульманином, с которым он был знаком, был когда-то его сокурсник — робкий, маленький сириец в больших очках. Этот «сарацин» не пустится на его поиски, тем более напялив на голову консервную банку.

Важно, что его, Хольгера, путают с кем-то, у кого такой же конь и похожая внешность. И это может грозить неприятностями. Так что лучше держаться от сарацина подальше.

— Решено. Я еду в Фейери, — заявил он.

— Решено? — глухо переспросила Алианора. — А на чьей ты стороне — Хаоса или Порядка?

Хольгер пожал плечами.

— Ответь, — настаивала она. — Я не умею предавать.

— Порядка, я полагаю, — подумав, ответил он. — Хотя что он здесь означает?

— Я почувствовала, — сказала Алианора. — Я ведь тоже из человеческого рода. И хотя сторонники Порядка порой и пьяницы, и невежи, но их дело все равно ближе мне, чем дело Хаоса. Я тоже решила — я еду с тобой, сэр рыцарь. Возможно, я принесу тебе пользу.

Хольгер собрался возразить, но она решительно подняла тонкую руку:

— Нет, нет, решено. Это не так уж опасно для меня: я умею летать.

Спускалась ночь, звездная и росистая. Хольгер снял с Папиллона попону и расстелил на земле. Алианора заявила, что будет спать на дереве, и удалилась. Хольгер лег. Звезды горели над головой. Он узнал знакомые созвездия: над ним было летнее небо Северной Европы. Однако, сколько отсюда миль до его дома? И разве это расстояние можно измерить в милях?

Тут он вспомнил, как перекрестился, когда увидел перевоплощение Алианоры. Почему он сделал это — впервые в жизни? Поддался общей атмосфере средневековья? Или это еще один из подарков неведомой силы, научившей его неизвестному языку и умению ездить верхом?.. Непостижимый мир, непостижимый путь...

Здесь не было комаров. Спасибо и на том. Хотя в качестве напоминания о доме можно было бы и потерпеть... Он повернулся и заснул.

ГЛАВА 5

Рано утром они пустились в путь уже втроем: Хольгер и Хуги верхом на Папиллоне, а над ними — превратившаяся в лебедя Алианора. Она то летела над их головами, то взмывала высоко вверх и кружила в небе, то исчезала далеко впереди за кронами деревьев, чтобы через минуту вновь показаться в небе над ними. Поднималось солнце, поднималось настроение у Хольгера. По крайней мере, теперь у него была цель и неплохая компания. Продвигаясь все дальше к востоку, к полудню они достигли самой высшей точки. Это была дикая, продуваемая всеми ветрами местность, усеянная острыми скалами, между которыми шумели водопады. Трава здесь была жесткой и редкой, а деревья — корявыми и низкорослыми. Хольгер осмотрел горизонт, и ему показалось, что на востоке разлита в воздухе какая-то странная темнота.

Тут Хуги затянул хриплым голосом песенку, изобилующую непристойностями. Не желая остаться в долгу, Хольгер в ответ спел «Шотландского старьевщика» и «Бастард — король Англии», на ходу переводя их с легкостью, изумившей его самого. Карлик рычал от смеха. Когда Хольгер, войдя во вкус, начал было «Трех ювелиров», на них упала тень. Он поднял голову и увидел, что лебедь, с интересом прислушиваясь, парит над ними. Слова песенки, предназначенной отнюдь не для девичьих ушей, застряли у него в горле.

— Эй, давай дальше! — пнул его Хуги. — Песенка что надо! Ха!

— Я... забыл, что дальше, — промямлил Хольгер.

Он ужаснулся, представив, как посмотрит в глаза Алианоре, когда они остановятся на привал. Вскоре они действительно расположились на круглой полянке под скалой, в основании которой темнел заросший кустарником вход в пещеру. И девушка, вновь в человеческом облике, подошла к нему летящей походкой...

— Дорога с тобой, сэр Хольгер, полна музыки, — улыбнулась она.

— Э-э-э... благодарю... — буркнул он.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты вспомнил, что же приключилось дальше с этими золотых дел мастерами, — сказала она. — С твоей стороны просто жестоко оставить их на крыше.

Он искоса взглянул на нее и не увидел насмешки — только живой интерес. Понятно, в каком деликатном окружении она здесь росла... Но смелости допеть эту песенку до конца

у него, конечно, не хватит.

— Я постараюсь вспомнить, — соврал он.

Вдруг кусты затрещали, и из пещеры вывалилось странное существо. С первого взгляда Хольгер решил, что перед ним какой-то безобразный мутант, но, присмотревшись, понял, что видит вполне нормального представителя еще одной здешней гуманоидной расы. Существо было несколько выше Хуги и значительно шире. Мощные руки свисали до колен. Голова была большой и круглой, с плоским носом, острыми ушами и словно прорезанным бритвой ртом. На серой коже не росло ни единого волоска.

— Ах, это Унрих! — воскликнула Алианора. — Я и не знала, что ты забираешься так высоко в горы.

— Ха! Труды наши ведут нас, — отвечал Унрих, оглядывая Хольгера пристальным взглядом круглых глаз. Из одежды на нем был только кожаный фартук. В руке он держал молоток. — Мы тут новую штольню бьем. Золото тут лежит, в оной горе.

— Унрих — гном, — объяснила Алианора. — Нас когда-то познакомили барсуки.

Вновь прибывший жаждал, конечно, услышать новости. Хольгеру пришлось рассказать свою историю с самого начала. Выслушав его, гном сердито сплюнул.

— К замку тому, куда вы спешите, мало кто приязнь питает, — сказал он. — А ныне особенно, когда Срединный Мир орды свои сзывает.

— Что верно, то верно, — поддакнул Хуги. — Хлеба-соли в Альфриковом замке не жди.

— Слышал я, что эльфы и тролли временный союз заключили. А когда кланы оные воедино сбиваются, тут жди чего-то великого.

Алианора нахмурилась.

— Мне это не нравится, — сказала она. — Я тоже слышала, что черные маги без всякой опаски нарушают границы Империи и ведут себя так, будто бастион Порядка уже рухнул и препон для Хаоса нет.

— Бастион наш — святое заклятие, на Кортану наложенное, — подхватил гном. — Только ныне меч оный погребенный покоится в месте тайном и недоступном. А ежели его и сыскать, то кто его поднять на врага сможет?

Откуда Хольгеру знакомо это имя — Кортана?

Унрих полез в карман фартука и, к изумлению датчанина, достал грубо вырезанную трубку и мешочек с чем-то очень похожим на табак. Ударив несколько раз куском кремня о железо, он высек огонь и глубоко затянулся. Хольгер прогло-

тил слюну.

— Опять ты за эти фокусы с глотанием дыма, — пробурчал Хуги.

— Я это дело люблю, — степенно ответил необычный гном.

— И правильно, — не выдержал Хольгер и процитировал: — Женщина — всего только женщина, а хорошая сигара — это ритуал.

— Никогда не видела, чтобы люди подражали демонам в этом, — подняла брови Алианора.

— Одолжи мне трубку, — предложил Хольгер гному. — И я покажу.

Тот скрылся в пещере и через минуту вернулся с большой вересковой трубкой. Хольгер набил ее, высек огонь и с наслаждением затянулся. Зелье было до чертиков крепким, но не хуже того, что курили в Дании во время войны. Хуги и Унрих захохотали. Алианора прыснула.

— Сколько ты хочешь за это? — спросил Хольгер. — Есть у меня на продажу епанча, так я готов поменять ее на эту трубку с кресалом и кисет табака.

— Идет, — поспешно кивнул Унрих.

Хольгер понял, что продешевил.

— По справедливости, ты мог бы добавить немного еды, — вмешалась Алианора.

— Ежели просишь об этом ты... — Унрих снова исчез в пещере.

— Вы, люди, непрактичная раса, — вздохнула Алианора.

И вот они снова в пути, разбогатевшие на несколько караваев хлеба, голову сыра и кусок ветчины.

Местность становилась все более дикой и мрачной. Странная темнота на востоке приближалась.

К вечеру они достигли соснового бора и остановились. Алианора рьяно взялась за сооружение шалаша. Хуги занялся ужином. Хольгер оказался не у дел. Впрочем, наблюдать за хлопотами девушки тоже было занятием, и не самым неприятным.

— Утром, — сказала она, когда опустились сумерки и они уселись вокруг костра, — мы войдем в Фейери. И положимся на судьбу.

— А почему там, на востоке, такая темень? — спросил наконец Хольгер.

Алианора взглянула на него с удивлением:

— Воистину прибыл ты издалека, или кто-то наложил на твою память заклятие, — сказала она. — Всем известно, что

для фарисеев невыносим дневной свет, и потому царит у них вечный сумрак. — Ее лицо в свете костра сияло молодостью и красотой. — И если когда-нибудь победит Хаос, то этот сумрак на весь мир разойдется, и тогда уже никому не видать ни солнца, ни зеленой листвы, ни даже маленького цветка. Вижу, что ты и впрямь на стороне Порядка. — Она задумалась. — Но и в Фейери предивные красоты имеются.

Хольгер смотрел на нее сквозь языки пламени. Огонь искрами вспыхивал в ее глазах, сиял на волосах матовым блеском и рисовал тенями мягкие линии ее точеной фигуры.

— Не хочу совать свой нос в чужие дела, — произнес он, — но мне непонятно, почему такая красивая девушка живет в дикой глуши среди... среди чужих ей племен.

— О, в этом нет тайны, — отвечала она, глядя в огонь. — Гномы нашли меня в лесу еще младенцем. Наверно, я была дочерью какого-нибудь переселенца, и меня украли разбойники. В этих краях это обычное дело. Видимо, они хотели вырастить из меня прислужницу, только раздумали и бросили в чаще. Тогда гномы и лесные звери взялись за мое воспитание. Они были добрыми и мудрыми учителями и многому меня научили. А когда я выросла, они подарили мне этот наряд лебедя, который, когда-то принадлежал валькирии. Благодаря его свойствам я, хоть и рождена человеком, могу превращаться, а потому чувствовать себя в безопасности. Меня не прельщают дымные человеческие селенья. Здесь у меня друзья и чистое небо. Вот и все.

Хольгер кивнул.

— А теперь ты расскажи о себе, — продолжала Алианора. — Где твой дом, как ты попал сюда, миновав и Срединный Мир, и земли людей. Это странно...

— Я сам бы хотел это знать, — отвечал Хольгер. В какой-то миг ему захотелось рассказать ей о себе все, но осторожность взяла верх. Скорее всего, она ничего не поймет. — Думаю, кто-то навел на меня чары. Я жил так далеко, что и слыхом не слыхивал о ваших землях. И вдруг в одно мгновенье что-то перенесло меня к вам.

— Как называется твоя страна?

— Дания.

К его удивлению она воскликнула:

— Я слышала о твоем королевстве! Хотя оно лежит далеко, но идет о нем добрая слава. Христианская это страна, и лежит она на севере Империи, так?

— Э-э-э... Вряд ли это та самая Дания... Моя Дания находится... Находится... — ему не хотелось врать ей в глаза.

— Кажется мне, что ты что-то скрываешь, — покачала она головой. — Что ж, на то твоя воля. Тут, в пограничье, не очень-то любопытничают. — Она зевнула. — Будем спать?

Ночь была свежей, и, заснув, она прижалась к нему, пытаясь согреться. Хольгер почти не спал, стуча зубами от холода и прислушиваясь к ее ровному дыханию. Невинный ребенок! Если случится так, что он не найдет дороги обратно...

ГЛАВА 6

Утром они двинулись дальше. Теперь дорога пошла под уклон, и Папиллон прибавил шагу. Хуги охал, когда копыта коня сбивали в бездну, над которой они мчались, шаткие валуны. Алианора кружила высоко в небе. Она нашла себе забаву, от которой у Хольгера кровь стыла в жилах: зависнув в воздухе, она меняла облик на человеческий, а потом, в стремительном падении вниз, в последний момент вновь превращалась в лебедя. Правда, теперь у Хольгера была трубка, а значит, было чем успокоить нервы.

Дорога шла по сосновому бору, когда на них упал неожиданный полумрак. С каждым шагом он становился все гуще и плотнее, и им приходилось преодолевать странное сопротивление, как будто они двигались под водой. У Хольгера мурашки побежали по коже при мысли о том, что если так пойдет дальше, то вскоре они очутятся в полной тьме посреди мира, кишащего оборотнями, троллями и еще Бог весть какой гадостью. Его опасения рассеялись, когда, спустившись ниже, они выехали из леса и оказались в просторной долине. Здесь тоже не было солнца, но воздух был прозрачным и теплым. Повеяло ароматом цветов. Высокие травы колыхались под ветром. Хуги кашлянул и сказал:

— Вот мы и в Фейери.

Хольгер внимательно осмотрелся. Отсутствие солнца или иного видимого источника света на небе густой вечерней синевы создавало ощущение, что они попали в подводное царство. Среди высокой бледно-зеленой с серебристым отливом травы сверкали, как звезды, большие белые цветы. «Асфоделии», — подумал Хольгер, в который раз удивляясь своим неожиданным знаниям. Тут и там цвели кусты белых роз. То группами, то поодиночке по долине были рассеяны деревья — стройные и высокие, с молочно-белыми стволами и такими же, как травы, бледно-зелеными листьями. Листья тихо звенели под порывами ветерка. Неподалеку струился ручей, — не журчал, как обычный ручей, а в подлинном смысле слова

вызванивал какую-то затейливую мелодию. Над водой стояла дымка, в которой играли цветные сполохи — белые, зеленые и голубые.

Папиллон фыркнул и заржал. Ему здесь не нравилось.

«Я уже видел это, — думал Хольгер. — Именно эту холодную, спокойную синеву над бледными деревьями и плавными холмами. Но где и когда? В каком краю еще так звенят листья и поет ручей? Может быть, однажды белой ночью в Дании, еще до войны? Не знаю, не помню...»

Они медленно продвигались вперед. В этом вечернем мире, лишенном теней, застыло, казалось, и само время: ландшафт менялся, но оставался неизменным, они ехали вперед, но оставались на месте... Вдруг лебедь камнем упал вниз, забил крыльями и превратился в Алианору.

— Я видела рыцаря, он скачет навстречу! — испуганно выдохнула она.

У Хольгера сжалось сердце. Но он постарался сказать как можно более небрежно:

— Отлично. Посмотрим.

Незнакомец выехал из-за холма. Под ним танцевал снежно-белый конь с длинной гривой и круто выгнутой шеей. Хольгеру он показался каким-то странным: слишком длинные ноги, слишком маленькая голова. Всадник был закован в черные латы. Забрало шлема опущено, плюмаж из белых перьев летел по ветру. Щит тоже черный, без герба. Он остановился, поджидая Хольгера.

Когда датчанин приблизился, всадник опустил копье и произнес:

— Стой и отвечай.

Голос его звучал как из бочки. Хольгер натянул поводья.

— Я еду от ведьмы, которую звать Мать Герда, с известиями для герцога Альфрика.

— Прежде всего я хочу видеть твой герб, — произнес всадник. — Никто не въезжает сюда тайно.

Хольгер пожал плечами, снял с седла щит и взял его в левую руку. Хуги стащил чехол. Увидев герб, рыцарь дал коню шпоры и ринулся на Хольгера.

— Защищайся! — завизжал Хуги.

Папиллон отпрыгнул, всадник пронесся мимо. Остановив коня, он развернулся для новой атаки. Хольгер, подчиняясь неведомой силе, поднял, как во сне, копье, закрылся щитом и уперся ногами в стремена. Черный всадник мчался на него. Наконечник его копья был нацелен в грудь Хольгеру.

Они столкнулись с лязгом и грохотом. Эхо покатилось

по холмам. Своей нижней кромкой щит больно въехал Хольгеру в живот, но зато его копье каким-то чудом угодило противнику в голову. Незнакомец вылетел из седла.

Однако он тут же вскочил с ловкостью, невероятной для человека в тяжелых латах. Вылетая из ножен, свистнул меч. На размышления времени не было: Хольгер предоставил своему телу свободу. А оно, казалось, соскучилось по таким поединкам. Хольгер выхватил меч, ловко отразил удар и обрушил клинок на пернатый шлем. Противник пошатнулся, но устоял.

Меч создан для пешего боя, и потому Хольгер спрыгнул с коня, но, зацепившись шпорой за стремя, упал и опрокинулся на спину. Черный рыцарь бросился к нему. Хольгер ударил его обеими ногами — тот отлетел. Оба вскочили на ноги одновременно. Зазвенели мечи. Хольгер пытался попасть клинком в щель в доспехах. Его противник метил в незащищенные ноги. Предупредив низкий секущий удар, Хольгер выбил меч из руки врага. Тот мгновенно выхватил кинжал и снова бросился в атаку.

Широким мечом неудобно наносить колющие удары, но Хольгеру удалось прицелиться и вонзить острие в узкую щель между шлемом и железным воротником. Брызнули искры. Металлическая фигура пошатнулась, медленно опустилась на колени и с лязгом рухнула на траву.

Хольгер ошалело потряс гудящей, как колокол, головой. Белый конь галопом мчался на восток. «С докладом к герцогу», — подумал он. Тут Хуги с ликующим криком заплясал вокруг лежащего врага, а Алианора повисла на шее у Хольгера. Она смеялась и плакала, и восклицала, какой он могучий рыцарь и как он велик в бою.

«Это я-то? — подумал он. — Нет, это не я. Я ни черта не смыслю в поединке на копьях. Однако кто же тогда провел за меня этот бой?»

Алианора склонилась над поверженным рыцарем.

— Крови не видно, — сказала она испуганно. — Но он наверняка мертв, потому что для фарисеев рана, нанесенная железом, смертельна.

Тем временем Хольгер пытался проанализировать бой. Во-первых, спешиваться было нельзя. Коня можно было использовать с большей для себя выгодой. Кстати, почему жителей Фейери зовут фарисеями? Какое отношение они имеют к библейским фарисеям? Во-вторых, что они здесь используют вместо стали? Алюминиевые сплавы? Можно ли с помощью магии добывать из бокситов алюминий? Или они предпочитают сплавы бериллия, магния, меди, никеля, хрома?..

Мысль о чернокнижнике-эльфе, сидящем за спектроскопом, заставила его рассмеяться и окончательно прийти в себя.

— Ну что ж! — весело воскликнул он. — Посмотрим, кто ты такой!

Он опустился на колени и откинул забрало шлема. Внутри ничего не было. Черная пустота.

ГЛАВА 7

Фейери казалась необитаемой: вокруг только леса и луга, не знавшие плуга. Хольгер спросил, чем занимаются здешние жители, и Хуги с готовностью отвечал, что в основном они маги и ратники и пропитание себе частью выколдовывают, а частью берут данью из других стран Срединного Мира. Кроме того, любят они охоту на диких зверей. А обслуга у них — кобольды, гоблины и другие второсортные расы. Болезни и старость им неведомы, однако нет у них и души.

Хольгер вспомнил о пустых доспехах, лежащих в траве среди асфоделий, и содрогнулся. Нет, если он не хочет сойти здесь с ума, надо попробовать вникнуть в природные законы этого мира.

Здесь такие же звезды на небе, значит, перенос обошелся без космических путешествий. Законы физики и химии здесь, кажется, те же, однако они как-то сосуществуют с силами магии. Магия — что это значит? Допустим, это способность управлять материей с помощью энергии мысли. На земле такие вещи известны: телепатия, телекинез и тому подобное. Но в этом мире ментальные силы, кажется, главенствуют над природными... Что же из этого следует? Неизвестно.

Все-таки главное для него сейчас понять, где он. Может быть, он оказался в прошлом Земли? Или это другая Земля, расположенная в той же точке пространства и времени. Но два объекта одновременно занимающие один и тот же объем?.. Может, это не только другая Земля, но и другая Галактика? Вполне возможно и это. Но раз он сюда попал, между ними есть какая-то связь... Какая?

Нет, главное для него — это выжить, тем более, что кто-то определенно хочет смерти человека, носящего герб с тремя львами и тремя сердцами.

Вскоре они увидели замок. Белые стены поднимались на головокружительную высоту, остроконечные крыши венчали изящные маковки. Замок был точно из хрусталя: таким хрупким казался резной ажурный камень. Однако, приблизившись, Хольгер увидел, что при всей своей красоте это надеж-

ная крепость: стены массивны, а вокруг холма, на котором она стоит, вырыт глубокий ров. И — удивительно! — по рву несся стремительный прозрачный поток, не имевший видимых источников.

В отдалении виднелся еще один холм, поросший розовыми кустами. Над его вершиной висела шапка тумана.

— Холм Эльфов, — кивнул на него Хуги. — В его нутре эльфы свои нечестивые хороводы кружат, а при полной луне, бывает, безобразничают и прямо снаружи.

Поодаль, за холмами, темнела стена густого леса.

— А там, в мрачной Пуще, фарисеи охотятся на грифов да на мантикор.

Со стен замка пропели трубы. «Увидели нас», — подумал Хольгер и положил руку на рукоять меча. Алианора спикировала вниз и приняла человеческий облик.

— Ты, Алианора, и ты, Хуги... — сказал Хольгер. — Вы меня проводили, я вам благодарен. Однако теперь вам лучше вернуться...

— Нет, — решительно возразила Алианора. — Нет. Может быть, мы тебе еще пригодимся.

— Кто я вам? — попробовал убедить ее Хольгер. — Вы мне ничего не должны, а я и так уж ваш вечный должник.

— У меня предчувствие, — тихо сказала она. — Я уверена, что тебе выпал особенный жребий, и потому я должна оставаться с тобой.

— Я тоже, — буркнул Хуги без особого восторга. — Спросите кого хотите, и вам скажут, что Хуги никогда не праздновал труса.

Больше Хольгер не настаивал. Свой долг он исполнил: они могли отступить, но не сделали этого. И, честное слово, он очень рад, что не сделали.

Ворота замка открылись. Опустился мост. Снова пропели трубы. Показался отряд всадников: флажки и флаги, гербы и плюмажи, щетина копий, поднятых в небо. Всадники Фейери. Хольгер сжал копье.

В сумрачном свете яркие краски нарядов, казалось, светились: тлело золото, мерцал пурпур, фосфоресцировала изумрудом зелень. Часть рыцарей была облачена в кольчуги с причудливой гравировкой, другие красовались в пышных нарядах и коронах. Всех без исключения отличал высокий рост и странная плавная грация. Печать холодной надменности лежала на лицах с высокими скулами. Белая кожа, длинные голубоватые волосы, у большинства — бородка и усы. Когда они подъехали ближе, Хольгер решил, что это племя

слепых: в их глазах, налитых лазурью, не было зрачков. Но вскоре он убедился, что зрение у них не хуже, чем у него.

Предводитель отряда остановил коня и легко поклонился.

-- Привет тебе, рыцарь, — произнес он. Его речь звучала как пение. — Мое имя Альфрик. Я герцог Альфарланда в королевстве Фейери. К нам сюда редко жалуют смертные гости.

— Привет тебе, герцог Альфрик, — отвечал Хольгер. — Меня послала к тебе ведьма по имени Мать Герда, верная, как я понял, служанка твоей милости. Только твоя мудрость, сказала она, сможет ответить на мучающие меня вопросы. Вот я и прибыл сюда, чтобы просить тебя о благосклонности и помощи.

— Я все понял и рад тебе, — пропел герцог. — Ты и слуги твои — мои гости отныне, располагайтесь и живите, сколько вам будет угодно. А я приложу все старания, чтобы в силу своих скромных возможностей помочь славному рыцарю в его затруднениях.

Хольгер не сомневался в том, что существо, атаковавшее его на границе Фейери, состояло на службе у герцога. Его три сердца и три льва не пользовались здесь любовью. Оставался вопрос: догадывается ли Альфрик, что перед ним не тот, кого ему нужно убить?

— Благодарю тебя, твоя милость, — отвечал он.

— С болью в сердце должен просить тебя, — учтиво продолжал Альфрик, — чтобы оставил ты за стенами замка железо и крест — о прискорбная слабость моей расы! Но не опасайся: взамен тебе выдадут иное оружие.

— В твоем замке, о герцог, гостю нечего опасаться, — продолжал упражняться в светскости Хольгер.

— Я позабочусь о твоем оружии, Хольгер, — вступила в разговор Алианора. — Я останусь снаружи.

Красивые лица повернулись к ней.

— О, это та дева-лебедь, о которой мы столько слышали, — воскликнул герцог. — Нет, нет, прекрасная дева, плохим я буду хозяином, если не окажу тебе достойного гостеприимства.

Она покачала головой. Альфрик поднял брови.

— Ты отказываешься от приглашения?

— Отказываюсь, — отрезала Алианора.

— Я тоже останусь тут, — поспешно вставил Хуги.

— Нет, — возразила она. — Ты пойдешь с сэром Хольгером.

Хуги удрученно вздохнул, но промолчал.

Альфрик пожал плечами.

— Что ж, не смею настаивать. — Он вновь повернулся к Хольгеру. — Итак, сэр рыцарь?

Хольгер сошел с коня и снял меч. Папиллон, кося глазом на чужих лошадей, заржал. Алианора взвалила на жеребца амуницию Хольгера и взяла поводья.

— Я буду ждать в лесу, — сухо сказала она. Хольгер проводил ее долгим взглядом.

Кортеж въехал в замок. Просторный двор украшали деревья, растущие в вазах, слух ласкали звон фонтанов и льющаяся откуда-то музыка, воздух был напоен ароматом роз. Живописной группой стояли у парадных дверей женщины Фейери. У него перехватило дыхание. О! Ради минутного взгляда на них стоило пересечь Галактику. Он поклонился, ошеломленный.

Альфрик подозвал маленького зеленого человечка.

— Он проводит тебя в покои, — сказал он Хольгеру. — А потом мы ждем тебя, рыцарь, к обеду.

Хольгер и семенящий за ним Хуги двинулись по лабиринту коридоров. Свет сочился прямо из стен. Проходя мимо распахнутых дверей в залы, Хольгер видел безумную роскошь убранства: все здесь было просто усыпано драгоценными камнями. «Выколдовывают из воздуха», — вспомнил он. Они поднялись по широкой винтовой лестнице, миновали просторный зал и оказались в апартаментах для гостей, состоящих из нескольких комнат. Каждая из них, без сомнения, поразила бы воображение даже автора «Тысячи и одной ночи». Гоблин поклонился им в пояс и ушел.

Хольгер стоял посреди немыслимого великолепия. Переливались, как перламутр, ковры. Стены были облицованы малахитом и яшмой и украшены золототканными гобеленами. За окном цвел сад. Неподвижным светом горели светильники на потолке. Хуги застыл перед одним из гобеленов: изображения на нем менялось, как в замедленной съемке, развертывая причудливый и весьма фривольный сюжет.

— Сильная вещь, — оценил Хуги. — И обстановочка не из бедных. Только весь этот замок я не задумываясь отдал бы за свой старый дуб. Нечисто здесь, а?

— Без сомнения, — кивнул Хольгер.

Он прошел в ванную комнату и обнаружил атрибуты цивилизации: проточную воду, мыло, ножницы, бритву и большое зеркало. И хотя все эти предметы имели вид не совсем привычный, он покинул ванную заметно посвежевшим. На широкой кровати в спальне его уже ждала приготовленная кем-то смена платья: шелковая рубашка с длинными

рукавами, пурпурный атласный камзол, карминные панталоны, короткая голубая пелерина, черные бархатные туфли — все прошитое золотой нитью, украшенное драгоценными камнями и отороченное мехом. Наряд сидел на нем как влитой. В углу спальни он обнаружил рыцарское снаряжение, в том числе и меч с круглым эфесом. Альфрик держал слово.

— Достойно и пышно предстанешь ты перед дамами, сэр Хольгер, — объявил Хуги. — И, глядишь, кого-то из них завоюешь. Они, говорят, против тут не бывают.

— Хотел бы я знать, с какой стати они так любезны, — сказал Хольгер.

— Чего не знаю, того не знаю. Может, это они расставляют силки. А может, Альфрику просто приятно тебе угодить. Не поймешь, что тут, в Фейери, у них на уме. Да они, пожалуй, и сами не знают толком, чего хотят.

Появился гоблин и почтительно известил, что обед подан. Хольгер последовал за ним. Вновь лабиринт коридоров, потом какой-то дымчато-голубой зал и наконец — трапезная. Назвать это помещение залом значило оскорбить его. Больше всего это походило на стадион. В центре стоял невероятных размеров стол, рыцари и дамы окружали его, как радуга. Вокруг хлопотали слуги, откуда-то лилась музыка, смех и веселые возгласы витали в воздухе.

Хольгера усадили по левую руку Альфрика между герцогом и женщиной по имени Меривен. Впечатление, которое произвели на него ее лицо и фигура, было таким сильным, что он едва разобрал ее имя. Однако, усевшись, он предпринял мужественную попытку завязать с ней салонную беседу.

Она охотно отвечала на его более чем неуклюжие реплики. Прислушиваясь к разговорам вокруг, Хольгер отметил, что искусство беседы было здесь на высоте: ум, поэзия, остроумие, цинизм — все это виртуозное фехтование велось по правилам, которые были для него слишком сложны. Что ж, бессмертным, у которых нет иных забот, кроме охоты, магии и сражений, свойственно увлекаться софистикой. Каждому свое. Если бы еще у него не кружилась так голова от присутствия Меривен...

— В самом деле, — говорила она, обратив к нему лицо фантастической красоты, — ты отважный человек, рыцарь, коль дерзнул явиться сюда. А какой прекрасный и беспощадный удар нанес ты черному латнику — о, просто чудо!

— Ты видела? — изумился он.

— Да, я наблюдала — в Черный Колодец. Только не спрашивай меня, что это было, шутка или покушение. Моло-

дым мужчинам, сэр Хольгер, не всегда полезно знать слишком много. Капелька сомнения избавляет от лишнего веса, — мелодично рассмеялась она. — Но скажи мне, зачем ты здесь?

— А разве дамам не вредит лишний вес?

— Насмешник! Но я рада, что ты здесь. Ничего, что я так говорю? Не слишком откровенно? Просто мне кажется, что между нами проскочила какая-то искорка...

— Скорее, пробежала кошка, — усмехнулся Хольгер.

Она улыбнулась. Хольгер почувствовал себя персонажем шекспировской драмы — с той разницей, что он должен был сочинять остроты сам, а обед, в отличие от запасов его остроумия, грозил никогда не кончиться.

Но в конце концов это произошло, все поднялись из-за стола и перешли в другой зал. Этот предназначался для танцев и был еще огромнее. К счастью, танцевать его не заставили.

Как только зазвучала музыка, герцог отозвал его в сторону.

— Не угодно ли пройти со мной, сэр рыцарь? — сказал он. — Нам лучше поговорить в спокойной обстановке и с глазу на глаз. Боюсь, что потом мне будет непросто украсть вас хоть на минутку у наших дам.

Они покинули зал и вышли в сад. В фонтане журчала вода, в кустах распевал соловей. Они неторопливо двинулись по тенистой аллее.

— Итак, в чем твои затруднения, сэр Ольгер? — нарушил молчание герцог.

Хольгер рассказал ему все без утайки. Альфрик внимательно слушал, время от времени переспрашивая о чем-нибудь и не выказывая ни малейшего удивления. Когда Хольгер умолк, герцог вынул из-за пояса стилет и в задумчивости стал крутить его в руках. Хольгер заметил выгравированную на белом надпись: «Пламенное Лезвие».

— Диковинная история, — произнес герцог. — Самая диковинная из всех, какие я когда-либо слышал.

— Но... ты сможешь мне помочь, благородный герцог?

— Не знаю, сэр Ольгер. Не знаю. Да, в пространстве много миров. Волшебники и астрологи давно это знают. Есть упоминания об этом и в некоторых давних манускриптах... Твой рассказ подтверждает также некоторые мои мысли... Я часто думал о другой Земле, такой, какую описал ты. Возможно, она и есть источник наших легенд и мифов, таких, как сказание о Барбароссе или эпосы о Цезаре, Наполеоне и других героях... — Альфрик задумчиво прочитал какие-то латинские стихи. Потом помолчал и продолжил: — Что я могу

сделать для тебя, сэр Ольгер, так это вызвать духов, способных дать тебе хороший совет. На это, правда потребуется известное время, но зато может выйти толк. А пока мы сделаем все, что в наших силах, чтобы ты не мог упрекнуть нас в негостеприимстве.

— Я доставляю тебе так много хлопот, благородный герцог...

— Ничуть, — махнул рукой герцог. — Вы, смертные, не можете даже представить себе, какой скучной может быть жизнь, не имеющая конца, и с какой радостью приветствуем мы все, что обещает разнообразие. Но, мне кажется, тебя заждались на танцах. Приятного отдыха.

Он поклонился и ушел. Хольгер остался один. Черт возьми, как он ошибался, опасаясь козней Срединного Мира! Нет, фарисеи — образец человеколюбия! И разве можно отвечать на это чем-то другим?

Он вернулся в танцевальный зал. Меривен порхнула из толпы навстречу и взяла его за руку.

— Сама не знаю, что со мной, сэр рыцарь, — проворковала она, — но когда ты ушел, не сказав ни слова, мне стало так одиноко...

Волны музыки подхватили Хольгера. Увы, он не умел танцевать изящные церемонные танцы, какие танцевали вокруг, но Меривен мгновенно освоила па фокстрота, и вскоре Хольгер вынужден был признать, что у него никогда не было лучшей партнерши. Время потеряло для него смысл. Бал длился и длился... А потом они убежали в сад и пили вино из сказочного фонтана, и остаток несравненной ночи был блаженством, блаженством, блаженством...

ГЛАВА 8

В этой стране утро наступало тогда, когда тебе казалось, что ему пора наступить.

Хольгер спал долго и проснулся в прекрасном настроении. В спальне он был один. Вошел гоблин, неся поднос с завтраком. Хозяева прибегли, разумеется, к колдовству, чтобы угодить его вкусам: на подносе не было никакой континентальной ерунды, только добрый американский завтрак: яичница с ветчиной, тосты, гречишное печенье, кофе и апельсиновый сок.

Хуги появился тогда, когда он уже одевался. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Где ты был? — спросил Хольгер.

— О, я ночевал там, в саду. Я подумал, что так будет лучше, ибо ты... хм... был занят. — Карлик уселся на стул — бурое пятно на золотом и пурпурном фоне. Он погладил бороду и сообщил: — Знай, что тебя хотят надуть. И мне это не по душе.

— Чепуха, — отмахнулся Хольгер. — Ты предубежден.

Он вспомнил, что условился сегодня ехать с Меривен на соколиную охоту.

— Они мастера себя преподнести в лучшем виде и заморочить кому хочешь голову вином да прелестными девами, гораздыми в услаждении, — пробурчал Хуги. — Только вот приязни между людьми и фарисеями никогда не бывало, а ныне, когда Хаос на войну поднимается, тем более. И уж если я что говорю, то знаю. Я, покуда в саду лежал, много чего увидел. Ночью на самой высокой башне огонь пыхнул и демон в дыму умчался. От него такой смрад чернокнижный пошел, что у меня кровь в жилах застыла. А потом другой демон с востока примчался с воем, да в той же башне исчез. Сдается мне, герцог на подмогу ужасное чудовище вызвал.

— Вот и отлично, — улыбнулся Хольгер. — Он мне вечером обещал, что сделает это.

— Хаханьки, — бурчал Хуги. — В пасти льва, между прочим, хаханьки. А вот бросят твой труп воронам на поживу, так люди скажут, что Хуги не предостерег.

Хольгер оставил ворчуна-карлика, вышел из покоев и стал спускаться по лестнице. Возможно, он в чем-то прав. Все это действительно может оказаться красивой ловушкой. Может быть, они хотят усыпить его бдительность и продержать здесь до тех пор, пока не станет поздно... «Поздно для чего?» — удивился он собственным мыслям. — Нет, вздор. Если бы они того пожелали, они давно могли проткнуть его стилетом или отравить. Вся его доблесть пока только в том, что он сумел одержать верх над одним из них. Но разве он справится с дюжиной?

Они не условились с Меривен насчет часа свидания — здесь никто, кажется, не считал времени. Хольгер вышел во двор и стал бесцельно слоняться, пока ему не пришла в голову мысль разыскать герцога и расспросить о продвижении своего дела. От раба-кобольда он узнал, что покои хозяина замка находятся на втором этаже северного крыла. Весело насвистывая, он взбежал, перепрыгивая через ступени, по высокой лестнице.

Но не успел он одолеть лестницу до конца, как дверь наверху распахнулась и из нее появился герцог в сопровож-

дении какой-то дамы. Хольгер видел ее только мгновенье: дверь тотчас же захлопнулась, но этого было довольно, чтобы буквально ошеломить его. Он увидел живую богиню... или просто женщину, немного более полную и высокую, чем все остальные женщины Фейери... В ее длинных и темных, как ночь, волосах мерцала золотая диадема... Белое атласное платье ниспадало до пола... Лицо казалось выточенным из слоновой кости... Нос с царственной горбинкой... Надменность в уголках рта... О, герцогу повезло.

Герцог заметил Хольгера. В его глазах вспыхнул гнев, но его тотчас же сменила любезная улыбка.

— Добрый день, сэр Ольгер! Как самочувствие?

— Великолепное, благородный герцог, — поклонился Хольгер. — Надеюсь, и ты в добром здравии?

— Благодарю, да.

— А ты не слишком учтив, рыцарь, — послышалось за спиной Хольгера. — Где ты прятался от меня?

Меривен. Откуда она взялась? Она схватила Хольгера за руку и бесцеремонно потащила за собой:

— Пора на охоту, кони давно готовы! На охоту, рыцарь!

Они чудесно повеселились, пуская соколов, сбивая журавлей, диких павлинов и прочую птичью мелочь. Меривен без умолку болтала, и Хольгер весело хохотал в ответ на ее остроумные шутки. Но из головы у него не выходила эта женщина — подруга герцога. Он не мог отделаться от ощущения, что знал ее раньше!

Откуда ему известно, что у нее низкий голос и деспотичный нрав? Что порой она нежна, а порой жестока? Что все ее капризы и настроения — только круги на поверхности глубокой и темной воды? Откуда ему это известно?..

— Ты чем-то опечален, мой рыцарь? — Меривен положила руку на плечо Хольгера.

— О нет, только задумался.

— Фи! Как глупо! Всякая мысль — дитя заботы и мать печали. Сейчас мы прогоним ее прочь.

Она сорвала с дерева зеленую ветку, согнула ее в дугу и прошептала несколько слов. Ветка стала арфой. Меривен тронула струны и запела о любви.

Они уже выезжали из леса, когда Меривен схватила его за локоть.

— Смотри! — прошептала она. — Вон там! Видишь? Единорог! О, они редко забредают сюда...

Хольгер увидел, как за стволами деревьев мелькает удивительное и прекрасное животное. У него была белоснежная

шерсть, а его рог обвивал побег плюща. Но что это?.. Как будто бы кто-то шествует рядом с ним?

Меривен подобралась, как дикая кошка перед прыжком.

— Если нам удастся подкрасться поближе...

Она осторожно пустила коня по ковру из мха. Единорог повернул голову и увидел их. На миг он застыл, но уже в следующее мгновение исчез — только светлая молния мелькнула вдали. Красавица виртуозно выругалась. Хольгер молчал и переваривал увиденное. Померещилось ему или нет? Рядом с единорогом он увидел Алианору...

— Не повезло, — махнула рукой Меривен. — О, ты огорчился, мой рыцарь? Не стоит. Я соберу друзей, и мы устроим облаву на эту тварь.

Видение Алианоры смутило Хольгера. Она появилась как будто нарочно для того, чтобы напомнить ему об осторожности. И он хотел бы теперь поговорить с Хуги.

— Прости меня, благородная дама, — сказал Хольгер. — Я хотел бы принять ванну перед обедом.

— О, моя ванна достаточно велика для нас обоих. И удобна для кое-каких упражнений.

У Хольгера вспыхнули уши.

— Но я хотел бы еще и вздремнуть немного, — стал отбиваться он. — Я должен быть в хорошей форме к вечеру...

Он удрал прежде, чем она смогла настоять на своем. Хуги был дома и спал, свернувшись калачиком. Хольгер потряс его за плечо.

— Сегодня утром я видел женщину, — нетерпеливо сообщил Хольгер, как только Хуги открыл глаза. — Кто она? — И он подробно описал встречу.

— Хм?.. — Хуги поскреб в затылке. — Сдается мне, что ты выследил саму королеву фей Моргану. Стало быть, это ее и вызвал сегодня ночью Альфрик с ее Авалона. Чую, готовится тут сатанинский шабаш.

Фея Моргана! Конечно, это она! Но откуда у него такая уверенность? Хуги упомянул об Авалоне... Откуда известно Хольгеру о том, что Авалон — это остров, на котором поют птицы и цветут розы, сверкают радуги и властвует волшебство?..

— Расскажи мне о ней, — попросил он.

— Ого, уж не решил ли ты за ней приударить? Моргана — не для таких, как ты, и не для таких, как Альфрик. Не задирай голову высоко, а то солнце глаза сожжет или луна разум высосет.

— Я просто хочу понять, зачем она здесь.

— Я о ней сам не слишком-то много знаю. Авалон, например, остров, он далеко в западном океане лежит, а про запад я знаю лишь то, что в старых легендах сказывается. Говорят, она сестра короля Артура, а тот был у бриттов последним великим королем. Только в ней, мол, и осталась ихняя кровь. Сказывают, что она самая великая ведьма и во всем христианском мире, и среди язычников, и даже в Срединном Мире равных ей нет. Смерти она не боится, а капризна и гневлива до крайности. Чью она сторону держит — Хаоса или Порядка, — неведомо. А, может, она как есть сама по себе. Говорят еще, что Артура она унесла, когда он лежал раненный до смерти, спрятала, выходила, да еще не настал срок ему в мир возвращаться. Может, все так, а может, и нет. Только для меня в этом радости никакой — оказаться с ней под одной крышей.

«Дело ясное, что дело темное», — подумал Хольгер.

В спальню вошел гоблин.

— Его сиятельство герцог пир для слуг и челяди объявил, — сообщил он. — И ты, лесной гном, туда приглашен.

— Ха! — Хуги поскреб живот. — Благодарен я премного, однако... Нет у меня сегодня здоровья...

Гоблин удивленно поднял брови.

— Негоже тебе отказываться. Не любит этого герцог.

Хуги и Хольгер обменялись взглядами. Похоже на маневр: Хуги хотят на время устранить. Но отказываться в самом деле нельзя.

— Иди, Хуги, — сказал Хольгер. — Развлекись.

— Да? Ну что ж... ладно... Ты тут, без меня, это самое...

Хуги и гоблин ушли. Хольгер раскурил трубку и улегся в ванну. Кажется, вокруг него уже сплели паутину. Только без паники. Все равно предпринять ничего не удастся. Пока можно только ждать и делать вид, что ни о чем не подозреваешь. Может, обойдется?

На кровати его опять ждал новый наряд. Он оделся. Пуговицы и пряжки застегивались здесь сами. Едва он успел осмотреть себя в зеркале, как круглая дверная ручка превратилась в металлический рот и произнесла:

— Его сиятельство герцог просит позволения войти.

— О! — попятился Хольгер. — П-прошу... п-пожалуйста.

Рабы, однако, входят без спроса. Своеобразный этикет.

Фарисей вошел, на его бледном тонком лице играла улыбка.

— Я с доброй вестью, — сказал он. — Я держал совет со многими. Похоже, у тебя есть шанс на возвращение домой.

— Не знаю, как благодарить тебя, милостивый герцог, — отвечал Хольгер.

— Какое-то время уйдет на сбор ингредиентов, необходимых для магического акта, — продолжал Альфрик. — Так что придется чуть-чуть подождать. Я приглашаю тебя сегодня принять участие в особом развлечении. Состоится пир в Холме Эльфов.

— О да, я видел этот холм...

Альфрик взял его за локоть.

— Тогда идем? Эти несколько часов будут упоительными. Эльфы знают, как сделать человека счастливым.

Хольгер не чувствовал ни малейшего желания участвовать в оргии, но ответить отказом, конечно, не мог. Они спустились вниз. Во дворе шумел пестрый водоворот: обитатели замка готовились к походу в Холм. Альфрик подвел Хольгера к Меривен. Она взяла его под руку и заявила:

— Теперь ты от меня не сбежишь. Идем?

— А остальные?

— Вслед за нами. Мы будем первыми.

Хольгер насторожился. Однако, если это ловушка, то Меривен тоже попадет в нее. Выбора нет. Посмотрим.

Процессия потянулась сквозь ворота, через мост и дальше, по лугу, к холму, поросшему розовыми кустами. Хольгер шел впереди. Сзади гарцевали всадники, развевались знамена, музыканты дули в трубы, звенели струны лютен. Рыцари и дамы веселились, пешие танцевали. Вдруг вступила другая музыка. Она лилась от Холма, ее темные, сладкие звуки заполнили все существо Хольгера. Он взглянул на Меривен и почувствовал неодолимое влечение к ней. Она улыбнулась и прижалась к нему всем телом. Ветер бросил ему в лицо ее душистые светлые волосы, их запах пьянил, как вино. Холм разверзся. Он увидел волшебно мерцающий свет внутри. Музыка звала.

Вдруг раздался дробный стук копыт. Заржал конь, громко и гневно. Хольгер оглянулся. Со стороны леса мчалась верхом на Папиллоне Алианора, лицо ее было искажено ужасом.

— Нет! — кричала она. — Не ходи туда, Хольгер! Не-е-ет!

ГЛАВА 9

За спиной Хольгера разразился проклятиями Альфрик. Свистнула стрела. К счастью, мимо. Хольгер в растерянности остановился.

— В Холм! Тащите его в Холм! — рычал Альфрик.

Меривен вцепилась Хольгеру в руку и потянула к Холму. Еще трое фарисеев бросилось к ней на подмогу. Гнев и ярость захлестнули Хольгера. Он отшвырнул Меривен и шагнул им навстречу. Первого он встретил прямым левым, после которого тот рухнул, как сноп. Правый боковой мгновенно уложил второго. Третий был верхом, и Хольгер попятился. Меривен вцепилась в его плащ. Вне себя от ярости, Хольгер схватил ее, поднял над головой и швырнул во всадника. Оба полетели на землю.

Тем временем три конных рыцаря окружили Алианору. Папиллон встал на дыбы, пронзительно заржал и ударом передних копыт свалил одного из врагов на землю. Развернувшись, он укусил коня под другим рыцарем. Бедное животное с ржанием унеслось в степь. Третий попытался ударить Алианору мечом, но она уклонилась и соскользнула на землю.

И попала прямо в объятия фарисея в бархатном камзоле! Он крепко схватил ее и радостно рассмеялся. Но миг — и вместо слабой девушки в его руках бился лебедь.

— О! — вскрикнул он, когда лебедь ударил его клювом в лоб. — Ой! — Удар крылом чуть не сломал ему скулу. — Ох-хо-хо! — завопил он, когда клюв защемил его пальцы. Бросив птицу, он обратился в бегство.

Рыцари окружили Хольгера. Удары сыпались на него со всех сторон. Он угостил ближайшего противника ударом кулака, забрал у него меч и заработал им, как ветряная мельница. Меч был легче железного, но острый, как бритва. Кто-то попытался ударить его боевым топором. Свободной левой рукой Хольгер перехватил рукоять и вырвал оружие. Теперь он дрался обеими руками.

Папиллон атаковал толпу фарисеев с тыла. Лягаясь, кусаясь и сшибая врагов грудью, он прорвался к хозяину. Нога Хольгера нашла стремя. Он вскочил в седло. Жеребец понес его прочь.

Оглянувшись, Хольгер обнаружил погоню. Скакуны Фейери были резвее Папиллона, так что шансов уйти от погони практически не было. Хольгер отбросил добытое в бою оружие и снял с луки седла собственные щит и меч. К сожалению, на то, чтобы облачиться в доспехи, упакованные во вьюк, времени не было.

Лебедь летел рядом. Внезапно белая птица сделала крутой вираж. С неба ударил орел. Хольгер взглянул вверх и ужаснулся: над ним кружила черная стая. Бог мой, фарисеи превращались в орлов! Что будет с Алианорой?.. Лебедь, отчаянно отбиваясь от пикирующих стервятников, устремился к лесу.

Там она, превратившись в человека, сможет укрыться от орнитоморфов в густых зарослях. Но там ее настигнет земная погоня!..

Первый из преследователей уже нагонял Папиллона. Альфрик! На его лице, красиво обрамленном летящими по ветру серебристыми волосами, застыла усмешка.

— Мы убедились, что ты действительно непобедим, сэр Ольгер Датский! — крикнул он.

— Рад за вас, — буркнул Хольгер.

Его меч встретился с изогнутым мечом герцога. Мгновенно, не теряя ни секунды, Хольгер поддел острием своего меча меч герцога, сильно рванул и вырвал у врага оружие. Альфрик вскипел и бросил коня к Хольгеру. Его левая рука, быстрая, как змея, выстрелила вперед, и сильные пальцы сомкнулись на кисти Хольгера, сжимающей меч. Этот маневр понадобился для того, чтобы, задержав противника, успеть выхватить из-за пояса стилет.

Хольгер закрылся щитом и резко ударил железным ободом по руке, держащей стилет. Герцог вскрикнул. Его кожа задымилась. Хольгер почувствовал смрад жженой плоти. Белый конь диким галопом рванулся вперед. Святое небо, это — правда! Тела фарисеев не выносят прикосновения железа!

Он развернулся лицом к погоне и поднял меч.

— Идите, идите сюда, красавцы! — заорал он. — У меня найдется для каждого поцелуй!

Преследователи резко осадили коней и разъехались в две стороны. Хольгер увидел бегущих к нему лучников. Дело дрянь! Издали они легко нашпигуют его стрелами. Придется брать на испуг.

— Йе-о-о-о! — завопил он, бросая Папиллона в атаку и размахивая мечом.

Лучники не дрогнули, и вокруг него запели стрелы.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа!.. — вырвалось у него.

И вдруг фарисеи взвыли! Они бросились врассыпную, теряя оружие, как будто их разметал взрыв. Значит, и это — правда! Они не выносят молитв! Почему он не вспомнил об этом раньше?

Он расхохотался и крикнул:

— Хей-хо! Эй, вы! Серебро!

По слухам, серебра они тоже не любят. Слава Богу, от них отделались. Он повернул коня к лесу.

Что-то блеснуло в траве. Он ловко нагнулся и поднял стилет, потерянный герцогом. Стилет был самым обыкновен-

ным, только очень легким. По лезвию бежала надпись: «Пламенное Лезвие». Поразмыслив, он решил, что стилет сгодится как сувенир, и сунул его за пояс.

Теперь надо найти Алианору. Он медленно проехал вдоль границы леса, выкрикивая ее имя. Тщетно. Радостное возбуждение сменилось тревогой. Если она убита... Ах, мерзкие твари! Что-то щиплет глаза... Он как-нибудь выкарабкается и один, но она была великолепной девчонкой и к тому же спасла ему жизнь. И чем он с ней расплатился? Пил, танцевал и валялся в постели, в то время как она спала в холодной росе...

— Алианора!!!

Нет ответа. Ветер улегся, опускался туман. Вокруг ни движения, ни звука. Он беспокойно подумал о том, что долго ему здесь оставаться нельзя. Замок совсем рядом, а фарисеи, конечно, не станут сидеть сложа руки. Они найдут кого-нибудь, кто не боится ни молитв, ни железа. Фею Моргану, например. Поэтому, если он хочет удрать, то надо торопиться.

Он ехал вдоль кромки леса на запад, то и дело останавливаясь и окликая Алианору. Туман становился все гуще и гуще. Скоро он стал таким плотным, что заглушал стук копыт и затруднял дыхание. Капли влаги блестели на оружии и гриве коня. В радиусе двух метров ничего не было видно.

«Это фокусы фарисеев», — пришло ему в голову. Пеленают его туманом, как младенца. Он пустил Папиллона в галоп.

Впереди, среди серых клубов тумана, мелькнуло что-то белесое.

— Эй, — крикнул он. — Кто там? Стой на месте, или будет плохо!

В ответ — смех! Но — Боже! — не лживый смешок фарисеев, а прозрачный девичий смех.

— Это я, Хольгер. Я. Я никак не могла найти своего скакуна. Путь слишком долог, а у нас на троих всего один конь. Мои крылья, увы, устают.

Она показалась из тумана — стройная и прекрасная, в тунике из белых перьев. Под ней был белый единорог, несомненно, тот самый, которого встретили они с Меривен. Животное испуганно взглянуло на Хольгера умными сердоликовыми глазами. Из-за спины девушки выглянула бородатая физиономия карлика.

— Сначала я отыскала этого молодца, — объяснила Алианора, — а потом мы с ним вместе разыскивали скакуна. Пусть Хуги пересядет к тебе: мне стоило большого труда уговорить единорога нести на спине кого-нибудь, кроме меня.

Хольгеру стало стыдно. Он совершенно забыл о Хуги.

Разгневанный Альфрик, несомненно, жестоко расправился бы с ним. Он подхватил лесовика и усадил его перед собой.

— Какие у вас планы? — спросил он.

— Какие еще планы, кроме как ударить в галоп и скорее из поганых этих мест удалиться, — заворчал Хуги. — Чем будем ближе мы к правильным землям, тем будем живее, и глядишь, еще и другим расскажем, из какой катавасии выбрались.

— Пожалуй. Но не собьемся ли мы в таком тумане с пути?

— Я буду иногда подниматься и определять направление, — предложила Алианора.

Они поскакали сквозь влажную, ватную мглу. Хольгер ехал и думал о том, сколь многим обязан он своим бескорыстным спутникам, и сколь эгоистично ведет себя сам, вовлекая их без конца в смертельно опасные приключения.

— Хуги, — спросил он, — а почему это так опасно — войти в Холм Эльфов?

— А ты не знаешь? Так вот для чего они меня от тебя умыкнули. Чтоб я предостеречь не успел... Ну так вот, время в Холме этом Эльфовом прескверные повадки имеет. Провел бы ты там одну только ночь в утехах, а вышел — здесь уже сто лет прошло. А они эти сто лет творили бы, чего пожелают, и то как раз, в чем ты для них поперек дороги стоишь.

Ого! Но из этого можно понять еще и то, что его персона в этом мире что-то значит. Вряд ли Альфрик и Фея Моргана могли так долго заблуждаться на его счет и путать с героем, под чьим гербом он невольно выступает. Похоже на то, что именно он, Хольгер Карлсен, сирота и полуэмигрант, стал почему-то крупной фигурой в здешней колдовской игре. Возможно, скачок в этот мир произвел в нем кардинальные изменения. Но какие?.. Ясно одно: силы Хаоса стремятся или привлечь его на свою сторону, или нейтрализовать. Сногсшибательное гостеприимство (Меривен, конечно, была включена в счет) было, вероятно, попыткой приручить его. Ему втирали очки, а тем временем Альфрик и Моргана держали совет. Скорее всего они решили не рисковать и, пользуясь его неведением, засадить от греха подальше в Холм Эльфов лет на сто или двести.

Но почему ему просто не всадили нож в спину? Это было бы проще всего. Может быть, нападение пустого рыцаря и было такой попыткой? Когда дело не выгорело, Альфрик изменил тактику. Кстати, откуда вообще герцогу о нем известно? От Матери Герды, конечно. Демон, которого она вызвала,

должен был рассказать ей о Хольгере нечто такое, после чего ведьма решила немедленно послать его к своим могучим друзьям в Фейери. С помощью магии она предупредила Альфрика. Но что именно мог рассказать ей демон? И еще: как теперь, когда коварство герцога не принесло плодов, а прямое нападение сорвалось, Срединный Мир попытается расправиться с ним?

Так или иначе, но возвращение домой пока откладывается. Правда, в этом мире есть не только черная, но и белая магия. Может быть, удастся договориться с кем-нибудь из белых волшебников?..

Из тумана грянул хохот — хриплый и оглушительный. Хольгер вздрогнул. Хуги закрыл уши ладонями. Захлопали огромные крылья. Кто это? Сквозь серую муть ничего не видно.

— Это, пожалуй, впереди, — прошептал Хольгер. — Повернем?

— Нет, — Алианора побледнела, но ее голос звучал твердо. — Это уловка: нас хотят сбить с дороги. Сейчас опаснее всего заблудиться.

— Ладно, — буркнул Хольгер. — Я поеду впереди.

Он пришпорил коня и обогнал единорога. Туман шипел, чавкал, стонал, хохотал и выл, серые тени бросались врассыпную из-под копыт, из серых клубов высовывались и кривлялись жуткие рожи. Хольгер твердо скакал впереди. Хуги, закрыв глаза и зажав уши, повторял, как заклинание:

— Я был обычным лесовиком... Я был примерным лесовиком. Я был обычным лесовиком...

Казалось, прошла вечность, прежде чем туман стал редеть. Папиллон и единорог почуяли солнце, пустились галопом и вырвались с радостным ржанием на солнечный свет. Страна полумрака осталась позади.

Близился вечер. Длинные тени от скал и высоких сосен легли на холмы, поросшие колючим кустарником. Свежий ветерок трепал конскую гриву. Неподалеку шумел водопад. Обычный прекрасный мир.

— После захода солнца фарисеи могут напасть опять, — сказала Алианора. — Но здесь их чары будут слабее, чем в Фейери.

Ее голос срывался от усталости. Хольгер чувствовал, что тоже вымотан до предела.

Не останавливаясь, они пустились дальше, чтобы до заката солнца отъехать как можно дальше от границы Фейери. Потом разбили лагерь между сосен, на склоне холма. Хольгер

срубил мечом две прямые ветки, сделал из них крест и воткнул в землю возле костра. Карлик принял свои, варварские, меры предосторожности: выложил вокруг лагеря круг из камней и железных предметов, бормоча при этом какие-то заклинания.

— Теперь попробуем, — сказала Алианора, — продержаться ночь. — Она улыбнулась. — Я еще не успела сказать тебе, рыцарь, как прекрасен был твой бой с фарисеями. Ты был могуч и красив.

— Хм... м-да... благодарю, — промямлил Хольгер. Он ничего не имел против комплиментов из уст очаровательной девушки, но... Чтобы скрыть смущение, он уселся и стал вертеть в руках трофейный стилет. Костяная ручка была снабжена большим, пожалуй, чересчур большим эфесом. Металл самого клинка был похож на магний. Но магний слишком мягок для клинка и к тому же легко воспламеняется. Почему Альфрик выбрал себе такой стилет?

Из тех скудных запасов, которые оставались у них, Алианора приготовила немудреный ужин.

Опустилась ночь. Хольгер, которому выпало дежурить в третью смену, растянулся на мягкой подстилке из трав. От костра шел жар и лился мерцающий свет. Он мог позволить себе немного расслабиться. И хотя он запретил себе спать, веки сомкнулись сами собой...

Он проснулся и рывком сел. Алианора держала его за руку и, глядя в темноту, испуганно шептала:

— Ты слышишь? Слышишь? Там кто-то есть!

Он схватил меч и вскочил на ноги. Вокруг лагеря блуждали огоньки — множество чьих-то глаз. Над самым ухом раздался вой. Он вслепую махнул мечом. Ответом был мерзкий хохот.

— Во имя Отца и Сына... — воскликнул он, и был снова осмеян. Эти гости, кажется, обладали иммунитетом к молитве. Его глаза привыкли к темноте, и он различил блуждающие по границе лагеря тени. Таких мерзких чудовищ он никогда не видел.

Хуги скорчился возле костра и выбивал зубами барабанную дробь. Алианора, дрожа, прижималась к Хольгеру.

— Спокойствие, — сказал он.

— Это посланцы Фейери, — прошептала она. — Жители ночи. Они со всех сторон, Хольгер! Я не могу выдержать этого кошмара! — Она уткнулась лицом ему в грудь.

— Да, на конкурс красоты это мало похоже, — подтвердил он.

Странно, но он совершенно не чувствовал страха. Эти

монстры уродливы сверх всякой меры, но кто заставляет любоваться ими?

— Они не могут к нам приблизиться, милая, — сказал он. — А если бы могли, то давно бы уже это сделали.

Алианора подняла на него глаза.

— Я видел плотины на реках. Если бы вода их прорвала, она смела бы все. Но никто не падал от этой мысли в обморок. Все знали, что плотина выдержит.

Про себя он подсчитывал, каков примерный коэффициент их безопасности. Несомненно, местные чародеи располагали чем-то вроде таблиц сопротивления материалов и могли бы дать с точный ответ. Ему приходится полагаться на интуицию. И какое-то глубоко спрятанное в нем знание подсказывало, что лагерь под надежной защитой.

— Все будет хорошо, — произнес он. — Все будет хорошо. Они ничего нам не сделают, разве что помешают своими воплями выспаться.

Он осторожно поцеловал обращенное к нему лицо. Она неумело вернула поцелуй...

ГЛАВА 10

В конце концов враг отступил. По словам Хуги, эти твари поспешили забиться в свои норы до рассвета.

Значит, сделал вывод Хольгер, они боятся солнечного излучения. Скорее всего, ультрафиолетовых волн...

Стоп, стоп! Но ведь это объясняет загадку магниевого стилета! В случае крайней опасности, окажись герцог прижатым к стенке своими соперниками из Срединного Мира, он мог поджечь клинок. Широкая рукоятка защитила бы от огня руку, а другая рука могла бы полой плаща закрыть лицо... Враг, конечно, бежит. Ну что ж, это оружие может пригодиться.

Когда чудовища исчезли, друзья заснули как убитые. Через два или три часа Хольгер проснулся от холода и ужаснулся: он был совершенно голым! Полученное в Фейери платье исчезло! Довольно мелочно со стороны Альфрика.

К счастью, Алианора еще спала. Он поспешно натянул свои простые одежды. Поразмыслив, напялил сверху кольчугу.

После скромного завтрака они снова тронулись в путь.

— Куда мы теперь? — спросил Хольгер.

— Я знаю одного белого мага, — сообщила Алианора. — Он живет в городе Тарнберге. У него доброе сердце и обширные знания. Может быть, он сможет тебе помочь. Только, Хольгер, — она с нежностью произнесла его имя, — нам надо

держаться ближе к человеческому жилью. Фейери так тебя не отпустит... Там, где люди, там церкви, а существа без души опасаются приближаться к ним.

— Конечно, — согласился Хольгер. — Но скажи, этот твой маг сможет достойно тягаться с такими мастерами, как Альфрик или фея Моргана?

— Если нет, то нам придется пробираться в Империю. Она далеко на западе, путь туда труден и небезопасен, но там тебя встретят с почестями. Со времен Карла не было у христиан равного тебе рыцаря.

— О каком Карле вы все говорите? — спросил наконец Хольгер.

— О том, конечно, кто основал Святую Империю — король Карл! Кто воздвиг твердыню христианства и вытеснил полчища сарацин обратно в Испанию. Не может быть, чтобы ты о нем ничего не знал!

— Э-э-э... — промямлил Хольгер. — Может быть, и знал... Ты имеешь в виду Карла Великого?

— Ну да, — обрадовалась Алианора. — Многие зовут его так. Значит, ты его знаешь! О, говорят, его окружало много героев, но я знаю только историю Роланда. Этот рыцарь пал в Ронсельванском ущелье.

У Хольгера голова шла кругом. Значит, он все-таки в прошлом? Нет, это невозможно! Но, как ни крути, а Карл Великий — реальная историческая фигура!

Стоп! Если вспомнить то, что он знал из старофранцузского эпоса, то все сходится: магические страны и сарацины, девушка-лебедь и единорог, чернокнижье и Холм Эльфов, Роланд... Легенды средних веков. Неужели он самым немыслимым образом очутился в книге?

Нет-нет, это ни в какие ворота не лезет. Все-таки лучше считать, что это — иная Вселенная с особым пространственно-временным порядком и с собственными законами, отличными от земных. В конце концов математическая вероятность существования такой Вселенной, пусть даже по модели средневековой мифологии, вполне допустима.

Однако и тут не все ясно. Если здесь так много земных подобий, то, следовательно, он был перемещен не как попало, в какой-то чужой космос. Между этим и его миром, несомненно, есть какая-то связь. Ведь сходство между ними не ограничивается только астрономией и географией, но касается и истории.

Здешний Карл мог и не быть двойником земного, но очевидно, что в истории обоих миров они сыграли одинаковые

роли. Может быть, сознание бардов, поэтов и пророков было тогда каким-то трансцендентальным образом настроено на волну восприятия этого мира?.. Может быть. Но для него из этих рассуждений не следует ничего. Лучше попытаться выудить из мифологии какие-нибудь полезные сведения.

Например, Хуги говорил о Моргане как о сестре короля Артура. Того самого, конечно, Артура, который стоял во главе рыцарей Круглого Стола... Какая досада, что эти старинные легенды он читал только в детстве!

Они прошли уже немалый путь по выбранной Алианорой дороге. Она вела на северо-запад по гребню возвышенности. Отсюда во все стороны открывался прекрасный вид. Сзади стояло темное марево Фейери, впереди синели горы, через которые им предстояло пройти. В оврагах пенились и шумели ручьи. По бледному небу летели рваные облака.

Они выбрали удобную поляну и остановились пообедать. Хольгер, едва не поломав зубы о черствый, как камень, хлеб, сокрушенно вздохнул:

— Дорого бы я сейчас дал за хороший датский бутерброд. Знаете, как он делается? На слегка поджаренный хлеб намазывается масло, потом кладут тонкий ломтик сыра, несколько очищенных креветок и половинку яйца... О!..

— В придачу ко всем своим достоинствам ты умеешь стряпать? — восхитилась Алианора.

— Ну, не так, чтобы очень...

Она села рядом и положила голову ему на плечо.

— Как только представится случай, я найду тебе все это, — с нежностью сказала она. — И мы закатим пир — пир только для нас двоих.

— Хе! — буркнул Хуги. — Пойду посмотрю, что это там за скалой.

— Куда ты? — смущенно воскликнул Хольгер, но карлик уже исчез.

— Хуги — деликатный и добрый лесовик, — улыбнулась Алианора и обвила руками шею Хольгера. — Он знает, что бывают моменты, когда девушке хочется нежности.

— Но... — стушевался Хольгер. — Конечно... Ты изумительная девушка, но... Здесь?.. Впрочем, к черту! — И он решительно обнял ее.

— Ай! — взвизгнула Алианора.

Хуги свалился на нее неизвестно откуда.

— Дракон! — заорал он. — Дракон! Он летит сюда!

Хольгер вскочил, как ужаленный.

— Что? Где? Откуда?

— Дракон, дракон! — причитал Хуги. — Огнедышащий! Это Альфрик наслал его на нас! — Он обнял Хольгера, точнее, его ноги. — Спаси, спаси нас, великий рыцарь! Я знаю, рыцари всегда убивают драконов! Я знаю!

Папиллон заржал. Единорог подбежал к Алианоре, она вскочила на него, и в мгновение ока они скрылись из виду. Хольгер схватил Хуги в охапку, прыгнул на Папиллона и помчался вслед за Алианорой.

Вырвавшись на открытое место, они увидели дракона. Чудовище приближалось с юга и было уже на расстоянии около полумили. От грохота крыльев заложило уши. «Фюзеляж длиной футов пятьдесят», — оценил Хольгер, стараясь унять нервную дрожь. Пятьдесят футов панцирной чешуи, гигантская змеиная голова, пасть, способная в два приема проглотить всадника вместе с конем, перепончатые крылья, железные когти на мощных лапах... Папиллон, обезумев от ужаса, мчался, не уступая в скорости единорогу. Но дракон летел быстрее.

— Ой-ой-ой! — голосил Хуги. — Быть нам поджаренными! Быть нам печеными!

Дракон повис в небе высоко над ними и вошел в пике. Дым и пламя вырывались из открытой зубастой пасти. У них оставались считанные секунды. Хольгер лихорадочно пытался найти выход. Каков метаболизм этой твари? Почему она вообще летает вопреки всем законам аэродинамики? В нос ударил запах горящей серы.

— Смотри! — донесся до него крик Алианоры. — Сюда! Здесь можно укрыться!

Она показала на узкий черный лаз в скале.

— Нет! — закричал Хольгер. — Только не туда! Это верная смерть!

Она непонимающе дернула плечами, но послушно повернула единорога. Первая волна жара окатила Хольгера. О Господи! Если бы они влезли в эту дыру, дракон сжег бы их одним вздохом.

— Вода! Нам нужна вода! — заорал он.

Копыта коня стучали по каменному плато. Хольгер вытащил меч. На что он рассчитывает? Дракон превратит его в пепел вместе с мечом. Но, может быть, Алианора успеет спастись...

Они поскакали к краю плато. Немыслимо крутой склон вел вниз. Папиллон не заржал — захрипел от страха, но отчаянно ринулся вниз, ломая грудью густой кустарник. Они мчались почти кувырком. И вдруг оказались на берегу горной

реки. Единорог прыгнул, Папиллон сиганул за ним, и они остановились как вкопанные посредине быстрого ледяного потока.

Дракон приземлился на берегу. Он выгнул спину и зашипел, как взбесившийся локомотив. «Боится воды!» — обрадовался Хольгер. Опять его подсознание шепнуло ему правильную подсказку.

— Все в воду! — скомандовал он и прыгнул первым. Мощное течение ударило в грудь. — Держитесь за хвост коня. Если он станет атаковать, ныряйте.

Долго в этой ледяной воде им не выдержать. Но это их единственный шанс.

Дракон ударил крыльями, поднялся в воздух и завис над ними, закрыв все небо. В открытой пасти бушевало пламя. Хольгера осенило. Он бросил бесполезный меч в ножны, сдернул с головы шлем и зачерпнул воды. Дракон потянулся к нему мордой. Хольгер закрыл глаза левой рукой и вслепую плеснул водой.

Зашипел пар. Дракон взревел. У Хольгера лопались барабанные перепонки. Бронированное чудовище в панике било крыльями и полосовало огнем направо и налево. Хольгер выругался и влил полный до краев шлем прямо в кошмарную пасть.

Дракон оглушительно завизжал. Медленно и неуверенно, как слепой, он поднялся вверх и неуклюжими рывками полетел к югу. Они стояли и слушали, как умирает вдали грохот чудовищных крыльев. Когда дракон скрылся с глаз, они выкарабкались на берег.

— Хольгер, Хольгер! — обняла его Алианора, смеясь и плача одновременно. — Ты лучший из рыцарей! Как ты это сделал, любимый? Как это тебе удалось, мой герой?

— О, ничего особенного, — сказал Хольгер, озабоченно трогая обожженную щеку. — Немного термодинамики.

— Это какая-то особая магия? — уважительно спросила она.

— Никакой магии, кроха. Если кто-то хочет изрыгать пламя, то ему придется как следует раскочегарить топку. Ну, а я плеснул в эту топку воды. И вышло что-то вроде взрыва парового котла. — Он небрежно махнул рукой. — Пустяк.

ГЛАВА 11

Они тронулись дальше и через несколько миль наткнулись на залитую солнцем и со всех сторон окруженную ска-

лами долину. Среди высоких трав мелодично звенел ручей, купались в солнечном свете тополя и буки. Стайка скворцов при появлении людей с шумом снялась с дерева и унеслась прочь. Лучшего места для отдыха, в котором все они так нуждались, нельзя было и желать. Алианора легла на траву и мгновенно уснула. Хуги уселся под куст и принялся стругать какую-то деревяшку. Хольгеру не сиделось.

— Пойду, пройдусь, — сказал он. — Если что — кричи.

— Не опасно ли тебе удаляться от нас? — спросил гном, но тут же ответил себе: — Хотя кто осмелится покуситься на укротителя драконов?

Хольгер хмыкнул в ответ. Он сегодня, конечно, герой дня. Но причиной тому прежде всего благоприятное стечение обстоятельств. Он раскурил трубку и, насвистывая, двинулся по берегу ручья. Вокруг расстилался классический пасторальный пейзаж: луга, цветы, деревья, ручей. Щиплющие травку конь и единорог. Щебет птиц. Если бы не жгучая боль от ожога, он бы, конечно, тоже завалился под куст и помечтал о чем-то приятном. Однако многое требует серьезного обдумывания.

Надо все же признать, что он является для этого мира чем-то вроде главного персонажа. Цепь кажущихся случайностей складывается в стройную систему. Не успел он появиться здесь, как тут же нашел одежду своего размера, оружие и преданного коня. Потом — переполох в Фейери при его появлении. При этом, несмотря на полное отсутствие у него боевого опыта, никому не удается его убить...

Лагерь скрылся с глаз. Он брел и рассуждал про себя. В чем суть конфликта между Порядком и Хаосом? Здесь явно кроется нечто большее, чем просто религиозный конфликт. Хаос и Порядок — терминология второго начала термодинамики, а оно говорит, что тепловая смерть Вселенной настанет при условии победы хаоса, или энтропии, над порядком. Стоп-стоп... Может быть, в этом ненормальном мире борьба природных сил приобрела одушевленную форму? И разве не то же самое происходит на Земле? В самом деле, с чем он сражался, воюя с фашизмом, как не с древним кошмаром Хаоса? А здесь — обитатели Срединного Мира пытаются вернуть планету к первобытному Хаосу. По другую сторону баррикады стоит человеческая мораль, стремящаяся укрепить и расширить владения Порядка, безопасности, мира.

Это рассуждение показалось Хольгеру достаточно убедительным. Разница только в том, думал он, что в его родном мире естественные силы природы проявлены и осознаны в полной мере, а силы ментальные, магические — слабы и

неуловимы. В этой Вселенной все наоборот. Но у этих двух миров существует некое единство, и потому в них обоих борьба Порядка и Хаоса имеет одновременные кульминации. Что касается силы, которая перенесла Хольгера из одного мира в другой, то здесь не обошлось, пожалуй, без божественного промысла... Хотя эти слова мало что объясняют.

И еще одно доказательство — странные знания, непонятные для него самого и приходящие в нужный момент на помощь из глубин подсознания. Этот Кортана, например. Кортана — меч, как сказал лесовик. В нем заключена магическая сила. Сейчас он надежно спрятан в неприступном и неведомом месте. Но почему Хольгер помнит, что когда-то держал этот меч в руке?

Он вошел в небольшую светлую рощицу, прошел ее насквозь и столкнулся нос к носу с феей Морганой.

Встреча была как гром среди ясного неба. Сладкий гром, поражающий сердце. Она шла к нему сквозь поток золотого света и зеленые волны листвы... Ее платье сверкало, как снег... И улыбка на губах была, как расцветающая роза... И волосы были, как ночной водопад, отражающий звезды...

— Привет тебе, Хольгер, — услышал он ее чарующий голос. — Давно мы не виделись.

Видит Бог, он изо всех сил старался сохранить самообладание. Но она взяла его за руку и посмотрела в глаза.

— Как одиноко мне было без тебя, — тихо сказала она.

— Без меня?! — сдавленно вскрикнул он.

— Конечно, а без кого же еще? Или обо мне ты тоже забыл? — Ее «ты» звучало как музыка. — Тьма была наложена на тебя, но как долго тебя не было, Хольгер... — Она весело рассмеялась: — Но что у тебя с лицом, мой милый? О, мало кто из мужей встречает огнедышащего дракона лицом к лицу. Позволь мне излечить тебя. — Она коснулась пальцами обожженной щеки. Укол боли — и волдыри исчезли. — Вот и все. Тебе лучше?

Нет, ему не стало лучше. Его прошиб пот, а ворот рубахи стал почему-то тесен.

— В том мире ты набрался скверных привычек, — улыбнулась она, вынула у него изо рта трубку, вытряхнула ее и сунула в кисет на поясе. Но при этом ее рука задержалась на его бедре гораздо дольше, чем это бывает при случайном прикосновении. — Гадкий мальчик.

Ее игривость неожиданно отрезвила его. Ему всегда было не по себе, когда зрелые женщины сюсюкают и вульгарно кокетничают

— Послушай-ка, — буркнул он, — Альфрик не раз пытался меня убить, а ты помогала ему. Что же тебе теперь от меня надо?

— Что может быть нужно женщине, истосковавшейся по мужчине? — в том же ключе продолжала она.

Она шагнула к нему, он отступил.

— Милый, я не знала, что это был ты, и помогала Альфрику в полном неведении. В ту самую минуту, когда мне стало известно о его предательстве, я поспешила сюда.

Хольгер стер пот со лба.

— Ты лжешь, — сказал он.

— Даже если так, милый, что из того? Слабому полу нужно прощать маленькие хитрости, не так ли? Главное, что я в самом деле пришла сюда за тобой. Вернись.

— Куда? В мир Хаоса?

— А почему бы и нет, милый? Что, собственно, в этом скучном Порядке так привлекает тебя? Я буду искренней, но будь до конца честным и ты. Почему, Хольгер, мой милый медведь, ты должен класть жизнь за неотесанное мужичье и толстобрюхое мещанство, когда все ослепительные Звезды Хаоса могут принадлежать тебе? С каких пор ты стал человеком, который ищет счастья в убогом мире, пропахшем навозом и дымом? Ты, который обращал в бегство легионы! Ты можешь зажигать солнца и лепить новые миры, если захочешь!

Ее голова легла ему на грудь.

— Нет, нет... — выдавил он. — Я не верю тебе.

— О скорбная перемена! Где тот мужчина, которого я обнимала на Авалоне? Ты забыл, как принесла я тебе в дар столетия своей любви и молодости! — Все это звучало до пошлости банально, но блеск ее темных глаз околдовывал Хольгера. — Я не зову тебя в ряды Хаоса, милый, но зачем тебе война с ним? Вернемся на Авалон, Хольгер! Вернемся на счастливый наш Авалон!

У Хольгера пропало желание противиться ей. Она искренна, подумал он. Пусть она хочет вывести его из игры накануне решающих битв, но вместе с тем она искренна в любви к нему. В конце концов, почему бы и нет? Он ничего не должен в этом мире ни Порядку, ни Хаосу. Зато ее объятия обещают так много...

— Мы не виделись вечность, — шептала она, — а когда встретились, ты даже не поцеловал меня...

— Это... — Он кашлянул. — Это нетрудно исправить...

Их губы встретились. Высокая теплая волна подняла

Хольгера... Он уже не мог думать ни о чем-то другом, не мог и не хотел.

— О-о! — вздохнула она. — Мой повелитель! Еще... Целуй меня, целуй...

Он обнял ее, но боковым зрением заметил, как что-то мелькнуло в кустах. Он поднял голову и увидел Алианору верхом на единороге.

— Хо-о-ольгер! — громко звала она, не замечая их. — Хо-о-оль... О!

Единорог увидел Моргану, встал на дыбы и, сбросив всадницу, умчался прочь, негодующе фыркая. Алианора, вскочив, уставилась на них.

— Ну вот, теперь он ко мне не вернется, — пожаловалась она. — Видишь, что ты наделал, — она всхлипнула.

Хольгер выпустил из объятий Моргану.

— Уберите с моих глаз эту деревенскую девку! — гневно крикнула королева фей.

У Алианоры мигом высохли слезы.

— Убирайся отсюда сама! — закричала она. — Оставь его в покое, мерзкая ведьма!

— Хольгер! Если эта недозрелая девица сейчас же не оставит нас...

— Недозрелая?! — задохнулась от возмущения Алианора. — Ты! Зато ты давно уже перезрела!

— Соплячка!

— Старуха!

Хольгер ошалело крутил головой.

— Какая ты храбрая, дева-лебедь! — воскликнула фея Моргана. — Или ты только что снесла особенно удачное яйцо?

— Для этого мне нужно бы поучиться кудахтать у старых квочек!

— Ах так, прекрасно! В облике курицы тебе это будет проще! — королева ядовито улыбнулась и стала делать руками быстрые пассы.

— Эгей! — подскочил к ней Хольгер. — Без этих штучек!

Он не собирался делать этого, но плохо рассчитал дистанцию, и получилось так, что он грудью толкнул ее в плечо. Моргана покатилась по траве.

— Прошу прощения, — Хольгер протянул ей руку.

Она оттолкнула руку и быстро вскочила. Гнев стер все краски с ее лица — оно было холодным и бледным.

— Что ж, друзья, — произнесла она.— У вас своя дорога, у меня своя. Но мы обязательно встретимся.— Она неприятно хихикнула, взмахнула рукой и исчезла. Воздух с хлопком за-

полнил образовавшуюся пустоту.

Теперь Алианора разрыдалась по-настоящему, уткнувшись в ствол дерева и спрятав лицо в ладони. Хольгер подошел и тронул ее за плечо. Она стряхнула его руку.

— Уйди! — всхлипнула она. — Ступай к своей... своей ведьме... если она... тебе нравится...

Что толку было оправдываться?

— Иди, иди, — шмыгая носом, гнала его Алианора, — никто не заплачет... Сколько угодно..

Только женских слез Хольгеру и не хватало. Он крепко взял ее за плечи, развернул к себе и сказал:

— Слушай. У меня с ней ничего не было, понятно? И никогда не будет. Запомни это. А теперь скажи: пойдешь со мной, как взрослая, или тебя нести, как ребенка?

— Как взрослая! — Она выскользнула из его рук и побежала вперед. Хольгер раскурил трубку и всю обратную дорогу пыхтел ею. К черту! К черту! Жаль только, что он опять ничего не помнит, а ведь в объятиях Морганы к нему стала возвращаться память. Жаль. Зато теперь все расставлено по своим местам: с сегодняшнего дня Моргана станет самым лютым его врагом.

И тут ничего не поделаешь.

А ему предстоит долгий путь. Он взял Алианору за руку, и они вышли к лагерю.

ГЛАВА 12

Этой ночью их не беспокоил никто. Но, по мнению Хуги, это могло означать только одно: им готовят что-то посерьезнее, чем балаган с жителями ночи. Хольгер разделял пессимизм карлика.

Они проснулись чуть свет и сразу пустились в путь. Теперь у них было только одно верховое животное на троих. Алианора, разумеется, могла бы сопровождать их по воздуху, но лебеди не умеют парить и поэтому быстро устают. А Папиллон, несмотря на свою необычную силу и выносливость, не мог нести на спине тройной груз с прежней скоростью. До того как они тронулись в путь Алианора поднялась высоко в небо и с высоты выбрала удобный для них маршрут. К вечеру Хольгер надеялся достичь перевала, за которым она заметила первые следы человека — несколько уединенных ферм.

— Там, где живет хоть несколько человек, — объяснила она, — если, конечно, они не варвары и не преступники, мы обязательно найдем хоть клочок освященной земли и даже

церковь. Там мы будем в безопасности.

— Если это так, — сказал Хольгер, — и каждая церковь — преграда для Срединного Мира, то как он может рассчитывать на захват этих земель?

— Во-первых, у них есть союзники среди существ, которые не боятся ни света дня, ни священных молитв. Это животные вроде вчерашнего дракона или злобные гномы, обладающие душой. Таких помощников у них, правда, мало, да и те слишком глупы, чтобы на них можно было всерьез положиться. Главная их опора — это люди, перешедшие на сторону Хаоса. Чернокнижники, ведьмы, разбойники и убийцы, язычники и дикари. Этим ничего не стоит осквернить священное место и уничтожить его защитников. И тогда на вытоптанную ими землю смогут спуститься голубые сумерки Срединного Мира. Каждый такой шаг будет теснить Порядок, а близость Хаоса — будить в людях страх, зло и жестокость.

Солнце уже село, когда они достигли наконец перевала. Лес остался внизу, вокруг были только голые камни с редкими пучками травы. Папиллон фыркнул и помотал головой.

— Бедный, бедный, — потрепала его по шее Алианора. — Тебе сегодня досталось. А в награду за труды — только жалкие сухие колючки.

Она нашла углубление в скале и налила туда воды из бурдюка. Хольгер подождал пока конь утолит жажду, и тщательно вытер его попоной. Он уже перестал удивляться собственной сноровке в уходе за жеребцом, но никак не мог понять, откуда в нем столько нежности к этому бессловесному существу.

Они разбили лагерь, выложили магический круг и на скорую руку поужинали. И, предельно измученные, наконец улеглись.

Однако заснуть Хольгеру не удавалось. Было очень холодно. Плащ, которым они с Алианорой укрылись, почти не грел, а чепрак из-под седла, служивший им подстилкой, не делал скалу ни теплее, ни мягче. Но настоящей причиной его бессонницы было не это. Причиной было доверчиво обнявшее его существо, сотканное из сонного тепла и спутанных волос. К таким искушениям он не привык. Он попробовал отвлечься, припоминая подробности романа с Меривен, но это только ухудшило дело. Хольгер поймал себя на мысли, что сейчас он, пожалуй, был бы не прочь очутиться в объятиях феи Морганы. «Значит, ты готов бросить Алианору после всего, что она для тебя сделала, мерзавец?» — возмутился его внутренний голос. Ну уж нет!

Благодарность и нежность толкнули его к ней. И прежде, чем он осознал, что творит, его рука скользнула под тунику из перьев и легла на упругую молодую грудь. Алианора шевельнулась и что-то пролепетала во сне. Хольгер замер. Чувства переполняли его. Он закинул голову к небу.

Звезды, как снег, замели небосвод. По положению Большой Медведицы он определил, что до рассвета каких-то пара часов. Небо сияло, а на земле лежала кромешная тьма. Тускло мерцал костерок, выхватывая из темноты примостившегося на корточках возле огня Хуги. Силуэт огромной черной горы заслонял звезды не севере... Но... Откуда она взялась?! Там не было никакой горы!!

Он вскочил. Мгновение спустя земля дрогнула. Потом снова и снова... и снова... как будто ожил гигантский бубен. Гора дрожала, как лестница, по ступенькам которой поднимался чугунный гигант. Скалы лопались и с грохотом катились вниз. Хольгер выхватил меч.

Ступня величиной с человека пнула и разрушила магический круг. Алианора закричала от ужаса. Папиллон, дрожа как лист, спрятался за спиной Хольгера. Хуги на четвереньках быстро-быстро улепетывал от ступни с огромными нестриженными ногтями.

Великан присел на корточки и корявыми, как дубовые ветви, пальцами разворошил костер. Огонь ярко вспыхнул и выхватил из темноты уродливую, коротконогую фигуру гиганта. Одеждой ему служили кое-как сшитые мохнатые шкуры, от которых шел резкий неприятный запах. Лицо великана, насколько его позволяли рассмотреть спутанная растрепанная шевелюра и лохматая борода, относилось к ярко выраженному акромегалическому типу: маленькие глазки прятались под карнизом мощных надбровных дуг, нос был коротким, скулы — острыми, а под толстыми губами сверкали устрашающей величины зубы.

— Прыгай на Папиллона, Хуги, — шепнул Хольгер. Первый страх миновал, и он лихорадочно обдумывал ситуацию. — Я задержу его настолько, насколько смогу. А ты улетай, Алианора!

— Я останусь с тобой, — услышал он в ответ.

— Как же это? — простонал Хуги. — Он же из Срединного Мира. Магический круг должен был остановить его!

— Он дождался минуты, — сказала Алианора, — когда у кого-то из нас родились мысли кощунственные и нечистые. Тогда святые знаки теряют свою магическую силу. — Она бросила негодующий взгляд на Хуги.

Хольгер почувствовал себя подлецом: виновным в греховных мыслях был, конечно, не Хуги.

— Говорите так, чтобы я вас мог слышать, — оглушительно протрубил великан.

Хольгер облизал пересохшие губы, шагнул вперед и сказал как можно громче и тверже:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа приказываю тебе удалиться!

— Фу! — пренебрежительно фыркнул гигант. — Поздно, смертные. Вы сами разорвали круг добра грешными помыслами. Альфрик поведал мне, что я найду здесь лакомую добычу. Отдайте мне деву, а сами ступайте своей дорогой.

У Хольгера уже был готов сорваться с языка достойный ответ на это гнусное предложение, но он вовремя спохватился: формулировка была отнюдь не для девичьих ушей. Поэтому он молча стиснул зубы, размахнулся и нанес великану удар мечом. Тот охнул, резко отдернул руку и стал ею трясти, дуя на дымящуюся рану, нанесенную непереносимым железом.

— Постой! — вскричал он. — Поговорим!

Хольгер, едва не сбитый с ног децибелами, опустил меч. Дудки! Его не так просто взять голыми руками!

Густой бас между тем принялся вещать довольно миролюбивым голосом:

— Я прослышал, что ты великий рыцарь. Что ж, ты убедился, что меня ранит прикосновение железа. Однако не кажется ли тебе, что я мог бы обрушить на тебя скалы? Давай обойдемся без этого. Что ты скажешь о поединке более приятном? Я говорю о состязании в уме. Если ты победишь меня силой разума, я не стану чинить вам помех. И вдобавок наполню твой шлем золотом. — Он тряхнул увесистым мешком, висящим у пояса. — Но если проиграешь ты, то дева достанется мне. Идет?

— Нет! — отрезал Хольгер.

— Подожди, подожди, любимый, — с неожиданной горячностью схватила его за руку Алианора. — Я думаю, речь идет всего лишь о загадывании загадок.

Хольгер удивленно поднял брови. Великан кивнул.

— Да, правильно. Мы, Большой Народ, в родовых замках в бесконечно долгие ночи нашей северной родины год за годом, столетие за столетием совершенствуем свой разум, проводя блистательные турниры, загадывая и разгадывая загадки. Это я и предлагаю тебе. И если случится так, что я не отвечу на две из твоих загадок, то позволю тебе уйти и мне не жаль будет потерянной девы. Ведь я стану богаче на две

новые хорошие загадки. Итак? — Он с беспокойством оглянулся на восток. — Начнем?

— Соглашайся, соглашайся, Хольгер, — зашептала Алианора. — Я уверена, что ты победишь.

— Мне ничего не приходит в голову...

— Да что ты?.. — растерянно спросила она. — Совсем ничего?.. Тогда... Тогда знаешь что?.. Лучше тогда отдать ему меня. Честное слово. Он съест меня, вот и все. А ты должен жить. Это так важно для нашего мира. Ты не должен рисковать жизнью из-за такой пустышки, как я...

Хольгер лихорадочно рылся в памяти. «Четыре висят, четыре идут, два ведут, один погоняет...» Корова. Загадка Самсона филистимлянам. Пожалуй, можно наскрести еще что-то из классики... Но если великан, как он говорит, занимается этим делом уже не один век, то все классические загадки ему должны быть известны... Выдумать самому? Для этого его голова не приспособлена...

— Ну так что же? — прогудел великан и опять беспокойно взглянул на восток.

Хольгера озарило.

— Он что, не переносит солнечных лучей? — шепотом спросил он.

— Не переносит, — кивнула Алианора. — Солнечный свет превратит его в камень.

— Вот-вот! — вмешался Хуги. — И если ты сумеешь голову ему заморочить до того, что рассвет застанет его здесь, то нам, глядишь, вдобавок и золотой мешок достанется.

— Я слышала, — возразила Алианора, — что их сокровища проклятые, а человека, который на них польстится, ждет неминуемая гибель. О Хольгер, уже через час он вынужден будет бежать от рассвета. О, неужели не сможешь ты продержаться, ты, победитель дракона?

— Я... попробую... — выдавил Хольгер и повернулся к нетерпеливо ерзающему великану. — Я буду состязаться с тобой, — объявил он.

— Три загадки! — прогрохотал гигант. — И свяжи деву, чтобы она не могла улететь. Быстрее!

Хольгер не мог не подчиниться. Но, накручивая веревку на тонкие руки, он шепнул:

— Ты легко сбросишь путы, если дело примет дурной оборот.

— Нет, нет, я не убегу. Ведь тогда он обрушится на тебя... О черт!

Великан подбросил в огонь несколько сучьев.

— Начнем, рыцарь. Думаю, тебе лестно будет узнать, что сегодня ты имеешь честь состязаться с тем, кому принадлежит титул Мастера загадок девяти последних турниров. — Взглянув на Алианору, он облизнулся: — лакомый для нас обоих приз.

Хольгеру стоило большого труда сдержаться и не ответить на ухмылку этого гиппопотама ударом меча.

— Ладно, — сказал он. — Первая загадка. Почему курица переходит дорогу?

— Что-о? — разинул рот великан. Его огромные зубы блестели, как брусчатка после дождя. — Ты спрашиваешь об этом *меня???*

— Отвечай.

— Но ведь это вопрос для детей! Разумеется, чтобы оказаться на другой стороне!

— Неправильно, — покачал головой Хольгер.

— Врешь! — великан вскочил на ноги.

Хольгер предостерегающе поднял меч.

— У этой загадки есть остроумный и абсолютно правильный ответ. И ты должен найти именно его.

— Такого я еще не слышал, — пожаловался великан. Однако снова опустился на корточки и погладил бороду своей грязной лапой. — Почему курица переходит через дорогу? Зачем же еще, если не для того, чтобы оказаться на другой стороне? Какой во всем этом аллегорический смысл? Поставим вопрос так: что такое курица? И что такое дорога? — он закрыл глаза и стал медленно раскачиваться.

Алианора восторженно улыбнулась Хольгеру.

Время тянулось медленно, ужасающе медленно. Сияли ледяные звезды. Дул холодный ветер. Наконец великан открыл глаза. Свет костра заплясал в них двумя красными кляксами.

— Я нашел ответ, — объявил громоподобный голос. — Загадка эта подобна той, с помощью которой Тхази победил Гротнира пятьсот лет назад. Так вот, смертный, курица — это жизнь, которую она должна перейти с обочины рождения на обочину смерти. И хотя на дороге много опасностей — повозки войны и мира, ухабы труда и грязь греха, а в вышине кружит ястреб, имя которому Сатана, — но курица идет и переходит через дорогу. Она сама не знает, почему это делает, разве что поля на той стороне кажутся ей зеленее, чем на этой. Она переходит, потому что так суждено нам всем, — высокопарно и самодовольно закончил он.

— Нет, — сказал Хольгер.

— Не-е-ет? — вновь вскочил великан.

— Тебе явно не хватает смекалки, — усмехнулся датчанин.

— Мне?! — оскорбленно взревел гигант, вызвав этим небольшую лавину. — Мне?! Что ж, я готов сдаться. Послушаем твой ответ. Почему же курица переходит через дорогу?

— Потому что обходить ее слишком долго.

Повисло молчание, а потом великан разразился протестующими проклятиями. Так как единственной целью Хольгера было стремление выиграть время, его не слишком заботил вопрос о чистоте жанра. Еще полчаса они препирались по поводу понятий «загадка», «вопрос» и «ответ», и это тоже было ему на руку. Благословенны будьте, лекции по семантике! Один только пересказ теории значений Бертрана Рассела убил минут десять, не меньше.

В конце концов великан пожал плечами.

— Ладно, — зловеще произнес он. — Учти, что завтра ночью я приду опять. Хотя в этом, может, и не окажется нужды. Давай свою вторую загадку!

Хольгер был готов:

— Ответь, что это такое: четыре ноги, желтые перья, живет в клетке, поет и весит четыреста килограммов?

Кулак великана ударил по земле так, что подпрыгнули камни.

— Ты спрашиваешь о какой-то неслыханной химере! Это не загадка!

— Если загадка, — возразил Хольгер, — это вопрос, ответ на который можно найти путем логических рассуждений, то я задал тебе именно загадку. — Он украдкой взглянул на восток. Кажется, там чуть-чуть посветлело?

Великан фыркнул и погрузился в раздумья. Похоже, он не слишком сообразителен, подумал Хольгер. Датский школьник ответил бы за одну минуту, а этот бегемот будет думать часами. Великан раскачивался и бормотал себе под нос. Костер почти угас.

Хуги дернул Хольгера за штанину.

— Не забудь о золоте, — жадно прошептал он.

— И о том проклятье, которое на нем, — добавила Алианора.

Внезапно великан ожил.

— Готово, — громыхнул он, потирая руки. — Я нашел ответ на твою загадку. Это две двухсоткилограммовые канарейки!

Хольгер чертыхнулся. Но всякий раз выигрывать невозможно.

— Отлично, Соломон. Третья загадка.

— Не называй меня Соломон. Баламорг — вот мое имя. Это грозное имя, и его навсегда запомнили вдовы и сироты и разнесенные мною в щепки бастионы. Называй меня моим именем.

— Видишь ли, там, откуда я родом, Соломон — это обращение, исполненное уважения. Поэтому... — И Хольгер пустился в длинные нелепые комментарии, которые съели еще минут десять бесконечного времени.

Но Баламорг решительно оборвал его:

— Последняя загадка! И поспеши, а то я без жалости раздавлю тебя!

— Ладно, ладно, горячиться не стоит. Скажи лучше, что такое: зеленого цвета, с колесом, растет возле дома.

У великана отвисла челюсть.

— Хо! Как?

Хольгер повторил.

— Какого дома? — уточнил гигант.

— Любого.

— Значит, растет? Вопрос о фантастических деревьях, на которых колеса растут, как плоды, нельзя считать настояще загадкой!

Хольгер уселся и демонстративно принялся чистить ногти концом ножа. Ему пришло в голову, что горящий магниевый стилет может оказаться так же опасен для великана, как свет солнца. А может и не оказаться. Однако, если дело дойдет до битвы, не стоит забывать про Пылающее Лёзвие. Он заметил, что силуэт великана, несмотря на то, что костер почти догорел, стал виден гораздо отчетливее.

— В моих краях такие загадки задают друг другу дети, — сказал Хольгер.

Это была чистая правда. Однако уязвленное самолюбие заставило великана израсходовать еще несколько драгоценных минут на сопение и фыркание.

В конце концов он с сердитым ворчанием впал в свой обычный транс.

Небо на востоке медленно светлело. Каждая минута казалась вечностью.

Неожиданно великан встряхнулся, грохнул кулаком по земле и с досадой объявил:

— Сдаюсь. Солнце уже припекает, я должен искать убежище. Каков же ответ?

Хольгер поднялся на ноги.

— А почему я должен открыть его тебе?

— Потому что я так сказал! — гигант поднялся во весь

рост и прорычал: — Или я разорву сейчас деву на куски!

— Ладно, — сказал Хольгер. — Трава. Это трава.

— Трава? Но у травы нет колес!

— Я немного приврал, чтобы ты не догадался, — спокойно заявил Хольгер.

Баламорг взорвался от ярости. Ревущая гора мяса двинулась к рыцарю. Хольгер отскочил, стараясь держаться как можно дальше от Алианоры. Если он заставит ослепшего от злобы великана побегать за ним хотя бы еще минут пять.... разумеется, оставаясь при этом в живых...

— Кис-кис-кис! А ну, попробуй меня поймать!

И начались прыжки и финты, броски в сторону и катание по земле — и хлопки чудовищных лап в нескольких дюймах от тела. От этой гимнастики сердце Хольгера готово было выпрыгнуть из груди.

И вдруг — первый луч солнца упал на голову великана. Баламорг взвыл. Еще никогда и нигде не слышал Хольгер вопля, в котором было бы столько муки и ужаса. Великан рухнул — и земля ухнула, как от взрыва. Великан выл, не переставая, и корчился, как гигантский червяк. Это было жуткое зрелище.

И вдруг вопль оборвался. В беспощадно ясных лучах солнца на том месте, где упал великан, лежала на земле удлиненная гранитная глыба с едва различимыми человеческими очертаниями. Лопнувшие шкуры лохмотьями свисали с нее. И это было последнее, что запечатлел взгляд Хольгера. Он упал и потерял сознание.

Когда он пришел в себя, его голова покоилась на коленях Алианоры. Солнце горело в ее волосах... солнце сияло в жемчуге ее слез...

Хуги скакал вокруг каменной глыбы.

— Злато, злато, злато! — горланил он. — Все они носят на поясе целый мешок! Быстрей, рыцарь! Разрежь мешок, и мы станем богаче, чем короли!

Хольгер поднялся и, прихрамывая, направился к Хуги.

— Лучше этого не делать, — предупредила Алианора, — однако, любимый, как ты решишь, так и будет. В дороге нам не помешает несколько монет. Но только прошу тебя: позволь мне нести это богатство — пусть проклятие падет на меня, только на меня.

Хольгер молча отодвинул Хуги и склонился над завязанной сумой, сшитой из грубой кожи. Несколько монет выпали из нее и, ослепительно сверкая, лежали рядом. Огромное богатство...

Но что это за запах? Нет, не терпкий смрад кожи, а совсем другой — чистый и легкий, какой бывает после грозы на рассвете... Озон? Да! Но откуда?

— Боже! — вырвалось у него.

Он подскочил, как ужаленный, бросился к Алианоре, подхватил ее на руки и помчался бегом к лагерю.

— Хуги! Бегом! Быстрей! Прочь отсюда! Ни к чему не прикасайся, если тебе дорога жизнь!

В одну минуту их пожитки оказались собранными, и Папиллон галопом помчал их на запад. Только когда тропа нырнула за высокий утес, Хольгер придержал жеребца. Хуги и Алианора немедленно потребовали объяснений. Он вынужден был на ходу сочинить им историю о внезапном видении ангела, предостерегающего от смертельной опасности.

Его авторитет не позволил им усомниться.

А какими еще словами он мог объяснить им подлинную суть дела? Он и сам был не очень силен в ядерной физике. Помнил только обрывки лекций об экспериментах Лоуренса и Резерфорда. И о лучевой болезни.

Басни о проклятии, наложенном на золото погибшего великана, оказались чистою правдой. При превращении атома углерода в атом кремния должны выделяться радиоактивные изотопы, а в данном случае речь шла о многих тоннах вещества распада.

ГЛАВА 13

Теперь дорога шла вниз. Через несколько часов в лесу, по которому они ехали, стали попадаться следы человеческой деятельности: пни срубленных деревьев, кучи выкорчеванного кустарника и поляны, вытоптанные скотом. Наконец — даже некое подобие дороги, петляющей сквозь чащу. По словам Алианоры, по этой дороге они могли еще до вечера добраться до какого-то городка. Хольгер дремал в седле: ночное приключение вымотало его, а медленная езда и пение птиц так сладко баюкали.

Они миновали брошенный хутор. Все говорило о былой зажиточности хозяев: основательный и просторный дом из тесаных бревен, аккуратные соломенные крыши над амбаром и овчарней. Однако дом был пуст, из трубы не шел дым, а по безжизненному подворью неуклюже скакал ворон. Ворон посмотрел на путников, склонив голову набок, и насмешливо каркнул.

— По следам видно, — сказал Хуги, — что хозяин свое

стадо в город угнал или еще куда по дороге. Хотел бы я знать, зачем?

К вечеру они выехали из леса на открытую местность. Вокруг колосились поля пшеницы. Солнце падало за кромку гор, и первые звезды робко теплились на востоке. Было еще достаточно светло, и Хольгер заметил впереди на дороге облако пыли. Он причмокнул, и уставший Папиллон сделал вид, что прибавил ходу. Алианора, гоняющая в небе голубей, опустилась на землю и приняла человеческий облик.

— Нет смысла беспокоить этих людей, — сказала она. — Они куда-то торопятся и явно чем-то встревожены.

Хуги потянул большим носом воздух.

— Гонят скотину за городские стены. Ух, и смердит! Всем на свете — и навозом, и псиной, и потом, да вдобавок чем-то совсем не людским...

Стадо остановилось, и они догнали его. Несколько овец отбилось и забрело в пшеницу. Пастухи и псы, безжалостно топча хлеб, выгоняли их на дорогу. Странно, подумал Хольгер. Не очень похоже на бережливых крестьян.

Папиллон остановился: дорогу путникам преградили всадники с копьями наперевес. Это были коренастые, светлокожие бородачи, одетые в простые полотняные кафтаны, схваченные ремнями. И хотя они производили впечатление флегматичных и миролюбивых людей, что-то в их голосах и движениях говорило о мрачной готовности к драке.

— Кто вы такие? — спросил один из них.

— Сэр Хольгер из Дании со своими друзьями, — объявил Хольгер. — Я прибыл с миром и хотел бы найти в городе еду и ночлег.

— Ольгер? — переспросил другой и почесал затылок. — Вроде я где-то это имя слыхал.

— Я прибыл издалека и проездом в ваших краях. Ты слышал не обо мне.

— Ладно, — сказал первый. — Стадо вот надо гнать. Приветствуем, значит, тебя, господин, в Лурвиле. Боюсь, что ты прибыл в недоброе время, но сэр Ив не откажет в гостеприимстве... Эй, ты там! — закричал он. — Вороти эту телку, а то она добежит до соседнего графства... Меня зовут Рауль, господин. Прости, что остановил тебя.

— Что у вас происходит? — спросила Алианор?.. — Зачем вы гоните скот за стены?

— Ну да, гоним, — кивнул Рауль. — Днем, значит, пасем его все сообща, а к сумеркам гоним в город. Нынче по ночам все, кто могут, за стены идут. Ни один храбрец, слышь, в

одиночку за город ночью не сунется. Оборотень у нас шастает, вот так.

— Да что ты? — охнул Хуги.

— Ну. В последние годы все у нас пошло наперекосяк. В каждом доме беда на беде сидит. Нынешней весной, слышь, топор мой возьми да отскочи мне по ноге. А после и отца моего рубанул. Три недели — посевную как раз — пролежали мы с ним пластом, слышь. И в каждой семье такие страсти. Люди говорят, все оттого, что Срединный Мир подымается. Чернокнижье в силу входит. — Рауль перекрестился. — Но этот волк-оборотень самая худшая из всех наших напастей, Христос нас сохрани.

— А может, это обычный волк? — спросила Алианора. — Только более сильный и ловкий?

— Может, и так, — мрачно хмыкнул Рауль. — Однако как понять, чтобы простой волк столько ворот сломал и замков отворил? Да еще чтобы для потехи за один раз дюжину овец резал? А прошлой ночью, объясни мне, кто был? Пьер Большеног с женою Бертой дома, значит, сидели. Это в лесу, отсюда в трех милях. Ночью, значит. Тут он им окно выломал и ворвался. Из люльки дитя схватил — и бежать. Пьер его серпом, да только серп сквозь его ребра — как сквозь воду. Спасибо Берте: не растерялась и хватила его серебряной ложкой, из своего приданого, значит. Тут он и бросил дитя — слава Богу, не искалечил. И в то же окно утек. Вот, значит, какой это волк. Может, конечно, и простой.

— Нет, конечно, — согласилась Алианора.

Рауль плюнул на землю.

— Так что лучше мы поспим за стенами, пока эта нечисть не уберется. Пускай он себе рыщет на голом месте. А может, мы когда и найдем того, кто его шкуру носит, найдем да сожжем. Да-а-а, — протянул он, — для всех он — большое несчастье, и для нашего сэра Ива. Ведь его-то дочь Рембер как раз к путешествию на запад готовится, дабы обвенчаться в Вене, значит, с третьим сыном маркграфа.

— Наш господин, наверное, не сможет принять тебя, как положено, — добавил один из спутников Рауля. — Он теперь каждую ночь на крепостной стене. А госпожа Бланшфлор в постели: недуг у нее.

Хольгер подумал, что следовало бы предложить свои услуги для ночного дежурства, но после событий последней ночи и дня, проведенного в седле, он просто падал от усталости. Он кивнул крестьянам и тронул поводья.

Хольгер попросил рассказать подробнее об оборотнях, и

вот что поведала Алианора.

— Есть два пути, с помощью которых человек может превращаться в животных. Первый — заклинания, обращенные на обычных людей. Именно таким образом превращаюсь в лебедя я. Другой путь — ужасный. Он для тех людей, которые рождаются с двойной природой. Они не прибегают к заклинаниям, но каждую ночь ими овладевает темное желание стать медведем или кабаном, или волком... В человеческом облике они могут быть мягкими и спокойными, но в зверином — они сеют смерть до тех пор, пока не удовлетворят свою жажду крови. Страх перед разоблачением заставляет их возвращаться в человеческий облик. Их нельзя победить, потому что раны заживают у них мгновенно. Только серебра боятся они и, видя серебряное оружие, убегают...

— Постой, но... Выходит, этот оборотень откуда-то пришел сюда?

— Не обязательно. Скорее всего, это кто-то из местных. Малая толика волчьей крови может долгие годы, а иногда даже всю жизнь дремать и оставаться скрытой от всех. Но в последнее время силы зла растут и могли разбудить спящего в ком-то демона. Оборотень, конечно, и сам должен быть очень напуган. Помоги ему Бог, если люди дознаются, кто это.

Во всем этом была своя особая и обычная для этого мира логика. Вурдалак, по-видимому, был продуктом какого-то фокуса с генами. Если пропорции человеческих и волчьих генов были равны, тогда вероятно, оборотень был оборотнем с младенчества, и его убивали в минуту, когда отец обнаруживал волчонка в колыбели собственного ребенка. Если пропорция была неравной, менять облик было сложнее. Обладатель такой наследственности мог носить в себе это проклятье, ничего не подозревая. Но только до того времени, пока не возрастала мощь магического дуновения со стороны Срединного Мира, благотворная для биологических и химических изменений в организме...

Сумерки стали уже такими плотными, что приходилось напрягать зрение, чтобы что-нибудь рассмотреть. Городок был обнесен крепкой деревянной стеной с узким настилом сверху. По нему сегодня и будет совершать свой обход сэр Ив. За стеной прятались одно- и двухэтажные деревянные домики. Узкие пыльные улочки были пропитаны запахом скота. Та, по которой они вошли в город, казалась немногим шире и прямее остальных.

Появление Хольгера привлекло к нему общее внимание. Женщины, дети, ремесленники в грязных одеждах — все с

чадящими факелами в руках — провожали его любопытными и почтительными взглядами. Хольгер остановил коня рядом с крепким бородачом. Тот погладил бороду и представился:

— Кузнец Одо, господин. К твоим услугам.

— Эта дорога приведет к двору вашего господина? — спросил Хольгер.

— Да, сэр рыцарь. Эй, Фродар, наш господин еще дома?

Юноша в потертых красных штанах и с мечом на поясе кивнул.

— Я оставил его минуту назад, уже полностью одетого и вооруженного. Он подкрепляется кружкой пива. Я его оруженосец, сэр рыцарь. Я провожу тебя: наш городок — настоящая головоломка.

Хольгер снял шлем и подставил потную голову под свежий ночной ветерок. На излишний комфорт здесь, конечно, рассчитывать не придется. Сэр Ив де Лурвиль, скорее всего, не очень богат, — провинциальный рыцарь с горсткой челяди, охраняющий этот край от разбойников и отправляющий обязанности судьи. Рауль едва не лопался от гордости, когда сообщал о свадьбе дочери своего господина с младшим сыном мелкого аристократа из западной провинции Империи.

Оруженосец двинулся вперед, подняв факел повыше. Хольгер пустил Папиллона следом. Едва они повернули в первую темную улочку, где-то рядом раздался ужасный женский крик.

Мгновенье — и шлем Хольгера очутился на его голове, а обнаженный меч в руке. Папиллон развернулся. Люди на улице сбились в толпу, и тревожно галдели. Пылающие факелы лили пляшущий свет. Верхние этажи домов тонули в полумраке. Хольгер заметил, что и окна и двери во всех домах плотно закрыты. В одном из этих запертых домов и кричала женщина.

Вдруг ставни одного из домов, запертые на железный засов, разлетелись вдребезги. Длинное, косматое существо серо-стального цвета вылетело из распахнутого окна. Упав на землю, оно подняло голову. В ужасных челюстях бился младенец.

— Волк! — закричал кузнец. — Он в городе!

В окне показалась мать ребенка.

— Спасите! — завопила она. — Он вбежал через черный ход! Держите его, люди, держите! Пусть Бог покарает вас, мужчины, чего вы стоите?! Спасите мою Люси!

Папиллон рванулся вперед. Ребенок бился и плакал. Хольгер ударил мечом, но волк оказался проворнее: со сверхъ-

естественной быстротой он проскользнул под брюхом Папиллона и помчался по улице.

Оруженосец Фродар встал на его пути. Не замедляя хода, волк прыгнул и пролетел над его головой. Сейчас он нырнет в ближайший переулок — и все, его не найти.

Раздалось хлопанье крыльев: лебедь упал на землю перед волком и атаковал его, целя клювом в глаз. Волк прижал уши, отпрыгнул и метнулся к переулку. Алианора вновь оказалась у него на дороге. Она обрушилась на чудовище, как снежный буран. Главное — она задержала его.

А Хольгер уже был рядом. Теперь настал его черед. И хотя на таком расстоянии от факелов он различал только темный силуэт врага, он рубанул мечом — раз, другой... Он почувствовал, как меч рассекает плоть. В темноте сверкнули глаза оборотня — зеленые, холодные, жуткие. Хольгер вновь поднял меч, и в слабом свете вспыхнувшего поодаль факела заметил, что на клинке нет ни капли крови. Железо не ранило оборотня.

Папиллон ударил копытом, опрокинул волка и стал топтать его. Неуязвимая косматая тень откатилась в сторону и исчезла в темноте. Брошеный ребенок остался лежать на земле, заливаясь слезами.

Прежде чем люди успели добежать к ним, Алианора снова была человеком. Она подняла с земли испачканную кровью и грязью девочку и прижала к груди.

— Ах, бедное дитя, маленькая моя, уже все хорошо. И ничего с тобой не случилось. Разве что несколько царапинок. Перепугалась, бедняжка? Зато теперь ты сможешь рассказать своим детям, что лучший на свете рыцарь спас тебя. Вот ты уже и не плачешь...

Мужчина с окладистой черной бородой, очевидно, отец малютки, почти вырвал девочку из рук Алианоры, прижал к себе и вдруг, бурно рыдая, упал на колени.

— Успокойся, — сказал Хольгер, — возьми себя в руки. Ребенок жив и невредим. Мне нужны люди с факелами. Ты, ты и ты, идите сюда. Мы должны схватить волка.

Часть мужчин, перекрестившись, отвернулась. Кузнец Одо потряс кулаком и мрачно спросил:

— Как мы это сделаем, рыцарь? Он не оставляет следов ни на земле, ни на камне. Он доберется до своего дома и снова станет одним из нас.

Хуги потянул Хольгера за рукав.

Мы его выследим, если прикажешь, — сказал он. — У меня свербит в носу от его смрада.

Хольгер принюхался.

— Я ощущаю только запах навоза и помойки.

— Да, но ты ведь не лесовик. Быстро, рыцарь, спусти-ка меня на землю, а я уж пойду по следу. Только смотри, держись ко мне поближе.

Хольгер поднял Алианору в седло и двинулся за Хуги. Фродар и Одо шли по обеим сторонам от него, высоко подняв факелы. Сзади, вооруженные ножами и палками, двигались самые отважные из городских жителей. Если мы его схватим, подумал Хольгер, нам понадобится силой удерживать его и попытаться связать. А там... Там будет видно.

Путь волка кружил по городу. Вскоре Хуги вывел их на рыночную площадь, мощеную брусчаткой.

— Запах острый, как горчица, — воскликнул он. — Никто на свете не смердит так, как оборотень, который недавно сменил обличье.

«Не результат ли это выделений каких-то желез?» — мелькнуло в голове Хольгера.

Они миновали площадь и двинулись по относительно широкой улице. В домах светились окна. Хуги, не отвлекаясь по сторонам, вел прямо и прямо — до тех пор, пока за спиной Хольгера не прозвучал испуганный голос Фродара:

— Нет! Только не дом моего господина!

ГЛАВА 14

Дом рыцаря выходил фасадом на прицерковную площадь. Кухня и конюшня стояли отдельно. Сам дом выглядел не слишком роскошно — деревянный, крытый соломой, он был немного просторнее, чем дачный домик в далекой Дании. Парадный вход был закрыт, из щелей в ставнях окон сочился свет. В конюшне надрывались псы.

Хуги подошел к двери, обитой железом.

— Волк вошел сюда, — сказал он.

— А мой господин и его семья там совсем одни! — Фродар подергал дверь. — На засове! Сэр Ив! Ты слышишь меня? Все ли в порядке?

— Одо, зайди в дом сзади, — приказал Хольгер. — А ты, Алианора, поднимись в воздух и следи сверху.

Он подъехал к двери и постучал в нее рукояткой меча. Кузнец с группой мужчин скрылся за углом. Хуги поспешил за ними. Отовсюду на площадь стал стекаться народ. В неверном свете факелов Хольгер узнал знакомые лица: пастухи с дороги. С копьем в руке к нему подошел Рауль.

Стук в дверь отзывался в доме эхом.

— Умерли они там, что ли? — вскричал Фродар. — Нужно взломать дверь! Люди, что вы стоите?!.

— Нет ли в доме черного хода? — спросил Хольгер. Кровь стучала в висках, но он не испытывал страха перед чудовищем. Он делал работу, для которой был призван.

Хуги протиснулся к нему сквозь толпу и дернул за стремя.

— Здесь других дверей нет, — сообщил он. — А все окна закрыты наглухо. Я все обнюхал: волк в доме, он не выходил. Теперь он от нас не уйдет.

Горожане притихли и ждали, готовые ко всему. Свет факела осветил испуганное лицо какой-то женщины, блеснул на мокром от пота лбу мужчины, отразился в обнаженном клинке. Над толпой щетинилось оружие — копья, топоры, косы, пики, цепи...

— Нет никого, — ответил Фродар. — Прислуга, как стемнеет, расходится по домам. На ночь остается только старый Николя, но он вот он, вместе с конюхами. Давай войдем, сэр рыцарь.

— Именно это я и хотел предложить. Разойдитесь немного.

Фродар и Рауль быстро и грубо оттеснили толпу. Хольгер похлопал Папиллона по шее и шепнул ему:

— Ну, мальчик, покажи, покажи им, чего мы стоим.

Конь разбежался — и передние копыта с грохотом ударили в дверь. Засов отлетел. Вход был свободен.

Хольгер въехал внутрь и оказался в длинном зале с глиняным полом, кое-где покрытым потрепанными циновками. Стены, вдоль которых тянулись лавки, были украшены охотничьими трофеями и оружием. Между стропилами колыхались запыленные боевые знамена. Свечи в канделябрах давали достаточно света для того, чтобы убедиться, что в помещении никого нет. Из толпы, ввалившейся вслед за Хольгером, донеслись яростные восклицания. Кто-то, закованный в сталь, вырвался вперед и поднял меч.

— Кто ты?! Что это за разбой?!

— Сэр Ив! — воскликнул Фродар. — Волк не причинил вам вреда?

— Какой волк? В чем дело, черт побери? Кто ты, рыцарь? Как ты объяснишь мне, что вломился в мой дом? Или ты какой-нибудь мой враг? Если нет, то, клянусь Богом, ты сделал все для того, чтобы им стать!

Хольгер соскочил с коня и подошел к хозяину. Сэр Ив

де Лурвиль был высоким худым мужчиной с апатичным лошадиным лицом и обвислыми серыми усами. Доспехи на нем были куда изысканнее, чем у Хольгера. Герб на его щите — черная волчья голова на фоне красных и серебряных полос — показался необычайно точно соответствующим ситуации. Кто-то из его предков мог быть стопроцентным оборотнем, и если все это забыли, то герб сохранил память...

— Я сэр Хольгер из Дании. Я и множество других людей видели волка собственными глазами. Только благодаря милосердному провидению нам удалось спасти ребенка, которого он похитил. Он убежал. Его след привел нас сюда.

— Да! — воскликнул Хуги. — След ведет прямо в дом!

Ропот пробежал по толпе.

— Ты лжешь, карлик! Я просидел здесь весь вечер. Никакой зверь не вбегал сюда. — Сэр Ив ткнул мечом в сторону Хольгера. — И здесь нет никого, кроме моей больной жены и моих детей. И если кто-то решится сказать, что я лгу...

Роль смельчака была ему не по плечу: голос выдавал его растерянность. Ему ответил Рауль:

— Если все это так, сэр Ив, то оборотнем, значит, должен быть кто-то из твоих домашних.

— Что? — с гневом воскликнул рыцарь. — Видно, ты перетрудился сегодня, я прощаю тебе эти слова. Но если кто-нибудь еще осмелится сказать так, отправится на виселицу!

— Лесовик! — сказал сквозь слезы Фродар. — Ты уверен?

— Кому вы поверили! — загрохотал сэр Ив. — Этому недочеловечку и какому-то неизвестному с большой дороги? Разве не я все эти годы охранял вас от зла?

За его спиной возник юноша лет четырнадцати, щуплый и светловолосый. На голове его был шлем, в руках — щит и меч.

— Я здесь, отец! — звонко выкрикнул он и впился в Хольгера зелеными злыми глазами. — Я, Ги, сын Ива де Лурвиля, хоть еще и не посвящен в рыцари, обвиняю тебя во лжи и вызываю на бой.

Хольгер был тронут. Мальчик еще очень молод, но его храбрость делает ему честь.

«Не торопись делать выводы», — одернул он себя. Оборотень может производить самое выгодное впечатление до тех пор, пока его метаболизм не разбудит в нем жажду убийства. Он вздохнул и вложил меч в ножны.

— Я не хочу сражаться, — сказал он. — Если люди скажут, что не верят мне, я уйду

Горожане беспокойно зашевелись. Многие прятали глаза.

Вдруг в дверях появился Одо: он расталкивал людей, прокладывая дорогу Алианоре.

— Дева-лебедь будет говорить! — крикнул он. — Дева-лебедь, которая спасла Люси! Тихо, вы, там, поберегите лбы, или они кое у кого треснут!

Наступила полная тишина, нарушаемая только лаем собак на улице. Хольгер заметил, как побелели костяшки пальцев Рауля, сжимающего копье. Какой-то коротышка в одеянии священника упал на колени, прижимая к груди распятие. Ги разинул рот. Сэр Ив отшатнулся, как человек, получивший удар в живот. Все взгляды были прикованы к Алианоре. Она стояла в центре зала, стройная и гибкая, и свет свечей мерцал в ее каштановых волосах.

— Кто-то из вас обо мне слышал, наверное, — начала она. — Я живу у озера Аррои. Не люблю хвалиться, но в городах, которые ближе к моему дому — в Тарнберге, Кромодню — вам расскажут, сколько заблудившихся детей я вывела из лесов и как заставила саму фею Меб снять заклятие с мельника Филиппа. Я знаю Хуги с детства и готова поручиться за него. А сэр Хольгер... Счастье для вас, что могущественнейший рыцарь, какого когда-либо знал мир, прибыл к вам именно в это время, чтобы освободить вас от волка, прежде чем тот успеет унести жизни многих. Будьте послушны ему — вот и все, что я хочу вам сказать.

Из толпы, ковыляя, вышел старик и, прищурив подслеповатые глазки, произнес в тишине:

— Ты что же хочешь сказать, что это — Защитник?

— Ну-ну... — попробовал возразить Хольгер, но старик продолжал:

— Защитник? Тот, кто вернется в час самой страшной напасти?.. Дед рассказывал мне эту легенду, но не говорил имени... Так это, выходит, ты, сэр рыцарь? Ты?

— Нет, — сказал Хольгер, но его никто не услышал. Все, казалось, заговорили сразу. Рауль с копьем наперевес рванулся вперед.

— Святое небо! Моим господином не будет тот, кто пожирает детей! — крикнул он.

Фродар взмахнул мечом, но без особого рвения. Удар пришелся по древку копья. Мгновением позже четверо мужчин уже прижимали оруженосца к полу.

Сэр Ив бросился на Хольгера. Датчанин едва успел выхватить меч и отразить удар. Ответным ударом он расколол щит сэра Ива. И следующим выбил у него меч. Двое горожан скрутили своему господину руки. Ги полез в атаку, но был

остановлен пиками, целящимися ему в грудь.

— Рауль, Одо, успокойте людей! — приказал Хольгер. — Не позволяйте никого обижать. Ты, ты и ты, — указал он на троих молодых горожан, — охраняйте вход. Никто не должен отсюда выйти. Хуги и Алианора, идите за мной.

Он вернул меч в ножны и зашагал в глубину дома. Перпендикулярно главному залу шел коридор с резными деревянными панелями. Хольгер отворил крайнюю дверь и вошел в комнату, увешанную шкурами и гобеленами, траченными молью. Пламя свечей освещало лежащую не просторном ложе женщину. Прямые светлые волосы, милое лицо, болезненный румянец на щеках. Они прижимала ко рту платок и надсадно кашляла. «Грипп», — определил Хольгер.

Рядом с кроватью сидела девушка лет семнадцати. Безукоризненная фигурка, длинные светлые волосы, голубые глаза, маленький вздернутый носик и изумительно красивые губы. Она была одета в простое одноцветное платье, перетянутое пояском с золотой пряжкой.

Хольгер поклонился.

— Благородная дама и благородная девица, прошу извинить меня за это вторжение. Меня принудили к нему обстоятельства.

— Мы знаем, — нервно ответила девушка. — Я все слышала.

— Я имею честь говорить с дочерью сэра Ива, не так ли?

— Да. Мое имя Рембер. А это моя мать Бланшфлор.

Упомянутая дама трубно высморкалась и со страхом взглянула на Хольгера. Рембер нервно ломала пальцы.

— Я не могу поверить тебе, рыцарь, — продолжала она. — Ты утверждаешь, что один из нас... хищный зверь...

— След ведет сюда, — сказал Хуги.

— Значит, никто из вас не видел, как оборотень вошел сюда? — уточнил Хольгер.

Бланшфлор покачала головой. Рембер пояснила:

— Мы все были в разных комнатах. Ги в своей, я в своей, а мать спала здесь. Двери были заперты. Отец сидел в зале. Когда я услышала шум, я прибежала сюда, чтобы успокоить мать.

— Тогда выходит, что оборотень — сэр Ив, — сказала Алианора.

— Нет-нет! Отец? — испугалась Рембер.

Бланшфлор закрыла лицо руками. Хольгер повернулся к двери.

— Идем дальше, — скомандовал он.

Комната Ги располагалась под лестницей, ведущей в башню, а Рембер — напротив, в противоположном конце коридора. И та, и другая оказались обставленными в полном соответствии со вкусами и интересами девушки и юноши их круга и возраста. Во всех комнатах имелись окна, выходящие во двор. Запах оборотня, по словам Хуги, витал здесь повсюду. Зверь, по-видимому, наведывался в эту часть дома из ночи в ночь. Правда, из этого не следовало, что все непременно должны были видеть его: он мог проникать через окно, когда все спали.

— Кто-то из них троих, — пробормотала Алианора.

— Ну да, — подтвердил Хуги. — Только из четверых. Их мать тоже может быть оборотнем. Здоровье возвращается к нему, когда он меняет шкуру.

Помрачневший Хольгер вернулся в зал. Рауль и Одо навели здесь образцовый порядок. Горожане стояли вдоль стен, Папиллон сторожил вход, сэр Ив и Ги сидели в высоких креслах, привязанные ремнями. Фродар, тоже связанный, лежал на полу. Священник бормотал молитву.

— Ну? Что? — Рауль подбежал к Хольгеру. — Кто из них носит проклятье?

— Пока не знаем, — ответила за него Алианора.

Ги плюнул в сторону Хольгера.

— Когда я увидел тебя без шлема, то сразу подумал, что ты мало похож на рыцаря, — язвительно проговорил он. — А теперь, когда ты ворвался в покои беззащитных женщин, я знаю, что ты не рыцарь, наверняка.

В зал зашла Рембер. Подойдя к отцу, она поцеловала его в щеку, потом обвела взглядом зал и сказала:

— Вы все хуже зверей, вы, поднявшие руку на своего господина!

Одо покачал головой.

— Нет, девица, — сказал он. — Господин, который не заботится о своих людях, не господин. У меня дома маленькие дети, и я не хочу, чтобы их сожрали живьем.

Рауль ударил копьем в пол.

— Волк должен умереть сегодня! — возвестил он. — Назови его имя, сэр Хольгер! Его или ее имя. Назови имя волка!

Хольгер промычал что-то невразумительное. От волнения у него пересохло во рту.

— Но мы не можем сказать! — воскликнул Хуги.

— Тогда... — Рауль обвел пленников пасмурным взглядом. — Может, зверь признается сам? Я обещаю ему легкую смерть: удар в сердце серебряным ножом.

— Обойдемся и железным, — продолжил Одо. — Ведь он в человеческом облике. Отвечайте. Я не хотел бы прибегать к пыткам.

— Если никто не признается, то придется умереть всем, — заключил Рауль. — Священник здесь — он исповедует.

Ги заскрипел зубами. Рембер окаменела. Из глубины дома донесся сухой кашель Бланшфлор. Ив, казалось, впал в забытье. Вдруг он тряхнул головой и сказал:

— Ладно. Это я оборотень.

— Нет! — крикнул Ги. — Это я!

Рембер усмехнулась.

— Они оба лгут. Настоящий оборотень — это я, добрые люди. Но не убивайте меня, ведь достаточно меня хорошо стеречь — до тех пор, пока я не уеду отсюда к своему жениху в Вену. Там, далеко от Фейери, я буду за пределами сил, которые принуждают меня к превращениям.

— Не верьте ей! — крикнул Ги.

Ив затряс головой и замычал, как от зубной боли.

— Так дело не пойдет, — сказал Рауль. — Мы не можем допустить, чтобы оборотень ушел живым. Отец Вальдебрун, ты готов причастить членов этой семьи?

Хольгер достал меч и заслонил собой пленников.

— Пока я жив, здесь не прольется кровь невинного, — услышал он металлический голос, в котором с удивлением узнал свой собственный.

Кузнец Одо сжал кулаки.

— Я не хотел бы обижать тебя, сэр, но если это понадобится для блага моих детей, я это сделаю.

— Если ты Защитник, — прозвучало в толпе, — то назови нам имя врага.

Снова настала напряженная тишина. Хольгер чувствовал, как сверлят его спину три пары глаз. Он должен найти ответ. Но как? Он не гений и не пророк, он всего лишь прагматик-инженер. Правда, теперь он не может, как когда-то раньше, дать голову на отсечение, что все на свете вопросы можно решить с помощью одного только здравого смысла. Однако... эту загадку, кажется, можно... Он не детектив, но и оборотень не профессиональный преступник. Вся ситуация разложима на логические конструкции... Внезапная догадка буквально ошеломила его.

— Да! Слава Богу, да! — воскликнул он.

— Что? Что? — оживилась толпа.

Хольгер начал говорить. Удивительным было то, что он и сам не знал, чем закончит свой монолог, но толпа, не

замечая его неуверенности, впитывала каждое слово.

— Тот, кого мы сегодня ищем, — оборотень от рождения. Ему не нужно магической кожи, как например, Алианоре. А значит, одежда не может меняться вместе с ним, не так ли? Следовательно, на разбой он выходит голым. Фродар сказал мне за минуту до появления волка, что оставил своего господина в полном рыцарском облачении, пьющим пиво здесь, в доме. Но даже с посторонней помощью сэр Ив не смог бы в течение этих кратких минут снять с себя латы и оружие, которые и сейчас на нем, а затем облачиться в них снова. Следовательно, он не оборотень.

— Точно так же и Ги взял на себя вину только для того, чтобы выгородить кого-то другого. Он проговорился, сказав, что видел меня без шлема. А ведь сегодня я снимал шлем только однажды, когда спрашивал о дороге сюда. И надел его снова, когда началась суматоха. Волк не мог видеть меня без шлема. Он был в это время... точнее она была внутри того дома. Она вбежала туда через заднюю дверь и выскочила в окно, закрытое ставнями. Думаю, что Ги видел меня с вершины башни над его комнатой. И, следовательно, его не было там, где мы видели волка.

— Что касается леди Бланшфлор... — он задумался. Как черт побери, объяснить им природу болезни, вызванной вирусами? — Леди Бланшфлор больна, и этой болезнью не болеют собаки и волки. И если бы она превратилась в волка, то мгновенно стала бы здоровой, но она была бы, конечно, слишком слаба, чтобы вести себя так агрессивно и дерзко. К тому же, превратившись, она убивала бы вирус... то есть, демона, вызывающего болезнь, — и после обратного превращения осталась бы здоровой. Но у нее жар и кашель. Думаю, ее нужно избавить от подозрений.

Рембер прижалась спиной к стене. Ее отец застонал и в мольбе протянул к ней руки.

— Нет... нет... нет... — стонал он.

Толпа свирепо заворчала и, выставив вперед копья и вилы, стала надвигаться на Рембер.

Девушка упала на четвереньки, черты ее лица стали стремительно искажаться.

— Рембер! — крикнул Хольгер. — Нет! Не нужно!.. Я не допущу!..

Рауль попытался достать ее копьем. Алианора бросилась к ней и обхватила руками текущее тело.

— Не нужно! — умоляла она. — Нет, сестра, вернись! Он спасет тебя, он обещает!..

Лязгнули клыки, пытаясь сомкнуться на ее плече. Алианора ловко сунула в пасть предплечье, и натянула губы волка на его клыки. Теперь он не мог ее укусить.

— Сестра! Сестра! Мы хотим тебе только добра!

Чтобы удержать толпу, Хольгер вынужден был пустить в ход кулаки. Несколько самых горячих оказались на полу — это успокоило остальных. Они остановились и замолчали, глядя исподлобья.

Хольгер обернулся к Рембер. Человеческий образ вернулся к ней, она, рыдая, прижималась к Алианоре.

— Я совсем не хочу этого! Я не хочу! Это накатывает само! Я боялась... Меня сожгут... Отец Вальдебрун, отчего я проклята? Теперь мне гореть в аду?.. О, дети так кричат?..

Хольгер обменялся взглядом со священником.

— Это болезнь, — сказал он. — Здесь нет ее злой воли. Что она может сделать...

Сэр Ив смотрел перед собой отсутствующим взглядом.

— Я подозревал, что это она, — пробормотал он. — Когда волк вбежал в дом, я знал, где Бланшфлор и Ги... Я запер дверь. Я хотел... Я думал, мне удастся ее удержать, а потом она уедет.

— Почему бы и нет? — вмешался Хольгер. — По-моему, это разумно. Если увезти ее достаточно далеко, влияние сил Срединного Мира ослабеет, и превращения прекратятся. До той поры ее нужно, конечно, хорошенько стеречь.

— Прольется свет и осветит ее душу, — мягко сказал священник. — Тогда ей потребуется воля и утешение.

— Честно говоря, — продолжал Хольгер, — она пока что не совершила ничего ужасного. Ее отец выплатит компенсацию тем, кто понес какой-либо ущерб, а также родителям раненых детей. Их было, кажется, всего двое? И отвезет ее в Вену как можно скорее. Я думаю, хватит и сотни миль, чтобы уйти от опасности. В Империи, конечно, обо всем этом знать не должны.

Рауль бросился к ногам сэра Ива, а Одо, сопя, стал возиться с узлами веревок.

— Господин, прости нас! — воскликнул пастух.

Ив слабо улыбнулся.

— Боюсь, что это я должен просит о прощении. И прежде всего — тебя, сэр Хольгер.

Рембер подняла заплаканное лицо.

— За-заберите мен-ня отсюда, — всхлипнула она. — Я чувствую, как темнота возвращается. Заприте меня до рассвета... А завтра, сэр рыцарь, я смогу отблагодарить тебя... Ты

спас мою душу.

Фродар повалился Хольгеру в ноги.

— Защитник вернулся! — слезливо закричал он.

— Только без этого вздора, — отрезал датчанин. — Я завернул в ваш город ради куска мяса с хлебом. Или я могу рассчитывать еще и на глоток вина?

ГЛАВА 15

Популярность Хольгера стала такой, что он теперь не мог и шагу ступить, не будучи окружен толпой почитателей. Леди Бланшфлор заставила его благословить ее, и спустя несколько часов действительно оказалась совершенно здоровой. Она выздоровела бы и так: кризис уже миновал, но Хольгеру сразу стали мерещиться картины того, как он кочует по округе и врачует каждый приступ радикулита и фурункулеза.

Однако им надо было спешить к волшебнику-эксперту, пока фея Моргана не придумала новую чертовщину. Поэтому к вечеру следующего дня они оставили Лурвиль и двинулись дальше. Сэр Ив настоял, чтобы Алианора приняла от него в подарок верховую лошадь, и она с удовольствием дала себя уговорить. С таким же удовольствием они взяли бы и деньги, но ни один уважающий себя рыцарь не имел, увы, права коснуться этой низменной темы.

Следующие несколько дней были самым приятными днями их путешествия. Путь лежал по холмам и долинам, сквозь прозрачные рощи. Они останавливались, где хотели, и позволяли себе долгие стоянки на берегах рек и озер, где ловили рыбу и наслаждались купанием. Время от времени мелькал в стороне бледный силуэт лесной нимфы, но Срединный Мир, казалось, забыл об их существовании.

Единственное, что смущало порой Хольгера, — неправдоподобная естественность Алианоры. Трудно было найти более неунывающего и покладистого спутника, но привыкнуть к ее манере сбрасывать тунику при виде каждого водоема, пригодного для купания, он не мог. В придачу время от времени появлялись ее лесные приятели. Белку, принесшую в подарок орехи, еще можно было перенести, но когда в лагерь заявился лев и положил к ее ногам оленью тушку, нервы Хольгера дрогнули.

Однако главная проблема заключалась в ее отношениях к нему. Черт побери, он не имел никаких серьезных намерений! Развлечения в стогу сена с кем-нибудь вроде Меривен — это совершенно другое. А он при первой же возможности

намерен вернуться в свой мир, так что роман между ними заведомо обречен. Хольгер решил оставаться джентльменом до конца, но, черт возьми, она ни на йоту не упрощала ему эту задачу и буквально льнула к нему.

Однажды вечером Хольгер отозвал Хуги в сторону. Последний час перед этим он желал спокойной ночи Алианоре, но эта процедура потребовала от него слишком много поцелуев и сил...

— Хуги, — сказал он, — ты знаешь все, что происходит между мной и Алианорой.

— А то как же! — хмыкнул гном. — Глаза-то у меня есть. Слишком долго, скажу я, жила она в дикости, среди зверья да лесного народа.

— Но... ты сам предупреждал меня, чтобы я вел себя с ней поприличнее.

— Тогда я тебя еще не знал. А теперь вижу, что дивно же вы друг дружке подходите. Девке всегда парень нужен. Так что ты да она могли бы царить в лесах наших. А мы бы радовались.

— Значит, ты мне помочь не хочешь?

— Это я тебе не помогал? — обиделся Хуги. — Да не счесть, сколько раз я нарочно к вам затылком сидел или в лес уходил, чтобы одних вас оставить.

— М-да... Помощник. Ладно.

Хольгер раскурил трубку и уныло уселся у костра. Он никогда не был донжуаном. И никак не мог взять в толк, почему в этом мире женщины бросаются в его объятия одна за другой. Меривен и Моргана преследовали самые низменные цели, но почему обязательно с ним? Алианора же самым банальным образом влюбилась в него. Странно. Он не питал иллюзий относительно своей внешности.

По всей вероятности, в этом был виноват его двойник из этого мира. Он был здесь кем-то очень значительным. И хотя, наверное, неспроста из всех людей Земли был выбран именно Хольгер, тем более очень хотелось знать, кем был тот, кто носил в своем гербе три сердца и три льва?

Поразмышляем. На основании всего, чему он явился свидетелем, попробуем реконструировать эту личность. Прежде всего, он был могучим воином, что здесь особенно ценилось. Импульсивный и рассудительный одновременно. Искатель приключений. Не бабник, но и не святоша. Наверно, немного идеалист: Моргана проговорилась, что он защищал Порядок бескорыстно и мог бы получить больше от Хаоса. Он, должно быть, умел управляться с женщинами, иначе такая

сильная и умная особа, как она, не затащила бы его на Авалон... Кстати, Авалон... Хольгер поднес к глазам правую руку. Эта самая рука покоилась на малахитовых перилах, выложенных серебром и рубинами. Солнце золотило волоски на пальцах... Серебро было теплее камня, а рубины пылали, как капли крови... Перила шли по краю обрыва над отвесной стеклянной скалой... Свет дробился в гротах на миллионы осколков, и его брызги — красные, желтые, фиолетовые — осыпались в море. А море было темным, с пурпурным отливом и поразительно белыми барашками волн... Авалон — плавучий остров, скрытый туманом магии...

Он посидел еще немного, глядя в огонь, и отправился спать.

Дней через семь они выехали на обширную равнину. На пологих склонах холмов колосились пшеница и рожь, на сочных пастбищах паслись лохматые лошаденки, коровы и овцы. В качестве строительного материала местные жители употребляли глину: все чаще они натыкались на домики с глиняными стенами. Домики то и дело сбивались в крохотные деревеньки. Время от времени у дороги вырастали деревянные замки с дубовыми заборами. Горы, через которые они перевалили, вместе с темной пеленой Фейери, давно скрылись из вида. Однако на севере Хольгер заметил зубчатую линию более мощной горной цепи. Она была едва различима отсюда. Три высокие снежные вершины как бы парили в воздухе, отделенные от своих оснований. Хуги сообщил, что за этими горами также лежит область Срединного Мира. Поэтому то, что мужчины здесь, даже работая в поле, не снимали оружия, не было странным. Не удивило Хольгера и то, что изощренная иерархическая система Империи была здесь упрощена и избавлена от лишних формальностей. Рыцари, в домах которых они ночевали в две последующие ночи, были неграмотны и не велеречивы, зато полны доброжелательности и интереса к новым людям.

На третий день пути по равнине, перед заходом солнца, они въехали в Тарнберг. По словам Алианоры, в восточной части герцогства это местечко более всего походило на город.

Но в городе было невесело. Барон и все его сыновья пали в битвах с северными варварами, баронесса уехала к родственникам на запад, а наследники не спешили вступать во владение наследством. Упадок этой семьи был только фрагментом тех бедствий, которые постигли эти края за последние годы. Тарнбергом управлял неопытный совет горожан, годный разве только на то, чтобы следить за сменой караулов на

городских стенах.

Въехав в ворота, Хольгер увидел перед собой прямую мощеную улицу, по которой бегали дети, собаки и свиньи.

Разнокалиберные деревянные и каменные дома стояли вплотную друг к другу. Улица утыкалась в церковь.

Папиллон продвигался сквозь толпу ремесленников и женщин, во все глаза рассматривающих Хольгера и отвешивающих ему неуклюжие поклоны.

Хольгер натянул на щит чехол — реклама ему была не нужна. Здесь, оказывается, знали Алианору. Люди окликали ее:

— Эй, дева-лебедь, какие новости ты принесла?

— Что это за рыцарь с тобой?

— Что слышно в лесах, дева?

— А что с Шармеманом, а?

— Не видала моего кузена Эрсена?

— Что, Фейери продолжает копить силы? — взволнованно спросил кто-то.

Многие перекрестились.

— Может быть, лебедь, ты принесла нового господина, который защитит нас?

Девушка отвечала натянутой улыбкой. Среди людей и каменных стен она чувствовала себя не в своей тарелке.

Наконец они очутились перед домом, который был, пожалуй, в городе самым ветхим. Над дверью висела вывеска. Хольгер прочитал:

МАРТИНУС ТРИСМЕГИСТУС
Магистр Магии
Заклинания. Чары. Предсказания.
Исцеления. Любовные напитки.
Благословения. Проклятия.
Всегда-полные-кошельки.
Особая скидка при крупных заказах.

— Ого! — поднял он брови. — Смахивает на визитную карточку коммивояжера.

— О да! — поддакнула Алианора. — Он также городской аптекарь, дантист, писарь и ветеринар.

Она ловко соскользнула на землю. Хольгер тоже спешился и привязал Папиллона к столбу перед входом. Тотчас, как из-под земли, на противоположной стороне улицы выросло несколько подозрительных личностей.

— Присмотришь за конем, Хуги? — попросил Хольгер карлика.

— Зачем? — удивился тот. — Тому дураку, который замыслит украсть Папиллона, можно хоть сейчас спеть за упокой.

— Именно этого я и опасаюсь, — хмыкнул Хольгер.

Он взялся за ручку двери и остановился. Стоит ли рассказывать волшебнику все до конца? Алианора его хвалит, а больше, кажется, обращаться не к кому. Он распахнул дверь и вошел. Мелодично брякнул колокольчик. Темное и пыльное помещение было завалено самым диковинным хламом: склянки, колбы, ступы, перегонные кубы и реторты, огромные фолианты в кожаных переплетах, человеческие черепа, чучела животных и еще Бог весть что — все это в чудовищном беспорядке громоздилось на шкафах, столах, полках и просто на полу. Из угла зыркнула сова. Через комнату прошествовал белый кот.

— Иду, иду, благородные господа, — послышался тонкий голос. — Минуточку!

Откуда-то из глубин хлама появился, потирая руки, магистр Мартинус — маленький лысый человечек в застиранной черной хламиде, украшенной знаками Зодиака. Редкая бороденка казалась приклеенной, близорукие глазки непрерывно моргали, а на губах играла неуверенная улыбка.

— Рад, рад, приветствовать вас, господа! Надеюсь, вы в добром здравии? — он прищурился. — О, никак это прелестная дева-лебедь? Входи, входи, моя дорогая. Или ты уже вошла?.. Ну да, разумеется, раз ты уже здесь, ты, конечно, уже вошла.

— У нас просьба, Мартинус, — взяла быка за рога Алианора. — Она может оказаться обременительной, но нам не к кому, кроме тебя, обратиться.

— Прекрасно, прекрасно! Я сделаю все, что смогу, все, что смогу, для тебя, дорогая дева-птица, и для твоего благородного спутника. Уверяю вас. Извините. — Мартинус подбежал к стене и смахнул пыль с висящего на ней пергамента. Пергамент уведомлял, что Мартинус сын Холофи достойно справился со всеми премудростями науки, выдержал экзаменационные испытания и удостоен титула магистра в области магических наук со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Я только боюсь, маэстро... — Хольгер хотел честно признаться, что у него нет ни гроша за душой, но чувствительный локоток Алианоры не позволил ему обнародовать эту глупость.

— Страшные тайны связаны с нашим делом, — поспешно подхватила она. — Ни один рядовой волшебник не в силах

справиться с ними, и потому я привела этого рыцаря сразу к тебе.

Она одарила мага обольстительнейшей улыбкой.

— Прошу вас, прошу, — пригласил их Мартинус и засеменил в соседнюю комнату, такую же захламленную, как и передняя. Он убрал со стульев книги, освободил угол стола, сдул с него пыль, бормоча извинения и проклятья в адрес нерадивых слуг, потом хлопнул в ладоши и приказал:

— Вина! Подай нам вина и три кубка! — подождал, прислушиваясь, и повторил: — Эй, ты там! Проснись! Вина, говорю я тебе! Вина и три кубка!

Хольгер осторожно сел на жалобно заскрипевший стул.

Алианора присела на краешек другого. Мартинус плюхнулся на свой, забросил ногу на ногу, переплел пальцы рук и деловито спросил:

— Итак? Итак, рыцарь, что у тебя за проблемы?

— Как тебе сказать... — начал Хольгер. — Вся эта история началась... Просто не знаю, с чего начать.

В этот момент в комнату вплыли по воздуху бутылка и три запыленных кубка.

— Наконец-то! — буркнул волшебник, когда бутылка опустилась на стол. — Ну и времена! Невозможно, невозможно, поверите ли, подыскать порядочную прислугу! Возьмите этого духа. Крайне, крайне нерадив и невыносим! Когда я был молод, все было совершенно иначе. Тогда они знали свое место. А возьмите товар, с которым сегодня имеешь дело! Травы, мумии, растертые жабы... Разве это такой товар, который был раньше? А цены? — Он закатил глаза. — Ты не поверишь, дорогой рыцарь, но в последнее время...

Алианора кашлянула.

— Что? О, простите меня, — спохватился Мартинус. — Разболтался. Скверная привычка, скверная. — Он наполнил кубки. — Итак, продолжай, дорогой рыцарь, прошу тебя, продолжай. Рассказывай все как есть.

Хольгер вздохнул и рассказал все. Время от времени Мартинус перебивал его вопросами, цокал языком и теребил бородку в знак озабоченности. Когда Хольгер дошел до Матери Герды, волшебник покачал головой:

— Знаю, знаю эту особу. Ничего удивительного, что тебя взяли в такой оборот. Она давно заигрывает с черной магией. И, скажу я тебе, из-за таких вот невежественных кустарей-одиночек дипломированные профессионалы теряют доверие, а значит, и клиентуру. Но продолжай, продолжай, рыцарь.

Когда Хольгер закончил рассказ, Мартинус дернул себя

за бороду и воскликнул:

— Удивительная история! И я думаю, рыцарь, твои догадки правильны. Ты попал в сердце каких-то действительно важных событий.

— Кто я такой? — спросил Хольгер. — Чей это герб три сердца и три льва?

— Боюсь, что не знаю, сэр Хольгер, боюсь, что не знаю. Возможно, это герб какой-нибудь крупной фигуры из западных стран. Может, из Франции? Знаешь ли ты, что мир Порядка — человеческий мир — со всех сторон окружен доминионами Хаоса? Он — только остров в море Срединного Мира. На севере живут великаны, на юге — драконы. Здесь, в Тарнберге, восточная граница стран, населенных людьми. Рукой подать до Фейери и Тролльхейма. Чего ждать от них? Мы не знаем. Слухи идут быстро, но по дороге искажаются до неузнаваемости. Что тут говорить, если даже о человеческих странах на Западе мы мало что знаем! Франция? Испания? Слухи, одни только слухи. Нет, я не могу ответить тебе, рыцарь. Наверно, владелец этого герба принадлежит к знатному роду Но при чем тут ты? Нет, даже не стану спрашивать свои книги. Тем более, что у меня в библиотеке некоторый, знаете ли, беспорядок... М-да... Однако, — неожиданно перешел он на серьезный и значительный тон, — я думаю, мы можем сделать кое-какие выводы. Вероятно, рыцарь львов и сердец был для Хаоса слишком серьезным противником. Вероятно, он был одним из избранных, вроде Карла, Артура и им подобных. Я имею в виду избранность не праведника, а миссионера. Это тяжелая ноша. Рыцари Круглого Стола ушли в мир иной, Карл — тоже. Но на их место должны были прийти другие герои. Хаос понял это и решил опередить события и устранить возможных *кандидатов*. Предположим, за дело взялась Моргана. Она сблизилась с потенциальным героем, лишила его памяти, потом превратила в ребенка и отправила в другой мир в полной уверенности, что он не сумеет вернуться до тех пор, пока Хаос не одержит окончательной победы. Не могу понять, почему она попросту не убила его? Возможно, его жизнь охраняется силой более могущественной, чем сила феи Морганы. Во всяком случае ясно, что в момент, который был сочтен переломным, ты все-таки был возвращен обратно. Кто это сделал? Бог? Не думаю. При всем моем уважении к тебе. По-видимому, просто подействовал некий Мировой Закон, согласно которому в случае чрезвычайной нужды *должен* появиться герой! Должен! Понятно, что Срединный Мир во что бы то ни стало будет пытаться во всем препятствовать ему.

Ему, или тебе, что, кажется, одно и то же. Вот так, — подытожил Мартинус. — Понятно, что это только догадки, мой дорогой рыцарь, только догадки. Гипотезы. Однако всеми известными нам факторами они подтверждаются, не так ли?

Хольгер сидел, понурившись. Влип. Кому понравится быть послушной фигуркой в чьей-то шахматной партии?

Нет, это не для него. Никто не может лишить его свободы воли. Мировой Закон? К черту! Почему он должен считаться с чужими законами?

— К делу! — нетерпеливо воскликнул он. — Удастся тебе вернуть меня обратно?

Алианора печально вздохнула.

Мартинус покачал головой.

— Нет, рыцарь. Боюсь, что эта задача мне не по плечу. И, думаю, она не по плечу кому бы то ни было, будь он человек или житель Срединного Мира. Если мои догадки верны, то ты не просто втянут в борьбу Порядка и Хаоса, но играешь в ней центральную роль. — Он вздохнул и продолжил: — Быть может, раньше, когда я был молод, нахален и весел, я попытался бы рискнуть. Если бы ты знал, каковы они — проделки студентов с факультета магии... Однако я тех пор утекло много воды, и я отдаю себе отчет... Боюсь, что от меня будет мало толку.

— Что же мне делать? — беспомощно спросил Хольгер. — Куда мне идти?

— Не знаю... Разве что... Искать меч Кортану. Он выкован из той же стали, что и Жуаез, Дурандаль, Эскалибр. По преданию, он освящен кем-то из отцов церкви. В руках правоверного владельца Кортане надлежало охранять христианский мир. Но меч украден. Говорят, подданными феи Морганы. Она не в силах уничтожить его, но с помощью язычников-дикарей где-то спрятала.

Я должен его найти?

— Это опасно, мой юный друг, это очень опасно. Однако больше мне в голову ничего не приходит. Знаешь что? — Мартинус хлопнул Хольгера по колену. — Мы сделаем вот что! Моих сил и знаний — кстати, некоторые утверждают, что они весьма значительны — хватит на то, чтобы узнать, где спрятан меч. Да, да, так мы и поступим. Это будет наилучшим решением.

— Я безмерно тебе благодарна, — сказала Алианора.

Опасности были для нее пустым звуком. Главное, Хольгер задерживается в этом мире на неопределенный срок.

— Боюсь, что у меня тесновато, — сказал Мартинус. —

Но в городе есть постоялый двор, где вы найдете все, что пожелаете. Передайте заодно хозяину, что я не забыл о его долге... М-да... Кстати, кстати... Может быть, ты хотел бы, рыцарь, избежать встречи с этим сарацином? У меня найдется все для полного преображения — по умеренной цене.

— С каким сарацином? — удивился Хольгер.

— Как? Я тебе не сказал? Ах, дырявая голова! Нужно все записывать, все записывать. Так вот, тебя ищет какой-то сарацин. Он тоже сейчас в городе.

ГЛАВА 16

Мартинус порылся в своих фолиантах и развел руками: вернуть Хольгеру память он оказался не в силах. Зато с помощью нескольких пассов и вонючего дыма он снабдил датчанина новой внешностью. Взглянув в зеркало, Хольгер увидел, что кожа его лица потемнела, волосы и борода стали черными, а глаза из голубых превратились в карие.

— Раньше ты мне больше нравился, — вздохнула Алианора.

— Когда захочешь вернуть свой естественный облик, — сказал Мартинус, — воскликни: «Белгор Меланхус!» Или, возможно, Кортана сам развеет мои чары.

— Неплохо было бы поработать и над моим конем, — заметил Хольгер. — Он слишком бросается глаза.

— Но-о-о... — запротестовал было Мартинус.

— Ну пожалуйста, — подлизалась Алианора.

— Ну, хорошо, хорошо. Введите его сюда. Но чтобы он вел себя тут пристойно.

Папиллон заполнил собой всю переднюю. В результате из дома вышел конь каштановой масти. Махнув рукой, Мартинус сам предложил изменить, по выбору Хольгера, и герб. Хольгер вспомнил Айвенго, и его щит тут же украсило вырванное дерево.

— Приходите завтра, и я сообщу все, что сумею узнать, — попрощался с ним волшебник. — Но не раньше, не раньше полудня. А то вы, странники, думаете, что если солнце уже взошло, то день, почитай, скоро кончится.

Они покинули дом чародея в сумерках. Темнота быстро сгущалась, и искать путь к постоялому двору им пришлось чуть ли не на ощупь. На пороге дома их встретил улыбающийся толстяк.

— Вы ищете ночлег! Прекрасно! У меня есть покои, в которых останавливались даже коронованные особы!

Нам нужно две комнаты, — сказал Хольгер.

Я могу спать на конюшне, — небрежно обронил Хуги.

Две комнаты!

Толстяк кивнул. Они спешились. Алианора подошла к Хольгеру и тихо спросила:

— Зачем нам две комнаты? У костра мы спали бок о бок.

Ее волосы пахли солнцем.

— Здесь я не доверяю себе, — буркнул он.

Она захлопала в ладоши.

— Но это здорово!

— Что?!. Ну, нет! К черту! Две комнаты!

Хозяин опять кивнул и улыбнулся, но, улучив момент, когда на него никто не смотрел, выразительно постучал пальцем по лбу.

Он проводил их в комнаты, меблированные только кроватями, но довольно опрятные. До сих пор Хольгеру как-то удавалось обходиться без денег, но сейчас он с ужасом подумал о том, как он будет расплачиваться с хозяином. Алианору, разумеется, финансовые проблемы не интересовали. И еще об одном подумал Хольгер с тревогой. Каждая собака в этом городишке, разумеется, уже знала о его приезде. И все знали, конечно, что прибыл блондин, а у Мартинуса превратился в брюнета. Эти сведения с легкостью дойдут до сарацина. Он снял доспехи и переоделся в свою лучшую тунику. На всякий случай нацепил меч. Вышел из комнаты и наткнулся на Алианору.

— Пойдем поужинаем? — неуверенно предложил он.

— Пойдем, — глухо ответила она и неожиданно схватила его за руку. — Хольгер! Я совсем не нравлюсь тебе?..

— Да нет... Ты мне нравишься...

— Я знаю, я дикая и некрещеная... Дикая птица... Но я могу с этим проститься, Хольгер! Я могу стать обычной женщиной... дамой!

— Видишь ли... Ты прекрасно знаешь, Алианора, что я должен вернуться домой. Что ни говори, а это не мой мир, и в нем нет для меня места.

— А если тебе не удастся вернуться? — горячо прошептала она. — Если тебе придется остаться?

— Тогда... тогда это будет совсем другая история...

— Я не хочу, я не желаю, чтобы ты возвращался! Нет, нет, я буду, я буду изо всех сил помогать тебе, потому что ты... — Она отвернулась. — Почему жить так непросто? — пожаловалась она.

Он взял ее за руку, и они спустились по лестнице.

В обеденном зале постоялого двора пылал камин. Зал был узким и длинным, с низким и темным потолком. За большим общим столом сидел только один человек. При появлении Хольгера он вскочил и воскликнул: «Ожь...» — но осекся.

— Простите, я обознался, благородные господа, — поклонился он. — Я принял тебя за другого, рыцарь. Еще раз прошу прощения.

Хольгер подвел Алианору к столу. Вероятно, это был тот самый сарацин, который искал его. Среднего роста, худощавый и гибкий, он выглядел весьма элегантно в своих просторных белых одеждах и красных башмаках с загнутыми носками. На поясе — кривая сабля, на голове — тюрбан с изумрудом и страусиным пером. Темное узкое лицо, орлиный нос, короткая аккуратная бородка и золотые серьги в ушах. Он двигался легко и плавно, как кошка, а говорил мягко и вежливо, но было понятно с первого взгляда, что в бою он мог оказаться опасным противником...

— Мы охотно извиняем тебя, — галантно ответил датчанин. — Осмелюсь представить тебе госпожу Алианору... де ля Форе. А я... хм... сэр Руперт из Граустарка.

— Боюсь, что ничего не слышал о твоих владениях, рыцарь, поскольку прибыл я с далекого юго-запада и в этих краях только гость. Сэр Карау, — представился он. — Некогда король Мавритании, к вашим услугам. Не соблаговолите ли разделить со мной трапезу?

— Охотно, сэр Карау, — без промедления согласился Хольгер. Король, готовый оплатить счет, был весьма кстати.

Они уселись. Необычный наряд Алианоры явно смущал Карау, и он старательно отводил глаза. Выбор меню он взял на себя, перепробовал все хозяйские вина, покритиковал их и указал, какой именно сорт подавать к тому или иному блюду. Хольгер не мог удержаться от замечания:

— Я полагал, что твоя религия, рыцарь, возбраняет употребление спиртного.

— Ты принимаешь меня за кого-то другого, сэр Руперт, — отозвался сарацин. — Я христианин, как и ты. Да, когда-то я сражался на стороне еретиков, пока справедливый и благородный рыцарь, одолевший меня в бою, с истинной щедростью не открыл мне света истинной веры. Но должен признаться, что оставайся я мусульманином, я не осмелился бы нанести оскорбление прекраснейшей из дам и не выпить за ее здоровье.

Ужин прошел под аккомпанемент приятной легкой беседы. Потом Алианора зевнула и отправилась спать. Карау и

Хольгер уселись потверже: им предстояло главное — основательная мужская пьянка. И хотя Хольгер честно пытался от этого уклониться, сарацин настоял.

— Для меня истинное счастье оказаться в обществе человека, который умеет в равной степени сложить изысканный сонет и скрестить меч, — заявил он. — Такие встречи — большая редкость в этом диком краю. Поэтому прошу тебя не отказывать мне в любезности, рыцарь.

— Ты прав, это дикие края, — согласился Хольгер и с деланным равнодушием добавил: — Такого рыцаря, как ты, могла привести сюда только какая-то крайняя необходимость.

— Да, я ищу одного человека. — Зоркие глаза Карау встретились с глазами Хольгера. — Может быть, ты о нем слышал? Он высок и могуч, как ты, только со светлыми волосами и кожей. Под седлом у него черный конь, а в гербе он носит либо орла — чернь на серебре, либо три сердца и три льва — золото и багрец.

— Хм! — как можно равнодушнее хмыкнул Хольгер. — Мне кажется, что-то такое слышал... Как, ты говоришь, его имя, рыцарь?

— Я не называл имени, — ответил Карау. — Пусть это имя будет таким, каково оно есть, да простишь ты мне эту скрытность. Дело в том, что у него много врагов, которые не замедлят напасть на него, как только прознают, где он находится.

— Он твой друг?

— Прости еще раз, но будет лучше, если и мои отношения с ним останутся тайной. О, это не значит, что я не доверяю тебе, сэр Руперт, но и у стен могут быть уши. А я здесь одинок, и не только в этой части света, но и вообще в вашем времени.

— Что-о-о???

Карау кинул на Хольгера изучающий взгляд.

— Вот об этом я могу рассказать без утайки. С человеком, которого я ищу, я познакомился несколько столетий назад. Но вскоре он куда-то исчез. Потом мы встретились снова, и он снова исчез. Потом мне стало ясно, что он появляется всегда в тот момент, когда прекрасной Франции начинает грозить опасность. Я долго искал его. Однажды во время странствий по морю шторм выбросил меня на берег плавучего острова И-Бразель, и я оказался в гостях в замке прекраснейшей из всех земных женщин. — Он грустно вздохнул. — Время имеет там свои законы. Говорят, оно ведет себя так же в Холме Эльфов и на острове Авалон. Для меня прошел один год, а здесь миновали столетия. Когда до меня дошли слухи о том,

что поднимаются силы Срединного Мира, я воспользовался магическими знаниями моей госпожи и любимой и узнал, что битва разразится именно здесь, на восточных границах Империи. Я узнал также, что Ож... этот рыцарь, встречи с которым я так страстно желаю, будет вызван сюда высшими силами. И тогда под покровом ночи я сел на волшебный корабль и устремился прочь. На побережье купил коня, и вот я здесь. Но Господь еще не послал мне желанной встречи.

Карау одним глотком опорожнил кубок. Хольгер выпил свой. Вполне правдоподобный рассказ. Для этого мира, конечно. Но, может быть, это все ложь. Хотя сарацин производит впечатление искреннего человека. К тому же это смуглое сухое лицо кажется Хольгеру почему-то очень знакомым. Где-то, когда-то он знал Карау, но остается вопрос: кто он — друг или враг? От прямого ответа он уходит, и, значит, допытываться не стоит. То, что он отзывается о человеке, которого ищет, лестно, ничего не доказывает: рыцарский кодекс обязывает отдавать должное даже злейшим врагам.

— Я не хотел бы казаться назойливым, — учтиво произнес Карау, — но меня не может не томить любопытство: а что заставило тебя пуститься в путь по этим неспокойным землям? Твой Граустарк — где он?

— Немного южнее, — пробормотал Хольгер. — Я... я дал обет. Дева-лебедь любезно согласилась помочь мне его исполнить.

Карау согласно кивнул. Вряд ли он поверил Хольгеру, но расспрашивать больше не стал, а весело улыбнулся и предложил:

— Может быть, мы споем для веселья? Тебе, конечно, известно много баллад и песен, которые усладят слух скитальца, привыкший лишь к свисту ветра и вою волков.

— Давай попробуем, — обрадовался Хольгер перемене темы. Они запели и, не оставляя кубков, горланили несколько часов подряд. Вечер кончился тем, что они, ревя на весь дом что-то из датского фольклора и поддерживая друг друга, с трудом одолели лестницу, крепко обнялись и разошлись по комнатам, горячо пожелав друг другу спокойной ночи.

ГЛАВА 17

На следующий день Хольгер проснулся с сильной головной болью. Был уже почти полдень. Алианора благоразумно молчала. Оставив лошадей под присмотром Хуги на постоялом дворе, они направились к дому Мартинуса. Хозяин проводил их подозрительным взглядом. Вероятно, у него был

богатый опыт общения с постояльцами, имеющими пышное генеалогическое дерево, но тощие кошельки. Волшебник встретил их широкой улыбкой.

— О, я вижу, не раз, не раз ты вчера заглянул на дно кубка, мой юный друг, — засмеялся он и укоризненно покачал головой. — Что ж, весьма кстати у меня имеется эффективнейшее и очень дешевое снадобье, изгоняющее малярию, заражение крови, меланхолию, мозоли, ревматические боли, конъюнктивит, проказу и похмелье. Вот этот кубок. До дна, до дна... Чуть-чуть горчит... Ну что?

Мартинусовская панацея в самом деле оказалась волшебной. На таком снадобье Хольгер на Земле мог бы нажить целое состояние.

— Я не смог установить твою личность, сэр Хольгер, — печально сказал волшебник. — Все демоны, к которым я обращался, оставляли мой вопрос без ответа. Это может означать только одно: ты действительно помещен в центр событий. Враг, однако, не мог предусмотреть всего. Я связался с духом воздуха, вызвал на консультацию Ариэля и с их помощью сумел определить место, где схоронен меч Кортана. Это не так далеко отсюда, но путешествие туда не обещает быть удовольствием.

Хольгер вскинул голову.

— Где?

Мартинус взглянул на Алианору.

— Ты знаешь о церкви святого Гриммина-на-Горе?

Она кивнула.

— Меч там. — Он погладил лысину. — Я от всего сердца, от всего сердца не советую тебе ехать туда, мой юный друг.

— Что это за место? — спросил Хольгер.

— Заброшенная церковь в горах. К северу отсюда. Несколько столетий назад ее возвели миссионеры ради обращения в христианскую веру тамошних варваров. Но она простояла недолго. Миссионеров варвары перебили, а церковь превратили в руины. Говорят, их вождь осквернил святой алтарь человеческим жертвоприношением, поэтому церковь утратила святость и стала логовом злых духов. Теперь даже сами варвары боятся приблизиться к ней.

— М-да... — Хольгер поежился. Мартинус не шутил.

Зачем он вообще морочит себе голову? Ради возвращения домой? А что, собственно, так влечет его туда? Друзья, воспоминания, знакомые местечки... Но, положа руку на сердце, там нет ничего, о чем бы он по-настоящему тосковал. Там война и голод, продажность и бездуховность. Кроме того, вполне

возможно, что, вернувшись, он очутится в том же месте и в той же минуте, из которых был вырван. То есть — на пляже под огнем гитлеровцев. И кто знает, не суждено ли ему сложить там голову?

К дьяволу! Тот мир чужд ему. Его место здесь, в этом мире, а тот — только ссылка, место изгнания. Здесь, со всех точек зрения, ему и лучше и проще...

Правда, здесь тоже — опасности и ловушки. И тоже нет никакой гарантии, что он останется жив.

Солнечный луч, пробив пыльное стекло, упал на волосы Алианоры и заставил их жарко вспыхнуть. Никогда и нигде не встречал он подобной девушки. Может, послать к черту все эти хитросплетения и удалиться с ней куда-нибудь... Неужели он не сумеет обеспечить ей сытую и спокойную жизнь? Чем не судьба — быть царем лесного народа? Или он не сможет выкроить себе удельное владение в этих ничейных землях? Или не устроится, если возникнет тяга к цивилизованной жизни, где-нибудь в центре Империи?..

Пожалуй. А дальше? Ведь Хаос поднимается на войну. Фарисеи стремятся продвинуть тьму во все земные пределы.

Увы, у него нет выбора. В такие времена у каждого честного человека нет выбора. Ему придется пройти этот путь до конца, найти меч и вручить его владельцу — или сражаться этим мечом самому, если выяснится, что владелец — он. А уж после того, если это «после» когда-нибудь наступит, решать, как все-таки вернуться домой.

Он тряхнул волосами.

— Я еду!

— Мы едем, — поправила Алианора.

— Как угодно, — тихо произнес Мартинус. — Я буду молиться за вас. Да поможет тебе Бог, рыцарь, ибо ради всех нас ты идешь туда. — Он вытер увлажнившиеся глаза, высморкался и сделал попытку улыбнуться. — Ну, хорошо. А теперь поговорим о счете. Перед таким небезопасным путешествием ты, конечно, имеешь желание отрегулировать все такого рода дела.

За него ответила Алианора.

— У нас сейчас нет денег, — решительно сказала она. — Но я обещаю, что твой счет будет оплачен.

— Вот как? — опечалился Мартинус. — Я предпочел бы, чтобы у вас были деньги. Видите ли, видите ли, мое заведение не предоставляет кредита...

— Твоя реклама говорит о том, что ты умеешь набивать кошельки, — заметил Хольгер.

— Реклама всего лишь реклама. Маленький яркий штришок для целостности композиции.

— Мой дорогой! — улыбнулась Алианора и взяла волшебника за руку. — Как ты можешь досаждать разговором о деньгах человеку, который призван спасти весь мир? Твоя помощь зачтется на небесах, твое имя будет прославлено в песнях.

— Но этим не расплатишься с моими кредиторами, — попробовал воспротивиться Мартинус.

Алианора погладила его по плечу.

— Разве сокровища на небе не стоят всех сокровищ земных?

— Э-э-э... В Священном писании есть слова, которые звучат примерно так же, но...

— Ах, дорогой друг! Благодарю тебя! Я знала, что ты все поймешь и согласишься. Благодарю тебя!

— Но... э-э-э... нельзя ли все же...

— Нет, нет, ни слова больше! Мы ни за что не согласимся принять от тебя помощь большую, чем та, которой ты уже одарил нас. До свидания, благородный человек! — Алианора чмокнула старика в щеку и, прежде чем Хольгер успел что-либо сообразить, вытолкала его за дверь.

«О женщины!» — только и подумал датчанин.

Возвратившись на постоялый двор, они увидели вышагивающего возле крыльца Карау. Увидев их, он поспешил навстречу.

— Ваш слуга-карлик проговорился, что вы собираетесь в путь? — осведомился он.

— Да, — ответил Хольгер и, заметив косой взгляд хозяина, добавил: — Быть может.

Карау погладил бороду длинными, украшенными перстнями пальцами.

— Не будет ли с моей стороны дерзостью задать вам вопрос: в какую сторону вы направляетесь?

— На север.

— В земли варваров? Несомненно, вас там ждут приключения, о которых будут сложены саги. Если, разумеется, хоть один их свидетель вернется домой.

— Я уже говорил тебе, рыцарь, что дал обет.

— О, прости меня, друг, — поклонился Карау. — Я не смею быть назойливым, но позволь мне дать тебе добрый совет. Когда хочешь сохранить тайну, не следует говорить загадками. Чем больше загадок, тем больше слухов. Кто-то скажет, что ты поклялся убить тролля, хотя местные жители и уверены, что тролли бессмертны, кто-то — что сэр Руперт

желает вызвать на поединок короля варваров. Но большинство, поскольку такова уж природа людей, будет уверено, что ты охотишься за сокровищем, спрятанным в этих краях. Будь уверен, люди с удовольствием перемоют все косточки и тебе, и твоей прекрасной спутнице. Сплетни, как гонцы, понесутся впереди вас. А кто-то, возможно, и пойдет по пятам... Тебе нужна легенда, и чем она будет невероятней, тем легче люди поверят в нее и оставят тебя в покое.

Алианора клюнула на это речистое дружелюбие.

— Но наша цель и впрямь необычна, — простодушно сообщила она. — Мы едем к проклятой церкви святого Гриммина.

— Я поклялся совершить паломничество в эти места, — пытался спасти положение Хольгер, — чтобы... чтобы спасти священные реликвии, которые, возможно, еще сохранились. Но я предпочитаю не распространяться на эту тему по той причине, что... это епитимья за проступок, о котором я не хотел бы...

— Вот как? Я еще раз прошу прощения, — Карау пристально взглянул в глаза Хольгера. — Но ты заронил во мне сомнение, рыцарь. Я не искал еще в тех краях того, кого я ищу. Это непростительная оплошность. Поэтому я прошу твоего позволения следовать вместе с тобой. Беседа с другом сокращает путь, а рука друга делает его безопаснее. К тому же, признаюсь: слушая тебя, я подумал, что, может быть, заслужу хоть малую Божью милость, если приду на помощь твоему священному обету.

Хольгер и Алианора обменялись взглядами.

— Но, — неуверенно отвечал Хольгер, — нам будут угрожать не только земные силы. Мы можем столкнуться с магией...

Карау улыбнулся и махнул рукой.

— Твой меч прямой, мой — изогнутый. Не все ли равно, как выглядит враг?

Хольгер колебался. Вне всяких сомнений, такой спутник может оказаться очень полезным. Однако нет ли у Карау каких-либо задних мыслей? Не может ли он оказаться агентом Хаоса? Он ведет себя странно: разыскивая одного, он почему-то набивается в спутники другому. Возможно, он заинтригован тайной Хольгера и рассчитывает на его секретную связь с объектом своих поисков. А если нет, то его желание исследовать северные предгорья выглядит правдоподобно...

— Я еще раз прошу удостоить меня чести сопровождать тебя, рыцарь, — продолжал настаивать сарацин. — Особенно —

тебя, прекрасная дама. Я так пылко желаю этого. Если вы окажете мне эту милость, я буду считать вас своими гостями с момента нашей встречи. И пожалуйста, не возражайте. — Он был вправе позволить себе иронию: финансовое положение Хольгера всем, кажется, бросалось в глаза. Рассчитывать на бескорыстие хозяина постоялого двора, конечно, не приходилось.

— Идет! — Хольгер протянул руку Карау. Тот пожал ее. — Значит — союз?

— И порукой ему — моя честь.

— И моя. — Хольгер вдруг ясно понял, что принял правильное решение. Карау будет надежным товарищем.

— Без дружбы за спиной стужа, — улыбнулся он.

Карау вздрогнул.

— Что? Где ты слышал эту пословицу?

— Нигде, просто пришло в голову. А в чем дело?

— Я знал человека, который любил ее повторять. И, скажу откровенно, это был тот, которого я ищу. — Он вновь пристально посмотрел в глаза Хольгеру. Потом отвел взгляд и переменил тему. — Думаю, самое время перекусить, а потом начать собираться. Не тронуться ли нам в путь завтра утром?

За трапезой он шутил, балагурил, пел и предавался рискованным воспоминаниям. Затем оба рыцаря проверили свое снаряжение. Доспехи Карау оказались надежными и изысканными: стальной панцирь с широкими надплечниками был испещрен замысловатой гравировкой, к круглому шлему крепилась железная сетка, защищающая шею, ноги закрывали железные наколенники. На его щите, в обрамлении красной полосы с золотыми лилиями, цвела серебряная шестиконечная звезда на голубом поле. С седла белой лошади свисал и лук и колчан со стрелами.

Карау похвалил каштанового мерина Алианоры, но предложил обзавестись еще и мулом, который повезет Хуги и запасы провизии. Потом он ушел в город и сделал на рынке массу всевозможных покупок.

Они рано легли спать, но Хольгер еще долго ворочался с боку на бок. Он думал о том, что несмотря на все меры предосторожности фея Моргана будет, конечно, знать все. И пойдет на все, чтобы им помешать.

ГЛАВА 18

Две первые ночи они останавливались на ночлег в деревенских домах. Хольгер, опасаясь невольных оговорок и разоблачения, старался держать язык за зубами, зато сарацин

говорил за двоих. Он был так галантен, остроумен, весел и уделял Алианоре так много внимания, что Хольгер становился все более угрюмым и молчаливым. Он не имел на Алианору никаких прав, у него не было даже права на ревность, но отчего-то он все чаще чувствовал ее болезненные уколы.

На третий день пути они оставили позади последнее человеческое селение и провели ночь в пастушьей хижине, хозяин которой не пожалел для них целой охапки жутких историй о нравах дикарей, наводящих ужас на местное население. Еще более страшные дела творили, по его словам, тролли, изредка наведывающиеся в пределы человеческого жилья.

И вот утром они вступили на землю, населенную каннибалами. Дорога вновь повела их сквозь горы, но куда более высокие и крутые, чем те, которые лежали на востоке. Алианора сообщила, что по другую сторону этих гор нет ничего, кроме холода, тьмы и льда, и только полярное сияние освещает глубокий мрак страны, принадлежащей великанам.

Конечной целью их путешествия было плоскогорье у подножья самой высокой горной гряды. Туда было не меньше семи дней пути по земле, полной смертельных опасностей.

Тропа вела их вверх — через скалы, изуродованные лавинами и изглоданные ветрами, по острым, как бритва, камням, вдоль ущелий, никогда не видевших солнца. Леса остались внизу, а здесь было нищее царство карликовых деревьев и жесткой сухой травы. По ночам на землю падали заморозки. Солнце было здесь бледным, а звезды — огромными и колючими. Им приходилось то и дело переправляться через ледяные реки, с ревом летящие между скал. Лошади напрягали все силы, чтобы справиться с бурным течением. Только Хуги удавалось выходить из переправ сухим — его ноги едва доходили до края тюков, на которых он восседал.

Карау сразу простыл, стал чихать и сморкаться, но упорно продолжал сопровождать их.

— Когда я вернусь домой, — мечтательно говорил он, — я улягусь на солнцепеке под цветущим деревом. Музыканты будут играть для меня, а наложницы — класть в рот ягоды винограда. Но, конечно, я буду заниматься и физическими упражнениями, чтобы сохранить форму — два раза в день крутить ручную мельницу и молоть себе кофе. А когда через несколько месяцев мне наскучит такая жизнь, я отправлюсь в новое странствие — далеко-далеко, в кофейню на другой улице.

— Кофе... — вздохнул Хольгер, и вспомнил, что табак у него уже закончился.

Время от времени Алианора превращалась в лебедя и улетала вперед, чтобы разведать путь. На четвертый день, когда она в очередной раз поднялась в воздух, Карау взглянул на Хольгера и сказал с необычной для него серьезностью:

— Несмотря на своеобразное ее одеяние, редко встретишь подобную красавицу.

— Я тоже так думаю, — согласился Хольгер.

— Прости мою дерзость, но Господь дал мне глаза, чтобы видеть. Она не принадлежит тебе, не так ли?

— Нет.

— С твоей стороны это просто глупость.

— То же самое и я говорю ему, — вмешался карлик. — Пречудное это изобретение — рыцарь. Обойдет всю землю, чтобы деву спасти, а после не знает, что с ней творить. Разве что отвезет ее домой да, набравшись смелости, упадет на колени, чтобы выпросить ленточку на рукав. Просто диво, что рыцари до сих пор еще все не повымирали.

В тот день Алианора вернулась к вечеру.

— Я видела церковь, — сообщила она. — Правда, издалека. На пути к ней два варварских поселения, — а вокруг каждого — колья с человеческими черепами. Они там суетятся и возятся — похоже, что собираются в поход. — Она помолчала. — Я высмотрела дорогу для нас — вон через тот перевал. Там нет поселений, может быть, потому, что где-то в пещере обитает тролль. Но охотников мы повстречать можем. А они могут привести других.

Карау взял ее за руку.

— Если дело примет плохой оборот, — хмуро сказал он, — ты должна улетать не задумываясь. Мир, возможно, обойдется без нас, но станет таким невеселым, если потеряет ту, которая его озаряет.

Она задумчиво покачала головой, но не сразу убрала руку. «Этот тип, — разозлился Хольгер, — просто профессионал!» Что он мог противопоставить цветистому красноречию сарацина? Чувствуя себя глубоко несчастным, Хольгер пришпорил коня и ускакал вперед. Вряд ли он сможет долго терпеть эти приемчики, хотя нельзя сказать, что Карау ловит рыбку в пруду. Но должен же он, черт побери, знать место и время! А Алианора? Хороша, нечего сказать! Или она ничего не понимает? Дитя леса, святая простота? Самые избитые банальности и грубейшую лесть она принимает за глубокий ум и высокие чувства. Нет, Карау не должен так играть с невинным созданием. Кроме того, в таком сложном и опасном походе... Черт бы их всех побрал!

Сумерки застали их в вогнутом плоскогорье. Прямо за ним вздымались скалы, на которые предстояло карабкаться завтра. Их четкие черные силуэты, словно зубья гигантской пилы, отчетливо вырисовывались на фоне еще светлого неба. Белый пенистый водопад падал с лилового обрыва в красные воды озера. Стая диких уток сорвалась с пологого берега при их приближении.

— Я и хотела, чтобы мы успели до ночи добраться сюда, — сказала Алианора. — Если мы забросим удочки на ночь, то на завтрак будет что-нибудь повкуснее, чем солонина.

Хуги потряс головой и фыркнул.

— Не знаю, не знаю. Эта страна вся провонялась нечистой силой, а в этом месте стоит такой смрад, какого я еще никогда не встречал.

Хольгер потянул носом воздух. Пахло сыростью и травой.

— А по-моему, все в порядке, — сказал он. — Тем более, до темноты нечего и мечтать добраться до другого берега.

— Мы можем вернуться, — предложил Карау.

— Ну уж нет! — фыркнул Хольгер. — Впрочем, если кому-то страшно...

Сарацин вспыхнул, едва удержавшись от ответа на оскорбление. Алианора поспешила вмешаться:

— Посмотрите, вон там, кажется, удобное и сухое место.

Мох под копытами лошадей хлюпал, как мокрая губка. Алианора указывала на огромный мшистый валун с плоской верхушкой, покрытый сверху тонким слоем дерна. В центре ветвился сухой кустарник — вполне подходящее топливо для костра.

— Как будто специально для нас приготовлено, — сказала Алианора.

Через несколько минут, разнуздав лошадей, Хольгер и Карау принялись за выкладывание магического круга, а Хуги, вооружившись топором, затеял войну с кустарником. Полнеба было охвачено пламенем. Алианора раздула костер и вскочила на ноги.

— Пусть пока разгорается. Я пойду заброшу удочки.

— Нет, прошу тебя, останься, — Карау сидел на земле, скрестив ноги и подняв на нее глаза. Каким-то чудом его живописный наряд, несмотря на все тяготы путешествия, сохранял свою первозданную чистоту и элегантность.

— Ты не хочешь свежей рыбы на завтрак?

— Разумеется, хочу. Но что такое гастрономическое удовольствие по сравнению с тем наслаждением, которое дарит тебе присутствие красоты?

Девушка вспыхнула.

— Но я... — замялась она, — не очень понимаю тебя...

— Присядь, — похлопал он по земле ладонью. — В меру своего скромного поэтического таланта я постараюсь тебе все объяснить.

Она вопросительно взглянула на Хольгера. Он стиснул зубы и отвернулся.

— Я сам заброшу удочки! — буркнул он и, схватив снасти, слетел со скалы и зашагал к камышам. От желания оглянуться у него заболела шея. К тому времени, когда камыши скрыли их от него, его башмаки и штаны были мокры насквозь. «Перестань скулить, — уговаривал он себя. — Ты один виноват в том, что Алианора попала в силки этого прохвоста. Разве не ты оттолкнул ее?» Но беда была в том, что иначе он поступить не мог. Судьба играла им, как котенком.

«Посмотри на себя! — с презрением шептал он. — Ты пропах потом и измазался грязью. Сарацин — денди рядом с тобой. И нет ничего удивительного, что Алианора... К черту! Почему я должен страдать? Наоборот, прекрасно, что нашелся наконец тот, кто поможет тебе избавиться от ее любви. Проклятый камыш!»

Он яростно рубил камыши ножом. Меч он оставил в лагере. В зеркале озера отражались черные скалы и пурпур заката, бледный месяц и первая звездочка рядом с ним. Камыши волновались и что-то шептали. С гнилой коряги, прибившейся к берегу, плюхнулась в воду семейка лягушек. Хольгер разложил на коряге удочки и стал наживлять на крючки ломтики солонины.

Его знобило, замерзшие пальцы плохо слушались. Сгустившиеся сумерки заставляли напрягать зрение. «А ведь я мог бы сейчас блаженствовать на Авалоне, — вдруг подумал он. — Или, на худой конец, в Холме Эльфов. Неужели эта дева-лебедь действительна так наивна, чтобы не понимать, чем все это может кончиться — разгуливать перед мужчиной почти нагишом? Черт бы побрал всех женщин на свете! Они годятся только для одного. Меривен, по крайней мере, осознавала это».

Рука дрогнула, и крючок впился в палец. Он вырвал его и разразился бешеной бранью.

За его спиной послышался смех. Он вздрогнул, обернулся и увидел перед собой обнаженную женщину. Он не успел ничего понять, как вокруг его шеи обвились нежные руки, силы оставили его и он начал проваливаться куда-то вниз. И воды озера сомкнулись над его головой.

ГЛАВА 19

Полузадушенный, он сделал попытку вырваться, но тело отказывалось повиноваться, а его воля куда-то исчезла. Через некоторое время он почувствовал, что его отпустили.

Он обмяк и сел. Невероятно, но он не испытывал ничего, похожего на удушье. Несколько минут он сидел, приходя в себя, неподвижно. Потом оглянулся по сторонам. Вокруг был белый речной песок. Там, где из песка торчали черные камни, колыхались длинные зеленые водоросли. Зеленый, странный, как будто люминесцентный, свет позволял видеть все вокруг достаточно ясно. Из его рта вырвался рой пузырьков и умчался вверх, как рассыпанная ртуть. Слева выплыла рыбина, медленно проплыла мимо и исчезла в зеленой мути. Он вскочил на ноги, рванулся вверх и, потеряв равновесие, стал падать. Тело ничего не весило. Падение было медленным, как в кошмаре. Каждое движение встречало упругое сопротивление воды.

— Приветствую тебя, сэр Ольгер, — услышал он. Голос был прохладным и нежным. Он обернулся. Перед ним стояла женщина. Длинные зеленые волосы, как водоросли, клубились вокруг ее головы. На круглом лице с приплюснутым носом и чувственными губами светились желтые глаза. В ее теле была необыкновенная грация. «Грация рыбы», — подумал он.

— Кто... ты?..

— Не бойся, — засмеялась она. — Ты же не простолюдин, а благородный рыцарь. Еще раз приветствую тебя. — Она подплыла поближе, и он заметил, что длинные пальцы на ее ногах соединены перепонками, а ногти, как и губы, окрашены в зеленый цвет. Однако это почему-то не вызывало у Хольгера отвращения. — Прости меня за такое бесцеремонное приглашение. — Пузырьки, вылетающие из ее губ, цеплялись за волосы и сверкали, как бриллианты. — Я должна была воспользоваться тем кратким моментом, когда на тебе не было железа и ты проклинал Бога. Поверь, я не хотела тебя испугать.

— Где я, черт побери? — взорвался он.

— На дне моего озера. Я так одинока здесь. — Она взяла Хольгера за руку, и он вновь почувствовал, что стал беспомощным как младенец от прикосновения ее прохладных пальцев. — Не бойся, ты не утонешь, мои чары охраняют тебя.

Хольгер в самом деле не испытывал затруднений с дыханием. Он чувствовал себя так же, как обычно, разве что столб воды немного давил на грудь. Он попытался найти хоть какое-то научное решение этой загадки. По-видимому, магиче-

ские силы создали вокруг его тела тончайшую, возможно, молекулярную пленку, проницаемую для кислорода и непроницаемую для воды... Впрочем, какая разница?! Как он выберется отсюда?

— Кто тебя послал? — резко спросил он.

— Никто, — усмехнулась она и грациозно изогнулась, подняв над головой руки. — Ты не представляешь, какая скука заедает нас, бессмертных и одиноких. Как, по-твоему, быть русалке, когда к берегу ее озера судьба приводит прекрасного молодого воина с глазами, как небо и волосами, как солнце? Она не может не полюбить его с первого взгляда.

Он насторожился. Глаза, как небо? Значит, она воспринимала его внешность такой, какой она была до превращения у Мартинуса? И, скажите на милость, откуда ей известно его имя?

— Тебя послала фея Моргана! — воскликнул он.

— Какая разница? — пожала она плечами. — Пойдем ко мне, мой дом рядом. Устроим пир. А потом... — Она соблазнительно улыбнулась.

— Моргана, конечно, следила за мной. Знала, что мы идем к озеру: потом с помощью чар устроила сцену ревности...

— О, разве тебе не известно, рыцарь, что ни один смертный не может быть зачарован, если он сам того не желает?

— Мне лучше знать, чего я желаю! Все, конечно, сделано по ее сценарию! Ну что ж, отлично! Сгинь, нечистая! — и Хольгер начертал знак креста.

Русалка улыбнулась своей сонной и таинственной улыбкой и покачала головой. Ее волосы рассыпались по воде.

— Слишком поздно, рыцарь. Кто попал сюда, тому отсюда не выбраться. Хочешь знать правду? Пожалуйста. Да, ее высочество госпожа Авалона повелела мне караулить тебя и пленить, если представится случай. И держать тебя здесь велено до тех пор, пока она не пришлет за тобой. А это случится только после окончания войны, которая вот-вот начнется. — Она легла на воду и опять улыбнулась. — Но есть еще одна правда. И она в том, что я, Русель, рада, очень рада, что исполнила наказ. Я приложу все силы к тому, чтобы твое пребывание здесь оставило у тебя самые приятные воспоминания.

Хольгер с силой оттолкнулся от дна и мощными гребками устремился к поверхности озера. Русалка без видимых усилий с улыбкой плыла рядом. Никаких попыток удержать его. Но вдруг рядом мелькнула серая молния. Перед лицом щелкнула зубастая пасть. Перед ним повисла уродливая морда

громадной щуки. Еще одна, нет, еще десять... сто щук окружило его со всех сторон. Одна из них цапнула его за палец. Острая боль и клубящаяся в воде кровь.

Он остановился. Русель взмахнула рукой, и щуки медленно отплыли от Хольгера и стали кружить поодаль.

Он был побежден и вернулся на дно. Русалка взяла его руку и поцеловала укушенный палец. Рана исчезла.

— Ты останешься здесь, сэр Ольгер, — ласково сказала она. — Ты оскорбишь меня, если снова попробуешь так невежливо убежать.

— Черт побери! — только и смог он произнести.

Она рассмеялась и взъерошила его волосы.

— Фея Моргана, увы, заберет тебя у меня. Но до того времени ты мой пленник. И я сделаю твой плен наслаждением.

— Там остались мои друзья, — хмуро сказал он.

— Без тебя они не представляют для нас никакой угрозы. Кстати, — язвительно усмехнулась она, — когда зашло убийственное для меня солнце, я понаблюдала немного за поведением одной особы из твоей компании. Сдается мне, что дева-лебедь вскоре позволит, чтобы кто-то развеял ее печаль после твоего исчезновения. И если не в эту ночь, то наверняка в следующую.

Хольгер сжал кулаки. Сарацинский красавчик! А дева-птица? Куриные мозги! Клюнуть на такие приемчики?..

— Ладно, — буркнул он. — Где тут твой дом?

— О как ты обрадовал меня, прекрасный рыцарь! Пойдем. Какие яства я для тебя приготовила! Но главное — ты не можешь и вообразить, какие наслаждения ждут твое тело здесь, где оно свободно и невесомо.

— Можно себе представить, — буркнул Хольгер.

— Разве ты не хочешь сначала снять эту ужасную одежду?

Он оглядел свой набрякший наряд и потянулся к пряжке пояса. Пальцы наткнулись на стилет Альфрика. Он на мгновение задумался, потом тряхнул головой и сказал:

— Потом. В доме. Может, она мне еще пригодится.

— Вот уж нет. Моргана разоденет тебя в меха и шелка. Но не будем, не будем думать о той минуте, когда ты должен будешь оставить меня! Идем!

Русалка умчалась вперед, как стрела. Неуклюже загребая, Хольгер последовал за ней. Она вернулась и со смехом закружила вокруг него. Щуки плыли следом. Их глаза блестели, как монеты.

Он ожидал увидеть коралловый дворец, но дом Русель

оказался иным. Круг из белых камней был чем-то вроде фундамента, на котором стояли, нет, из которого росли стены — длинные, колышущиеся коричневые и зеленые водоросли. Рыбы сновали сквозь них. Мелочь брызнула прочь при их появлении, а форель сбежалась и окружила Русель, искательно тычась мордами в ее ладони. Они прошли сквозь склизкую кисею. В доме было несколько комнат, выгороженных тем же способом. Русель ввела его в центральный зал. Здесь стоял каменный стол, инкрустированный перламутром и жемчугом и ломящийся от яств в золотой посуде. Вокруг стояли легкие изящные стулья из рыбьих костей.

— Хочу отметить, рыцарь, — улыбнулась русалка, — что, благодаря помощи королевы, мне удалось раздобыть для тебя даже такую редкость, как вино. — Она протянула ему круглый сосуд с узким горлышком, напоминающий реторту. — Нам придется пить прямо из этого, иначе вода испортит драгоценную жидкость. Выпьем за наше знакомство.

Они чокнулись. Вино было старым, густым и крепким.

Русалка села к нему на колени.

— О рыцарь, — промурлыкала она. — Чем мы займемся прежде? Едой или друг другом?

«От этого мне не отвертеться, — подумал Хольгер. — Придется провести с ней ночь. И попробовать усыпить ее бдительность, прежде чем снова попробовать удрать».

— Не так уж я голоден, — ответил он.

Она поцеловала его в губы и стала расстегивать его кафтан. Он снял пояс. Русель отпрянула — она увидела торчащий из ножен стилет.

— Не может быть! — воскликнула она. — Я почувствовала бы близость железа... Но это не?..

Она осторожно вытянула стилет и внимательно осмотрела.

— «Пламенное Лезвие». Необычное имя. Это из Фейери?

— Я взял его у герцога Альфрика, когда победил его в бою, — похвастал Хольгер.

— Ничего удивительного, благородный рыцарь. — Она потерлась щекой об его плечо. — Никому из смертных это не под силу, но ты — это ты. — Ее пальчик пробежал по лезвию. — Все, что у меня есть, сделано из золота. Хотя я не раз пыталась втолковать жрецам варваров, что хотела бы иметь бронзовый нож. Однако они так глупы, что никак не могут понять, что демону озера может быть нужен иногда острый нож. Считают, что золото больше мне подобает. У меня есть несколько кремневых ножей, оставшихся со стародавних времен, но они уже

совсем затупились.

— Тогда прими от меня этот стилет в подарок, — небрежно сказал Хольгер, стараясь скрыть от Русель внезапно охватившее его волнение. Кажется, он наткнулся на путь к спасению...

— О благодарю! Я сумею одарить тебя, добрый рыцарь, — промурлыкала она. Ее рука скользнула под кафтан. Хольгер притворно нахмурился, пробуя пальцем лезвие.

— Не годится, он совсем тупой, — сказал он. — Надо бы его наточить. Но ведь ты не отпустишь меня ради этого на берег?

Она отрицательно покачала головой. Хольгер улыбнулся и небрежно отбросил нож.

— Как хочешь.

Его руки легли на ее плавные бедра.

И его игра обманула ее! Она задумалась и сказала:

— Знаешь, среди кучи мусора, который натащили мне в дар, кажется, есть точило. Хочешь попробовать?

Потребовалась вся его выдержка, чтобы равнодушно ответить:

— Завтра.

Она отодвинулась.

— Нет, сейчас! — капризно сказала она.

Эту болезненную капризность и нетерпеливость он наблюдал у жителей Фейери. Она потянула его за руку.

— Пойдем, я покажу тебе свои сокровища.

С тем же снисходительным равнодушием он поддался.

— Варвары несут и несут мне дары, — со смехом рассказывала она. — Каждую весну приходят к озеру и бросают в воду всякую всячину, которая, по их мнению, должна мне понравиться. И кое-что мне действительно нравится. — Она раздвинула колышущуюся стену. — Это моя сокровищница. Сюда я переношу все их дары, вплоть до самых нелепых, над которыми можно только посмеяться на досуге.

Хольгеру бросились в глаза многочисленные человеческие кости. Русель выложила из них жуткую мозаику — на это, должно быть, ушло немало времени. В глазницах черепов сверкали драгоценные камни. Тут же высилась пирамида золотых и бронзовых кубков, посуды и украшений. В стороне беспорядочной кучей громоздилась масса разнообразной утвари, которую варвары сочли ценным для демона подношением (или таким образом они избавлялись от хлама?): размокшие церковные книги, хрустальный шар, челюсть дракона, сломанная статуэтка и великое множество мусора, потерявше-

го, в результате долгого пребывания под водой, всякую форму.

— Тебе, стало быть, приносят и человеческие жертвы? — с содроганием спросил Хольгер.

— Каждый год — юношу и девушку. Только не знаю, зачем. Я не тролль и не каннибал, чтобы потчевать меня таким угощением. Но они думают иначе. И к тому же наряжают этих бедняг в праздничные одежды. — Русель взглянула на него самым невинным взглядом.

«Существо без души», — подумал Хольгер.

Русалка запустила руку в середину кучи и выдернула из хлама допотопное точило. Деревянная рама казалась насквозь прогнившей, бронзовые детали окислились, но точильный круг отзывался на повороты рукоятки.

— Разве не смешные у меня игрушки? Выбирай что угодно. — Она обвела рукой свою сокровищницу. — Включая меня.

В этом могильнике Хольгеру было не по себе. Но он сделал над собой усилие, изобразил улыбку и сказал:

— Я уже выбрал. Но сперва займемся стилетом. Ты можешь покрутить рукоятку?

В ее грациозном теле таилась невероятная сила. Она уперлась ногами в дно и так раскрутила точило, что образовался небольшой водоворот. Точило мощно и ровно гудело. Хольгер коснулся его стилетом.

Раздался неприятный скрежет. Откуда-то вновь появились щуки и уставились на него свирепыми мордами.

— Быстрее, — попросил он. — Если можно.

Точило завыло. Рама тряслась, от оси летели зеленые клочья. Господи, лишь бы эта рухлядь не развалилась!

Щуки буквально обнюхивали его. Русель не желала рисковать: у него в руках было оружие. Ее верные слуги за три минуты разденут его скелет до костей. А затея могла и провалиться. Но ведь и под водой предметы нагреваются от трения, а магний горит в воде...

— Может, достаточно? — взмолилась Русель. — Я устала.

— Еще чуть-чуть! — он всем телом налег на стилет.

Вспышка света ударила его по глазам. Русалка закричала. Хольгер, закрыв глаза, стал размахивать перед собой стилетом. Одна из щук умудрилась все же цапнуть его за лодыжку, он пинком отшвырнул ее и, оттолкнувшись, рванулся вверх.

Ослепленная Русель осталась внизу. Она кричала, приказывая щукам атаковать. Но за Хольгером погналась только одна. Он взмахнул факелом — и она сбежала. Адские рыбы либо тоже не выдержали ультрафиолета, либо власть Русель

над ними ослабевала на расстоянии. Второе казалось более правдоподобным: любая магия теряла силу на расстоянии.

Он изо всех сил работал ногами и загребал свободной рукой. Быстрее вверх! Как будто из космической дали донесся до него голос русалки:

— Ольгер, Ольгер, зачем ты меня покидаешь? На суше тебя ждет смерть! Вернись, Ольгер! Ты узнаешь блаженство со мной...

Он греб изо всех сил.

Ее гнев словно толкнул его в грудь:

— Тогда — умри!

Вода хлынула ему в легкие. Чары были сняты. Он едва не выронил факел. Русель, окруженная стаей щук, догоняла его. Вверх, вверх! Мышцы деревенели, мутилось сознание... Вверх!

Он вынырнул и закашлялся, захлебнувшись обилием воздуха. Луна выстелила на воде светящуюся дорожку. Хольгер устремился к берегу. Вскоре ноги нащупали дно. Он опустил факел к поверхности воды и побежал. Свет горящего магния угас как раз тогда, когда он подбежал к камышам. Он выскочил из воды, споткнулся, упал, вскочил и помчался по черной раскисшей почве.

Потом, уже порядочно удалившись от озера, он снова споткнулся, но не стал подниматься. Сердце готово было выскочить из груди. Мокрая холодная одежда неприятно липла к телу. Он долго лежал, переводя дыхание, пока смертельная усталость не оставила его.

ГЛАВА 20

Лагерь не пришлось искать долго. Выделяясь на фоне лунного неба, черный валун торчал из земли как корабль: ветер гнал облако, и это создавало иллюзию, что корабль плывет. К какому берегу его вынесет?

Хольгер вскарабкался на скалу. От костра оставалась только кучка багровых углей. Кони жались друг к другу. Карау стоял на краю, устремив взгляд на север. Ветер трепал его одежды. Лунный свет играл на обнаженном клинке.

К Хольгеру метнулась низкая тень, схватила его за штаны и разъяренно дернула.

— Куда ты пропал, человек? Мы тут сошли с ума! Почему от тебя так смердит нечистью? Почему ты мокрый? Что с тобой приключилось?

Карау обернулся. Из-под шлема сверкнули белки глаз.

Увидев Хольгера, он молча поднял руку в знак приветствия и снова отвернулся, поглощенный созерцанием чего-то важного для него. Хольгер взглянул на север. Там, на краю долины, под вздымающимися к небу горами, мерцало бледно-красное зарево, словно кто-то жег там большой костер.

— Где Алианора? — испуганно спросил он.

— Полетела искать тебя, сэр Руперт, — ответил Карау простым и будничным тоном. — Когда ты исчез, она превратилась в лебедя и поднялась в небо, чтобы осмотреть долину сверху. Боюсь, что она полетела туда, где зарево. А я сомневаюсь, что в этих краях вокруг больших костров собираются добрые люди.

— И ты не остановил ее? — вскипел он. — Почему?

— Благородный рыцарь, — учтиво отвечал Карау, — как я мог остановить ее, если она поднялась в воздух прежде, чем я успел подняться с земли.

— Так оно и было, — встал на защиту Карау Хуги. — Лучше ты расскажи нам, где пропадал. Вижу, что враг сумел взять тебя в оборот.

Хольгер сел у костра, протянул ладони к огню и выложил спутникам историю своего пленения и бегства. Хуги поскреб бороду и подытожил:

— А что я тебе говорил? Я не из тех, кто любит напоминать о своих словах, но я предупреждал, что это место нечистое. Так что в следующий раз не стоит отмахиваться от Хуги, как от назойливой мухи. У него тоже, конечно, бывают промашки, но куда реже, чем попадание в цель. А доказательство тому — и этот пример, и множество других историй из моей жизни, и только врожденная скромность не позволяет поведать вам о них. Но об одном случае — это тогда, когда я предупреждал бедного сэра Турольда, что в некоем гроте водится мантикора...

Карау все так же спокойно оборвал карлика:

— Все это говорит о том, сэр Руперт, что твоя миссия не укладывается в обычные рамки. Иначе откуда такое нагромождение препятствий?

Хольгер был слишком измучен, чтобы вновь городить какие-нибудь объяснения, и промолчал. Вместо ответа он занялся своим платьем: снял и развесил мокрое вокруг костра и стал рыться в тюке в поисках сухого белья. Именно в этот момент над их головами раздалось хлопанье крыльев. Мелькнувший на фоне неба белый силуэт заставил его побить все рекорды по скоростному надеванию мокрых штанов.

Алианора приземлилась и приняла человеческий облик.

Увидев Хольгера, она ойкнула и бросилась было к нему, но, что-то вспомнив, остановилась. Темнота скрадывала выражение ее лица.

— Итак, ты цел и невредим, — холодно произнесла она. — Я летала туда, на зарево. Там лысая гора и... — Ее голос дрогнул. Она взглянула на Карау, словно прося у него помощи. Тот снял епанчу и набросил на плечи Алианоре.

— И что увидела там самая храбрая и прекрасная из женщин? — тихо спросил он, заботливо оправляя епанчу на худеньких плечах.

— Они правят там шабаш. — Она всмотрелась в бездонную, безмолвную темноту. — Я никогда не видела шабаша, но это, конечно, он. Тринадцать мужчин стоят полукругом у алтаря и перед ними лежит сломанный крест. Их одежды и украшения... Наверно, это вожди диких племен. Все они старые, очень старые, а в их лицах такое зло, что увидев их, я едва не упала на землю. Чудовища... Этот кошмар будет преследовать меня всю жизнь... Эти тринадцать стояли и смотрели на алтарь, а на нем в луже крови... — Она подавила стон. — В луже крови лежал младенец... с перерезанным горлом... А над алтарем росла, как снежный ком, мгла... Я повернулась и улетела. Это было не меньше часа назад... Но я не могла заставить себя вернуться к вам, пока ветер не выдул из меня ужаса...

Она упала на колени и спрятала лицо в ладони. Карау тронул ее за плечо — она со стоном оттолкнула руку. Тогда подошел Хуги и погладил ее по голове. Алианора, плача, обняла его, и карлик стал ей что-то нашептывать.

Карау приблизился к Хольгеру и хмуро сказал:

— Значит то, что я слышал в И-Бразеле, правда. Хаос стягивает силы. Хаос готовится к войне. — Он помолчал. — Несколько сотен лет назад мне случилось странствовать по этим местам. Здешние дикари и тогда были язычниками, но их вера была чище. Они не чтили дьявола и не ели человеческого мяса. Но испорченность сделала их игрушкой в руках врага человеческого рода. Их вождей приняли в темный круг, и теперь они готовы вести свои племена против жителей долин. Может быть, этот шабаш — один из военных советов.

— Я тоже так думаю, — согласился с ним Хольгер.

Карау понял его ответ по-своему.

— Ты думаешь о многом, но прячешь свои мысли от нас, — на что-то намекнул он. — Впрочем, не будем. Сон принесет больше пользы, чем разговоры. Но в следующий раз я все же осмелюсь задать тебе несколько вопросов.

Нелегкий выдался день. Натянутые как струна нервы долго не давали Хольгеру заснуть. Наконец он впал в беспокойную дремоту, то просыпаясь и ворочаясь, то погружаясь в причудливый лабиринт сновидений. Такой сон утомлял больше, чем освежал, поэтому он даже обрадовался, когда Хуги потряс его за плечо: ему выпало дежурство перед рассветом.

Взошло солнце. Они торопливо позавтракали, оседлали лошадей и двинулись в путь, когда озеро еще дымилось ночным туманом. Вскоре оно скрылось с глаз. Дорога шла вверх. Становилось холодно, ветер гнал по небу свинцовые тучи. Последнее дерево осталось внизу, и только жесткая серебристая трава как-то скрашивала однообразие серого камня. Вершины крутых утесов заслоняли небо.

Указав на крутой и гладкий северный склон, Алианора сказала, что на плоскогорье им лучше всего взойти по нему. С воздуха она высмотрела удобную для восхождения расселину. Другие, более пологие тропы проходили слишком близко от туземных селений.

Хуги поморщился и плюнул.

— Не удивительно, что даже варвары сторонятся этого склона, — проворчал он. — От него за милю смердит троллем, в нем, думаю, его нор и туннелей — как дыр в сыре.

Алианора нахмурилась. Хольгер попытался пошутить:

— На нашем боевом счету целый зверинец: ведьма, фарисеи, дракон, великан, оборотень и русалка. Что нам какой-то тролль?

— Я предпочел бы с ними всеми разом столкнуться, чем со зверем из этой горы, — мрачно произнес Хуги. — Он рядом с великаном как росомаха с медведем. Не такой громадный, но яростный и свирепый без меры и страшно изворотливый. А жизни его лишить только удушением можно. Великанов-то немало от человеческих рук полегло, но, говорят, ни один рыцарь из схватки с троллем живым не вышел.

— Как же так? — нахмурился Карау. — Разве они не боятся железа?

— Боятся, конечно, жжет оно их, как тебя бы жгла раскаленная кочерга. Только от того он еще больше свирепеет и прет на врага. А раны — что? Он их потом залечит. — Хуги помолчал и вдохновенно продолжил: — Тролли, да будет вам известно, в родстве с гхоулами, выедающими мертвецов из гробов, и ежели священные вещи не очень сильны, то им они не страшны. Крест, например, против них годится, только если он чудотворный. Вот так. Мог бы я вам о них еще рассказать, да сам ничего не знаю, потому как тех, кто тролля

видел и живым возвратился, почти что и нет на земле.

В Карау заговорил рыцарский кодекс.

— Тем больше чести убить его, — воскликнул он.

«Дудки, — подумал Хольгер. — Лучше остаться живым».

Около полудня, вынырнув из узкого ущелья, они увидели перед собой людоедов. Встречи никто не ждал. Хольгер с проклятьем натянул поводья. Страха не было — драться так драться.

Дикарей было около двух десятков. Они торопливо спускались по склону, но, заметив путешественников, взвыли, резко изменили маршрут и побежали к ним.

Высокий и уродливый предводитель бежал впереди всех. Его желтые волосы были заплетены в косы, лицо размалевано красными и синими полосами, голову украшали бычьи рога и сноп ярких перьев. На плечах развевался короткий плащ из барсучьих шкур, бедра закрывала мохнатая юбка-килт.

Он кричал и размахивал стальным боевым топором.

Остальные были ему под стать. Сборище чучел, вооруженных топорами, копьями и мечами. У одного из них, почти голого, торчал на голове ржавый рыцарский шлем, другой дул в деревянную дуду, третий громыхал толстой железной цепью на шее, — и все они мчались на Хольгера.

— Назад! — крикнул Карау. — Бежим!

— Это нас не спасет, — возразил Хольгер. — По таким камням человек передвигается быстрее лошади. Кроме того, у нас нет времени на игру в прятки.

Брошенное копье вонзилось в землю в нескольких метрах впереди них.

— Алианора! В воздух! — скомандовал Хольгер. — Ты там будешь в безопасности.

Она отрицательно покачала головой и подъехала к нему поближе.

— Оттуда ты сможешь помогать нам, — подсказал Карау.

Этот довод она приняла. Взмахнув белыми крыльями, лебедь взмыл вверх.

Превращение Алианоры ошеломило нападающих. Они остановились как вкопанные. Некоторые упали на колени, другие взвыли, третьи закрыли лица руками.

— Слава Аллаху! — воскликнул Карау. — То есть... слава Богу! Их испугала магия.

Белая птица спикировала на людоедов. Вождь вырвал лук из рук ближайшего воина и натянул тетиву. Лебедь едва успел увернуться. Вождь криками и пинками стал приводить своих людей в чувство.

— Ого! — скривился Хуги. — Этот наверняка принадле-

жит к черному кругу и, видно, магии не боится. Он их сейчас на нас натравит.

— Не похоже, что он очень уверен в себе, — спокойно, словно разговор происходил за обеденным столом, проговорил Карау и снял с плеча короткий, с двойным выгибом лук. — Еще бы один такой магический фокус...

Еще один фокус! Легко сказать. Хольгеру ничего не приходит в голову, кроме карточных фокусов... Хотя...

— Хуги! — бросил он. — Высеки мне огонь.

— Зачем?

— К черту вопросы! Огня!

Пока гном извлекал из мешочка на поясе кресало, Хольгер успел набить трубку. Когда трубка разгорелась как следует, крадущиеся к ним дикари были совсем близко. Уже можно было разглядеть шрам на лбу одного, костяную палочку в носу другого... Топот босых ног и сиплое дыхание... Хольгер глубоко затянулся и — выпустил клуб дыма.

Дикари застыли как статуи. Он курил с таким остервенением, что из глаз полились слезы, а из носа закапало. Ветра, к счастью, здесь не было. Варвары стояли, разинув рты и вытаращив глаза.

Выпустив очередное облако дыма, Хольгер поднял руку и заревел:

— У-у-у-у-у!!!

Врагов будто ветром сдуло. Склон усеяло брошенное в панике оружие, а через миг откуда-то из-за скал донесся удаляющийся вой.

Вождь, однако, остался. Один как перст. Хольгер вытащил меч. Вождь заскулил и тоже исчез. Карау пустил ему вслед стрелу, но промахнулся.

Алианора превратилась в девушку и, подбежав к Хольгеру, обняла его за ногу и запричитала:

— О Хольгер! О Хольгер!

Карау держался от смеха за живот.

— Ты гений! — хохотал он. — Просто гений! Руперт, как я тебя люблю!

Хольгер снисходительно улыбнулся. Откуда им знать, что это был плагиат и он просто обратился в очередной раз к классике, но не пересказывать же им «Янки при дворе короля Артура»? Довольно и того, что фокус удался.

— Поспешим, — сказал он. — Предводитель этих команчей вряд ли остановится на достигнутом.

Они тронулись. Хуги принялся рассуждать:

— Да, отвага из них улетучилась вместе с твоим дымом,

рыцарь. Однако, слышал я, что они храбрые воины. В чем тут дело? Думаю, твоих малых чар испугались оттого, что навидались в последние времена таких мерзких и великих, что стало им самим тошно...

Хольгер тем временем размышлял, преднамеренна или случайна эта встреча. Скорее всего, это дело рук Морганы. Узнав, что Русель не смогла его задержать, она ввела в игру свежие силы...

Карау прервал размышления Хольгера.

— Мне показалось, что наша прекрасная спутница, обращаясь к тебе, произнесла незнакомое мне имя, — сказал он.

— Разве? — вспыхнула Алианора. — Нет-нет, ты ослышался...

Карау поднял брови, но промолчал. Рыцарский кодекс не позволяет публично уличать даму во лжи.

А Алианора заторопилась отвлечь его внимание.

— Как скучно путешествовать среди голых скал, — тоном светской кокетки произнесла она. — Не развлечешь ли ты меня, рыцарь, рассказами о своих подвигах и приключениях? Ты совершил их так много и повествуешь с таким искусством...

— Хм... Разумеется. — Карау клюнул. Он приосанился, подкрутил ус, и его понесло. Такого вранья Хольгер еще никогда не слышал.

Но Алианора! Она слушала этот невероятный вздор с таким откровенным восторгом, что Хольгер в конце концов не выдержал, пнул ни в чем не повинного Папиллона и поскакал вперед.

ГЛАВА 21

К вечеру они достигли разлома в скале, к которому вела их Алианора. Дно расселины устилали обломки скал. Подъем на плоскогорье, который они единодушно перенесли на утро, отнимет не меньше часа. Но, сказала Алианора, когда они поднимутся туда, им останется до цели совсем чуть-чуть, и дорога будет прямой и ровной.

У подножья скалы они обнаружили крохотную лужайку. В центре торчал грубый каменный истукан: когда-то здесь было капище варваров. Вероятно, тролль, запах которого заставлял морщиться Хуги, поселившись где-то поблизости, вынудил дикарей бросить своего идола на произвол судьбы. Благодаря этому площадка не была вытоптана и ее покрывал тонкий ковер жесткой травы.

Наступила ночь. Поднялся сильный ветер. Оранжевое пламя костра прижималось к земле, искры неслись по воздуху и гасли далеко в стороне. Черное небо было затянуто тучами, сквозь разрывы в них то и дело выкатывался круглый глаз полной луны. Из темноты неслись шорохи, вздохи, стоны...

Все были настолько измучены, что, кое-как перекусив, поспешили завернуться в одеяла и лечь. Хуги выпало первое дежурство. Вскоре он растолкал Хольгера и сразу же захрапел. Хольгер подбросил в костер дров, закутался в плащ и подсел ближе к огню.

Его друзья спали. Неверный свет костра освещал их неподвижные фигуры. Карау даже во сне не терял обычного спокойствия и самоуверенности. Хуги свернулся вместе с одеялом в клубок, оставив снаружи только трубно храпящий нос. Взгляд Хольгера остановился на Алианоре. Одеяло сползло с нее, она лежала на боку, свернувшись от холода калачиком и прижав к груди маленькие кулачки. Беззащитная и милая как ребенок... Хольгер поднялся и поправил на ней одеяло. Поколебавшись, украдкой коснулся губами ее щеки. Она улыбнулась во сне.

Он вновь подсел к костру и глубоко задумался. Если он окажется втянутым в водоворот войны, то выдержит все испытания, какие ни пошлет ему Господь! Но она? Он не может позволить ей следовать за ним по кругам ада. Прогнать ее? Но откуда он возьмет силы от нее отказаться?..

Он сжал кулаки.

— Пусть черт поберет этот мир!

И услышал:

— Ольгер!

Он вскочил. Меч вылетел из ножен. Никого. Только мрак за дрожащей границей света. Шум ветра, шепот сухой травы, уханье филина вдалеке.

И снова:

— Ольгер!

— Кто здесь? — вполголоса спросил он.

Разбудить остальных?

— Ольгер, — вновь отозвался певучий голос. — Не тревожь спящих. Я хочу говорить только с тобой.

Он почувствовал странную истому. Фея Моргана вышла из темноты.

Костер красным светом облил ее длинное сказочное платье, красными искрами зажегся в темных глазах.

— Что тебе надо? — у него сел голос.

Она улыбнулась — роза расцвела на губах.

— Поговорить с тобой. Иди сюда.

— Нет. — Он потряс головой, отгоняя наваждение. — Этот трюк не пройдет. Я не переступлю круг.

— Тебе нечего опасаться. Те, кто сильнее тебя, сейчас далеко и готовятся к битве. — Она пожала плечами. — Что ж, мы можем поговорить и так.

— Что ты для меня опять приготовила? Еще одну шайку людоедов?

— Те, которых ты встретил сегодня, не причинили бы тебе ни малейшего вреда. Они должны были, не считаясь с потерями, захватить тебя в плен целым и невредимым. А потом доставить ко мне.

— А что было бы с моими друзьями?

— О, кто они для тебя, Ольгер? Ты знаешь их всего несколько дней. В них нет ничего, достойного твоего внимания. Ты должен уйти со мной. Хотя бы потому, что вождь, которого ты опозорил сегодня, в ярости и клянется, что или умрет, или съест твое сердце. Ты встретился с горсткой воинов, но сейчас он собрал остальных. Он рвет и мечет, и я не могу удержать его.

— Разве не ты их наставник? Кто же научил их есть человечину!

Она поморщилась.

— Не я. Но ты прав, мои союзники — демоны и колдуны гор, которых призвал к себе Хаос. Это они насадили веру в дьявола. Я никого ничему не учила. Но хватит об этом! — Снова улыбка. — У нас с тобой есть другие темы. Мы знали настоящее счастье. И я верю, что мне удастся вернуть его нам — и тебе, и себе.

— Счастье с тобой? Пустой звук! — холодно сказал Хольгер.

Он видел, что она говорит искренне. Но он тоже не притворялся. Влечение к ней, от которого он с таким трудом избавился тогда в роще, исчезло. Перед ним стояла чужая красивая женщина — и только.

— Ты никогда не отличался постоянством в любви. — Она продолжала улыбаться. — Когда-то ты взбунтовался даже против своего господина, самого Карла. В твоем лице он приобрел самого опасного соперника. И только твое великодушие положило конец вашему спору...

— И мы с ним стали союзниками, не так ли?

Моргана остановила взгляд на Алианоре и печально вздохнула.

— Теперь над тобою властвуют чары сильней моих...

Мне... тяжело, Ольгер. Что ж, остается утешаться прошлым...

— У всех есть прошлое, кроме меня! — с непонятной горячностью бросил он. — Превратить меня в бессмысленного младенца и вышвырнуть за самые дальние рубежи мира — спасибо! Но я вернулся. Вопреки тебе. Благодаря власти, источник которой выше тебя и меня.

— Ты уже так много узнал? — удивилась она. — Но хочешь знать еще больше? Я могу вернуть тебе всю память.

— А чем я буду платить? Друзьями?

— Зачем? Я могу позаботиться и о том, чтобы с ними ничего не случилось. А твои намерения ведут к гибели всех вас.

— Почему я должен верить тебе?

— Позволь мне вернуть тебе память. Выйди из круга, чтобы я могла прибегнуть в чарам, которые рассеют твой мрак. И ты вспомнишь, какие клятвы давал мне.

Он внимательно посмотрел на нее. Она стояла — высокая, сильная, спокойная. Волосы черной волной лились из-под золотой короны. Но он почувствовал, что она напряжена как струна, которая вот-вот лопнет.

Почему могущественнейшая волшебница боится его?

Он стоял и думал. Дул ветер. Спали друзья. Чернело небо. Да, в ее руках могучие силы, и эти силы брошены против него. Но и в нем живет мощь, неподвластная ей. И она удерживает его от рокового шага за круг. Вся магия в мире не имеет теперь власти над ним. И даже прелести Морганы — ничто рядом с серыми озерами глаз и с каштановой копной волос... Ни одно заклинание не может победить это волшебство.

— В том мире, — сказал он задумчиво, — ты только миф. Вот уж не думал, что буду сражаться с мифами.

— Там был не твой мир, — сказала она. — Там ты тоже легенда. Твое место здесь, рядом со мной.

Он покачал головой.

— Оба эти мира — мои. И там, и тут я на своем месте.

Ему стало не по себе. Ну, конечно! Почему он не понял этой очевиднейшей вещи раньше? Он сам — персонаж каролингско-артуровского круга. И было так, что он ребенком читал в книгах двадцатого века о своих собственных древних подвигах!

Но, если даже и так, его прошлое спрятано от него. Он мог быть легендарным героем, мог быть кумиром собственного детства, но заклятье Морганы стерло его память...

— Мне кажется, ты сам давно понял, что находишься сейчас в том мире, который больше тебе подобает, — сказала

Моргана. — И тебе не хочется возвращаться в тот. — Она шагнула к самой границе круга и дотронулась до него. — Да, это правда, что оба мира идут к кульминации, а ты помещен в их центры и тут, и там. Однако, если ты вмешаешься в борьбу сил, о которых даже ничего не знаешь, ты, скорее всего, потерпишь поражение. Ты погибнешь. А если победишь, то станешь потом горько жалеть об этом. Сбрось с плеч эту ношу, Ольгер, и пребудь со мной, только со мной — в счастье. Еще не поздно!

Он усмехнулся.

— Ты слишком настойчиво уговариваешь меня. Значит, мои шансы на победу достаточно велики, — сказал он. — Ты сделала все от тебя зависящее, чтобы обмануть или пленить меня. Вероятно, следующим шагом ты изберешь мою смерть. Но я выбрал свой путь и не сверну с него.

«Что за высокопарный слог! — разозлился он. — Разве таковы в самом деле мои убеждения?»

Он устал. По-настоящему хочется только покоя. Где конец этому блужданию во мраке? Где то место, в котором он мог бы укрыться с Алианорой от жестокости того или этого мира? Нет, он не может позволить себе даже минутного отдыха. На карту поставлено слишком многое, и сколько людей погибнет, если он откажется от борьбы?

Моргана смотрела на него и молчала. В скалах завывал ветер.

— Все предопределено, — наконец нарушила она молчание. — Даже Карау нашел тебя. Великий Ткач плетет твой узор. Но ты зря так уверен в том, что никто не сможет порвать его нити.

В ее глазах блеснули слезы. Она приблизилась и поцеловала его — поцелуем легким, нежным и полным любви.

— Прощай, Ольгер, — сказала она. Повернулась и растаяла в темноте.

Он стоял как столб и дрожал от холода. Может, быть, все-таки разбудить остальных? Нет, пусть поспят. Им не обязательно знать о том, что произошло. Их это не касается.

Он взглянул на небо, пытаясь определить по положению луны, не подошло ли его дежурство к концу. Небо было затянуто сплошной пеленой туч. Что ж, он может бодрствовать и до утра. Все равно ему не заснуть...

Ветер крепчал. Сквозь его вой послышался грохот камней и звон металла...

— Хей!

Вождь каннибалов прыгнул в световой круг. За его спи-

ной блеснули наконечники копий. Сколько их там — сотня? Две? Они прятались в засаде и ждали, когда фея Моргана покинет его!

— Подъем! — закричал он. — У нас гости!

Хуги, Алианора и Карау вскочили. Сарацин выхватил саблю и бросился к лошади, сломав ногой колышек, к которому были привязаны поводья. Алианора взвилась на своего коня. Двое дикарей с истошным воем помчались к ней. Один замахнулся копьем. Хуги — коричневый смерч — бросился ему в ноги. Оба упали. Хольгер обрушился на другого. Меч поднялся и опустился — и череп врага лопнул, как орех.

Тело упало на него, но он отшвырнул его с такой силой, что сбил с ног следующего нападающего. Кольчуга спасла его от мощного удара копьем в грудь. Он увидел перед собой вождя и попытался достать его мечом. Тот увернулся. Чьи-то руки сомкнулись на его шее. Он вспомнил о шпорах на сапогах, и сильно пнул ногой назад. Дикарь взвыл и отлетел в сторону.

Хольгер попятился, стараясь оказаться спиной к истукану. Здоровенный воин с татуировкой, изображающей дракона, ринулся на него. Хольгер рубанул — и голова дикаря покатилась с плеч. Кольцо врагов сжималось. Поверх их рогов и перьев Хольгер видел, как Карау гарцует на лошади и сыплет ударами своей кривой сабли.

Папиллон лягал дикарей, топтал и кусал, его грива и хвост развевались, как черные флаги.

Кто-то нырнул Хольгеру под руку и замахнулся ножом. Он отбил удар рукой. Хуги выкатился из темноты, дернул людоеда за ноги и свалил. Рыча, они покатились по земле.

Перед Хольгером вырос вождь. Его топор взлетел в воздух и обрушился на шлем Хольгера. «Великий Боже и Святой Георгий!» — услышал он собственный стон. Каким-то образом Хольгер отбил удар. Рядом с вождем встали два его воина. На шлем и кольчугу Хольгера обрушился град ударов. Он пошатнулся.

Вдруг за спиной вождя появился Карау. Его клинок запел в воздухе. Один из врагов с воплем схватился за плечо, глядя расширенными от ужаса глазами, как оно отваливается от тела. Хольгер ударил ногой — и другой враг отлетел в сторону. Вождь развернулся и атаковал сарацина. Они закружились в смертельном танце, обмениваясь ударами и проклятьями.

Лошадь Алианоры жалобно заржала и повалилась на землю. Белый лебедь взмыл в воздух, и через миг молнией упал вниз, целясь клювом в глаза врагов. Хольгер перевел дыхание.

Кто-то пролаял приказ, и в него полетели копья. Его меч летал, как коса. Папиллон вставал на дыбы во весь свой исполинский рост и крушил передними копытами черепа людоедов. Человек и конь размели врагов и вернулись к камню.

Из-под безжизненного тела своего противника выкарабкался Хуги и встал рядом с ним. Алианора приземлилась и обратилась в девушку. Карау осадил рядом коня. Хольгер сунул ногу в стремя и взлетел в седло. Пинком в зубы отшвырнул дикаря, вцепившегося ему в сапог. Снял с седла щит и надел его на левую руку. Протянул Алианоре руку с мечом. Она ухватила ее, и через миг сидела за спиной. Карау поднял в седло Хуги. Рыцари обменялись взглядами, кивнули друг другу и ринулись в битву

Они рубили, кололи, кромсали. Потом внезапно вокруг них образовалась пустота. Враг отступил. Карау и Хольгер, тяжело дыша, вернулись к каменному истукану. Мечи были залиты кровью. В дымящихся лужах крови отражался огонь костра. Земля была устлана трупами врагов... Людоеды молча стояли поодаль, сливаясь в темную массу с проблесками стали. Хольгер увидел вождя: тот лишился своих рогов и перьев и теперь тяжело ковылял к своим людям.

Карау сверкнул улыбкой.

— Славная, славная битва! — воскликнул он. — Клянусь дланью пророка... Пророка Иисуса... Раньше я думал, сэр Руперт, что только один человек на земле способен биться так, как бился сегодня ты.

— И ты был сегодня на высоте, — ответил Хольгер. — Жаль только, что мы не прикончили их вождя. Сейчас он снова пошлет их на битву.

— Будь в их головах хоть немного мозгов, они давно бы изрешетили нас стрелами, — заметил Хуги.

Хольгер повернулся в седле, чтобы взглянуть на Алианору. Ее левая рука была в крови.

— Ты ранена? — ужаснулся он.

— Ничего страшного. — Она попыталась улыбнуться. — Стрела задела крыло.

Он осмотрел рану. В обычных условиях он назвал бы ее скверной, однако, принимая во внимание все обстоятельства, пожалуй, ничего страшного действительно не было. Он с облегчением вздохнул.

— Построю часовню Святому Себастьяну... в благодарность.

Алианора прижалась к нему.

— Есть еще более приятные способы вознести хвалу Богу, —

шепнула она ему на ухо.

— Никто никогда уже ничего не построит, — вмешался Карау, — если мы сейчас же не уберемся отсюда. А если сейчас повернуть назад, сэр Руперт, я думаю, мы сумеем уйти от погони.

— Нет, — решительно сказал Хольгер. — Здесь путь к Святому Гриммину. Других дорог нет, а если есть, то, возможно, под еще более сильной охраной. Мы пойдем вперед.

— К ним в лапы? — воскликнул сарацин. — Карабкаться на эту насыпь в темноте, отбиваясь от сотни воинов? Уж не сошел ли ты с ума, рыцарь?

— Ты волен выбирать сам, — ледяным тоном ответил Хольгер. — А я еще этой ночью должен добраться до церкви.

Хуги остановил на Хольгере тоскливый взгляд. Ему стало не по себе.

— Что ты уставился? — буркнул Хольгер. — Да, мы можем здесь умереть, я знаю это не хуже тебя. Беги вместе с ним. Я пойду один.

— Ну уж нет.

Повисла пауза. Хольгер отчетливо услышал стук своего сердца. Наконец гном заговорил — хрипло и медленно:

— Уж коли зашел у тебя ум за разум и ты отступиться не хочешь, то я хоть немного твоей глупости своим умом послужу. Самому тебе ведомо, что через этот проход нам не пробиться. Есть, однако, другой путь наверх, и никто на нем мешать нам не будет. Я могу вход в берлогу тролля вынюхать, а мой нос говорит, что это где-то рядом. Наверняка много пещер идет к ней через скалу, а нам может и повезти. Может, тролль вылез куда-то или спит, или забрался в далекий угол и нас не учует. Может, конечно, и не повезет, однако другого выхода у нас нет. Ну так что?

Алианора за спиной Хольгера тяжело вздохнула.

— Карау, — сказал он, — забери Алианору и постарайся доставить ее в безопасное место. Хуги и я пойдем через пещеру тролля...

Девушка крепко обхватила его за пояс.

— Нет! — гневно сказала она. — Так легко тебе от меня не избавиться. Я иду с тобой!

— И я, — добавил Карау и сглотнул слюну. — Никогда еще не бегал я от опасности.

— Дурни! — фыркнул Хуги. — Кости ваши в этой норе белеть будут. Только не первые вы из тех рыцарей, которые сгинули потому, что гордыни в головах у них было много, а ума мало. Жаль одну только деву. Ну, поехали.

ГЛАВА 22

Хуги взялся быть проводником, поэтому они с Карау двинулись первыми. Перед глазами Хольгера болтался из стороны в сторону хвост лошади Карау с вплетенными в него голубыми и красными лентами. Внезапно Папиллон вздрогнул.

Они двигались на восток, вдоль темного склона, на котором прятались людоеды. Из темноты донесся пронзительный вой. Хольгер вовремя заметил летящее в него копье, поднял щит и отразил его. В ту же минуту в щит вонзилось три стрелы.

Хольгер пришпорил коня. Белая лошадь Карау и его просторные белые одежды маячили впереди мутным пятном. Папиллон оступился. Из-под копыт брызнули искры. Его окружал непроницаемый мрак. Какое-то шестое чувство подсказывало Хольгеру, что он движется вдоль мощной скалы. Тяжесть камня, нависающего над головой, ощущалась почти физически.

Он оглянулся. Вождь людоедов размахивал выхваченным из костра поленом. Полено ярко вспыхнуло, и, подняв над головой топор, вождь что-то крикнул окружающим его воинам и бросился в погоню.

Очень скоро он нагнал осторожно ступающих лошадей. Хольгер заметил, что каннибалы, послушные приказу, бегут сзади, но без особого, как ему показалось, энтузиазма. С левой стороны была скала, и вождь забегал слева. Меч тут был бесполезен. Он подбежал к Папиллону и замахнулся топором, целя в бабку. Жеребец отпрыгнул, едва не сбросив своих седоков. Хольгер развернул его мордой к врагу.

Через минуту людоеды придут на помощь вождю, и все будет кончено.

— Алианора, держись! — крикнул Хольгер.

Он привстал в седле и резко наклонился вперед, пытаясь достать противника мечом. Тот отбил удар топором. Более проворный, чем человек на коне, людоед отпрыгнул. Размалеванное лицо с бородой, заплетенной в косички, скривилось в издевательской ухмылке.

Однако факел, который вождь держал в левой руке, оказался слишком близко к Хольгеру. Он ударил. Факел упал горящим концом на голую грудь людоеда. Дикарь завопил от боли. И прежде чем он опомнился Хольгер был уже рядом. На этот раз он не промахнулся. Сталь вошла в плоть, вождь отшатнулся и рухнул.

«Бедный сукин сын», — пожалел его Хольгер. Он вновь развернул Папиллона и направил его вслед за Карау. Бой отнял всего несколько секунд.

Они продвигались в полной темноте. Людоеды, подгоняя себя криками, бежали следом, но не отваживались атаковать. В воздухе то и дело свистели стрелы.

— Сейчас они соберутся с духом и набросятся на нас, — крикнул Карау через плечо.

— Я так не думаю, — возразила Алианора. — Вы чувствуете запах?

Хольгер потянул носом воздух. Холодный ветер дул в лицо. Он всхлипывал и подвывал, развевая его епанчу и трепал плюмаж шлема. Но какой еще запах?

— Ух! — воскликнул Карау. — Вот это вонь!

Дикари дружно завыли. Хольгер, чье обоняние было испорчено табаком, был последним, кто почувствовал вонь. Дикари отказались от погони и остановились, не смея пересечь невидимую границу. Но уходить они не собирались. Они будут ждать в засаде до утра, чтобы убедиться, что враг не выбрался из западни.

Если холод имеет запах, то тролль пах именно так. Когда они оказались у входа в пещеру, Хольгеру захотелось заткнуть нос.

Они остановились, и Алианора соскользнула на землю.

— Надо сделать факел, — сказала она. — Тут по земле разбросаны сухие ветки, наверно, тролль растерял их здесь, когда устраивал свое логово.

Она собрала пучок хвороста. Хуги высек огонь. Вспыхнуло пламя, и Хольгер увидел в скале дыру, диаметром метра в три, ведущую в полный мрак.

Все спешились. Алианора взяла поводья, а рыцари вышли вперед. Хуги поднял факел.

— Тронулись, — сказал Хольгер и облизал пересохшие губы.

— Надеюсь, мы когда-нибудь снова увидим звезды? — прошептала Алианора. Хуги взял ее за руку.

— Даже если мы встретимся с троллем, — сказал Карау, — наши мечи превратят его в крошево. По-моему, мы испугались бабушкиных сказок, друзья.

Он решительно двинулся к пещере и первым вошел в темноту.

Хольгер поспешил за ним. Его щит и меч стали громоздкими и тяжелыми. Рубашка липла к мокрой от пота спине, тело чесалось и ныло, словно вспомнив наконец о том, сколько

оно сегодня получило ударов. Воздух в пещере был спертым, густым от запаха тролля и смрада гниющего мяса. Факел горел неровно, то почти затухая, то ярко вспыхивая. Уродливые тени плясали по горбатым стенам. Хольгер мог поклясться, что отчетливо видел высеченные в стенах лица, кривляющиеся в жутких гримасах. Пол пещеры был усыпан острыми каменными обломками и обглоданными костями животных. Алианора то и дело нагибалась, предусмотрительно подбирая с земли куски дерева и сухие ветки. Тишину нарушало только звонкое цоканье лошадиных подков, отзывающееся дробным эхом. Естественная пещера кончилась, дальше в скалу вел вырытый троллем туннель — по размерам почти такой же. Хольгер с содроганием подумал, что если тролль вырыл такой туннель голыми руками...

Туннель был настоящим лабиринтом, и они кружили то вправо, то влево. Хольгер полностью потерял ориентацию: ему стало казаться, что они спускаются все ниже и ниже и будут идти бесконечно — до центра земли. «Только без паники», — скомандовал он себе.

Туннель кончился, и все они оказались в огромном зале. Из него вело целых три выхода — все неизвестно куда. Хуги жестом остановил их. В свете факела его лицо выглядело нелепой карикатурой, а огромная тень карлика плясала, как мрачное чудовище, готовое броситься на него.

Он внимательно наблюдал за грязным желтым пламенем, потом послюнявил палец и стал водить им по воздуху, затем опустился на колени и обнюхал пол. В конце концов он показал на левый туннель.

— Сюда, — буркнул он.

— Нет, — сказал Хольгер. — Разве ты не видишь, что здесь пол опускается вниз?

— Ничего не опускается. И не надо так громко.

— Ты с ума сошел! — возмутился Хольгер. — Любому дураку ясно...

Хуги зыркнул на него из-под кустистых бровей.

— Дураку, может, и ясно. Тут такое дело, что, может быть, ты и прав. Я-то голову на отсечение не дам. Только я думаю, что хорошая дорога через этот туннель ведет, а мне о подземельях ведомо побольше твоего. Так что решай, куда нам идти.

Хольгер кашлянул.

— Ладно, — сказал он. — Извини. Веди нас.

Хуги улыбнулся.

— Я всегда говорил, что ты не дурак.

Он нырнул в туннель. Остальные потянулись за ним.

Вскоре туннель стал забирать вверх. Хольгер не произнес ни слова, когда Хуги прошел мимо нескольких боковых пещер, даже не удостоив их взглядом. Однако вскоре они опять оказались перед такой же тройной развилкой, и карлик заколебался.

Проделав те же, что и в первый раз, манипуляции, он озабоченно заявил:

— Все о том говорит, что можем мы идти только средним путем. И смрад оттуда самый сильный несется.

— Как тебе удается уловить эту разницу? — с брезгливой гримасой спросил Карау.

— Видно, там его логово, — шепнула Алианора. Лошадь Карау фыркнула. В каменном мешке это прозвучало как выстрел. — Нет ли другой дороги в обход?

— Может, и есть, — неуверенно ответил Хуги. — Только искать ее времени много уйдет.

— А нам надо торопиться, — добавил Хольгер.

— Зачем? — спросил Карау.

— Есть причины, — ответил Хольгер. — Сейчас поверь мне на слово, ладно?

Сарацин, конечно, заслуживал полного доверия, но здесь было не место для долгих рассказов. Хольгер уже не сомневался, что меч Кортана имеет фундаментальное для этого мира значение. Если бы дело касалось пустяка, враги не клали бы столько сил на то, чтобы воспрепятствовать ему.

Моргана без всякого труда могла добраться до церкви гораздо раньше его. Однако ей не под силу перенести меч куда-то в другое место, он слишком тяжел для нее, а ее чары не действуют на столь священный предмет. Она могла прибегнуть к помощи других людей, как она это и сделала, когда похитила меч, но дикари испытывали ужас перед заклятой церковью и ни за что не осмелились бы приблизиться к ней, даже получив приказ от королевы фей. А личные воины Морганы были заняты подготовкой войны с Империей в других странах мира.

Другое дело, если бы у нее было время. Она успела бы вызвать кого-то или... что более вероятно... бросила бы против Хольгера Мощь, против которой он бессилен. До сего времени ему везло больше, чем он того заслуживал. Но он отдавал себе отчет в том, что из лап самых сильных ее союзников он бы, конечно, не выбрался. Только святой мог совладать с силами Тьмы, а до святости ему было ох как далеко.

Поэтому он должен был спешить.

Карау помолчал и сказал:

— Как пожелаешь, друг.

Хуги пожал плечами и двинулся вперед. Туннель, изгибаясь, пошел вверх, потом — вниз и снова вверх, ход отчаянно петлял, и становился то шире, то уже. Их осторожные шаги гремели, как колокол: «Мы здесь, тролль, мы здесь, тролль!»

Коридор стал таким узким, что они едва протискивались между каменными стенами. Впереди шел Хуги, за ним — Хольгер. Здесь царил непроницаемый мрак, подкрашенный красным огнем факела. За спиной Хольгера Карау тихо сказал:

— Тягчайшим грехом ляжет на меня то, что позволил такой прекрасной деве оказаться в этом зловещем месте. Бог мне этого не простит.

— Но я прощу, — отозвалась Алианора.

Сарацин засмеялся.

— О! Этого достаточно! И правда, моя госпожа, зачем нужны солнце или звезды, или луна, если рядом находишься ты?

— Прошу тебя, молчи. Мы слишком шумим.

— Что ж, я буду восклицать мысленно. Я буду славить красоту, прелесть, нежность и доброту, славить Алианору!

— О Карау...

Хольгер до боли закусил губу.

— Тихо там, сзади, — прошипел Хуги. — К самому логову приближаемся.

Лаз оборвался. Они очутились в огромном зале, таком огромном, что его потолок и противоположная сторона терялись во тьме. Пол устилал толстый слой веток, листвы, полусгнившей соломы и костей. Над всем этим витал сладковатый запах смерти.

— Теперь тихо! — приказал Хуги. — Мне тут не нравится. Мы должны пройти это место тихо, на цыпочках. Выход, наверное, с той стороны.

Мусор трещал под ногами. Хольгер, спотыкаясь брел по рыхлому ковру. Он ушиб ногу о пень. Ветка царапнула его щеку, метя в глаза. Под подошвами рассыпался человеческий позвоночник с остатками ребер. Лошади проваливались и негодующе фыркали.

Факел ярко вспыхнул. И в этот самый миг Хольгер почувствовал ледяное дуновение.

— Мы не так далеко от выхода, — прошептал Хуги и вскрикнул: — Ай!

— Ай... — ответило эхо. — Ай!

Из-под кучи сухой листвы выбрался тролль.

Алианора взвизгнула. Хольгер успел подумать, что впер-

вые услышал в ее голосе настоящий страх.

— Боже, храни нас! — пробормотал Карау.

Хуги согнулся и зарычал. Хольгер уронил меч, наклонился, поднял его и вновь уронил: ладони стали скользкими от пота.

Тролль, волоча ноги, брел к ним. Он был ростом метра два с половиной, если не больше: он сильно сутулился, его руки свисали до земли. Безволосая зеленая кожа висела складками, как будто была ему велика. Узкая трещина рта, висящий, как хобот, нос, черные дыры глаз.

— Хо-о-о!.. — Тролль улыбнулся улыбкой идиота и протянул руки к Карау. Тот вскрикнул и ударил саблей. Из раны вырвался дым, но дебильная усмешка не покинула лица тролля. Он потянулся к сарацину другой рукой. Хольгер поднял меч и бросился в атаку.

Тролль размахнулся и ударил. Удар пришелся по щиту, он треснул, а датчанин полетел в груду сухой листвы. Несколько секунд он лежал без движения, переводя дыхание. Лошадь Карау обезумела от ужаса и с диким ржанием стояла на задних ногах. Алианора повисла на ней. Он увидел это прежде, чем вскочил на ноги. Потом он перевел взгляд на Карау.

Сарацин буквально танцевал на груде веток, служивших троллю постелью. Каким-то невероятным образом он умудрялся сохранять равновесие, и при этом его сабля не знала отдыха. Он нырял, отскакивал, уклонялся от неуклюжих ударов чудовища. Свистела сталь, и улыбка сверкала на темном лице. Каждый его удар оставлял на теле тролля ужасную рану. Но тролль только хрюкал в ответ. Карау целил по правой руке повыше запястья. В конце концов ему удалось отсечь кисть.

Он радостно рассмеялся.

— Одна есть! Посвети нам немного, Хуги!

Карлик воткнул факел в какую-то рогатку и бросился на помощь Алианоре. Папиллон кружил вокруг, выжидая удобный для нападения момент.

И он дождался. Тролль замахнулся на Карау левой рукой, и жеребец напал на него сзади. Копыта ударили в широкую спину, как в бубен. Тролль упал ничком, а Папиллон, не теряя времени, поднялся во весь свой устрашающий рост и обрушился вниз.

Череп тролля разлетелся вдребезги.

— О небо! — Карау перекрестился и, повернувшись к Хольгеру, весело сказал: — Все было не так уж плохо, а?

Хольгер взглянул на свой треснувший щит.

— Великолепно, — ответил он уныло. — Только я не

особенно отличился.

Кобылу продолжала бить крупная дрожь, но она уже успокоилась настолько, что позволила Алианоре обнять себя за шею.

— Ну вот! А теперь поскорее уберемся отсюда, — подал голос Хуги. — А то у меня нос прямо отваливается от этого смрада.

Хольгер кивнул.

— Выход где-то... О Боже!..

Отрубленная кисть тролля бежала по полу, как огромный зеленый паук. Сначала по листьям, потом по пню, цепляясь за кору ногтями, а потом по ветке — прямо к перерубленному запястью. Достигнув его, она мгновенно приросла на место. Осколки черепа тролля катились по земле и соединялись в целое. Чудовище поднялось на ноги и вновь оскалило рот в жуткой усмешке. Пламя красными бликами заиграло на ужасных клыках.

Тролль пошел на Хольгера. Больше всего датчанину хотелось повернуться и пуститься наутек. Но бежать было некуда. Он в сердцах сплюнул и поднял меч. Когда тролль потянулся к нему, он ударил, вложив в удар всю свою силу.

Стальное лезвие зазвенело о твердую, как дуб, руку. Удар. Еще удар! Фонтаном била зеленая дымящаяся кровь. Казалось, меч раскалился и светится в темноте. Еще удар — и рука тролля была перерублена. Она отлетела в сторону, покатилась по ковру из листьев и тяжело поползла обратно.

Карау атаковал тролля справа. Его сабля ударила чудовище по груди и срезала целый пласт кожи. Кожа шмякнулась на землю и тут же с хлопающим звуком стала перемещаться к хозяину. Папиллон опять встал на дыбы и ударом передних копыт снес троллю половину лица. Челюсти упали ему под ноги и, подпрыгнув, сомкнулись на бабке. Жеребец громко заржал и стал кататься по земле, пытаясь избавиться от кошмарного врага. Карау не удалось уйти от очередного удара уцелевшей руки тролля — он пришелся по панцирю на животе. Сарацин отлетел на несколько метров, упал и не встал больше.

«Его действительно невозможно убить! — подумал Хольгер. — Ничего не скажешь, славное место для того, чтобы попрощаться с жизнью».

— Беги, Алианора! — крикнул он.

— Нет! — она схватила факел и подбежала к обезумевшему Папиллону. — Спокойно! — крикнула она. — Я тебе помогу!

Тролль сгреб с земли свою левую руку и приставил ее на место. Казалось, он ухмылялся уцелевшей половиной лица.

Хольгер рубил мечом снова и снова, но самые глубокие раны затягивались мгновенно. Он отступил. Оглянулся на Алианору. Она опустилась на колени возле ноги Папиллона, пытаясь разжать мертвую хватку челюстей.

Случайно она приблизила факел к этому животному капкану. Челюсти разжались и упали на землю. Она испуганно вскочила.

— Хо-о-о, — произнес тролль. Он отвернулся от Хольгера, подошел к лежащим в мусоре челюстям и приставил их к лицу. Повернувшись, чтобы атаковать датчанина, он громко щелкнул зубами.

Алианора, закричав, ударила тролля факелом по спине. Монстр взревел и упал на четвереньки. На спине дымилась черная незаживающая полоса.

Хольгер понял, что надо делать.

— Огня! — крикнул он. — Разожги огонь! Мы сожжем его!

Алианора бросила факел на кучу соломы. Миг — и столб пламени поднялся к потолку. Едкий дым разъедал глаза, свербило в носу... «Но это чистый дым, — подумал Хольгер, — и чистый огонь, выжигающий смрад из могилы».

Он почувствовал прилив сил. Отрубленная кисть тролля пролетела почти полпещеры. Алианора схватила ее с пола. Кисть корчилась, пальцы извивались, как зеленые черви, пытаясь освободиться. Алианора швырнула ее в огонь. Кисть забилась в пламени. Ей удалось выкатиться из огня. Но, обугленная, она сжалась и замерла. Язык пламени лизнул ее — и все было кончено.

Тролль плаксиво завыл и замолотил руками, как дубинками. Один из ударов выбил меч из руки Хольгера. Датчанин наклонился, чтобы подобрать его, и тут тролль обрушился на него всем телом, ребра Хольгера затрещали. Полураздавленный, он не в силах был даже вздохнуть. Но атакованный Папиллоном тролль вынужден был оставить Хольгера. Тяжело дыша, поднялся на ноги Карау и без промедления бросился в бой. Папиллону удалось сбить чудовище с ног. Кривая сабля ударила монстра по ноге — еще, еще и еще раз, пока не отсекла ее прочь. Огонь перебрался уже на сухие ветки, его треск перешел в ровный гул, в пещере стало совсем светло. Алианора отчаянно боролась с отрубленной ногой тролля, пока наконец, не сумела засунуть ее между пылающими бревнами.

Хольгер снова бросился в битву. Рука схватила его за щиколотку... кисть руки тролля, отрубленная Карау. Он оторвал ее и бросил в сторону костра. Каким-то образом она упала

на безопасное место и быстро отползла, ища спасения под корявым пнем. Хуги нырнул за ней. Они покатились по полу — рука и гном.

Наконец у тролля была отсечена голова. Она щелкала зубами и брызгала слюной, когда Хольгер насаживал ее на острие меча, чтобы бросить в огонь. Но она выкатилась из костра и, пылая, покатилась к Алианоре. Хольгер снова вонзил в нее меч и, невзирая на то, что сталь могла потерять закалку, держал ее над огнем, пока она не обуглилась.

Оставалось туловище. Справиться с ним оказалось труднее всего. Сражаясь с оплетающими их, как змеи, слизкими кишками, Хольгер и Карау поволокли тяжелое, как будто налитое свинцом, тело к пылающему сердцу пещеры. Позже Хольгер уже не мог вспомнить, как они это сделали. Но им, будто, удалось сжечь и его.

У него в памяти запечатлелась последняя сцена этой безумной битвы. Окровавленный и оборванный Хуги бросил руку тролля в огонь, медленно опустился на землю и замер.

Алианора бросилась к нему.

— Он тяжело ранен! — крикнула она. Ее голос был едва слышен за ревом огня. Дым и жар мутили сознание. — Хуги! — кричала она. — Хуги!

— Надо быстрее выбираться отсюда, пока все это не стало сплошным адским пеклом! — прокричал Карау прямо в ухо Хольгеру. — Смотри, дым уходит в этот туннель! Там должен быть выход! Пусть Алианора несет карлика, а ты поможешь мне справиться с моей взбесившейся кобылой!

Общими усилиями им удалось успокоить насмерть перепуганное животное. Потом они из последних сил бежали по коридору, где каждый вздох сопровождался кашлем и болью в легких. Но в конце концов они оказались на поверхности.

ГЛАВА 23

«Мы выбрались», — тупо бормотал про себя Хольгер. Сколько времени они провели под землей? Луна уже катилась по небосклону на запад.

Небо немного очистилось. Ветер разогнал тучи, а теперь метался по плоскогорью, поросшему жесткой травой, гнул к земле голые кусты и трепал кривые ветви низкорослых деревьев. Потусторонний свет луны и колючие искры звезд. Серый, как пепел, пейзаж.

Совсем рядом с ними плоскогорье обрывалось в бездонную пропасть, налитую чернотой. Вдалеке на севере мерещи-

лись снежные вершины — или только мерещились? Холод пронизывал до костей.

Прихрамывая, подошел Карау. Взглянув на него, Хольгер подумал, что и сам выглядит, конечно, не лучше: оборванный, испачканный кровью, черный от дыма, с погнутым шлемом на голове и закопченым мечом в руке. В свете луны сарацин казался призраком. Но тут луна нырнула в тучу, и упала тьма.

— Все живы? — прохрипел он.

Шелестела трава. Карау тихо ответил:

— Боюсь, что для Хуги эта переделка кончилась плохо.

— Ну уж нет! — раздался голос, в котором звучали знакомые басовитые нотки. — Я сколько получил, столько и заплатил.

Луна опять вынырнула из-за туч. Хольгер опустился на колени рядом с Алианорой, склонившейся над лесовиком. Из его левого бока обильно сочилась кровь.

— Хуги, — прошептала Алианора, — ты не можешь умереть. Я не верю.

— Не огорчайся, дева, — пробормотал гном. — Этот рыцарь за меня расквитается.

В нереальном свете луны лицо карлика казалось вырезанным из старого, темного дерева. Ветер лохматил его бороду. На губах пузырилась кровь.

Хуги приподнял голову и погладил Алианору по руке.

— Ну-ну, не хнычь, — выдохнул он. — Пусть плачут женщины моей расы, у них для этого больше причин. Но тебя я любил... — Он судорожно вздохнул. — Дал бы я тебе пару добрых советов, да поздно... В моей голове слишком сильный шум стоит...

Его голова поникла.

Хольгер снял шлем.

— Аве, Мария... — начал он. Здесь, под пронзительным горным ветром, он не мог сделать для карлика большего. И он просил в молитве о милости и покое для души гнома, и закрыл ему глаза, и начертал над ним знак креста.

Потом вместе с Карау они выкопали мечами неглубокую могилу. Уложили в нее тело и засыпали землей, и воздвигли пирамиду из диких камней. На верхушке этого надгробия Хольгер укрепил рукояткой вверх кинжал Хуги. Где-то поодаль завыли волки. Теперь они не смогут разрыть могилу.

Потом они перевязали раны друг другу.

— Мы понесли тяжелые потери, — подытожил Карау. От его привычной веселости не осталось и следа. — Мы потеряли друга, а также коня и мула с пожитками. Наши мечи зазуб-

рены, а доспехи разбиты. Кроме того, Алианора не может взлететь, пока ее крыло... ее рука не заживет.

Хольгер смотрел не серый, угрюмый ландшафт. Ветер дул ему прямо в лицо.

— Это был мой обет, — сказал он. — И только я виноват в том, что принес вам столько страданий.

Сарацин ответил ему дружелюбным взглядом.

— Думаю, это был обет всех людей чести, — сказал он поле минутного молчания.

— Я должен сказать тебе, сэр Карау. Борьба наша — борьба против самой королевы фей Морганы. Она уже знает, что мы здесь. И, я уверен, уже призвала на помощь те силы Срединного Мира, против которых мы будем бессильны.

— Что ж, — ответил Карау. — Те, из Срединного Мира, умеют путешествовать быстро. Поэтому нам лучше не задерживаться. Только что нас там ждет, в церкви Святого Гримммина?

— Там конец моим поискам... кажется... и конец всем опасностям. Но, может быть, и нет...

Хольгер был готов объяснить Карау все до конца, но тот уже шел к своей лошади. Нельзя было терять ни секунды.

Алианора села на Папиллона позади Хольгера и крепко обвила руками его талию. Когда они трогались, она оглянулась и помахала рукой тому, кто остался здесь навсегда.

Папиллон устал. Что было говорить о белой кобыле? Но они несли всадников, подковы звякали по камням, с сухим шепотом расступались травы. Луна, как прожектор, била в глаза Хольгеру.

Через какое-то время Алианора спросила:

— Скажи, там, у прохода, на нас напали случайно?

— Нет. — Он взглянул на Карау. Тот, казалось, дремал в седле. — Сначала пришла Моргана. И после нашего с ней разговора прислала туземцев.

— После разговора? И что она говорила? О чем?

— Так, ничего особенного... Хотела, чтобы я сдался.

— Я уверена, что не только этого. Когда-то она была твоей возлюбленной, правда?

— Да, — равнодушно ответил Хольгер.

— Она могла одарить тебя всем на свете.

— Я сказал ей, что хочу быть с тобой.

— О мой любимый! — шепнула она. — Я... Я...

Она всхлипнула.

— Что случилось? — спросил он.

— Ах, я сама не знаю. Я не имею права быть счастливой

сейчас, после этого... но что я могу поделать?.. — Она вытерла слезы рукой.

— Но... — Хольгер запнулся. — Мне показалось, что ты и Карау...

— Ну что ты! Он очень милый, конечно. Но неужели ты мог подумать, мог поверить, что у меня в мыслях могло быть что-то другое, кроме одного — отвлечь его от твоей тайны? Но я рада, что смогла выдавить из тебя капельку ревности. Какая дура может променять тебя на кого-то другого?

Хольгер неотрывно глядел на Полярную звезду. Алианора глубоко вздохнула и обняла его за шею.

— Мы никогда не договаривались об этом, — сказала она твердо. — Но знай, что если я когда-нибудь увижу, что ты ухаживаешь за дамой, рыцарь, тебе не поздоровится. Разумеется, если этой дамой буду не я.

Он резко натянул поводья.

— Карау! — крикнул он. — Проснись!

— Что такое? — Сарацин схватился за рукоять меча.

— Наши лошади, — ляпнул Хольгер совсем не то, что было у него на уме. — Они еле волочат ноги. Если мы дадим им часок отдохнуть, то потом сможем ехать много быстрее.

Сарацин подумал и ответил:

— Не знаю. Если к нам на хвост сядет погоня, наши кони еще покажут себя. Но, с другой стороны... — Он пожал плечами. — Пусть будет по-твоему.

Они спешились. Алианора обняла Хольгера за талию. Хольгер подарил сарацину улыбку, стараясь, чтобы она на показалась слишком самодовольной. Карау изумленно поднял брови, а потом широко улыбнулся в ответ.

— Желаю тебе успеха, дружище, — сказал он. Потом вытянулся на траве и, подложив руки под голову, стал насвистывать какой-то мотивчик.

Хольгер и Алианора взялись за руки и побрели прочь. Боли и усталости как ни бывало. Он слышал, как бьется сердце — не неистово и напряженно, а ровно и сильно, разгоняя кровь по всему телу. Они остановились и замерли, глядя друг другу в глаза.

Вокруг лежала каменная пустыня. Яркий свет луны и черные тени в камнях. Тучи со светлыми краями на небе. Россыпи звезд. Несмолкаемый плач ветра. Но он видел только Алианору — ее серебряный силуэт на фоне мировой ночи. Капли росы сверкали в ее волосах. Луны мерцали в зрачках...

— У нас может больше никогда не оказаться случая для разговора, — тихо сказала она.

— Да, может, — ответил он.

— Поэтому я скажу тебе: я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя.

— Мой любимый... — Она шагнула к нему, и он крепко прижал ее к груди.

— Каким я был глупцом. Сам не знал, чего я хочу. Я думал, что, когда все это кончится, я смогу уйти и покинуть тебя. Глупец... прости...

Она подарила ему прощение — губами, руками, глазами.

— Если нам удастся выкарабкаться, — продолжал он, — мы уже не расстанемся. Мое место здесь. Рядом с тобой.

По ее щекам текли слезы, а в смехе журчало счастье.

— Не говори, не говори ничего...

И вновь поцелуй — как вознесение...

Крик сарацина оттолкнул их друг от друга. Его голос, порванный ветром, был едва слышен, но они различили:

— Сюда! Скорей! Охотники приближаются!..

ГЛАВА 24

Где-то вдали трубили рога. В их зловещем пении слышался голос ветра и моря, и биение огромных крыльев, и клекот орлов, и карканье воронов. Хольгер знал: это идут Дикие Охотники, и зверь, которого они травят, — это он сам.

Он взвился на Папиллона, на скаку подхватил Алианору и посадил позади себя. Карау уже умчался вперед. Белый конь и белый всадник летели в лунном свете, как бесплотные призраки. Звенели подковы. Они пригнулись к седлам. Скачка обещала быть долгой.

Луна мчалась по небу следом за ними. Камни стреляли из-под копыт, и сухие ветки трещали, как в пламени. Хольгер сросся с конем, и ритм мощных мышц Папиллона был его ритмом. Он слился с девушкой, обнимающей его за талию, и память лебедя, уже летевшего здесь однажды, была его памятью. Звенело железо, скрипела кожа, ветер шумел в ушах.

Звезды текли по небу. Лебедь короной стоял в центре неба. Млечный Путь клубился, как дым. Большая Медведица гналась за Полярной звездой. Холодные звезды. На севере острым клинком пронзал небо пик, облитый лунным сиянием.

Галоп! Галоп! Пение рогов приближалось: и стонало, и плакало. Никогда Хольгер не слыхал такой скорби в звуке, каким звучали рога, в которые дули те, кто был проклят.

Сквозь свист ветра слышал он топот копыт и лай бес-

смертных псов. Еще ниже пригнулся он в седле. Тело качалось в ритме погони.

Быстрей, быстрей! По серой, как пепел, равнине, под тающими облаками и падающей луной — галоп, галоп! Скорбь Охотников лилась ему в сердце. Он тряхнул головой и напряг зрение, пытаясь различить желанную цель. Но перед ним была только пустыня, а за ней — ледяная гора.

Карау стал отставать. Его кобыла споткнулась, но он не дал ей упасть и пришпорил ее. Хольгеру казалось, что топот адской своры уже за спиной. Он услышал протяжный неистовый вой.

Он оглянулся, но летящие по ветру волосы Алианоры не позволили ему ничего рассмотреть. Ему послышался звон металла. Или это гремят подковы? Или это грохочут кости скелетов?

— Быстрей, быстрей, лучший из коней! Мчись, друг, мчись так, как до сих пор не мчался ни один конь, потому что вместе с тобой преследуют всех людей! Быстрей, родной, потому что это гонки со временем, потому что это состязание с ордами Хаоса! Пусть Бог поможет тебе и даст тебе силы для бега!

Его череп трещал от рева рогов. Копыта и лай, и грохот костей настигали его. Папиллон дрожал. Алианора из последних сил цепляясь за него слабеющими руками. Но они мчались, мчались, мчались...

Что за шпиль вырос перед ним — острая игла на фоне звездного неба? Церковь Святого Гриммина! Дикие Охотники с воем рванулись вперед. Забили огромные крылья, в глазах потемнело...

Великий Боже, даруй мне, недостойному, милость и прощение!

Стена выросла на пути. Папиллон подобрался и прыгнул.

Жеребец приземлился, и сильный толчок едва не выбросил их из седла. Карау мчался следом, но белая кобыла испугалась стены и остановилась, встав на дыбы и пронзительно заржав. Ее всадник, не раздумывая, скатился с нее, ухватился за край стены и одним прыжком оказался на другой стороне. Хольгер услышал предсмертный крик кобылы — короткий и страшный, а затем ее голос захлебнулся и смолк. Они стояли на церковном дворе. И вдруг все утихло. Даже ветер. Тишина ударила в уши, как крик.

Рука Алианоры покоилась в руке Хольгера. Он огляделся.

Мраморные надгробия, заросшие кустарником, кольцом окружали полуразрушенную глыбу церкви. Меж могилами

под лунным светом стелился туман. Тянуло сыростью и запахом тления.

Чьи-то неровные шаги нарушили тишину. Шаги коня — старого и хромого, бредущего между кладбищенскими плитами. Шаги приближались: конь искал его, Хольгера. Язык прилип у него к гортани от страха: это брел к нему Адский Аргамак. Всякий, кто увидит его, умрет.

От него нельзя ускакать на Папиллоне: надгробья торчали из земли, как зубы в акульей пасти. Карау взял повод и осторожно повел между ними коня. Шаги старого хромого коня стали громче — неуверенные и нетвердые, они упорно преследовали их.

Чем ближе они подходили к церкви, тем, казалось, плотнее становился туман. Он словно хотел спрятать храм от нежданных гостей. Колокольня давно рухнула, в крыше зияли дыры, пустые глазницы окон враждебно взирали на них.

Копыта Адского Аргамака цокали по гравию совсем рядом. Но они были уже у входа. Датчанин спешился и снял с седла Алианору. Подняв ее на руки, он взошел на полуразрушенное крыльцо.

— Пойдем с нами, — сказал Карау Папиллону и ввел его внутрь.

Они вошли и остановились. Луна посылала свой последний луч на алтарь. Высоко над алтарем висело распятие. Лик Христа в тернистой звездной короне... Хольгер опустился на колени. Карау и Алианора встали рядом.

И они услышали, что Адский Аргамак удаляется. И когда его усталые неровные шаги пропали в отдалении, подул легкий ветер и развеял туман. Нет, церковь нельзя разрушить, подумал Хольгер. Ее крыша — небо, а ее стены — свет. И она всегда стоит в центре мира.

Они поднялись с колен. Он обнял Алианору. Он нашел то, что искал, но ему было больно и тяжко. Он смотрел в ее глаза и падал в них, как в бездонную пропасть... как в небо...

Мягкий голос Карау вернул его на землю.

— Так что же на самом деле ты хотел здесь найти?

Он ответил не сразу. Приблизившись к алтарю, он увидел под ногами большую каменную плиту с железным кольцом.

— Это, — сказал он.

Он вытащил свой, уже ни к чему не пригодный меч и продел его в кольцо, как рычаг. Плита была чудовищно тяжела. Клинок выгнулся и готов был лопнуть.

— Помоги мне, — позвал он Карау.

Сарацин сунул свой меч в образовавшуюся щель. В тот

же момент клинок Хольгера не выдержал и с треском сломался. Общими усилиями они приподняли плиту и перевернули ее. С глухим стуком плита рухнула и раскололась на три куска.

Алианора схватила Хольгера за руку.

— Что это? — воскликнула она.

Он поднял голову и услышал тяжелый рокот: шагали армии, трубили трубы, бряцало оружие.

— Это орды Хаоса двинулись на людей, — ответил он.

Он перевел глаза вниз, в открытый тайник. Бледный свет играл на лезвии огромного меча, ожидающего своего часа.

— Нам нечего бояться теперь, — сказал он. — Теперь им не сносить головы. А когда падут демоны, которых варвары чтут за богов, их армии отступят и рассеются.

— Скажи, кто ты? — прошептала Алианора.

— Еще не знаю, — сказал он. — Но скоро буду знать.

Он медлил. В нем оживала Великая Мощь, но Меч, который ждал его, требовал Великого Духа и Великой Надежды. И ему не хватало смелости взять в руку тяжелую рукоять.

Он поднял лицо к Тому, кто был распят на кресте. Потом опустился на колени, а когда поднялся, то уже держал Меч.

— Это Кортана, — одними губами сказал Карау.

Хольгер чувствовал, как перерождается, переплавляется в тигле Небесного Огня все его существо. Память возвращалась к нему, и знание воскресало в нем.

Его друзья стояли рядом. Алианора прижималась к его плечу. Карау касался его руки. Папиллон шумно вздохнул в щеку.

— Что бы ни случилось со мной, друзья мои, вы должны жить, а любовь моя будет с вами всегда.

— Я нашел тебя, — сказал Карау. — Я нашел тебя, Ожье.

— Я люблю тебя, Хольгер, — сказала Алианора.

Ожье Датчанин, Хольгер Датский, которого старые хроники называют именем Ожье де Данэ, вскочил в седло. Датский герцог, которого еще в колыбели благосклонные к людям маги одарили силой, любовью и счастьем. Тот, кто был рядом с Великим Карлом и верой и правдой служил Христу и людям. Тот, кто одолел когда-то в бою короля Мавритании Карау, а потом стал его другом и странствовал с ним долгие годы плечом к плечу. Тот, кого любила Королева фей и кого, когда он состарился, забрала она на Авалон, чтобы вернуть ему молодость. Сотни лет он провел с ней там, пока язычники не посягнули на любимую Францию и он не вернулся, чтобы разгромить их. Тот, кто в час своего триумфа был похищен из мира и перенесен в неизвестность.

Одни говорили, что он вновь на Авалоне, где не имеет власти время, и ждет только своего часа, когда окажется в опасности Франция. Другие — что спит он под замком Кронборг и проснется, когда будет нужен Дании. Но никто и подумать не мог, что был он всего лишь человеком Земли с земными страстями и слабостями. Для всех он был только Защитником.

Он вышел из церкви на простор плоскогорья. И было так, что вместе с ним вышел в поход весь мир.

ЭПИЛОГ

Сразу после окончания войны я получил письмо от Хольгера Карлсена, из которого узнал обо всем, что ему пришлось пережить во время войны. Потом долгое время я не имел от него никаких известий, до того самого дня, когда он вдруг два года назад появился в моем бюро.

Он сильно изменился, стал гораздо мужественнее и выглядел много старше. Впрочем, меня это не удивило: ведь он сражался в подполье. Он сообщил, что снова нашел работу в Америке.

— Работа так себе, — сказал он. — Просто чтобы заработать на жизнь. Главное для меня сейчас — старинные книги. Я уже нашел несколько интересных для меня фолиантов в Лондоне, Париже и Риме, но этого пока недостаточно.

— Это что-то новенькое! — удивился я. — Ты стал библиофилом?

Он усмехнулся.

— Не совсем так. При случае расскажу тебе поподробнее.

И он, сменив тему, стал расспрашивать меня о наших общих знакомых. Жизнь в Лондоне заметно исправила его акцент.

Случай представился довольно скоро. Думаю, он просто давно нуждался в ком-нибудь, кто готов был его доброжелательно выслушать. Он обратился в католическую веру (принимая во внимание его прежние отношения с церковью, я считаю этот факт веским доказательством достоверности его повествования), но исповедальня — не лучшее место для откровений такого рода.

— Хочешь верь, хочешь не верь, — сказал он в один прекрасный день, когда мы у меня дома коротали время за пивом и бутербродами, — но выслушай меня до конца, ладно?

Я кивнул. Он стал говорить и закончил свой рассказ только под утро. Я подошел к окну. Улицы были пустынны,

фонари едва тлели, на небе виднелось несколько редких звезд. Он налил себе пива и долго смотрел на стакан. Потом выпил.

— А как тебе удалось вернуться? — спросил я тихо. Он посмотрел на меня, как лунатик.

— Как во сне... Меня что-то выбросило из того мира, и я оказался в этом. Я скакал на Папиллоне, сломив сопротивление орд Хаоса и гоня их прочь. И вдруг увидел себя на пляже, в другом мире и в другое время. При этом я был совершенно наг. Мои рыцарские одежды остались в том мире, но прежние из которых меня вытряхнуло в первый раз, лежали рядом. Меня немного поцарапало, но совсем немного. Я лежал за тем же камнем. И вдруг мои движения приобрели невероятную быстроту и ловкость. Человеческое тело не может вырабатывать столько энергии. Врачи, правда, утверждают, что может — в условиях стресса. Какие-то адреналиновые фокусы. Во всяком случае, я вскочил и ворвался в толпу немцев прежде, чем они успели опомниться, вырвал у одного из них карабин и стал орудовать им, как дубиной. И вскоре все было кончено.

Он поморщился, видимо, переживая эту варварскую сцену, но тут же заговорил снова:

— Эти два мира — а может быть, есть и еще — в сущности, одно целое. Или вообще один раздвоенный мир. В обоих велась одинаковая война. Здесь — с наци, там — со Срединным Миром, но велась и там, и здесь, — война Порядка с Хаосом — древней и ужасной силой, стремящейся к уничтожению человека и его творений. Я оказался нужен одновременно в обоих мирах и одновременно для Франции и для Дании. Поэтому Ожье и появился в обоих: так было предначертано. Здесь, в этом мире, его действия не были, конечно, столь колоритны: какой-то пляж и какой-то человек в лодке. Но бегство этого человека имело решающее значение. В свете того, что он потом совершил, легко догадаться, почему. В том мире я пробыл... несколько недель. А сюда вернулся в ту самую секунду, из которой был взят. Забавная штука — время.

— А что было потом? — спросил я.

Он усмехнулся.

— Потом я изрядно помучился, пытаясь объяснить товарищам, зачем я разделся. К счастью, тогда было не до разговоров. А потом я был только Хольгером Карлсеном. И просто жил. — Он пожал плечами. — Я разогнал силы Хаоса там. Потом закончил свое дело здесь. Кризис в обоих мирах миновал, задание было выполнено и равновесие восстановлено... И силы, которые могли бы бросить меня через пространство и время, уснули. И вот я живу здесь.

Он устало вздохнул.

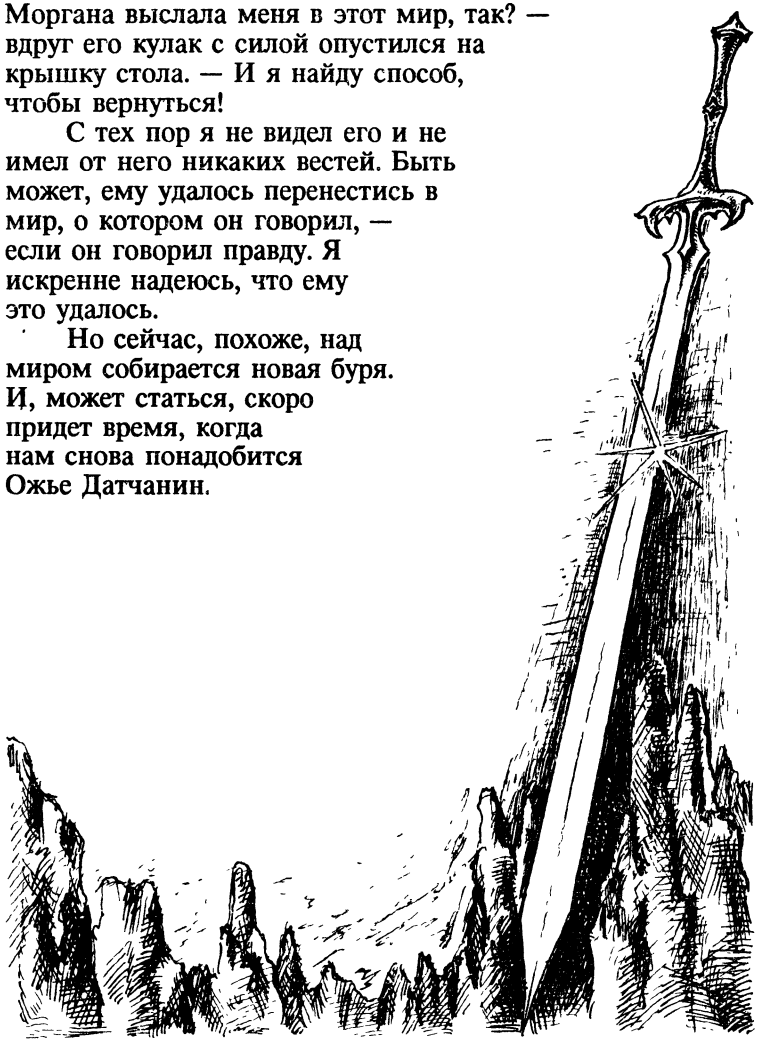
— Я знаю, что ты сейчас думаешь. У Хольгера сдвиг по фазе. У Хольгера галлюцинации, нервное истощение и так далее. Не буду спорить. Спасибо и на том, что меня ты выслушал.

— Я не знаю, что и подумать, — ответил я. — Но скажи, зачем тебе книги?

— Не просто книги. Трактаты по магии. Моргана выслала меня в этот мир, так? — вдруг его кулак с силой опустился на крышку стола. — И я найду способ, чтобы вернуться!

С тех пор я не видел его и не имел от него никаких вестей. Быть может, ему удалось перенестись в мир, о котором он говорил, — если он говорил правду. Я искренне надеюсь, что ему это удалось.

Но сейчас, похоже, над миром собирается новая буря. И, может статься, скоро придет время, когда нам снова понадобится Ожье Датчанин.

ОПЕРАЦИЯ "ХАОС"

ПРИВЕТ!

Если вы существуете — привет!

Скорее всего, мы вас никогда не обнаружим. Этот странный эксперимент — проверка дикой гипотезы. Но, помимо всего, это наш долг.

Я лежу, скованный сном. Лишь наполовину сознаю существование моего мира. Меня подготовили, чтобы послать призыв через потоки времени, потому что то, что случилось со мной много лет назад, оставило

заметные следы на моей заурядной натуре. Они верят, что содержащие послание мысли имеют большие шансы войти в резонанс с вашими, если будут посланы мною.

Возможность неудачи велика. Моя заурядность полностью взяла верх над крошечным остатком манны, курящейся во мне, как слабый дымок. И в любом случае весьма неприятно, что я излучаю мысль в пустоту. Скорее всего, это так.

Это скорее всего чисто философская идея, что время имеет больше одного измерения, что могут одновременно существовать различные Вселенные, из которых многие совершенно чужды нам, а некоторые такие, что и отличить невозможно.

(...Почему во сне я разговариваю на этом языке? Это не моя привычная речь. Препараты вызвали странное состояние. Проклятье! Когда завтра проснусь, я буду собой и не только собой. Но сейчас и всю ночь я — это я...)

Земля, где битва под Геттинсбергом выиграна Ли, а битва при Ватерлоо — Наполеоном. Или Земля, где религия Митры одержала верх над христианством. Или Земля, где вообще никогда не было Рима. Или Земля, где другие животные, а не люди, разминувшись, стали обладать разумом. Или Земля, на которой вообще не развилась разумная жизнь. Земля, принадлежащая к таким областям космоса, где иные законы природы. Для их обитателей возможно то, что мы никогда не сможем. Но они никогда не достигнут того, что мы сделаем без затруднений...

Но должен сказать, что у гипотезы есть кое-что побольше, чем просто философские основания. Имеется подтверждение в новейшей, слишком абстрактной для меня, физической теории. И есть анекдотические случаи появлений и исчезновений, наводящих на мысль, что возможны телесные перемещения от одного временного потока к другому. Бенджамин Батуст, Каспар Хаузер... То, что случилось со мной — это не самое важное. Однако вы обязаны выполнить свой долг.

Видите ли, если параллельные миры существуют, то они должны быть тесно взаимосвязаны. В противном случае гипотезу невозможно проверить и она не имеет смысла. Имея одно и то же происхождение, воплотившись в одних и тех же формах, эти миры должны иметь одну и ту же судьбу. Борьба Закона и Хаоса, какие бы разнообразные формы она не принимала, наверняка идет во всех мирах.

Кое-чему мы научились. Мы обязаны послать вам сообщение, научить и предупредить.

Вам это может показаться всего лишь сном. То же самое ощущаю и я. Но все, что мне помнится, произошло на самом деле. Сомнительно, чтобы вы — те, которые окажетесь в пре-

делах нашей досягаемости — смогли ответить нам. Даже если захотите. Ведь в противном случае мы бы уже получили сообщение откуда-нибудь. Но надеемся, что наше сообщение вы воспримете. Спросите себя — как простой сон может быть таким, как то, что сейчас нам снится?

У нас пока нет определенного представления о том, на что вы похожи. Но предполагаем, что вы — нечто большее, чем ничто. Вы, вероятно, живете в мирах, не слишком отличающихся от нашего. В противном случае связь была бы невозможной. Как бы я мог найти отзвуки в душах поистине чуждых существ? Нет, вы тоже должны быть людьми, обладающими при этом технологической культурой.

Вы должны, как и мы, помнить Галлилея, Ньютона, Лавуазье, Ватта. Вероятно, вы тоже американцы. Но в какой-то точке мы разошлись. Был ли у вас Эйнштейн? И если был, над чем он работал после своих ранних публикаций, касающихся броуновского движения и специальной теории относительности? Такие вопросы можно задавать бесконечно.

Разумеется, и у вас возникнут похожие вопросы, касающиеся нас. Поэтому я хоть как-то расскажу вам свою историю. (Этого все равно не избежать, и сумрак окутывает меня). Несомненно, я много буду рассказывать о том, что вам и так известно. Может быть, вы уже знаете, как работают электрические генераторы или как закончилась первая мировая война, или еще что-нибудь — терпите. Лучше получить слишком много сведений, чем слишком мало. Для вас это более, чем жизненно важно.

Если вы существуете.

С чего начать? Полагаю, что для меня это дело началось во время второй мировой войны. Хотя, разумеется, история прослеживается и гораздо раньше.

1

То ли нам попросту не повезло, то ли их разведка оказалась лучше, чем ожидали, но последний налет, сломив нашу воздушную оборону, снес к дьяволу палатку корпуса погоды. Проблемы снабжения — это проблемы снабжения. Мы не могли пополнять запасы неделями, а тем временем враг захватил контроль над погодой. Наш единственный уцелевший погодник, майор Джексон, должен был использовать все, что осталось от его стихии, пытаясь защитить нас хотя бы от молний. Так что приходилось принимать все, что им хотелось наслать на нас. Сейчас, к примеру, шел дождь.

Ничто так не обескураживает, как неизменно идущий уже

неделю холодный дождь. Земля раскисла и грязь липла к сапогам. Они сделались такими тяжелыми, что их трудно было оторвать от земли. Униформа превратилась в вымокшую насквозь тряпку, болтающуюся на твоей трясущейся шкуре. Продовольственные пайки отсырели, винтовки требовали сверхзаботы. И все время слышишь, как дождь барабанит по шлему... Никогда мне не удастся забыть эту серую, без конца бьющую по телу воду. И через десять лет ветер, сулящий дождь, будет вызывать чувство подавленности.

«Одно утешение, — подумал я. — Пока идет дождь, с воздуха на нас хорошую атаку не проведешь. Несомненно, когда они будут готовы атаковать с бреющего полета, облачный покров уберут к черту. Но наши метлы появятся так же быстро, как и их ковры».

Медленно, с натугой, мы шли вперед. Вся наша дивизия, вместе с примыкающими частями, — Сорок пятая Молниеносная, краса и гордость армии Соединенных Штатов — превратилась в жалкое скопище людей и драконов, рыщущих по холмам Орегона в поисках оккупантов.

Я шел по лагерю. Вода сбегала с краев палаток и, булькая, стекала в окопы. Наши часовые, разумеется, надели шапки-невидимки, но я видел, как на грязи появляются отпечатки, слышал хлюпанье сапог и надоедливые проклятия.

Вскоре я миновал взлетно-посадочную полосу. Военно-воздушные силы располагались рядом с нами, чтобы сразу оказать поддержку в случае необходимости. Двое, не утруждая себя невидимостью, стояли на страже возле опрокинутого ангара. Их голубые мундиры были так же замызганы, как и мой, но сами летчики были чисто выбриты, и знаки различия — крылатая метла, побеждающая злого врага, блестели начищенной медью. Часовые отдали мне честь, и я лениво ответил им тем же.

Дальше лежали бронированные листы. Ребята соорудили из них переносное укрытие для зверюг. Я мог видеть только пробивающийся сквозь щели пар и ощущать пакостную вонь рептилий. Драконам дождь ненавистен, и водителям приходилось тратить чертовски много времени, чтобы не выпустить их из-под контроля.

Поблизости расположилось отделение Петрологической войны — закрытый сверху загон, в котором, извиваясь, шипели василиски, поворачивая увенчанные гребнями головы.

Лично я сомневался в практической ценности этого корпуса. Нужно подвести василиска вплотную к человеку и заставить змея смотреть строго прямо, пока человек не окаменеет.

А отражательные алюминиевые костюм и шлем, которые следует носить для защиты от своих же питомцев — это прямое приглашение вражеским снайперам.

Кроме того, углерод человеческого тела, превращаясь в кремний, дает радиоактивные изотопы. Так что вы получите такую дозу радиации, что врачам придется уступить вас святому Джону Уорту. Тому, кто до полуночи не вылезает из своего склепа.

Кстати, если вы знаете, кремация отмерла не просто как обычай — закон о национальной обороне объявил ее незаконной. Нам пришлось заниматься многими по-старинному устроенными кладбищами. Так что с прогрессом науки свобод у нас стало поменьше.

Я прошел мимо инженеров, командующих бандой зомби. Те рыли очередную осушительную канаву. Часовой у палатки генерала, увидев мою эмблему — тетраграмму Разведывательного корпуса и знаки различия на погонах, отдал честь и впустил меня внутрь.

Я вошел, остановился возле стола и поднял в приветствии руку.

— Капитан Матучек, сэр, — сказал я.

Ванбрух взглянул на меня из-под лохматых седых бровей. Это был мужчина с лицом, похожим на выветрившийся камень. Кадровый вояка на все сто три процента. Но мы относились к нему точно так же, как вы к полководцам, чьи портреты оттиснуты на банкнотах.

— Вольно, — бросил он. — Садитесь. Разговор займет некоторое время.

Я нашел себе складной стул и сел. Два других стула были уже заняты. Сидевших на них я не знал. Один — толстяк с круглой красной физиономией и белой пушистой бородкой. Майор с эмблемой круглых кристаллов Корпуса Связи. А другая — юная девушка. Несмотря на усталость, я, замигав, снова посмотрел на нее.

Она того заслуживала — рослая, зеленоглазая, рыжеволосая. Лицо с высокими скулами. А фигура слишком хороша для униформы женской вспомогательной службы США. И для любой другой — тоже. Знаки различия капитана. Паук Кавалерийского корпуса... Хотите официальное название — пожалуйста, не паук, а слейпнир*.

Генерал представил нас друг другу:

---

* *Слейпнир — в древнескандинавской мифологии — волшебный шестиногий конь.*

— Майор Харриган. Капитан Грейлок. Капитан Матучек. А теперь давайте займемся делом.

Он расстелил перед нами карту. Я наклонился и посмотрел на нее. На карте были обозначены наши и вражеские позиции. Враг все еще удерживал в своих руках половину побережья Тихого океана от Аляски до Орегона, хотя положение значительно улучшилось, когда в битве при Миссисипи год назад удалось повернуть нашествие вспять.

— Итак, — заявил Ванбрух, — я опишу вам ситуацию в целом. Задание предстоит опасное, и хотя вы вызвались на него добровольцами, хочу, чтобы вы представляли его важность...

Все, что я тогда знал — то, что именно я вызвался идти добровольцем. Вызвался так или иначе. Это была армия, да еще участвовавшая в такой войне, как нынешняя. Так что я не смог бы отказаться из принципа. Когда Сарацинский Халифат напал на нас, я был не вызывающим особых нареканий актером в Голливуде. Мне бы очень хотелось вернуться к прежнему занятию, но сперва нужно было покончить с войной.

— Как видите, мы потеснили их, — продолжил генерал, — и все оккупированные страны встрепенулись и закудахтали, готовясь поднять восстание, как только получат шанс выиграть битву. Британия помогает в организации и вооружении подполья, а сама тем временем собирается форсировать Ла-Манш. Русские готовят наступление с севера. Мы же должны нанести врагу решительный удар, взломать линию фронта и погнать их. Это послужит сигналом. Если мы добьемся успеха, то с войной будет покончено еще в этом году. В противном случае она может растянуться года на три.

Я это знал. Вся армия это знала. Официально пока ни слова не сообщалось, но люди каким-то образом чувствуют, когда предстоит большое наступление.

Генерал неуклюже прочертил пальцем по карте:

— Девятый броневой дивизион — здесь, Двенадцатый Метательный — здесь. Саламандры — тут, где, как мы знаем, сарацины сконцентрировали своих огнедышащих. Моряки готовы высадиться на побережье и захватить достаточно кракенов. Один удар — и мы их погоним.

Майор засопел в бороду и мрачно уставился в круглый кристалл. Шар был мутный и темный. Враг создавал такие помехи для наших кристаллов, что те невозможно было использовать. Мы, естественно, отвечали тем же. Капитан Грейлок нетерпеливо застучала по столу безукоризненно наманикюренным ногтем. Она была такая чистенькая и красивая, что я решил отказаться от мысли понравиться ей. Во всяком случае сейчас,

когда мой подбородок покрыт трехдневной щетиной.

— Но, по-видимому, вас что-то беспокоит, сэр, — отважился вмешаться я.

— Правильно, будь оно проклято, — рявкнул Ванбрух. — Тролльбург.

Я кивнул. Сарацины до сих пор удерживали этот город — ключ к позиции, оседлавший шоссе №20 и охраняющий подступы к Салему и Портленду.

— Мне кажется, мы предлагали захватить Тролльбург, сэр, — пробормотал я.

Ванбрух нахмурился:

— Это должна сделать Сорок пятая, — проворчал он. — Если мы опростоволосимся, приятель, враги сделают вылазку, отрежут Девятый и сорвут всю операцию. Кроме того, майор Харриган и капитан Грейлок из Четырнадцатого доложили мне, что у гарнизона в Тролльбурге есть ифрит.

Я присвистнул. Озноб пополз вдоль позвоночника. Халифат, не задумываясь, прибегал к использованию Сверхъестественных сил в войне (в частности поэтому остальной мусульманский мир относился к сарацинам, как к еретикам, и ненавидел их не меньше, чем мы). Я бы никогда не подумал, что они зайдут так далеко, что решатся сломать печать Соломона. Вышедший из повиновения ифрит может причинить невообразимые разрушения.

— Надеюсь, у них он только один... — прошептал я.

— Один, — у Грейлок был низкий голос, который мог бы казаться приятным, если бы она не говорила так отрывисто. — Они прочесали все Красное море, надеясь найти вторую бутыль Соломона. Но, кажется, эта — последняя.

— Все равно плохо, — сказал я. Усилие, которое требовалось, чтобы голос звучал ровно, помогло мне успокоиться. — Как вы это узнали?

— Мы из Четырнадцатого, — зачем-то сообщила Грейлок.

Как бы то ни было, ее кавалерийский значок вызвал у меня удивление. Из всех новобранцев только кислолицые школьные учительницы (и им подобные) годятся на то, чтобы разъезжать на единорогах.

— Я просто офицер связи, — торопливо сказал майор Харриган. — Лично я езжу на метле...

Я усмехнулся. Ни одному американскому мужику (если только он не член какого-нибудь Святого ордена) не захотелось бы сознаться, что его посчитали способным справиться с единорогом.

Майор свирепо посмотрел на меня и залился краской.

Грейлок продолжала, будто диктуя. Она говорила по-прежнему резко, хотя тон ее голоса несколько изменился.

— Нам повезло, что мы взяли в плен бим-баши штурмового отряда. Я допросила его.

— Они держат рот на хорошем замке, эти знатные сыны пустыни, — вставил я. Время от времени я сомневался в Женевской конвенции, но мне бы не понравилась идея нарушить ее окончательно, даже если неприятель подобных угрызений совести не испытывает.

— О, мы прибегаем к жестоким мерам, — сказала Грейлок. — Мы поселили его в очень хороших условиях и прекрасно кормили. Но в то мгновение, когда кусок оказывался в его глотке, я превращала еду в свинину. Он сломался очень быстро и подробно рассказал все, что знал.

Я громко расхохотался. Ванбрух захихикал, но она продолжала сидеть с невозмутимым видом. Трансформация органики — это всего лишь перетасовка молекул. Атомы не изменяются, так что риска получить дозу облучения нет. Но, конечно, трансформация требует хороших знаний в области химии.

Здесь и кроется подлинная причина, почему обычно пехотинец относится к Техническому корпусу с завистью. Неприкрытая ненависть к тем, кто может превратить НЗ в отбивную или жаркое по-французски. У квартирмейстеров хватает затруднений с заклинанием обычных пайков, чтобы еще отвлекаться на создание изысканных блюд.

— О'кей, вы узнали, что у них в Тролльбурге есть ифрит, — прервал паузу генерал. — Какими еще они располагают силами?

— Малый дивизион, сэр. Вы бы взяли город голыми руками, если бы можно было обезвредить этого демона, — сказала Грейлок.

— Да, я знаю. — Ванбрух покосился в мою сторону. — Ну, капитан, рискнете? Если вам удастся справиться с ифритом, это означает, по меньшей мере, Серебряную Звезду... Простите, Бронзовую.

— А... — Я сделал паузу, подыскивая слова. Меня больше интересовало продвижение по службе, либо полное увольнение в запас. Но, возможно... впрочем, речь идет о моей голове, и это возражение стратегического порядка.

— Сэр, в этой области мои знания чертовски малы. В колледже я чуть не завалил демонологию.

— Эту часть работы выполню я. — Сказанное принадлежало Грейлок.

— Вы?! — Я вернул на место отвисшую до самого пола челюсть.

— До войны я была Главной ведьмой Колдовского агентства в Нью-Йорке, — холодно сказала она.

Теперь я понял, откуда у нее такие повадки. Типичная девица, сделавшая карьеру в большом городе. Не в моих силах остановить ее и генерала.

— Я знаю, как справиться с демонами на побережье. Ваша задача — в сохранности доставить меня на место и обратно.

— Да, — кивнул я. — Тогда не о чем говорить.

Ванбрух прочистил горло. Ему не нравилось посылать на такое дело женщин. Но времени было мало, слишком мало, чтобы искать другую возможность.

— Честно говоря, капитан Матучек — один из лучших наших оборотней, — польстил он.

— *АВЕ, ЦЕЗАРЬ, МОРИТУРИ ТЕ САЛЮТАНТ!**

Нет, я подразумевал совсем иное, но не беда. Померев, смогу не спеша придумать что-нибудь получше. Я не был испуган. Помимо того что я был заколдован от страха, были веские причины полагать, что мои шансы не хуже, чем у идущего в огонь пехотинца. Ванбрух не стал бы приносить в жертву своих подчиненных, посчитай он задание безнадежным. Но насчет перспективы я был менее оптимистичен, чем он.

— Думаю, что два ловких человека проберутся незамеченными для стражей, — продолжал генерал. — Затем вам придется сымпровизировать. Если удастся нейтрализовать чудовище, то мы атакуем в полдень. Если до рассвета я не получу известия, что задание выполнено, — мрачно добавил он, — нам придется перегруппироваться и начать отступление, спасая все, что сможем. Вот полученная путем геодезической съемки карта города и его окрестностей.

Он не стал тратить понапрасну времени, выясняя, действительно ли я согласился идти добровольно...

2

Я вел капитана Грейлок к палатке, которую делил с двумя братьями-офицерами, спасаясь от падающей воды. По длинному откосу мокрых нитей дождя неумолимо ползла темнота. Мы тащились по мерзкой грязи и, пока не оказались под брезентовым покрытием, молчали. Мои товарищи по палатке находились в патруле, так что места для нас хватило. Я зажег огонь Святого Эльма и сел прямо на промокшие доски, положенные на пол.

---

* *«Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя» — обращение римских гладиаторов перед боем.*

— Садитесь, — пригласил я, указывая на единственный имевшийся в нашей палатке табурет. Он был одушевленный, а купили мы его в Сан-Франциско. Не особенно проворный, он все же мог тащить на себе наше снаряжение и подходить, когда его звали. Почувствовав на себе незнакомый вес, он беспокойно заерзал, а потом снова уснул.

Грейлок вытащила пачку «Крыльев» и подняла брови. Я кивнул в знак благодарности, и во рту у меня оказалась сигарета. Лично я курю в походе «счастливые» — самовоспламеняющиеся — что весьма удобно, если спички окажутся отсыревшими. Когда я был на гражданке и мог себе это позволить, моей маркой был «Филлип Моррис», потому что возникающий вместе с дымком сигареты одетый в красное эльф может заодно приготовить порцию виски.

Некоторое время мы молча попыхивали дымом и слушали дождь.

— Ну, — сказал я наконец, — полагаю, что у вас есть какие-нибудь транспортные средства?

— Моя личная метла, — кивнула она. — Эти армейские «виллисы» мне не нравятся. Мне нравится «кадиллак». Я выжму их него больше, чем это возможно.

— У вас есть грим, пудра, безделушки?

— Только немного мела. Любое материальное средство не слишком полезно, когда его используешь против могущественного демона.

— Да? А как насчет воска, которым была запечатана бутылка Соломона?

— Не воск удерживает ифрита в бутылке, а печать. Чары создаются символом. В сущности, надо полагать, что их воздействие чисто психологическое. — Она посасывала сигарету, и на ее щеках образовались ямочки.

Я начал понимать, что капитан Грейлок — сахарная косточка...

— У нас будет возможность проверить эту теорию сегодня ночью, — добавила она.

— Ну ладно. Надеюсь, вам захочется прихватить с собой какой-нибудь пистолет, заряженный серебряными пулями. У них, как вы знаете, тоже есть оборотни. Я возьму пистолет-пулемет сорок пятого калибра и несколько гранат.

— Как насчет спринцовки?

Я нахмурился. Мысль об использовании святой воды в качестве оружия всегда мне казалась богохульством (хотя капитан утверждал, будто ее применение против порождений Нижнего мира допустимо).

— Бессмысленно, — сказал я. — У мусульман нет такого ритуала, и они, разумеется, не используют существ, которые ему подчиняются. С собой я возьму камеру «Полароид».

Айк Абрамс просунул свой огромный нос в разрез палатки.

— Не хочется ли вам и леди капитану немного покушать, сэр? — спросил он.

— Конечно, хочется, — сказал я, а сам подумал: «Скверно, что свою последнюю ночь в Видгарде я проведу, как жвачное...»

Он исчез, а я объявил:

— Айк всего лишь рядовой, но в Голливуде я играл в «Зове дебрей» и «Серебряном амиане». А здесь он с радостью назначил сам себя моим ординарцем.

Абрамс вскоре принес нам поесть.

— Знаете, — заметила она, — одно хорошо: нам известно, что в этой стране был хорошо распространен антисемитизм не только среди немногих свихнувшихся, но и среди обычных респектабельных граждан.

— Действительно. Особенно верили в чушь, что все евреи — трусы, и на фронте их днем с огнем не сыщешь. Теперь, когда для большинства иудеев колдовство под запретом — по религиозным причинам (а ортодоксы волшебством вообще не занимаются) — евреев в пехоте и в рейнджерах столько, что не заметить этого просто невозможно.

Я-то поустал от того, что герои комиксов и рассказов в дешевых журналах носят еврейские имена. Разве англосаксы не принадлежат, как и евреи, к нашей культуре? Но то, что она сказала — правильно. И это показывает, что Грейлок была чуточку больше, чем обычная машинка для делания денег. Самую крошечную чуточку.

— Кем вы были на гражданке? — спросил я главным образом для того, чтобы заглушить шум дождя.

— Я уже говорила вам, — огрызнулась она, вновь свирепея. — Служила в колдовском агентстве. Реклама, объявления и так далее. Чушь и фальшь.

— О, Голливуд весь фальшивый настолько, что и насмешки не заслуживает, — сказал я.

Помочь этому я, однако, не мог. Всякие деятели с Медисон-авеню — от них в конечном итоге одна головная боль. Подлинное искусство используется для того, чтобы газовыми пузырями выскакивали самодовольные ничтожества. Или чтобы продавать вещи, главное достоинство которых в том, что они точно такие же, как и все остальные того же сорта.

«Общество защиты животных от жестокого обращения» борется против того, чтобы русалок дрессировали для созда-

ния волшебных фонтанов. Как борется и против запихивания молодых саламандр в стеклянные трубки для освещения Бродвея. Но я по-прежнему полагаю, что это лучше, нежели трубные вопли о духах «Машер», которые на самом деле не что иное, как приворотное зелье.

— Вы не понимаете, — сказала она. — Это часть нашей экономики. Часть всей нашей общественной жизни. Думаете, средний отечественный чародей способен починить, ну, скажем, машину для поливки газонов? Нет, черт возьми! Он скорее выпустит на волю духов воды. И если не будет противодействующих чар, затопит половину города. И тогда нам, ведьмам, придется убеждать гидр, что они обязаны подчиниться нашему волхованию. Я ведь уже говорила вам, что когда имеешь дело с этими существами, эффект во многом чисто психологический. Чтобы добиться понимания, я ныряла к ним с аквалангом.

Я покосился на нее с уважением. С тех пор, как человечество осознало незначительность действия холодного оружия и принялось развивать магию, мир нуждается в отчаянно смелых людях. По-видимому, Грейлок относится именно к такой категории.

Абрамс притащил две дополнительные тарелки с пищевыми пайками. Вид у него был тоскливый, и я пригласил его присоединиться к нам, а после ужина отослал подальше. Наше задание было секретным, а еще следовало обговорить детали.

Капитан Грейлок превратила кофе в мартини (недостаточно сухой), а годную лишь для собак и пехоты жратву — в бифштекс. Но не следует ожидать от женщины лишней душевной тонкости, а еда была, если честно — лучшая, чем водилась у меня за последний месяц.

После коктейля она невольно расслабилась, и я понял, что ее отталкивающая холодность — просто защита от скользких типов, с которыми ей приходилось иметь дело. И мы выяснили, что зовут нас Стив и Вирджиния.

Но затем снаружи сумерки сменились тьмой, и нам нужно было идти...

3

Возможно, вы думаете, что это чистейшей воды безумие — послать двух людей (из них одна — женщина) в расположение вражеских войск для выполнения такой серьезной задачи. Должно казаться, что по меньшей мере здесь требуется выслать бригаду рейнджеров. Но современная наука изменила войну в той же мере, как и индустрию, медицину, всю обыч-

ную жизнь, наконец. Данное нам задание было безрассудно-отчаянным в любом случае, и мы бы особо ничего не выиграли, будь нас намного больше.

Видите ли, хотя практически каждый может научиться некоторым простейшим видам и приемам колдовства — таким, как искусство управлять метлой, химчисткой, токарным станком и так далее — лишь незначительное меньшинство представителей человечества можно считать подлинными знатоками. На это требуются годы учения и практики. А помимо того, необходимы врожденные способности. Например, превращение человека в животное. Если человек относится к тем немногим, у кого есть нужные хромосомы, превращение в присущего ему зверя осуществляется почти инстинктивно. В противном случае — необходимо воздействие внешней силы.

Ученые приятели поведали мне, что Искусство заключает в себе понимание Вселенной как набора кантовских бесконечностей. Внутри каждого данного класса часть равна целому и так далее. Одна хорошо подготовленная ведьма сможет сделать все, что окажется необходимым. Большой отряд было бы просто-напросто легче засечь, а это значит — рисковать представляющими ценность кадрами. Так что Ванбрух был прав, посылая лишь нас двоих. Иногда на собственной шкуре приходится удостовериться, насколько здравы принципы военных действий...

Мы с Вирджинией повернулись спинами друг к другу — чтобы переодеться. Она облачилась в брюки и куртку, я — в эластичную вязаную одежду, годящуюся мне и в волчьей ипостаси. Мы надели шлемы, нацепили свое снаряжение и обернулись. Она прекрасно смотрелась даже в этом одеянии — зеленом и мешковатом.

— Что ж, — сказал я тихо, — пойдем?

Разумеется, страха я не испытывал. Каждый новобранец, вступая в армию, получает прививку от страха. Но то, что нас ожидало, мне не нравилось.

— Думаю, чем раньше мы выедем, тем лучше, — ответила она и, шагнув к выходу, свистнула.

Помело спикировало, приземлившись рядом с нами. Метла была раскрашена полосами в самые фантастические цвета. Но и сама по себе была хороша. Пенопластовые сидения хорошо гасили ускорение, а прекрасно спроектированные спинки походили на те, что использовались на армейских машинах.

Управлял помелом приятель Вирджинии — громадный кот, черный, как непроглядная ночь, и с недоброжелательно поблескивающими глазами. Он изогнулся дугой, с негодованием зафыркав. Погодно-предохранительные чары не давали дождю

коснуться его, но пропитанный влагой воздух коту не нравился.

Вирджиния пощекотала его под подбородком.

— О Свертальф, — прошептала она. — Хорошая киса, эльф мой драгоценный, принц тьмы... Если мы переживем эту ночь, ты будешь спать на воздушных, как облако, подушках, ты будешь пить сливки из золотой чаши...

Кот навострил уши и дал полный газ двигателю.

Я взобрался на заднее сидение, удобно устроил ноги на стременах и откинулся на спинку. Девушка, сидевшая передо мной, негромко запела, склонившись к метле. Помело резко рванулось вверх, земля провалилась, лагерь скрылся во мгле. Мы с Вирджинией обладали колдовским зрением (если точнее, видели в инфракрасном спектре), так что в освещении не нуждались.

Помело поднялось над облаками. Вверху был виден гигантский звездный свод, внизу — белесый крутящийся сумрак. Мельком я заметил пару описывающих круги «П-56». Патруль. Каждый «П-56» состоит из шести крепко связанных между собой метел, чтобы поднять груз брони и пулеметов. Мы оставили их позади и устремились к северу.

Держа на коленях автомат, я сидел, слушая визг проносившегося мимо воздуха. Внизу смутно виднелись очертания холмов. Я заметил редкие вспышки. Артиллерия вела дуэль. На таком расстоянии невозможно с помощью колдовства сбить снаряд с курса или взорвать броню. Ходили слухи, что «Дженерал Электрик» работает над прибором, способным произнести заклинание в течении нескольких микросекунд, но пока большие пушки продолжали свою беседу, не опасаясь чудес техники.

Тролльбург лежал в каких-то нескольких милях от наших позиций. Я видел его. Город расстилался внизу, затемненный от наших бомбардировок. Как было бы славно, если бы у нас оказалось атомное оружие! Но пока тибетцы вращают свои колеса, молясь о предотвращении атомной войны, такого рода идеи останутся ненаучной фантастикой.

Кот вытянул трубой хвост и мяукнул. Вирджиния наискось направила метлу вниз.

Мы приземлились в гуще деревьев, и она обернулась ко мне:

— Их дозоры, должно быть, поблизости. Я не решилась приземлиться на крышу. Нас было бы слишком легко заметить. Пусть путь в город начинается отсюда.

Я кивнул:

— Годится. Подождите минутку.

Я осветил себя фонариком. Как трудно было всего десять

лет назад поверить, что трансформация не зависит от того, насколько ярко светит луна! Затем Вирнер доказал, что этот процесс — просто один из тех, где поляризованный свет с правильно подобранной длиной волны воздействует на щитовидную железу. И корпорация «Поляроид» сделала очередной миллион долларов на линзах превращения. Нелегко идти в ногу с нашим ужасным и удивительным временем, но я бы не сменил его ни на какое другое.

Обычно испытываемое ощущение — будто весь покрываешься рябью и начинаешь дрожать. Меня пронзила смешанная с восторгом боль, потом короткое похмельное головокружение. Атомы перегруппировались, образуя новые молекулы. Некоторые нервные окончания удлинились, другие — наоборот, исчезли. Кости на мгновение сделались текучими, мышцы растягивались, словно резиновые. Затем тело стабилизировалось. Я встряхнулся, просунул хвост через клапан облегающих брюк и ткнул носом в ладонь Вирджинии. Она потрепала меня по шее, позади шлема.

— Ну что, — шепнула она, — в путь...

Я повернулся и нырнул в кустарник.

Многие писатели пытались описать возникающие при превращении ощущения, но все они потерпели неудачу. Ибо нет в человеческом языке подходящих слов. Зрение сделалось менее острым. Очертания звезд над головой расплылись, мир стал плоским и бесцветным. Зато я ясно слышал все звуки ночи. Эти звуки превратились почти в рев; это были сверхзвуки.

Целая вселенная запахов била в ноздри. Аромат мокрой травы и почвы, где кишели спешно спасающиеся бегством полевые мыши. От мышей исходил горячий запах, чуть сладковатый. Отчетливый запах оружия, масла, нефти. Неясная вонь дыма... Бедное человечество, с притупленными чувствами, равнодушное к этому изобилию!

Труднее всего передать, что представляла собой моя психика. Я был волком. Волком, у которого нервы, жилы и инстинкты — волчьи. И волчий же, острый, хотя и ограниченный, разум. Я сохранил человеческую память, и цели мои были целями ЧЕЛОВЕКА, но все это делалось каким-то нереальным, грезоподобным. Мне приходилось напрягать всю свою волю, чтобы не пуститься в погоню за первым же попавшимся зайцем. Неудивительно, что в былые времена оборотни заслужили дурную славу. Это было еще до того, как мы поняли, что превращение включает и изменение психики. До того, как оборотням начали с детства давать надлежащее воспитание.

Мой вес — сто восемьдесят фунтов, а закон сохранения

материи соблюдается при превращениях столь же строго, как и все остальные законы природы. Так что я был весьма крупным волком. Но я с легкостью скользил сквозь кусты, мчался вдоль лугов и оврагов — тень среди прочих движущихся теней.

Я уже почти проник в город, когда уловил запах человека и приник к земле. Серый мех дыбом встал на загривке. Я ждал. Мимо прошел часовой. Это был высокий бородатый мужчина. Его золотые серьги слабо поблескивали в свете звезд. Обернутый вокруг шлема тюрбан казался огромным на фоне Млечного Пути.

Я дал ему пройти и двинулся следом, пока не увидел следующего караульного. Часовые были расставлены вокруг всего Тролльбурга. Каждый расхаживал по дуге в сто ярдов, встречаясь на ее концах с напарником. Нам будет непросто...

Какой-то неясный шум отозвался в ушах. Я пригнулся, стараясь слиться с землей. Вверху, словно привидение, проплыл один из их ковров-самолетов. Я увидел два пулемета и мужчин, сидящих на корточках за ними. Ковер неспешно летел на малой высоте, описывая круг над кольцом караульных. Тролльбург хорошо охранялся.

Как бы то ни было, Вирджинии и мне необходимо было пробраться сквозь эти дозоры. Мне пора было совершать обратное превращение, чтобы использовать всю мощь человеческого разума. Инстинкт волка повелевал мне просто наброситься на ближайшего человека, но тогда в мои, покрытые шерстью уши, вцепился бы весь гарнизон.

Выждать? Может быть, это действительно необходимо.

Сделав петлю, я вернулся обратно в чащу. Свертальф цапнул меня когтями и пулей взлетел на дерево. Вирджиния Грейлок испуганно вскочила, в руке ее поблескивал пистолет. Затем она расслабилась и несколько нервно засмеялась. Я мог бы и сам, в моем теперешнем облике, использовать фонарик, висящий на шее, но ее пальцы справились с этим быстрее.

— Итак? — спросила она, когда я снова стал человеком. — Что вы выяснили?

Я описал положение дел. Она нахмурилась и закусила губу. Губа, правда, была слишком хороша, чтобы с ней обращались подобным образом.

— Скверно, — сказала Вирджиния. — Я боялась чего-нибудь подобного...

— Послушайте, вы сможете быстро обнаружить этого ифрита?

— О, да. Я училась в Конголезском университете и в совершенстве обладаю колдовским чутьем. Но что из этого?

— Я отвлеку их внимание, нападу на кого-нибудь из часовых и устрою шумиху. У вас появится возможность незаметно пролезть через линию караула. Оказавшись в городе, вы, одев шапку-невидимку...

— Нет. Их системы обнаружения не хуже наших. Невидимость давно устарела.

— М-м... думаю, вы правы. Как бы то ни было, в темноте будет легче добраться туда, где хранится ифрит. Ну а там уж как повезет. Заранее не угадаешь...

— Я подозревала, что нам предстоит что-то вроде этого, — ответила она, и вдруг добавила с поразившей меня нежностью: — Но, Стив, у нас будут некоторые шансы спастись...

— Только не в том случае, если они поразят меня серебром. Правда, их пули, в основном — обычный свинец. Расчет они ведут на той же основе, что и мы. В среднем, каждая десятая пуля должна быть серебряной. У меня, вероятно, шансов девяносто из ста — вернуться целым и невредимым.

— Лжец, — сказала она. — Но храбрый лжец.

Я отнюдь не храбрый. Подмывает иногда помечтать о Кузнечной долине, об Аламо, о холме Сан-Хуан... Или о Касабланке, под которой наша, численно превосходящая армия, остановила три панцирные дивизии Африканского корпуса фон Огерхауза. Подмывает — но только, если ты сам уютно расположился где-нибудь в безопасности.

Предохраняющие от страха чары сползли с меня, в животе заворочался тяжелый ком — однако я не видел иной возможности сделать то, что мы обязаны сделать. Потерпи наша попытка неудачу, это означало бы, в лучшем случае, военно-полевой суд.

— Когда они пустятся на охоту за мной, я собью их со следа. Собью и постараюсь вновь встретиться с вами.

— О'кей. — Она вдруг встала на цыпочки и поцеловала меня.

Впечатление было ошеломляющее.

Я замер на мгновение, глядя на нее:

— Что вы делаете в субботу вечером? — Меня чуть-чуть трясло.

Она рассмеялась:

— Не забивайте себе голову, Стив. Я из кавалерии...

— Да, но война не может продолжаться до бесконечности. — Я улыбнулся. Улыбнулся беспечной, насильственной улыбкой, и глаза ее внимательно остановились на мне.

Мы обсуждали все детали так тщательно, как только возможно. Вирджиния особых иллюзий не питала. Ифрита, наверняка, хорошо охраняли, да и сам по себе он представлял

большую опасность. Рассчитывать, что нам обоим удастся увидеть восход солнца, было слишком наивно.

Я снова принял волчий облик и ткнулся ей в руку. Она взъерошила мне мех, и я скользнул в темноту.

Я избрал часового, удалившегося на некоторое расстояние от дороги (дорогу, разумеется, перегораживала застава). По сторонам от намеченной жертвы виднелись еще люди, медленно расхаживающие вперед и назад.

Скользнув за пень, находившийся почти точно на пути часового, я выжидал.

Он приблизился, и я прыгнул. Успел увидеть глаза и зубы, блестевшие на бородатом лице, услышать его вскрик, уловить исходившую от него струю страха... а затем мы столкнулись. Он опрокинулся, отбиваясь. Я щелкнул зубами, целясь в глотку. Челюсти сомкнулись на его руке, и я почувствовал горячий соленый вкус крови.

Он завизжал. Я понял, что крик услышан на линии охраны. Два ближайших сарацина мчались на помощь. Я разорвал первому глотку и сжался в ком, чтобы прыгнуть на второго.

Он выстрелил. Пуля пронзила тело, оставив зазубрину острой боли. Я зашатался. Но он не знал, как ему следует обращаться с оборотнем. Ему бы упасть на колено и стрелять безостановочно, пока не настанет черед серебряной пули. В случае необходимости следовало отбиться от меня, пусть даже штыком, и продолжать стрелять. А этот...

Он бежал ко мне, взывая к Аллаху своей еретической секты.

Мои мышцы сжались, и я рывком бросился на него. Проскользнул под штыком, под дулом и ударил сарацина так, чтобы свалить его. Он устоял, вцепился в мое тело и повис. Я полукругом занес левую заднюю лапу за его щиколотку и толкнул. Он упал. Я оказался сверху. Позиция, к которой всегда должен стремиться ввязавшийся в рукопашную оборотень. Мотнув головой, я оставил на его руке глубокую рану и вырвался из захвата.

Но прежде чем я успел расставить все точки над «и», навалились еще трое. Их саперные лопатки заходили взад-вперед, вонзаясь в меня снова и снова. Обучали их вшиво. Я прогрыз себе дорогу из этой «кучи малой» (к тому времени их накопилось уже полдюжины) и вырвался на свободу.

Сквозь запах пота и крови я уловил еле слышное дуновение духов «Шанель №5». Про себя я рассмеялся. Вирджиния, оседлав метлу, пронеслась в футе над землей, на скорости обогнала свалку и была уже в Тролльбурге. Теперь моя задача — унести ноги и

увести погоню. И при этом не поймать серебряную пулю...

Я завыл, чтобы поиздеваться над теми, кто высыпал из стоявших вдали зданий. И прежде чем припустить через поле, дал хорошенько рассмотреть себя. Я бежал не спеша, так, чтобы они не потеряли меня, и делая зигзаги, чтобы в меня не попали. Спотыкаясь и вопя, сарацины мчались следом.

Все, что они могли знать — состоялся налет десантников.

Их патрули перегруппировались, весь гарнизон был поднят по тревоге. Но наверняка никто, за исключением нескольких избранных офицеров, не знает об ифрите. И никто из этих офицеров не осведомлен, что нам известно об их заветной бутылочке. Так что догадаться о наших замыслах невозможно. Может быть, нам удастся осуществить эту труднейшую операцию...

Что-то внезапно устремилось на меня сверху. Один из проклятых ковров! Он пикировал, словно ястреб, винтовки выплевывали огонь. Я кинулся по ближайшей, ведущей к лесу, тропинке. Под деревья! Дайте мне забраться хотя бы под елочки, тогда я...

Не дали. Я услышал звук прыжков за спиной, учуял едкий запах... и захотелось жалобно скулить. Тигр-оборотень способен мчаться так же быстро, как и я.

На мгновение вспомнился старик-проводник, который был у меня на Аляске. Если бы в мгновение ока он оказался здесь! Он был оборотень-медведь, кодьяк... Затем я развернулся и встретил тигра раньше, чем тот успел наброситься на меня.

Это был огромный тигр, фунтов пятьсот, не меньше. В глазах его тлел огонь, и в пасти сверкали громадные клыки. Он занес когтистую лапу, способную переломить мой хребет. Я кинулся вперед, укусил его и отскочил, прежде чем он успел ударить. Частью своего сознания я слышал, как враги ломились через подлесок, пытаясь отыскать меня.

Тигр прыгнул. Я уклонился и бросился к ближайшим зарослям. Возможно, я сумею пробраться там, где он не сумеет...

Он несся между деревьями за мной, ревя в бешенстве.

Я увидел узкую щель между двумя гигантскими дубами, слишком маленькую для него щель, и кинулся туда. За те полсекунды, что я протискивался, он догнал меня. В голове взорвались и потухли огни...

4

Я находился вне времени и пространства. Само мое тело отделилось от меня — а может, это я отделился от тела...

Как я мог осознать бесконечную темноту и холод этой

пустоты, коль скоро у меня не было соответствующих понятий?

Как я мог испытать отчаяние, коль скоро был не что иное, как точка, затерявшаяся в пространстве и времени?

Нет, даже не так. Ибо здесь не было ничего. Ничего, что можно было бы осознать. Ничего, что можно было бы любить, ненавидеть или бояться. Ничего, о чем можно было бы хоть как-то поведать словами. Мертвец ощущал бы себя менее одиноким, ибо единственное, что существовало во всей Вселенной — я и мое отчаяние.

Но в то же время, или на квадриллион лет позже, или и то и другое вместе — ко мне пришло сознание чего-то еще.

На меня глядел Демиург. Беспомощный, практически ничего не понимающий, я мог лишь прикоснуться к его сознанию. Такому бесконечному, что не оставалось места даже надежде. Я вращался в бурных течениях его мыслей, слишком чужих, слишком огромных и непонятных, чтобы надеяться на спасение. Будто слышал урывками рев Ледовитого океана, в котором тонул...

Опасность. Этот и те двое. Определенно, они могут быть крайне опасны. Не в данный момент, когда они всего лишь способствуют уничтожению плана. Великий план, в котором эта война — всего лишь первая страница... что-то в них предостерегает, пусть и слабо, об опасности...

Если бы только я мог более ясно видеть во времени!..

Их нужно устранить, уничтожить. Что-то необходимо сделать до того, как возникнет и возрастет их потенциальная возможность. Но сейчас я еще не могу ничего. Может быть, как это случается на войне, их убьют. Если нет, мне следует запомнить их и попробовать сделать что-то позднее. Сейчас у меня слишком много иных дел, я должен сохранить семена, насаженные мною в этом мире. Вражеские птицы летят во множестве на мои поля... голодные стаи. И с ними орлы, охраняющие птиц со все возрастающей дикой яростью. Вы попадетесь еще, птицы, в мои ловушки... и Тот, кто выпустил вас!

Так велика была под конец сила его ярости, что я оказался выброшенным на свободу...

5

Я открыл глаза. И какое-то время чувствовал лишь ужас. Меня спасла физическая боль, прогнав мысли об уже полузабытых кошмарах. Прогнав их туда, где обитают кошмары. Их сменила мысль, что после удара я какое-то время пробыл в бреду.

Человекозверь — в своей звериной ипостаси — не настолько уязвим, как полагает большинство. Кроме таких шту-

чек, как серебро, которое является биохимическим ядом для процессов метаболизма оборотня, лишь повреждение жизненно важного органа может повлечь за собой смерть. Это — как непрерывная ампутация, если только поблизости не окажется хирурга, который пришьет ампутированное обратно до того, как отомрут клетки.

Мы, однако, крепкая порода. Вероятно, я получил удар, который сломал мне шею. Мой спинной мозг не был безвозвратно поврежден, все заживало с обычной для оборотня скоростью. Беда была в том, что они взяли и тут же превратили меня в человека — до того, как заживут соответствующие повреждения. Я попытался встать — но попытка не удалась, и меня вырвало.

— Вставай!

Чей-то сапог воткнулся мне в ребра.

Шатаясь, я поднялся. Все мое снаряжение тут же убрали подальше, в том числе и фонарик. Несколько человек держали меня под прицелом своих ружей. Рядом стоял человек-тигр. В своем человеческом обличии он достигал почти семи футов роста и был чудовищно толст. Косоглазя от боли, я разглядел на нем знаки различия эмира. В те времена это было скорее воинское звание, чем титул, но, как бы то ни было, он был весьма важной персоной.

— Пойдемте, — сказал эмир и пошел впереди, а я — подталкиваемый — следом.

Я увидел ковры в небе, услышал вой их оборотней, рыщущих в поисках других американцев. Но меня слишком шатало, чтобы заботиться еще и об этом.

Мы вошли в город, направляясь к центру. Тротуары глухо звучали под нашими сапогами. Тролльбург не был большим городом. Возможно, некогда в нем насчитывалось тысяч пять населения. Улицы в большинстве были пусты.

Я увидел несколько отрядов сарацин, палящих в небо из противовоздушных орудий. Мимо тяжело и неуклюже прополз дракон; повсюду располагались бронебойные пушки. Ни следа гражданского населения, и я знал, что с ним случилось. Привлекательные молодые женщины угодили в офицерские гаремы. Остальные мертвы, либо сидят под землей, ожидая отправления на невольничьи рынки.

Когда мы добрались до отеля, где располагался вражеский штаб, головная боль утихла. Мозг снова стал ясным. При данных обстоятельствах это было сомнительным везением. Меня провели по лестнице в номер-люкс и приказали встать перед столом. Эмир сел за стол, рядом расположился юнец-

паша из разведки. С полдюжины охранников выстроились вдоль стен.

Эмир повернул лицо к паше, сказав ему что-то (как я предположил, следующее: «Вести допрос буду я, а вы наблюдайте»).

— Итак, — заявил он на хорошем английском языке, — у нас есть несколько вопросов. Пожалуйста, назовите себя.

Я механически заявил ему, что меня зовут Шерринфорд Майкрофт, капитан армии США, и назвал свой номер.

— Это не настоящее имя, не так ли? — спросил он.

— Разумеется нет, — ответил я. — Мне известна Женевская конвенция. Вам не удастся околдовать меня с помощью моего же имени. «Шерринфорд Майкрофт» — это мое «Джон Смит».

— Халифат не подписывал Женевскую конвенцию, — спокойно сказал эмир, — и когда джихад требует крайних мер... В чем состояла цель вашей вылазки?

— Не стоит ожидать моего ответа, — сказал я. Можно было бы помолчать, все это давало выигрыш во времени Вирджинии. Но все же молчать было хуже.

— Возможно, вас удастся уговорить, — эмир задумчиво глядел на меня.

Происходи дело в кино, я бы ответил, что вышел на луг собирать маргаритки. Я безостановочно острил бы, пока они плющили в тисках мои пальцы. Но в реальной действительности их методы были слишком реальны.

— Ладно, — сказал я, — меня послали в разведку.

— В одиночку?

— Нет. Нас было несколько. Надеюсь, что они удрали.

Возможно, это займет его ребятишек на некоторое время. Пусть порыщут...

— Лжете, — быстро сказал он.

— Если вы мне не верите, ничем не могу помочь, — пожал я плечами.

Его глаза сузились:

— Скоро я выясню, говорите ли вы правду. Если нет, то пусть тогда вас милует Иблис.

Я не смог с собой справиться и вздрогнул. Жемчужины пота выступили на моей коже. Эмир рассмеялся. Это был неприятный смех — какой-то рык с завыванием, ворочающийся в его жирной глотке. Как у тигра, забавляющегося с добычей.

— Обдумайте свое решение, — посоветовал он и углубился в изучение расположенных на столе бумаг.

В комнате сделалось совсем тихо. Стражники замерли, словно отлитые из бронзы. Сонная физиономия юнца в тюрбане. За спиной эмира в окно глядела тьма ночи. Громко

тикающие часы и шорох бумаг. Казалось, это только усугубляло тишину.

Я вымотался, голова болела, в пересохшем рту — мерзостный привкус. Я не имел права упасть, и от усилий моя крайняя физическая измотанность усугубилась еще больше. Мне пришло на ум, что эмир, должно быть, боится нас, если приложил столько сил, чтобы захватить одного-единственного пленника. Честь и слава американцам. Но меня это мало утешало.

Мои глаза изучали обстановку. Особо смотреть было не на что: обычная гостиничная обстановка. Эмир загромоздил свой стол множеством всякой всячины: круглый кристалл (бесполезный, потому что мы тоже создавали помехи), прекрасной работы алмазная ваза (выкраденная из чьего-то дома), набор отличных хрустальных рюмок, коробка для сигар из кварцевого стекла, графин, наполненный чем-то, что выглядело хорошим шотландским виски. Я решил, что эмиру нравится все хрустальное и прозрачное.

Он захотел попотчевать себя сигарой, мановением руки открыл сигаретницу, и «гавана» вплыла ему в рот и самовоспламенилась. Одна за другой лениво тащились минуты. Пепельница время от времени воспаряла вверх, чтобы получить очередную порцию пепла. Все, что эмиру было сейчас нужно, — вот так медленно поднимать и опускать пепельницу. Такой толстяк пребывая в шкуре действительно огромного оборотня, нуждался в комфортабельном отдыхе.

Было очень тихо. С потолка сиял ослепительный свет. В нем было нечто чудовищное, неправильное. Наши обычные, добрые, производства «Дженерал Электрик» огни Святого Эльма, сверкающие над увенчанными тюрбанами головами.

Я уже начал отчаиваться, когда неожиданно блеснула идея. Способа воплотить ее в жизнь я пока не знал, но хотя бы для того, чтобы быстрее прошло время, начал составлять заклинание.

Вероятно, прошло с полчаса (хотя мне показалось, что прошло полстолетия), когда открылась дверь и мелкими шажками вошел фаннек — маленькая лиса африканской пустыни. Эмир поднял взгляд и посмотрел так, как будто гость использовал свой фонарик, чтобы посветить в темном клозете.

Вошедший, естественно, оказался карликом, едва ли в фут ростом. Он простерся на полу и быстро заговорил высоким прерывистым фальцетом.

Эмир медленно развернул свой подбородок ко мне:

— Мне сообщили, что не найдено никаких признаков следов, кроме ваших. Вы лгали.

— Разве я не сказал вам? — спросил я. В горле у меня словно провели наждаком. Чужое у меня было горло. — Мы применяли сов и летучих мышей. Волком был только я.

— Замолчите, — сказал он невыразительно. — Я знаю не хуже вашего, что летучие мыши-оборотни могут быть только вампирами, и что во всей вашей армии нет пригодного для военной службы вампира.

Это была правда. Все время и без конца некоторые кабинетные генералы вопрошают, почему бы не создать подразделение Дракул. Ответ тривиален. Вампиры слишком уязвимы и легкомысленны, они не выносят солнечного света. Если не получат без перебоев своей порции крови, то способны наброситься на своих же товарищей, и их невозможно использовать там, где есть солдаты-итальянцы. Я проклял себя, но мой разум слишком оцепенел, чтобы придумать выход из этого затруднительного положения.

— Полагаю, кое о чем вы умалчиваете, — эмир махнул рукой графину и рюмкам. Графин вылил из себя порцию шотландского, которую эмир принялся неторопливо потягивать.

Правящая Халифатом секта — еретичка еще и своим отношением к спиртным напиткам. Руководители секты утверждают, что, хотя Пророк и запретил вино, он ничего не сказал насчет пива, джина, виски, коньяка и рома.

— Придется использовать более действенные меры, — сказал наконец эмир. — Я надеялся избежать этого.

Он кивнул охране.

Двое держали меня за руки. А обрабатывал паша. У него это хорошо получалось. Фаннек-оборотень наблюдал с жадностью. Эмир попыхивал своей сигарой и продолжал заниматься бумагами.

Через несколько долгих минут он приказал прекратить. Меня отпустили, даже поставили рядом стул, а он мне действительно был крайне необходим.

Я сел, тяжело дыша. Эмир мягко поглядел на меня.

— Я сожалею, — бросил он. — Мне это не доставило удовольствия...

Странно, но я поверил ему.

— Нам бы хотелось надеяться, что вы окажетесь благоразумным до того, как мы будем вынуждены повторить процедуру. Кстати, не хотите ли сигару?

Отлупите человека, чтобы на нем живого места не оказалось, а потом продемонстрируйте ему свою доброту. Вы изумитесь, как часто он после этого, разрыдавшись, ломается.

Сигару я взял.

— Нам необходимы сведения о вашей армии и планах командования, — сказал эмир. — Если вы согласитесь сотрудничать и примете истинную веру, вы сможете занять среди нас почетное место. Нам в Халифате по душе хорошие люди. — Он улыбнулся. — Когда война кончится, вы, если того пожелаете, сможете набрать гарем в Голливуде.

— А если я не расколюсь? — пробормотал я.

Он развел руками:

— Тогда у вас никогда не появится желания завести гарем.

— Дайте подумать. Это все нелегко...

— Пожалуйста, думайте, — вежливо ответил он и вернулся к бумагам.

Я сидел, расслабившись, и гнал дым сквозь глотку, с силой выдувая его обратно. Их техники могут снять чары армии только в том случае, если я дам добровольное согласие. А мне его давать не хотелось.

Предположим, окно за спиной эмира означает для меня шанс упасть с высоты двух этажей на мостовую. Скорее всего, я просто разобьюсь насмерть. Но это более предпочтительно по сравнению со всеми другими предоставленными мне возможностями.

Я повторил про себя составленное мною заклинание. Настоящий специалист должен знать по крайней мере один вымерший язык — латынь, греческий, классический арабский, санскрит, старонорвежский и так далее, согласно общепринятым основаниям симпатических наук. Особенно сильно на сверъестественные феномены с помощью обычных слов не повлияешь, не считая некоторых обыденных штампов того минимума, который необходим, чтобы управиться с окружающими нас в повседневной жизни механизмами. Я в этой области специалистом не был.

Тем не менее, я очень неплохо знал один экзотический диалект. Я не знал, сработает ли он, но решил попытаться. Я решился. Мышцы мои напряглись и дернулись. Столбик пепла моей сигары обломился, я ткнул окурок в пепельницу, и когда я поднял сигару снова, на ней собралось немного пепла от сигары эмира. Я повторил про себя рифмы, поднес сигару ко рту и пробормотал заклинание:

О ОГОНЬ, ТЫ ЧИСТ И СВЕТЕЛ,
ТЫ ГОРИШЬ НЕУТОМИМО,
ЖАРКИЙ ПЕПЕЛ, ЧИСТЫЙ ПЕПЕЛ,
ОТПРАВЛЯЙСЯ В ГЛАЗ ЭМИРА!

Потом зажмурил правый глаз и поднес пылающий кончик

сигары прямо к веку. Эмирская «Эль Сумо» подскочила и воткнулась в его правый глаз. Он завизжал и опрокинулся на спину.

Я вскочил и прыгнул. Фаннек-оборотень оказался в зоне моей досягаемости. Тыльной стороной ладони я врезал ему по тощей, грязной шее и содрал болтающийся на ней фонарик.

Охрана взвыла и скопом пошла на меня. Я перелетел через стол и, прихватив по дороге графин, оказался рядом с эмиром. Обезумев от боли, он вцепился в меня. Его глаз превратился в страшную рану, на которую нельзя было смотреть без ужаса.

Замахнувшись графином, я завопил:

Я СВОБОДЕН, СЛОВНО СВЕТ,
ДЛЯ МЕНЯ ПРЕГРАДЫ НЕТ,
И, ЛИШИВШИСЬ ВСЕХ ПРЕГРАД,
Я СВОБОДЕ СТРАШНО РАД!

Стишки были вшивые и могли не сработать, если бы эмир осознал, насколько они вшивые. Но я высвободился и запустил графином в охрану.

А затем и шар, и пепельница, и чаша, и рюмки, и все остальное отправилось вслед за графином. В воздухе было не продохнуть от битого стекла.

Подождать и посмотреть, что получилось, я не собирался. Наоборот, я вылетел из окна, словно дьявол, которому сказали: «Изыди!» Приземлился мячиком на обочину, подскочил, и давай уносить ноги!..

6

Солдаты были повсюду. Вслед мне дождем сыпались пули. Я наверняка поставил рекорд, пока мчался до ближайшего переулка. Колдовским зрением усмотрев открытое окно, я, извернувшись, нырнул туда и скорчившись за подоконником, слышал, как мимо несется погоня.

Это была подсобка разграбленной бакалейной лавки. В ней было достаточно темно для того, что я собрался сделать. Я повесил фонарик на шею, направил его на себя и совершил превращение. Преследователи могли вернуться через минуту, и мне следовало сделаться неуязвимым для свинца.

Став волком, я принюхался и поискал другой выход. Задняя дверь была наполовину открыта. Я скользнул туда. Двор, забитый старыми упаковками и ящиками, был хорошим убежищем. Я залег там, стараясь совладать со своей волчьей натурой — ужасно подмывало напасть на сарацин, ползающих совсем рядом.

Они ушли, и я попытался обдумать создавшееся положение. Велико было искушение задрав хвост, бежать из окаянного места. Вероятно, я мог бы это сделать — ведь с формальной точки зрения, свою часть поставленной перед нами задачи я выполнил. Но в действительности дело еще не закончено, и Вирджиния теперь один на один с ифритом (если она еще жива) и...

Когда я попытался вспомнить, как она выглядит, в памяти всплыл такой образ: волчица с приятно пахнущим мехом. Я яростно затряс головой. Усталость и отчаяние волнами захлестывали мой разум — верх брал инстинкт зверя. Если я собирался что-то делать, то делать надо было быстро.

Я поразмышлял, принюхался во все стороны. Город был полон наводящих смущение запахов. Но я уловил слабое, отдающее серой, дуновение и осторожно затрусил в том направлении. Я держался тени и, хотя был замечен дважды, меня не окликнули. Вероятно, они полагали, что я из их шайки. Резкий запах серы делался все сильнее.

Они хранили ифрита в здании бывшего городского суда. Хорошее на вид, прочное и солидное строение. Тщательно внюхиваясь в приносимые ветром запахи, я прошел сквозь разбитый перед зданием маленький парк. А затем стремглав перебежал улицу и понесся вверх по ступенькам. На площадке валялись тела четырех солдат, в глотках — раны. Возле двери припаркована машина-метла. Одна из деталей управления метлой представляет собой острый двенадцатидюймовый стержень, и Вирджиния успешно использовала его в качестве копья.

Моя человеческая составляющая не избавилась еще от ложных романтических бредней и попятилась в ужасе, но волк оскалил зубы в довольной усмешке. Я ударил всем телом в дверь. Замок вылетел, дверь открылась. Я сунул нос в щель и едва успел отпрянуть до того, как не узнавший меня Свертальф вцепился в него когтями. Узнав меня, кот резко дернул хвостом, и я проследовал мимо него в вестибюль. Едкий запах лился с ведущей наверх лестницы. Нащупывая путь в глухой тьме, я взобрался по ней.

В помещении на втором этаже горел свет. Я толкнул неплотно закрытую дверь и вошел. Вирджиния была здесь. Задернув занавески, она как раз зажигала огни Святого Эльма и была весьма занята своими приготовлениями. Глянув на меня испытывающе, она не перестала работать. при этом напевая заклинания. Я улегся своим косматым туловищем около двери и принялся наблюдать.

Она нарисовала мелом обычную для таких случаев фи-

гуру — вроде Вашингтонского Пентагона. Внутри ее начертила Звезду Давида и поместила в центр бутыль Соломона. Бутыль выглядела до смешного просто: старая посудина из необожженной глины. Ее полая ручка загибалась вверх и уходила внутрь бутылки. Всего-навсего «бутылка Клейна» с горлышком, запечатанным красным воском. На воске стояла Соломонова печать. Вирджиния распустила волосы, и они летучим рыжеватым облаком окружили ее бледное лицо.

Волчья часть моего сознания изумилась, почему мы просто не удираем, прихватив этот сосуд. Но человек напомнил волку, что эмир, без сомнения, принял меры предосторожности (магические, конечно), чтобы бутылку нельзя было раскупорить за пределами этой комнаты или вынести из комнаты. Мы обязаны вывести демона из строя, обязаны сделать это любой ценой. Но никто в нашей стране не имеет больших знаний о демонах этой расы.

Вирджиния закончила петь. Из посудины, кипя, повалил дым и ведьма едва успела отпрыгнуть — в такой спешке вырвался на волю ифрит. Я зажал хвост между ног и заворчал. Вирджиния тоже была испугана. Она изо всех сил старалась не показать этого, но я уловил запах адреналина. Ифрит, чтобы уместиться под потолком, согнулся почти вдвое. Это было чудовищное создание с кожей серого цвета, более или менее человекоподобное, но имевшее крылья, рога и длинные уши. У него были громадные клыки и горящие глаза. К тому же он был совершенно голый. Боевыми качествами ифрита были сила, быстрота и практическая неуязвимость.

Выпущенный на волю, он мог отразить любую атаку Ванбруха. И нанести ужасающие потери, как бы старательно мы не окапывались в обороне. Овладеть контролем над ним впоследствии — вот подлинная проблема. Он мог бы превратить в пустыню всю страну. Но с какой стати это должно заботить сарацин? Ифрит должен сражаться на их стороне — вот и все, что они потребовали бы от него в качестве платы за освобождение.

Он проревел что-то на арабском. Из его рта, свиваясь, вылетали клубы дыма.

Вирджиния на фоне полуразвернутых крыльев, похожих на те, что у летучих мышей, выглядела совсем крохотной. Ее голос звучал не так спокойно, как ей того хотелось бы:

— Говори по-английски, Марид. Или ты слишком невежественен?

Демон вознегодовал и обиделся:

— О отродье тысячи бабуинов!

От его громового голоса у меня чуть не лопнули барабанные перепонки.

— О ты, бедная и трусливая, не верующая ни во что тварь! Тварь, которую я могу убить одним мизинцем! Приблизься ко мне, если смеешь!

Я был испуган не столько тем, что он сейчас примется крушить все подряд, сколько производимым им шумом. Ифрита было слышно, наверное, на четверть мили.

— Замолчи, проклятый Богом! — ответила Вирджиния.

Это его чуточку потрясло. Как и большинство порождений ада, он не мог перенести упоминания Святого имени. Но чтобы это всерьез подействовало, нужны были условия, которых мы воспроизвести не могли.

Вирджиния, подбоченясь, задрала голову навстречу огненному взгляду, направленному на нее сверху:

— Вижу, что Сулейман ибн Дауд не напрасно заточил тебя! Возвращайся в свое жилище и никогда не выходи из него снова, иначе гнев небес поразит тебя!

Ифрит презрительно усмехнулся.

— Знай, что Сулейман-мудрый уже три тысячи лет, как мертв, — парировал он. — Долгие и долгие годы провел я в тесной темнице. Я, для которого не было преград ни на Земле, ни в небе! И вот сейчас, наконец, я получу свободу, и узнают мощь моей мести хилые потомки Адама! — Он указал на невидимую преграду. Невидимую, но в несколько миллионов «пси». Она надежно удержит его до тех пор, пока кто-нибудь, сведущий в этих делах, не сотрет линии.

— О ты, бесстыжая, обнажившая свое лицо проститутка, с волосами, как пламя ада! Знай, что я — Рашид Могучий, победитель Птиц Рух! Приблизься ко мне и сразись, как мужчина!

Я пододвинулся ближе к девушке, шерсть на моем загривке поднялась дыбом. Ладонь, коснувшаяся моей головы, была холодной.

— Параноидальный тип, — шепнула Вирджиния. — Большинство этих вредоносных порождений Низших Миров — психопаты. А этот вдобавок глуп. Надо как-нибудь схитрить — это наш единственный шанс. У меня нет никакого волшебства, которое напрямую заставило бы его подчиниться. Но... — уже громко и ифриту: — Замолчи, Рашид, и выслушай меня. Я тоже принадлежу к твоей расе и требую соответствующего ко мне отношения.

— Ты? — он фальшиво и громко расхохотался. — Ты из расы Марида?! Ты, обладающая лицом, похожим на рыбью морду? Если ты подойдешь ближе, я докажу, что ты не го-

дишься даже на...

Остальное он изобразил жестом. Но было бы не по-джентльменски воспроизводить здесь это.

— Выслушай меня, — сказала девушка. — Смотри и внимай.

Она сделала пассы и произнесла формулу. Я узнал заклинание, которое не позволяет произносившему его солгать во время важного для него разговора. Хотя в наших судах не используют этот способ, но я знал, что он применяется во время судебных разбирательств в других странах.

Демон тоже понял, что это такое. И я сообразил, что сарацинские эксперты накачали его английским (это повышало боевую эффективность) и добавили обрывки сведений о современном мире.

Ифрит угомонился и начал внимательно слушать.

Вирджиния сказала подчеркнуто твердо:

— Теперь я ничего не могу говорить, кроме правды. Ты согласен, что предмет и его обозначение — есть одно и то же?

— Да, — прогрохотал ифрит. — Это общеизвестно.

Я почуял ее облегчение. Первое препятствие взято! Его не обучали принципам научной магии! Хотя, разумеется, имя находится в симпатической связи с предметом (на этом основаны заклинания и многие другие методы колдовства), но Кораибский уже в текущем столетии доказал, что слова и обозначенные ими объекты — не идентичны.

— Прекрасно, — сказала Вирджиния. — Мое имя Джинни.

Он уставился на нее в изумлении:

— Это действительно твое имя?

— Да. Будешь ты теперь меня слушать? Я пришла дать тебе совет. Ты знаешь, я обладаю могуществом, и я отдаю его на милость Аллаху Всемогущему, Всезнающему, Сострадающему.

Он сердито сверкнул глазами. Но, согласившись, что она принадлежит к его роду, ему приходилось сдерживать свою грубость. И даже проявлять готовность быть галантным.

Она не могла лгать, давая ему совет. Ему и в голову не пришло, что ей достаточно было кое о чем умолчать, и совет превращался в западню.

— Ладно, продолжай, если хочешь, — прорычал он. — Известно ли тебе, что завтра я отправляюсь в поход, чтобы уничтожить сонмище язычников? — Сказанное подстегнуло его мечты о славе. — Я разорву и растопчу их в мелкий порошок, я освежую их! Они узнают мощь Рашида яркокрылого, яростного, безжалостного, мудрого...

Вирджиния терпеливо ждала, пока он перечислял все эти прилагательные, потом мягко сказала:

— Но, Рашид, зачем ты должен убивать, разрушать и вредить? Ты не получишь взамен ничего, кроме ненависти!

В его рыке прорезался скулежный визг:

— Айе, ты говоришь правду! Весь мир ненавидит меня! Все злоумышляют против меня! Никогда Сулейман не пленил бы меня! Что бы я ни пытался сделать, всему препятствовали завистливые злопыхатели. Айе, но завтра придет день расплаты!

Вирджиния недрогнувшей рукой зажала сигарету и выпустила дым в ифрита:

— Как можешь ты доверять эмиру и его приспешникам? Он тоже твой враг. Все, что он хочет — чтобы ты сделался послушным оружием в его руках! А затем — обратно в бутылку!

— Почему... почему?! — Тело ифрита распухло так, что заскрипел искривлявший пространство барьер.

Из ноздрей его с треском вылетели молнии. Сказанное Вирджинией не приходило ему в голову. Особым умом его раса не отличалась. Но, разумеется, грамотный психолог способен был понять, к чему приведет параноика его логика.

— Разве ты не ощущал вокруг себя враждебность на протяжении всей своей долгой жизни? — быстро продолжила Вирджиния. — Вспомни, Рашид, вспомни! Чем встретил тебя этот злобный, завистливый мир — это была жестокость, разве не так?!

— Айе... Так и было. — Похожая на человеческую голова склонилась, голос упал до еле слышного шепота. — Меня ненавидели с самого детства... Айе, моя собственная мать ударила меня крылом так, что сбила с ног!

— Возможно, это получилось нечаянно, — сказала Вирджиния.

— Нет! Она всегда предпочитала моего старшего брата... Деревенщину!

Вирджиния села, закинув ногу за ногу.

— Расскажи мне об этом, — попросила она. В ее голосе звучало сочувствие.

Я почувствовал, как ослабела страшная сила, изнутри распиравшая барьер. Ифрит опустился на свои окорока, глаза его были полузакрыты. Он вновь разворачивал в памяти происшедшее за миллионолетие. А вела его, направляя, Вирджиния. Я не понимал, что она задумала. Она наверняка не могла бы провести анализ монстра всего лишь за ночь. Но...

— Айе... мне было всего лишь три сотни лет, когда я упал в яму... наверное, ее вырыли враги!

— Конечно ты вылетел из нее? — мурлыкнула Вирджиния.

Ифрит завращал глазами. Физиономия его дернулась и покрылась морщинами, став еще уродливей.

— Я сказал, что это была яма!

— Но, во всяком случае, не озеро? — сочувственно спросила Вирджиния.

— Нет! — С его крыльев посыпались молнии, грохнул гром. — Но, хоть и не эта распроклятая мерзость... нечто темное, мокрое... нет, даже не мокрое. Это был какой-то обжигающий холод.

Я смутно понял, что девушка ухватила путеводную нить. Она опустила бледные ресницы, чтобы скрыть внезапный блеск глаз. Я не мог не понять, каким потрясением было случившееся для эфирного демона, как шипели его огни и превращались в пар, пока он тонул. И как после этого он, должно быть, внушал себе, что ничего подобного не было. Но сможет ли использовать это Вирджиния?

Свертальф влетел молнией в зал и затормозил, упершись всеми четырьмя лапами в пол. Шерсть на нем, до последнего волоска, стояла дыбом, мученические глаза уставились на меня. Он прошипел что-то и снова вылетел из дверей. Отмечу, что я там оказался раньше его.

Из вестибюля доносились голоса. Я выглянул и увидел, что внизу носятся солдаты. Вероятно, они пришли выяснить, что за шум, и увидели убитых стражников. Должно быть, поскольку их было немного, они уже послали за подкреплением.

Что бы там ни пыталась сделать Джинни, на это ей нужно было время...

Одним прыжком я выскочил и вцепился в сарацинов. Образовалась вопящая и бурно шевелящаяся масса. Она меня чуть не расплющила, но челюсти оставались свободными, и я пользовался ими вовсю. А затем с тыла на них набросился оседлавший метлу Свертальф.

Кое-что из оружия сарацин мы затащили в вестибюль (челюсти пригодны и на это) и уселись ждать. Я решил, что пока останусь волком. Иметь руки хорошо, но еще лучше быть неуязвимым для большинства тех штучек, которыми располагали сарацины. Свертальф задумчиво обследовал пистолет-пулемет, приладил его на подпорке возле стены и согнулся над ним.

Я не спешил. Каждая минута, которую проведем мы с ним вот так, каждая минута, которую мы продержимся, отражая приближающуюся атаку — это минута, выигранная для Джинни. Я положил голову на передние лапы и замер. Скоро, слишком скоро я услышал грохот мчащихся по тротуару солдатских сапог.

В приближающемся на подмогу отряде насчитывалась, должно быть, целая сотня сарацин. Я увидел, как они колы-

шутся темной тучей, уловил отблеск звезд на стволах оружия. На короткое время они сгрудились вокруг ликвидированных нами охранников. А затем внезапно завопили и кинулись, атакуя, вверх по лестнице.

Свертальф уперся, как мог, и застрочил из автомата. Отдача отбросила его и он с воем прокатился через вестибюль. Но двоих уложить успел. А остальных в дверном проеме встретил я.

Ударь клыком, укуси, прыгни туда, обратно... Сметай их, полосуй, рычи, рви их рожи! Они уже не спешили, неуклюже сгрудившись у входа. Еще один короткий вихрь, устроенный моими зубами, и они отступили, оставив на месте с полдюжины убитых и раненых.

Я выглянул в дверное окошко и увидел моего приятеля эмира. Глаз его скрывала повязка, но он тяжеловесно носился вокруг своих людей, побуждая их к действию. Такой энергии я от него не ожидал. Небольшие группки откалывались от главного отряда и мчались куда-то в сторону. Не куда-то, а к другим входам и окнам.

Я взвыл, когда понял, что помело мы оставили снаружи. Теперь никто не сможет спастись, даже Джинни. Негодующий вой превратился в рычание, я услышал звон стекол и грохот сбивающих замки выстрелов.

Этот Свертальф оказался умной киской. Он снова взялся за свой пистолет-пулемет и ухитрился (ведь лапы его были с когтями) открыть огонь по вспышкам. Затем мы отступили к лестнице.

Сарацины вслепую наступали на нас в темноте. Они кишели вокруг, нащупывали дорогу.

Я не мешал им, но первый, кто нащупал ступени, умер бесшумно и быстро. У второго хватило времени для визга. И вслед за ним поперла вся банда...

Они не могли стрелять в такой темноте и давке без риска уложить кого-нибудь из своих. Обезумев, они атаковали лишь с помощью кривых сабель. И этим саблям я ничего противопоставить не мог. Свертальф вел продольную стрельбу по ногам, а я рвал их, как мог — вой, крики, треск, лязг... Аллах акбар, так сверкайте зубы3 в ночи!

Лестница была узкой, это помогло. Да и их раненые мешали нападающим. Но слишком явен был их перевес. На меня одновременно лезло около сотни храбрых мужчин, и мне пришлось отступить на шаг, потом еще и еще. Не отступи — и они окружили бы меня. Но я успел добавить к тем, что уже полегли, еще более дюжины. За каждый фут, что приходилось отдавать, мы добавляли еще несколько. И выиграли время.

У меня не сохранилось четких воспоминаний об этой битве. О таких вещах редко помнишь. Но, должно быть, минуло около двадцати минут, прежде чем они, разъяренно вопя, откатились. У подножия лестницы стоял эмир. Он хлестал хвостом по своей ярко раскрашенной шкуре.

Я постарался сбросить с себя усталость, вцепился когтями в пол, готовясь к последней схватке. Вверх по ступенькам медленно надвигался на нас одноглазый тигр. Свертальф зафыркал. Внезапно он прыгнул через перила за спину громадной кошки и исчез во мраке. Что ж, он позаботился о целости своей шкуры.

Мы уже почти сошлись носом к носу, когда эмир занес лапу с выпущенными когтями и ударил. Я кое-как увернулся и вцепился ему в глотку. Все, чего я добился — это полная пасть отвисавшей от тела шкуры. Но я повис на ней и постарался вгрызться глубже.

Он взревел и потряс головой. Я мотался из стороны в сторону, словно маятник. Потом зажмурился и сжал челюсти еще крепче. Он полоснул длинными когтями по моим ребрам. Я дернулся, но зубы остались на прежнем месте. Он сделал выпад и подмял меня под себя. Челюсти его лязгнули. Боль пронзила мой хвост. Я взвыл и отпустил его.

Одной лапой он пригвоздил меня к месту. Занес другую, готовясь переломить мой хребет. Каким-то чудом, обезумев от боли, я извернулся и высвободился. И ударил снизу вверх. На меня глядел, ослепительно сверкая, его неповрежденный глаз — я вышиб этот глаз из глазницы!

Он взвыл и взмахом лапы отшвырнул меня, как котенка, к перилам. Там я улегся почти без сознания и уже готовился испустить дух. Ослепший тигр тем временем метался в агонии. Зверь возобладал в нем над человеком, и он скатился по ступеням, учинив страшное побоище своим же собственным солдатам.

Над свалкой с сопеньем пронеслась метла. Добрый старый Свертальф! Он удрал только для того, чтобы вернуть нам средство передвижения. Я видел, как он подлетел к двери, за которой находился ифрит, и как он поднялся, покачиваясь, готовый встретить следующую волну сарацин.

Но они все еще пытались совладать со своим боссом.

Я согнулся, обрел дыхание и встал. Смотрел, обонял, слушал. Мой хвост, казалось, горел в огне. Половины хвоста как не бывало.

Пистолет-пулемет завел свою прерывистую песню. Я услышал, как клокочет кровь в легких эмира. Он был силен и

умирал долго.

«Вот тебе и конец, Стив Матучек, — подумал сидевший во мне человек. — Они сделают то, с чего должны были начать в первую очередь. Встанут внизу и начнут поливать тебя огнем. А каждая десятая пуля - - серебряная...»

Эмир упал и, разинув пасть, испустил дух. Я ждал, когда его люди очухаются и вспомнят обо мне.

Над лестницей на помеле появилась Джинни. Ее голос доносился откуда-то издалека:

— Стив! Сюда! Скорее!

Я ошеломленно помотал головой, пытаясь понять, что означают эти слова. Я был слишком измотан, был слишком волком. Она сунула пальцы в рот и свистнула. Это до меня дошло. С помощью ремня Джинни втащила меня себе на колени и крепко обхватила. Пилотировал помело Свертальф. Мы вылетели в окно на втором этаже и устремились в небо.

На нас набросился оказавшийся поблизости ковер-самолет. Свертальф добавил скорости, наш «кадиллак» оставил врага далеко за кормой, и тут я отключился...

7

Когда я пришел в себя, то лежал ничком на койке в больничной палате. Снаружи сиял яркий дневной свет. Земля была мокрая и дымилась. Когда я застонал, в палату заглянул медик.

— Привет, герой, — сказал он. — Лучше оставайся пока в этом положении. Как ты себя чувствуешь?

Я подождал, когда ко мне полностью вернется сознание. Потом принял от него чашку бульона.

— Что со мной? — прошептал я (меня уже, разумеется, превратили в человека).

— Можно считать, что твои дела не так уж и плохи. В ранах завелась кое-какая инфекция — стафилококки — та разновидность, что поражает и человека, и собакообразных. Но мы вычистили наглых зверушек с помощью нашей антибиотической техники. Помимо этого — потеря крови, шок и застарелое нервное истощение. Через неделю-другую будешь в полном порядке.

Я лежал, размышляя. Мысли тянулись медленно и лениво. И в основном касались того, как восхитителен на вкус этот бульон. Полевой госпиталь не может таскать с собой оборудование, от которого дохнут бактерии. Зачастую у госпиталя нет даже добавочных анатомических макетов, на которых хирург мог бы отработать симпатические операции.

— Какую технику вы имеете в виду? — спросил я.

— У одного из наших парней Злой глаз. Он смотрит на микробов в микроскоп.

Дальше я не спрашивал. Знал, что через несколько месяцев «Ридерз Дайджест» посвятит этому случаю лирическую тяну чку.

Меня мучило другое

— Атака началась?

— Ата... А, это! Она состоялась два дня назад, уважаемый Рикки-Тикки-Тави. Тебя в это время хранили под одеялом. Мы швабрим их по всему фронту. Последнее, что я слышал — то, что они уже добрались до линии Вашингтона и продолжают драпать.

Я вздрогнул и провалился в сон.

Меня не мог разбудить даже шум, с которым врач диктовал своей пишущей машинке...

Джинни пришла на следующий день. Верхом на ее плече ехал Свертальф. В открытую дверь палаты бил солнечный свет, и поэтому волосы Вирджинии отливали медью.

— Здравствуйте, капитан Матучек, — улыбнулась она. — Как только освободилась, сразу же пришла узнать, как вы себя чувствуете.

Я приподнялся на локтях. В воздухе мелькнула сигарета, которую предложила мне Вирджиния; затем сигарета оказалась у меня в зубах, и я медленно сказал:

— Перестань, Джинни. Сейчас еще не окончание той ночи, но, думается, мы с тобой знакомы в достаточной степени.

— Да. — Она присела на койку и погладила меня по голове.

Это было восхитительно. Свертальф замурлыкал, и я хотел ответить ему тем же.

— Что с ифритом? — спросил я после паузы.

— По-прежнему в бутылке. — Она рассмеялась. — Сомневаюсь, что удастся когда-нибудь извлечь его оттуда. Если даже предположить, что кому-нибудь этого хочется.

— Но что ты сделала?

— Просто применила на практике принцип папы Фрейда. Если когда-то об этом напечатают, на меня ополчатся все приверженцы Юнга, сколько их есть в нашей стране... Но это сработало. Я копалась в его воспоминаниях, разбиралась в иллюзиях и скоро обнаружила, что у бедного ифрита гидрофобический комплекс. Не водобоязнь, связанная с бешенством, а просто страх воды, мой Пират...

— Можешь называть меня Пиратом, — проворчал я, — но если назовешь Фидо, тогда гладь по голове.

Она не спросила, с какой стати я настолько самонадеян,

что претендую и далее на ее ласку. Это меня воодушевило. Правда, она залилась румянцем, но тем не менее продолжала:

— Получив ключ к его личности, я нашла простой способ сыграть на этом комплексе. Я объяснила ему, насколько распространено это вещество — вода, и как вообще трудно от нее избавиться. Он приходил в ужас все больше и больше. Когда я сказала, что тела живых существ, включая его собственное, содержат около восьмидесяти процентов воды — дело было сделано. Он вполз в бутылку и впал в полную апатию, — она помолчала и добавила задумчиво: — Мне хотелось оставить его у себя. Я бы поставила бутыль на каминную полку. А так я просто напишу небольшую статью об использовании психиатрии в военном деле.

— Неужели бомб, драконов, использования вервольфов и прочей придуманной нами дряни еще недостаточно? — Спросил я с состраданием.

Бедные, незатейливые стихийные духи! Мы их считаем злодеями, но им следовало бы поучиться у человеческой расы!

Что касается меня, то я мог представить, с какими неудобствами сопряжена женитьба на ведьме, но...

— Поцелуй меня...

Что она и сделала...

У меня не очень-то много осталось сувениров от этой войны. Это поганое время, и лучше о нем не вспоминать. Но один подарок на память все-таки со мной: когда я превращаюсь в волка, хвост у меня обрубленный... А когда я человек, то при сырой погоде стараюсь не садиться.

За это я получил «Пурпурное солнце»!

Не много, черт возьми...

8

Сейчас мы собрались для одной из интермедий. Я проскочу по ней быстро. По остальным (позже) — тоже. Зачастую они были для нас — для Джинни и меня — более интересными и важными, чем те эпизоды, когда на сцену выступает Враг. Подлинное дело человека — не борьба, не опасности, не мелодрамы. Подлинное дело — работа. Особенно, если человеку повезло, и то, что он делает, доставляет ему удовольствие. Подлинное дело — это отдых и развлечения, встреча с любовью, создание семьи и неожиданные, но приятные маленькие приключения.

Однако то, что случилось с нами в этой области, вряд ли вас особенно заинтересует. У вас своя жизнь. Кроме того, тут

многое касается только нас и никого более. И еще одно: для передачи сообщения у меня есть всего одна ночь. Еще чуть-чуть, и напряжение, возможно, станет слишком сильным. Не знаю, но без нужды рисковать не буду. Этому я научился там.

В конце концов интермедии используют для того, чтобы вкратце изложить некоторые эпизоды.

Первый эпизод, о котором я сейчас вам расскажу, случился примерно два года назад.

Джинни и я оставались на службе еще в течение нескольких месяцев, хотя непосредственного участия в сражениях не принимали. Мы с ней не виделись, что было плохо для нас обоих. Все новые командировки и перемещения бросали нас то в одну, то в другую сторону.

Война продолжалась не слишком долго. Носящие халаты поняли вкус сепаратизма. И Халифат распался, как бьется брошенное на землю стекло. Революция, бунты, расколы, кровная месть, банды и постоянные военные поражения. Америке и ее союзникам не понадобились вооруженные силы, чтобы занять оставшуюся у врага территорию. Враг сам просил, чтобы его оккупировали для восстановления порядка, прежде чем наступит мор и голод. Благодаря нашим особым талантам, мы — Джинни и я — пересекли почти полмира, но... не вместе.

Мы потратили попусту уйму времени. Тем не менее, мне понадобилось немало времени, чтобы взаправду решиться сделать ей предложение. И хотя ее ответное письмо было нежным, в нем не было «да». Осиротев очень рано, Джинни, повзрослев, превратилась в женщину, нуждающуюся в любви. В женщину с нерастраченными запасами любви. Эта сильная духом и телом девушка не позволит, чтобы ее будущая любовь кончилась неудачей. Она не выйдет замуж, если не уверена, что это — на всю жизнь.

Почему-то меня демобилизовали раньше ее, и я вновь стал восстанавливать связи, прерванные войной. Следов войны в Соединенных Штатах осталось на удивление мало. Хотя захватчики заняли почти половину территории, они продержались там очень недолго. А потом мы погнали их, и сарацинам было не до того, чтобы причинять значительные разрушения.

Пострадали только такие, долго удерживаемые завоевателями городишки, как этот несчастный Троллльбург. По пятам за армией следовали гражданские чиновники, действовавшие быстрее и эффективнее, чем я ожидал. А может, просто сама цивилизация оказалась достаточно устойчивой. Точно так же оправляется земля от вызванных технологических опустошений.

Так что я вернулся в мир, который, если не считать

нехватки некоторых продуктов (это вскоре прекратилось), казался вполне знакомым. Я имел в виду внешнюю сторону. Психология же сделалась какой-то иной. Люди были до глубины души потрясены случившимся. Потрясены, я полагаю, более глубоко, чем они сознавали сами, и значительная часть населения была выбита из равновесия. От немедленных социальных потрясений нас спасло, несомненно, само обилие появившихся эксцентрических течений. Слишком много оказалось демагогов, самозваных пророков, ложных чародеев. Сумасбродов от религии, политики и науки. Психов с религиозным фанатизмом, проповедующих новые диеты и новый образ жизни. И один Бог знает, кого еще. Все они старались изничтожить друг друга. Некоторые — например, церковь иоаннитов, большинство приверженцев которой предпочли сохранить анонимность, — скоро приобрели зловещий характер.

Однако все это не привело к революционному взрыву. Тех из нас, кто сумел не заразиться фанатизмом (а мы составляли большинство), происходившее беспокоило мало. Мы полагали, что государству нужно будет или пережить этот разброд, или пресечь его. А тем временем мы вернулись к повседневной жизни, мы жили день за днем, и дни шли своим чередом.

Что касается меня, то я вернулся в Голливуд. Вновь начал играть волка-оборотня для «Метро-Голдвин-Майер». Результат оказался разочаровывающим. Одевать поддельную кисточку поверх обрубленного хвоста мне казалось отвратительным. Работникам студии это тоже не нравилось.

Кроме того, они не были уверены, что я хорошо играю свои роли. И я в этом тоже не был уверен. При съемках я не получал полного удовлетворения от своей игры в «Дракуле», «Франкенштейне», «Человеке-Волке» и в «С кем встречался Парацельс».

Не то чтобы я свысока стал поглядывать на чисто развлекательные картины, но обнаружил, что у меня появилось стремление сделать более серьезное дело.

Так что и с той, и с другой стороны появились намеки, что мне пора в отставку.

Отсрочку кризису дали, вероятно, мои медали. Но героев войны было хоть пруд пруди. Кроме того, всем известно, что проявленная на войне храбрость — это в значительной мере вопрос подготовки и дисциплины. Немалое значение имело также и заклинание против страха. Но это воздействие снимается перед уходом в отставку, ибо гражданскому человеку приличествует скромность. Сам я не претендую на нечто большее, чем обычная доля свойственной человеку храбрости.

Примерно в это время Джинни демобилизовалась и сразу же навестила меня. Наш союз был полностью восстановлен. Правда, она не сразу согласилась на мое повторное предложение...

— Пока нет, Стив, дорогой. Нам обоим сперва нужно увидеть, что мы представляем собой в мирной жизни...

Через несколько дней у нас неожиданно состоялся очень серьезный разговор. Джинни вытянула на поверхность мои подлинные мечтания — покорить Огонь и Воздух, создать антигравитационные чары, достаточно сильные, чтобы можно было достичь иных планет. Если честно, мне всегда хотелось стать инженером. Но уже на первом году обучения деньги кончились, и кое-кто, видевший меня в любительских спектаклях, решил, что я талантливый парень... В общем, одно цеплялось за другое. Подобно большинству людей, я плыл по течению.

Джинни не походила на остальных, однако и ей пришлось сейчас задуматься. Она получила приглашение вернуться в Колдовское агентство. Но сомнительно, чтобы ей действительно хотелось работать для большой организации. Независимое консультативное агентство, где она будет сама себе хозяйкой — разве оно не дает свободу действий и возможность разрабатывать собственные идеи? Ей нужно было расширить свои позиции в чародействе, и очевидный путь к этому — получение степени доктора философии.

Деньги, накопленные за время нашей армейской службы, позволили нам вернуться к учебе.

Окончательно все решилось, когда после некоторой переписки университет Трисмегиста предложил ей должность преподавателя. Ведь у нее уже была получена в Конго степень магистра гуманитарных наук. Одновременно с преподаванием Джинни могла продолжать учебу. Я тут же подал заявление на инженрный факультет Трисмегистовского и был принят. Несколько недель спустя Стивен Матучек и «Метро-Голдвин-Майер», вежливо рыдая, распрощались. А затем упомянутый Матучек, вместе с Вирджинией Грейлок, вступили на борт суперковра, отбывающего на Северный Запад.

Сперва все шло хорошо, как по маслу. Мы подыскали недорогие, но вполне приличные комнаты поблизости друг от друга. Занятия были интересными. Свободное время мы проводили вместе. Главным образом мы часами гуляли. Ее нежелание раннего замужества слабело такими темпами, что я видел — к Рождеству она согласится. А к концу весны я надеялся сыграть свадьбу.

Но затем мы получили удар прямо в солнечное сплете-

ние. Мы знали, что большую часть преподавательского состава подмял под себя президент, Бенгт Мальзус. Это было напыщенное ничтожество, главным достоинством которого было то, что Опекуны университета сделались его подпевалами. Все, что Мальзус предлагал, как правило, не затрагивало работников, находящихся на более низком уровне. По крайней мере, не слишком затрагивало.

Но за год до этого Мальзус предписал, чтобы весь академический персонал, без малейшего исключения, принес магическую клятву повиновения правилам университета до тех пор, пока контракт считался в силе. Несколько человек наотрез отказались. Короче говоря, правила были обычные. Новые обязательства предписания были нацелены на то, чтобы как-то преодолеть мятежные, психопатические и откровенно нигилистические настроения, в последнее время пугающе распространившиеся не только среди студентов, но и среди профессорско-преподавательского состава. Джинни подписала.

Прошло около двух недель, как кто-то заметил, что мы все время гуляем вместе, и насплетничал. Джинни вызвали в кабинет президента. Он продемонстрировал ей правила. Напечатанную мелким шрифтом фразу, которую ей и в голову не пришло прочесть: «Студентам и работникам университета, включая преподавателей, не разрешается встречаться во внеурочное время». В этот вечер при встрече настроение у нас было мрачное. Естественно, на следующий день я, разметав клерков и секретарей, прорвался в кабинет Мальзуса. Но все было бесполезно. Он не собирался ради нас менять свои правила. Правило било наповал, поскольку клятва не допускала никаких исключений. Не разрешались встречи и со студентами других учебных заведений, так что мой перевод в другой университет ничего бы не дал.

Единственное решение — пока не истек срок контракта Джинни, я выпадаю из ее поля зрения. А она проявляет железную волю и не интересуется мною. Но потерять целый год?! По этому поводу мы с ней немедленно, прямо на людях, поцапались. А когда можешь встречаться лишь случайно, либо на официальных мероприятиях, выясняется, что не так-то просто кончить дело миром и поцелуями.

О, конечно, мы по-прежнему оставались добрыми друзьями. Виделись иногда в курилке, на некоторых лекциях... Настоящая «сладкая жизнь». А тем временем, как отметила Джинни с ледяной логикой, мы остались людьми (я-то знал, что эта логика — способ самозащиты, но ничего поделать не мог). Время от времени она появлялась в обществе с каким-

нибудь молодым сослуживцем. И я, бывало, ухаживал за какой-нибудь случайной девушкой.

Вот так к ноябрю у нас и обстояли дела...

9

Небо было заполнено метлами. Полиция теряла голову, пытаясь справиться с движением. Игры выпускников университета всегда вызывали большой наплыв публики. Мой довоенный «шеви» еле плелся за огромным, в двести драконьих сил, «линкольном», рукоятка небесно-голубого цвета, полиэтиленовые прутья, плюс радио. Радио тут же принялось издеваться надо мной, но я получил свободное место на вешалке первым. Сунув ключ в карман, я слез с метлы и принялся мрачно слоняться в толпе.

На все время игр Бюро Погоды оказало нам любезность. Воздух был прохладен, свеж и звонок. Над темными зданиями университетского городка желтой тыквой поднималась полная луна. Мне подумалось, что там, за городом — поля и леса Среднего Запада. Там пахнет мокрой землей и струится туман. И волчья составляющая моей натуры захотела бежать отсюда и оказаться там, чтобы гоняться за кроликами. Но по-настоящему тренированный оборотень может контролировать свои рефлексы, и поляризованный свет вызывает у него не более, чем приятную нервную почесуху.

Что касается меня, то импульс скоро угас в унылых раздумьях. Джинни, любимая! Если бы она оказалась сейчас рядом! Я представил ее лицо, узор изморози на длинных рыжих волосах. Да, единственная моя спутница — нелегальная фляга в заднем кармане. Какого дьявола я вообще явился на эти игры?

Миновав Дом союза «Тма Каф Самет», я обнаружил, что нахожусь уже на территории университетского городка. Трисмегистовский университет был основан, когда родилась современная наука, и сей факт был отражен в его планировке. Самые большие здания принадлежали факультету языкознания — экзотические языки необходимы при создании более мощных, чем обычные, заклинаний. Вот почему так много студентов приезжает сюда из Африки, Азии — изучать «американский сдвиг».

Но есть здесь и два здания английского языка — искусствоведческий колледж и колледж инженерного стихосложения. Поблизости — здание Торбантропологического факультета, где всегда демонстрируются интересные выставки, посвященные иностранной технике. В этом месяце — техника

эскимосов, в честь приезда шамана антекоков, доктора Айингалака. В стороне — заботливо окруженный оградой факультет зоологии. За забором были помещены длинноногие и длиннорукие бестии, которые вряд ли могут быть названы приятными соседями.

Медицинский факультет обзавелся великолепным новым исследовательским центром — дар фонда Рокфеллера. Из этого центра уже вышло такое изумительное изобретение, как поляроидные фильтрующие линзы, дающие возможность тем, кто поражен дурным глазом, вести вполне нормальный образ жизни.

И это только начало!

Юридический факультет казался безлюдным. Юристы всегда работают в ином мире.

Я пересек бульвар, миновав мрачное здание корпуса физических наук. Меня поприветствовал доктор Грисволд. Он медленно спускался вниз по ступенькам — маленький высохший человек с козлиной бородкой и веселыми голубыми глазами. В блеске этих глаз таилось смешанное с болью недоумение. Он походил на ребенка, который никак не может до конца понять, почему никто, кроме него, не интересуется игрушками.

— А, мистер Матучек, — сказал он. — Пришли поприсутствовать при Игре?

Я кивнул (не особенно любезно). Но мы шли вместе, и приходилось быть вежливым. Он вел у меня занятия по физике и химии, но это как раз пустяки. Мне просто не хотелось обижать милого и одинокого старого чудака.

— Я тоже, — продолжал он. — Насколько понимаю, организаторы что-то задумали. Впервые ожидается нечто захватывающее.

— Вот как?

Он дернул головой и по-птичьи посмотрел на меня:

— Есть ли у вас какие-нибудь затруднения, мистер Матучек? Если в моих силах помочь вам... Знайте, что я сделаю все, что в моих силах.

— Все прекрасно, — соврал я. — Во всяком случае, благодарю вас, сэр.

— Человеку зрелого возраста нелегко вернуться к учебе. Да еще когда его окружают хихикающие юнцы. Я не забываю, как вы помогли мне в этом... м-м... инциденте в прошлом месяце. Поверьте, я вам очень благодарен.

— О, пустяки, черт возьми. Я здесь, чтобы получить образование.

Мне не хотелось перекладывать груз своих забот на его

плечи. У него был достаточный запас собственных.

Грисволд вздохнул. Очевидно, он чувствовал мою отчужденность.

— Я часто ощущаю себя таким беспомощным, — сказал он.

— Что вы, сэр, — ответил я со старательной искренностью. — Как стала бы в Мидгарде алхимия практической наукой, не основывайся она с начала и до конца на ядерной физике? Ведь в противном случае алхимик мог бы неожиданно для себя получить смертоносный радиоактивный изотоп. Или вещество, которое уничтожило бы половину округа.

— Разумеется, разумеется... Вы прекрасно все понимаете. Вы знаете многое о нашем мире. Во всяком случае, больше, чем я. Но студенты... ладно, думаю, что это естественно. Им хочется сказать несколько слов и получить то, чего желаешь. Именно таким образом. Не докучая себе ни изучением санскритской грамматики, ни периодической таблицы. Они не понимают, что никогда нельзя получить что-то из ничего.

— Поймут. Они повзрослеют.

— Даже администрация в этом университете просто не понимает потребности физической науки. Как раз сейчас в Калифорнийском университете установлен философский камень на биллион вольт. А здесь... — Грисволд пожал плечами. — Извините меня. Жалость к себе вызывает только презрение.

Мы вышли к стадиону. Я отдал свой билет, но отказался от очков ночного видения. У меня сохранилось колдовское зрение, полученное во время базисного обучения. Мое место оказалось на тридцатом ряду между студенточкой с мордочкой первокурсницы и старшекурсником. Мимо проплыл одушевленный лоток, и я купил горячих сосисок и взял напрокат хрустальный шар. Но шар мне нужен не для того, чтобы в деталях видеть игру. Я пробормотал над ним, заглянул внутрь и увидел Джинни. Она сидела напротив меня, в пятидесятом ряду. На коленях у нее покоился черный Свертальф. Вызывающие красные волосы Вирджинии выделялись ярким пятном на бесцветном фоне окружающей ее толпы. Это колдовство, эта ее особая магия была чем-то более древним и более сильным, чем Искусство, но в нем Джинни была искушена.

Ее отделяло от меня поле, в руках у меня был всего лишь дешевый стеклянный прибор, и все же сердце мое екнуло. В эту ночь с ней был доктор Алам Аберкромби, ассистент-профессор сравнительной магии: гладкий, красивый блондин, светский лев. Он крутился вокруг Джинни изо всех сил. А я исходил дымом...

Думаю, что Свертальф ставил мои моральные качества не выше, чем у Аберкромби. У меня были все намерения

хранить Джинни верность, но... Узкая улочка, ты ставишь на стоянку метлу, и к тебе прижимается хорошенькая девушка. В этом случае желтые круглые глаза, сверкающие с ближайшего дерева, как-то связывают и окончательно отрезвляют. Я скоро сдался и посвящал вечера учебе или пил пиво.

О-хо-хо... Я плотнее запахнул плащ, под свежим ветром меня пробирала дрожь. В воздухе пахло какой-то бедой.

«Вероятно, — подумал я, — во всем виновато мое скверное настроение»...

И все же я чуял — в недалеком будущем быть беде.

От воплей старшекурсников чуть не лопнули барабанные перепонки. В лунном свете показались команды — «Трисмегистские грифоны» и «Чародеи Альберта Великого». Глубокие старики недовольны тем, что в командах так много измученных образованием очкастых коротышек. Такие игроки кажутся им бесполезными в американском футболе. Вероятно, до эпохи магии команды комплектовались из динозавров. Но, разумеется, неотъемлемая и основная составляющая искусства — интеллект, и он придает спорту характерную окраску.

В этой игре были интересные моменты. «Чародеи» взлетели над землей, и их защитник превратился в пеликана. Душанович, в образе кондора, закогтил его на нашей двадцатке. Андриевский был лучшим в линии оленей-оборотней (он входил в большую десятку). Он держал их так, что мяч дважды оказывался вне игры.

На третий раз мячом завладел Пилсудский, тут же превратившийся в кенгуру. Его игра была изумительной. Как он увернулся от игрока, пытавшегося отобрать мяч! (Малый был в шапке-невидимке, но можно было наблюдать по отпечаткам его ног, как он несся вперед). И отпасовал мяч Мстиславу.

«Чародеи» опустились пониже; они ожидали, что Мстислав превратится в ворона, чтобы забить мяч с поля. Но это было, как гром среди ясного неба! Он превратился в... свинью. В жирного борова! (Естественно, это были мелкие превращения. Быстрый жест — и игрок превращался в заранее намеченное животное. Там не использовались те великие и страшные слова, которые мне, бывало, приходилось слышать в предрассветной мгле).

Чуть позднее явная грубость с нашей стороны стоила нам пятидесяти ярдов. Доминго случайно наступил на афишу, которую ветер занес на поле, и проехался под именем «Чародеев». Но большого ущерба наши не потерпели, а «Чародеи» получили точно такой же пенальти, когда Троссона в азарте вынесли с поля, да еще метнули вслед молнию.

К концу первого периода счет был 13 : 6 в пользу «Трисмегистских грифонов», и толпа чуть не разнесла от восторга скамейки.

Я надвинул шляпу на лоб, бросил на старшекурсника нелюбезный взгляд и уставился в кристалл. Джинни проявляла больше энтузиазма, чем я. Она подпрыгивала и вопила и, казалось, не замечала, что Аберкромби своей лапой обнял ее. Или, может, это у нее не вызывало протеста? Я обиделся и надолго приложился к фляге.

На поле высыпали ликующие люди, им понадобилось устроить парад. Дудя и барабаня, совершая в воздухе сложные, тщательно продуманные эволюции своими инструментами, они двинулись традиционным маршем туда, где жила их Королева Красоты студенческого городка. Было бы не менее традиционно, если бы она встречала их верхом на единороге. Но по некоторым причинам данный номер был в этом году опущен.

...Волосы поднялись у меня на голове дыбом. Я ощутил слепой инстинктивный позыв поменять кожу на шкуру. Едва успел вовремя заставить себя остаться человеком и упал на сидение, обливаясь холодным потом. В воздухе вдруг отчетливо завоняло опасностью. Неужели никто больше не ощущал этого?!

В поисках источника опасности я сфокусировал кристалл на скандирущей команде и краем сознания смутно услышал приветственные выкрики:

АЛЕФ, БАТ, ДАЛЕТ, ХИ, ВА!
КОМИНИ, ДОМИНИ, УРА, УРА, УРА!
ПРОТЫКАЙ ИХ, ЖАРЬ В ОГНЕ,
СЛАВНАЯ ЕДА!
ТРИСМЕГИСТОВ ЖДЕТ ПОБЕДА
НЫНЕ И ВСЕГДА!
МАКИЛРАЙТ!

— Что это такое с вами, мистер? — Студентка отпрянула от меня, и я понял, что рычу.

— Ох... ничего... я надеюсь, ничего, — я старался овладеть своим лицом, не дать ему превратиться в волчью морду.

Толстый белокурый мальчишка среди тех, внизу, не казался страшным, но я чувствовал, что его будущее окутано крутящейся грозовой тьмой, пронизанной ударами молний и раскатами грома. Мне уже приходилось сталкиваться с ним. Хотя я не донес на него в свое время, но это именно он чуть не уничтожил химическую лабораторию Грисволда.

Зеленый первокурсник, забавник, не злой по натуре, — он представлял собой несчастливую комбинацию природной способности к Искусству и крайней безответственности. Сту-

денты-медики славились веселыми выходками (такими, как оживший скелет, врывающийся, приплясывая, в женскую спальню). Макилрайту хотелось приобщиться к этим проделкам как можно раньше.

Грисволд показывал студентам, как обращаться с катализаторами, и Макилрайт тут же забормотал заклинание. Он хотел сыграть на каламбуре и провести в пробирке катализ. Но ошибся в расчетах и получил саблезубого тигра.

Дитя каламбура — тигр был совершенно безмозглым, но все же это была злобная, вызывающая ужас тварь. Я тут же оказался в клозете и там с помощью фонарика совершил превращение. Став волком, я выпрыгнул в окно и шмыгнул под деревья, чтобы дождаться, пока кто-нибудь вызовет людей из департамента Изгнания бесов.

Поняв, что все это сотворил Макилрайт, я как-то, улучив момент, отвел его в сторону и предупредил, что если ему вздумается снова показать класс, то я сожру его. Сожру в самом буквальном смысле этого слова. Шутка есть шутка, но не следует шутить за счет студентов, которые действительно желают учиться. Как и за счет тех милых, почтенных окаменелостей, которые пытаются учить студентов.

Предводитель парада взмахнул рукой, и из нее выскочил столб многоцветного пламени. Столб поднялся на высоту человеческого роста. Затем еще выше. Скачущее сияние, блеск красного, голубого, желтого и все это окружал крутящийся из искр вихрь. Я сощурился и сумел разглядеть в пламени гибкое размалеванное тело. Оно походило на тело ящерицы.

Студентка взвизгнула.

— Трижды благословенный Гермес, — закудахтал старшекурсник. — Что это, демон?

— Нет, Дух Огня, — тихо заметил я, — Саламандра. Чертовски опасная тварь, если учесть, сколько дураков ее окружает...

Мой взгляд неотрывно следил за полем. Огненная тварь начала свои штучки. Прыгала, кувыркалась, что-то бормотала, выбрасывала длинные языки пламени. Да, рядом с ней находился пожарный — в полном церковном облачении. Он совершал свои пассы, не давая саламандре причинить вреда. Все должно быть о'кей. Вроде бы...

Я зажег сигарету. Меня трясло. Скверно это — следовать примеру Локи*. Вонь опасности била мне в ноздри. Ядовитый, кислый запах...

---

* *Локи — восставший на других богов.*

Со стороны все это выглядело красиво, однако... В кристалле вновь появился Аберкромби. Он хлопал в ладоши. Но Джинни сидела хмурая, с озабоченным видом. Между зелеными глазами залегла морщинка. Ей все это нравилось не больше, чем мне. Я переключил шар обратно на Макилрайта. Любящего пошутить Макилрайта.

Я был, вероятно, единственным из присутствующих, кто заметил, что произошло.

Макилрайт взмахнул своим жезлом, и у саламандры выросли крылья. Толстяк-пожарник, жестикулируя и раскачиваясь взад и вперед, оказался, естественно, на пути взмаха ее крыльев. Это было подобно столкновению с паровым котлом.

— А-а-а!

Пожарный пулей взмыл в небо. Саламандра заколыхалась. Мгновенным прыжком, утоньшаясь вверх, выросла, сделавшись выше стен. Мы увидели мельком нечто вращающееся, ослепительно блестящее, с расплывшимися очертаниями — и тварь исчезла.

Моя сигарета вспыхнула, превратившись в огонь. Я отшвырнул ее. Почти ничего не соображая, догадался заодно выкинуть и фляжку. В мгновение ока она раскалилась добела, водка вспыхнула голубым пламенем.

Толпа завыла. Все отбрасывали прочь сигареты, хлопали по карманам, где воспламенялись спички, отшвыривали бутылки. Королева городка пронзительно визжала, ее тоненькое одеяние охватило пламя. Скинув платье (как раз вовремя, чтобы избежать ожогов) и причитая, она промчалась по полю голая. При других обстоятельствах это зрелище меня бы заинтересовало.

Саламандра прекратила свои беспорядочные метания и материализовалась в воротах. Столбы начали дымиться. Невыносимое сияние, рев и пылающая трава. Выкрикивание заклинаний тушения огня было бессмысленно. Пожарник бросился к саламандре. Из ее пасти выскочил язык пламени.

Я отчетливо услышал ее дикий хохот, и тварь снова исчезла. Диктор, которому следовало бы успокоить зрителей, истошно закричал, когда огонь вспыхнул перед его будкой. В мгновение ока пять тысяч людей, царапаясь и кусаясь, топча друг друга, кинулись к выходу. Началась давка, люди были охвачены слепым желанием вырваться отсюда.

Прыгая по скамейкам и головам, я скатился на поле. Эта бушующая на ярусах давка означала смерть.

— Джинни! Сюда, Джинни, здесь безопасно!

Она не могла расслышать меня в этом грохоте, но сама догадалась. За руку она тащила обезумевшего от ужаса Абер-

кромби. Мы взглянули в лицо друг друга. Вокруг — огонь и разрушение. Джинни вытащила из сумочки палочку.

В своем запертом помещении кипятились грифоны. Кипятились в прямом смысле этого слова. Саламандра, материализовавшись, игриво обернулась вокруг водопроводной трубы.

Загудели сирены, и, освещенные луной, над нами засновали полицейские метлы.

Полиция пыталась обуздать панику. Одну метлу тут же подожгла саламандра. Наездник снизился, соскочил. Пылающий транспорт с грохотом рухнул в траву.

— Боже! — закричал Аберкромби. — Саламандра вырвалась на свободу!

— Да что вы говорите? — фыркнул я. — Джинни, ты же ведьма! Ты можешь что-нибудь сделать?

— Я могла бы погасить эту скотину. Но для этого нужно, чтобы она была рядом, пока я читаю заклинание, — сказала она. Распущенные рыжие волосы обрамляли бледное, с высокими скулами лицо и в беспорядке падали на плечи. — Это наш единственный шанс уничтожить породившие ее чары... И она знает это!

Смятение захлестнуло меня. Но вспомнив о нашем приятеле Макилрайте, я обернулся и схватил его за шиворот.

— Совсем свихнулся? — заорал я.

Он, задыхаясь, разинул рот:

— Я ничего не делал!..

Я тряс его так, что зубы лязгали:

— Не болтай попусту! Я все видел!

Он рухнул на землю.

— Это была всего лишь шутка, — простонал он. — Я не знал!

«Что ж, — подумал я мрачно, — вот тебе, без сомнения, вся правда. Ведь вот в чем беда с Искусством, беда с любой неразумной силой природы, которой овладел человек — будь то огонь или динамит, атомная энергия или магия. Любой остолоп, нахватавшись знаний, пытается что-нибудь сделать. Начать-то он может... Сегодня остолопов ужасно потянуло на колдовство. Но не всегда его последствия удается легко прекратить».

Как и в любом другом учебном заведении, в «Трисмегисте» постоянную проблему представляли студенческие шалости. Обычно они были безобидными. Например, одев шапку-невидимку, пробраться в женскую спальню. Или выставить в окнах украденные у девушек принадлежности нижнего белья. Иногда шутки бывали, пожалуй, и забавными. Например, както раз оживили статую прежнего президента (это был достой-

ный и заслуженный человек), и она промаршировала по городу, распевая непристойные песни. Часто шутки были совершенно неостроумными. Как, например, когда Дин Уорсби был превращен друзьями в камень, и на протяжении трех дней этого никто не замечал.

Но сегодняшнее происшествие уже ни в какие рамки не лезло. Саламандра могла сжечь весь город.

Я обернулся к пожарнику. Тот весь изнервничался, напрасно пытаясь остановить какое-нибудь полицейское помело. Вокруг прыгали тусклые огни, полицейские не замечали его.

— Что вы полагаете предпринять? — спросил я его.

— Необходимо послать служебный рапорт, — отрывисто сказал он. — И считаю, нам понадобится Дух Войны.

— У меня есть опыт работы с гидрами, — предложила свои услуги Вирджиния, — так что я могу оказаться вам полезной.

— Я тоже, — сказал я медленно.

Аберкромби сердито уставился на меня:

— Вы-то что можете сделать?

— Я оборотень! — рявкнул я. — Когда я волк, огонь мне не страшен. Полезная штука, не правда ли?

— Прекрасно, Стив! — Джинни улыбнулась. Старая, такая знакомая нам обоим улыбка.

Недолго думая, я сгреб ее, привлек к себе и поцеловал.

Нельзя сказать, что оплеуха была недостаточно энергичной. Апперкот, и я оказался прямо на земле.

— Нельзя! — коротко сообщила Джинни. — Это, черт бы их побрал, проклятые чары.

Я видел, что в глазах ее металась боль. Как зверь в клетке. Но ее разум вынужден был повиноваться придуманным Мальзусом правилам.

— Это... э-э... здесь не место для женщин, — забормотал Аберкромби. — Для такой очаровательной женщины, как ты... Разреши, я провожу тебя домой, дорогая.

— Я должна это сделать, — сказала она нетерпеливо. — Что, черт возьми, творится с этими легавыми? Нам нужно убираться отсюда!

— Тогда я тоже иду с вами, — заявил Аберкромби. — Я немножко знаком с проклятиями и с благословениями. Хотя боюсь, что сегодня мои знания не бог весть что. Во всяком случае, департамент Сокровищ поглядывает на мои сокровища без одобрения.

Даже в это мгновение, когда ад разверзся на земле, оглушенному буйствующими раскатами грома, мне было радостно

видеть, что Джинни не обратила ни малейшего внимания на его пресловутое остроумие. Она отрешенно нахмурилась. Неподалеку скорчилась Королева городка, завернутая в чей-то плащ. Джинни, усмехнувшись, махнула рукой. Королева сбросила плащ и помчалась к нам.

Через минуту приземлились три полицейские метлы. Пожарный что-то им прокричал, и вся наша группа тут же поднялась по спирали и влетела в путаницу улиц.

Взлет был быстрым, но за короткое время я увидел три охваченных пламенем дома.

Саламандра разгулялась...

10

Изможденная и вымазанная сажей, с отчаявшимися лицами, вся наша компания оказалась в управлении полиции округа. Здесь уже находились шефы полиции и пожарные. Возле коммутатора бесился какой-то офицер. Джинни, завернув по дороге к себе, захватила свою метлу. Теперь у нее на плече ехал Свертальф, под мышкой — том «Руководства по алхимии и метафизике». Аберкромби стращал и без того перепуганного Макилрайта. Под конец я сказал Аберкромби, чтобы он это прекратил.

— Мой долг... — завелся он. — Я, как вы видите, исполняя обязанности воспитателя...

Я высказал предположение, что университет мог бы свободно обойтись и без фискалов. Ни к чему удивляться, что студенты не пьянствуют по притонам и не провозят контрабандой нимф. И не каждый год делают попытки сдать экзамен, спрятав под пиджаком приятеля, который бы шепотом подсказывал ответы по шпаргалке. Как бы то ни было, мне не нравятся профессиональные наушники.

— Разберемся с ним позднее, — сказал я, пинком выставив парня за дверь. — Возможно, здесь скоро появится саламандра.

Весьма раздраженный, в комнате возник Мальзус и тут же требовательно проорал:

— Что все это означает?

Над его толстыми щеками подпрыгивало пенсне.

— Как вам известно, сэр, я был занят подготовкой к очень важному предприятию. На завтра намечен официальный завтрак членов «Клуба Львов» и...

— Возможно, не будет никакого завтрака, — хрюкнул, обрывая его, полицейский, — пока у нас имеется вырвавшаяся на свободу саламандра...

— Сала... Нет! Это полностью противоречит установкам!

Это положительно запрещено, чтобы...

Офицер у коммутатора оглянулся на нас:

— Она сейчас подожгла католическую церковь на углу четырнадцатой и Эльма! Боже мой, все наше оборудование уже задействовано!

— Невозможно! — завопил Мальзус. — Демон не может приблизиться к церкви!

— Насколько глупым делается человек на нашей работе, — не скрывая злости, прошипела Джинни. — Это не демон! Это Дух стихии!

Когда ей удалось вновь овладеть своей яростью, она медленно продолжила:

— Не стоит слишком надеяться, что гидра сможет победить саламандру. Но мы должны вызвать ее, чтобы она могла бороться с пожарами. Саламандра все время будет опережать нас, но, по крайней мере, не весь город окажется уничтоженным.

— Если только саламандра не окажется слишком сильной, — влез Аберкромби. Его лицо побледнело, губы еле двигались. — Достаточно сильной, чтобы испарить гидру.

— Вызовите двух! — заикаясь, приказал Мальзус. — Вызовите сотню! Я не буду требовать поданного по всем правилам официального заявления на разрешение использо...

— Эта возможность ограничена, сэр, — сказал Аберкромби. — Есть условие: в зависимости от общей массы сдерживающие силы должны возрастать по экспоненте. В этом городе, вероятно, не найдется достаточно подготовленных специалистов, чтобы удержать под контролем двух Духов одновременно. Если пробудить к жизни четырех, то городу будет грозить затопление, а саламандра просто перенесется куда-нибудь в другое место.

— Алам... — Джинни положила «Руководство» на стол, веером перелистала страницы.

Аберкромби склонился поверх ее плеч. При этом не забыл заботливо положить ладонь на ее бедро, и я проглотил все, что хотел сказать.

— Алам, ты можешь вызвать для начала одну гидру и заставить ее бороться с огнем?

— Разумеется, моя прелесть. — Он заулыбался. — Это элементарная задача.

Она обеспокоенно взглянула на него и предупредила:

— С гидрами бывает так же трудно справиться, как и с Духами огня и воздуха. Одного знания теории мало.

— У меня есть некоторый опыт. — Он излучал самодовольство. — Во время войны... Когда все это кончится, давай

зайдем ко мне, чуть выпьем, и я тебе расскажу.

Его губы коснулись ее щеки.

— Мистер Матучек! — завизжал Мальзус. — Прекратите, пожалуйста отращивать клыки!

Я, взяв себя в руки, справился с яростью, действующей на меня так же, как и лунный свет.

— Послушайте, — сказал начальник полиции, — мне нужно знать, что будет дальше. Все эти неприятности — из-за ваших длинноволосых, и я не желаю, чтобы ваши действия еще больше затрудняли обстановку.

Я вздохнул, понимая, что Джинни и ее красавец в конце концов действительно заняты, и, вытащив сигарету, предложил:

— Разрешите, я объясню. Во время войны мне пришлось немного узнать о таких делах. Дух стихии — это не то же самое, что демон. Любой демон — это отдельное существо, обладающее, скажем так, индивидуальностью. Дух стихии есть всего лишь часть одной из основополагающих сил. Саламандра возникла из первичной энергетической матрицы и обрела временную индивидуальность. Она вернется в эту матрицу, если удастся покончить с ней. Это как пламя. Когда костер погасят, пламя вернется в первоначальные формы существования. Пусть будет разожжен новый костер, пусть даже он горит на недогоревших поленьях первого костра, но полученное пламя не будет идентично первоначальному. Так что легко понять, почему дух отнюдь не стремится к первоначальному состоянию. Когда Духу удается вырваться на свободу, как это произошло с саламандрой, он готов на все, чтобы увеличить свою мощь.

— Но как саламандра могла поджечь церковь?

— Потому, что у нее нет души. Она просто физическая сила. Всякое обладающее подлинной индивидуальностью существо, будь-то человек или еще кто-либо, находится под сдерживающим влиянием... э-э... определенных моральных законов природы. Так демон, не выносит вид святых символов. Поступающий неправильно человек, живя на этом свете, испытывает угрызения совести. И предстает перед Судом на том свете. Но о чем заботиться пламени? А саламандра и есть ничто иное, как громадный язык пламени. Она всего лишь флюктуация физических законов нашего, то есть нормального и паранормального мира.

— Так как же ее... погасить?

— Это могла бы сделать соответствующая по массе гидра. Произошло бы взаимное уничтожение. Или саламандру могла бы погрести под собой Земля. Или мог бы сдуть оказавшийся поблизости Воздух. Трудность в том, что Огонь — самая бы-

страя стихия. Он перескочит в другое место до того, как ему успеет повредить какой-нибудь другой Дух. Так что у нас остается лишь одна возможность — заклинание, возвращающее саламандру к первоначальному состоянию. Но оно должно быть произнесено в ее присутствии. И занимает около двух минут.

— А когда она услышит, что начали произносить заклинание, то испепелит заклинателя или удерет. Очень мило! Что же нам делать?

— Не знаю, шеф, — сказал я. — Одно знаю — это все равно, что пытаться поцеловать в морду кобру, — я вздохнул, чмокнув губами. — Действовать надо быстро потому, что каждый пожар, зажженный тварью, служит ей пищей и добавляет новый запас энергии. Она делается все сильнее. Существуют определенные ограничения — например, квадратно-кубический экран — но пока он появится, саламандра может стать слишком сильной, чтобы человечеству удалось с ней справиться...

— И что же тогда произойдет?

— Всеобщая гибель... Нет, я подразумеваю не совсем это. Люди, естественно, призовут на помощь сильных противодействующих Духов. Но только представьте себе, с какими трудностями будет сопряжен контроль над ними. Подумайте о случайностях и опасностях, которые невозможно предвидеть. Халифат по сравнению с ними — пустяк!

Джинни, разогнувшись, отошла от стола. Аберкромби начертил мелом на полу пентаграмму. Исходящему слюной Мальзусу было поручено простерилизовать на спичке карманный нож. Вся идея состояла в том, чтобы взять у кого-нибудь немного крови. Кровь могла бы заменить обычно используемые снадобья, поскольку она содержит точно такие же белки.

Девушка положила ладонь на мою руку:

— Стив, мы потратим слишком много времени, если попытаемся собрать всех местных экспертов. Боюсь, что то же самое справедливо и по отношению к полиции штата или Национальной Гвардии. Бог знает, что натворит саламандра, пока чиновники, которых ты здесь видишь, будут взывать о помощи. Но ты и я сможем по крайней мере проследить за ней. Подвергаясь при этом меньшей опасности, чем остальные. Рискнешь?

Я был согласен:

— Конечно. Саламандра не может повредить мне, если я буду волком. Особо повредить... Не сможет, если я буду осторожен. Но ты будешь держаться на заднем плане.

— Ты когда-нибудь слышал о клятве, приносимой членами нашего ордена? Пойдем.

Входя в дверь, я бросил на Аберкромби самодовольный взгляд. Он надрезал свое запястье, начертил кровью магические знаки, а затем начал творить заклинание. Я ощутил, как по комнате пронесся влажный вихрь.

Снаружи была осенняя пора, высоко в небе стояла луна. Сразу в дюжине мест металось багровое ослепительное сияние. Зубчатыми силуэтами на его фоне виднелись крыши, и в ушах выли сирены. В вышине, освещенные мерцанием маленьких, безразличных ко всему звезд, носилось что-то, напоминающее ворох сухих листьев. Это, оседлав метлы, бегством спасались люди.

Свертальф прыгнул на переднее сидение «кадиллака» Джинни. Я поместился сзади. И мы со свистом взмыли в небо.

Внизу под нами зашипело, плюясь, голубое пламя. Городские фонари погасли. По улицам хлынула вода. Она неумолимо ревела, и в ее потоке подскакивал смахивающий на поплавок президент Мальзус.

— Несчастный Сатана! — Я чуть не подавился. — Что еще случилось?

Свертальф резко повел помело вниз.

— Этот идиот, — простонала Джинни, — дал гидре размыться! Короткое замыкание... — она сделала несколько быстрых пассов своей палочкой.

Поток успокоился и вошел в берега. Образовалась круглая заводь. Ее десятифутовая глубина мерцала в лунном свете. Из воды выскочил Аберкромби и побрел, хлюпая, к ближайшему очагу пожара.

Я расхохотался:

— Сходи к нему на квартиру и послушай, что он тебе расскажет о своем огромном опыте...

— Не бей лежачего, — мгновенно огрызнулась Джинни. — Ошибка сделана не без твоего участия, Стив Матучек.

Свертальф вновь повернул метлу вверх. Мы неслись над дымовыми трубами. Неужели она действительно влюбилась в этого дьявола? Правильный профиль, вкрадчивый голос, ловко подвешенный язык. Полный джентльменский набор... Я подавил приступ боли, искоса глянул вперед, пытаясь определить, где находится саламандра.

— Туда! — перекрывая свист воздуха, пронзительно завизжала Джинни. Свертальф задергал хвостом и зашипел.

Район университета старательно пытался скрыть свою бедность. Старые, псевдоготического стиля, отделанные деревом пещеры. Нечто среднее между особняками и меблированными комнатами. Район уже начал гореть. В темноте между

уличных фонарей вспыхивали многочисленные красные звезды.

Приближаясь, мы заметили, как одна звезда взорвалась и обратилась в клуб белого пара. Гидра, должно быть, ударила в патрубок пожарного крана и смылась. У меня мелькнула еретическая мысль, что саламандра окажет обществу услугу, уничтожив этот архитектурный нонсенс. Но ведь речь идет также о жизни людей и судьбе их имущества.

Громадный ужасный Дух раскачивался над пожираемым домом. Саламандра уже вдвое увеличилась в размерах, и на ее раскаленную добела сердцевину невозможно было смотреть. Вокруг узкой головы метались сполохи пламени.

Свертальф затормозил. Мы отлетели на несколько ярдов и теперь парили на высоте двадцати футов, на одном уровне с жаждущей пастью. Дико было видеть выгравированное на фоне ночи, освещенное ярким сиянием лицо Джинни. Она плотнее вдвинула ступни в стремена и принялась читать заклинание:

— О, Индра, Люцифер, Молох, Гефест, Дони... — Ее голос был почти не слышен в грохоте обрывающейся крыши.

Саламандра услышала. Огненные глаза обратились на нас. И немедленно она прыгнула.

Свертальф взвизгнул, когда от жара скрутило его усы (возможно, ущерб был причинен только его тщеславию), и развернул помело. Мы помчались прочь. Саламандра зарычала. Ее голос был похож на треск сотни одновременно горящих лесов.

Внезапно жар, опаляющий наши спины, прекратился. Тварь материализовалась перед нами.

Закрыв лицо Джинни, я свое собственное спрятал за ее спиной, и мы пролетели сквозь стеклянную стену «Пивного парка». Вслед нам метнулся огненный язык. Метнулся и свернулся кольцом. Оставшаяся снаружи саламандра бушевала.

Мы скатились с метлы, огляделись. Пивная была пуста. Темно, повсюду следы огня. Никого не было. Увидев стоящий на прилавке доверху налитый стакан пива, я выпил его залпом.

— Мог бы предложить и мне выпить, — сказала Джинни. — Алам бы предложил...

И прежде, чем я успел решить, язвит она или просто шутит, Джинни продолжала быстрым шепотом:

— Она пыталась удрать. Собирается с силами. Она уверена в себе и надумала убить нас!

Даже в эту минуту мне хотелось сказать, что рыжие и спутанные волосы и пятна на ее аристократическом носу выглядят, как ни странно, очень даже очаровательно. Но случай не казался подходящим.

— Она не вернется сюда, — выпалил я. — Все, что она

может сделать — это с помощью теплового излучения подпалить здание, а на это ей понадобится время. Пока что мы в безопасности.

— Но... ну да. Конечно, пни плохо горят. Мне говорили, что все пивные бары университета построены из пней, армированных железом.

— Да.

Я выглянул в разбитое окно. Саламандра кинулась мне навстречу, и цветные пятна заплясали у меня перед глазами.

— Наша гостья показывает характер, — сказал я. — Ну, говори быстро свое заклинание.

Джинни покачала головой:

— Она просто отлетит за пределы слышимости. Но, может быть, удастся поговорить с ней. Понять, как...

Она подошла к окну. Корчащаяся вдоль бара саламандра вытянула шею и зашипела. Я стоял за спиной своей девочки и чувствовал себя беспомощным и бесполезным.

Свертальф, вылизывающий с прилавка пролитое пиво, поглядел на нас и насмешливо фыркнул.

— Эй, Дочь Огня! — крикнула девушка.

Рябь прошла сверху вниз по спине саламандры. Ее хвост безостановочно хлестал из стороны в сторону, поджигая растущие вдоль дороги деревья. Я не в силах описать ответивший Джинни голос. В нем был и треск, и рев, и свистящее шипение. Голос, порожденный огненными мозгом и глоткой.

— Дочь Евы, что ты можешь сказать такой, как я?

— Именем Высочайшего я приказываю тебе смириться, вернуться в своему подлинному состоянию и перестать вредить этому миру!

— Хо!.. О-хо-хо-хо! — Тварь уселась на свой зад (асфальт пошел пузырями) и прерывисто захохотала прямо в небо. — Ты, созданная из горючего материала, приказываешь мне?!

— Я располагаю силами такими могущественными, что они затушат тебя, маленькая искра. Эти силы вернут тебя в ничто, из которого ты пришла. Смирись и повинуйся, так будет лучше для тебя же.

Мне подумалось, что саламандра на мгновение действительно была поражена.

— Сильнее, чем я? — она заревела так, что пивная затряслась: — Ты смеешь утверждать, что существуют силы могущественнее Огня?! Чем я, которая явилась пожрать всю Землю?!

— Более могущественные и более прекрасные. Сама подумай, о Мать Пепла, ты не можешь даже войти в этот дом. Вода тебя гасит, и лишь воздух способен поддержать твое

существование. Лучше сдайся, не медли...

Я вспомнил ночь охоты на ифрита. Джинни, наверняка, попытается выкинуть тот же фокус — разобраться в психологии бушующей и мечущейся твари. Но на что она может надеяться?

— Более прекрасные? — Хвост саламандры забился, оставляя на мостовой глубокие борозды.

Из тела саламандры вылетели огненные шары, посылая дождь красных, голубых и желтых искр. Прямо как Четвертого Июля. Мелькнула сумасшедшая мысль: так бьется об пол ребенок в припадке истерики.

— Более прекрасные! Более могущественные! Ты посмела сказать это... А-а-а! — в метнувшемся языке пламени сверкнули раскаленные добела зубы. — Посмотрим, какой ты станешь, когда я сожгу тебя! Ты умрешь от удушья!

Голова саламандры метнулась к разбитому окну фасада. Она не смогла проникнуть сквозь железную ограду, но начала высасывать воздух. Вдыхать его и выдыхать. Волна пышущего, как из топки, жара отбросила меня назад. Я задыхался.

— Боже мой... Она хочет сожрать кислород! Оставайся здесь!

Я прыгнул к двери. Джинни пронзительно закричала. Выскочив наружу, я услышал ее слабое:

— Нет!..

На меня лился слабый лунный свет, от которого я затрепетал. Вокруг беспокойно плескались огни пожаров. Я припал к горячей обочине и содрогнулся, когда мое тело начало изменяться.

Я был волком. Волком, которого не сможет убить враг. По крайней мере, я на это надеялся. Укороченный хвост ткнулся изнутри в брюки, и я вспомнил, что некоторые раны не поддаются излечению, даже когда я принимал звериный облик.

Брюки! Черт, будь они прокляты! В горячке я забыл о них. А вы когда-нибудь пробовали стать волком, если на вас напялена рубашка, штаны, нижнее белье — и все это рассчитано на человека?

Я изо всех сил заработал своим влажным носом. Подтяжки соскользнули и обмотались вокруг задних лап. Передние лапы запутались в галстуке, а пиджак радостно превратился во что-то, напоминающее узел.

Обезумев, я катался и рвал одежду клыками. Вдруг передо мною выросла саламандра, ее хвост хлестнул меня по спине. Мгновенная опаляющая боль — и вместе с одеждой вспыхнула шерсть и кожа. Но тряпье сгорело, и я оказался свободен. Мобильные молекулы моего тела самовосстановились в счи-

танные секунды. Полагая, что я выведен из строя, саламандра уже не обращала на меня внимания. Едва понимая, что делаю, я подхватил зубами свалившуюся с уменьшившейся ступни туфлю, приставил к ближайшему, раскаленному добела пальцу ноги саламандры и обеими лапами стал изо всех сил натягивать.

Она взревела. Развернулась кругом, готовая снова напасть на меня, и разинула пасть. Она могла перекусить меня пополам. Я быстро отскочил в сторону. Чудовище остановилось, оценило разделяющее нас расстояние. Вспыхнув, исчезло и материализовалось прямо передо мной.

Теперь мне бежать было некуда. Я вдыхал огонь, сжигающий мое отяжелевшее тело, и корчился в агонии. Я весь превратился в пламя...

11

...Одиночество. Его никак не нарушало глядящее на меня лицо. У меня нет слов, чтобы описать его. Только одно — лицо было огромным, и его глаза были глазами трупа. Но тогда я не видел его. Как и не чувствовал холода, более сильного и более мучительного, чем я чувствовал прежде. Потом я услышал голос.

Я не знал его до тех пор, пока он не настиг меня, прошедший вне времени и пространства, но он потряс до основания мои чувства и разум, которых у меня не было. И меня покинула всякая надежда и всякая вера.

— Гордись, Стивен. Я лично потрудился, чтобы тебя и твоих спутников настигла смерть. Для этого я сам возбудил в голове дурака мысль о шутке, зная, что лишь такой путь обеспечит благополучное завершение проводимой мной в мире работы. Задача имела свои тонкости, и я не мог доверить ее никому. И хотя всеобщее уничтожение — это приятно, но подлинная цель — вовсе не причинять материальных бед человечеству. На самом деле мои действия по навлечению гибели на вас двоих могут оказаться хорошим аргументом, если мои слуги поддались провокации. Если они хотят вступить в отношения с тем, Другим... Но опасность, которую вы представляете, станет ясной для всех лишь тогда, когда настанет для этого время. Я не знаю, когда это произойдет, не знаю, как можно будет определить это время. Но я знаю, что ты для нас опасен уже не будешь...

То, чем я был, съежилось от ужаса. Оно было ничтожнее, чем самая малая часть ничего.

— И все же, — мерно гремел во мне голос, — тебе не обязательно умирать, Стивен. Я предчувствую, что эта женщина, Вирджиния, может оказаться худшим врагом, нежели

ты. Да, я предвижу, что лишившись ее, ты — не угроза Плану. Но она без тебя будет представлять не меньшую опасность, если не большую. Прими во внимание ее ловкость и сноровку, ее таланты. Она, в отличие от тебя, дважды попавшего в ловушку, не попалась ни разу. Прими во внимание также силу ее духа. Желание отомстить за тебя может побудить ее к выяснению истинной подоплеки случившегося. Или, может быть, она предпримет еще что-нибудь. Не могу сказать, что именно. Но я вижу, что хотя ты и горишь, она в ловушке еще не полностью. Хочешь ли ты жить? Хорошо жить, Стивен?..

Что-то более слабое, чем свет, дошедший от самой дальней звезды, вспыхнуло во мне.

— Что я должен для этого сделать?

— Служить мне. Подчиняться моим чарам. Саламандра выпустит тебя, не причинив непоправимого вреда. После того как раны заживут, тебя ждет одно — долгая и счастливая жизнь. Это гарантируют мои чары. Показав что ты свободен, вызови девушку из дома. Будешь усыплять ее бдительность до тех пор, пока над нею, как над тобою раньше, не материализуется Саламандра. Если ты не согласишься, то возвращайся обратно и сгори заживо...

Нечто большее, чем неизмеримая бесконечность, отделяла меня от Вирджинии. У меня не было тела, которое могло бы ответить «да» или «нет». Но точка, которой я сделался, представила, что Вирджиния испытывает ту же, познанную мною, муку. И от этой мысли откуда-то из иного безвременья вырвалась неимоверная ярость, сплавленная с неимоверной ненавистью, и все, что происходило (или этого не было?), взорвавшись, кануло в породившую его пустоту...

Думаю, что бешенство настолько пересилило муку, что я вновь стал сражаться.

Я так думаю. Мне рассказывали, что я сцепил клыки на некотором месте, которым уселась на меня бестия. Говорили, что я кусался и пытался удержать ее на месте. Но боль была слишком сильной, чтобы я мог помнить что-нибудь, кроме самой боли.

Потом саламандра исчезла. Улица была пустой и темной. Лишь луна, и вдали — уцелевший уличный фонарь. И неровный красный отблеск горящих зданий.Тихо, если не считать хруста и блеска пожаров. Когда я очнулся настолько, что вернулось обоняние, первое, что я уловил, был кислый запах дыма.

Это продолжалось несколько минут. Несожженной ткани едва хватило, чтобы восстановить остальные. Когда здоровье вернулось, моя лохматая голова лежала на коленях Джинни.

Похожим на пересохший ремень языком я слабо лизнул ее руку. Будь я человеком, я предпочел бы сохранить позу, приданную мне Вирджинией. Но я обладал волчьим инстинктом и потому, приложив максимум усилий, приподнялся и издал слабый хриплый вой.

— Стив... Боже Всемогущий, Стив, ты спас нас! — шептала Джинни. — Еще несколько минут — и мы бы задохнулись. У меня и сейчас словно песок в горле...

Спрыгнув с прилавка и мяукнув, к нам гордо подошел Свертальф. Он выглядел так самодовольно, как только может выглядеть кот с подпаленными усами и бакенбардами.

Вирджиния прерывисто рассмеялась и объявила:

— Но ты должен этому деятелю пинту сливок или еще что-нибудь в этом роде. Как ты склонил чашу весов в нашу сторону, так и он сделал для тебя то же самое. По крайней мере, подсказал способ помочь тебе.

Я навострил уши.

— Он открыл пивные краны, — сказала она, — а я начала наполнять кувшины и бросать их в саламандру. Это обеспокоило ее, она стала уворачиваться. Видимо, ее уже ослабило действие пара и давление, когда ты пустил в ход свои челюсти. — Джинни ухватила меня за шею. — Эти секунды, пока ты удерживал ее... это же настоящий подвиг!

Пиво! Качаясь, я поднялся на ноги и потащился вглубь пивной. Ничего не понимающие Свертальф и Джинни следовали за мной. Я закусил губу и показал мордой на ближайшие стаканы.

— О, понимаю, — Джинни щелкнула пальцами, — ты хочешь пить... Ты же обезвожен.

Она налила литровую кружку. Захлебываясь, я вылакал ее и показал, что хочу еще. Джинни покачала головой:

— Ты заставил саламандру убраться, но нам еще предстоит иметь с ней дело. Далее будет простая вода.

Метаболизм моего тела перераспределял влагу. Я почувствовал, что окончательно выздоровел. И первая, по-настоящему хорошая мысль — надо надеяться, что в дальнейшем пиво не будет тратиться на драку с Духами. Вторая мысль — что бы ее слова не означали, нам следует заняться этим как можно скорее.

За все приходится платить. Беда оборотней в том, что приняв иной облик, они, естественно, обладают звериными мозгами. Лишь сверху — неглубокий поверхностный слой человеческой личности. Или, говоря проще, будучи волком, я по человеческим меркам отличался редкостной тупостью. Я

был способен понять лишь одно: будет лучше, если я снова превращусь в человека. Поэтому я вышел через открытую дверь на лунный свет и приступил к превращению.

Вы сталкивались когда-нибудь с разъяренной пантерой? Остается лишь проклинать судьбу... Я визгливо завыл и начал превращаться обратно.

— Подожди-ка, — решительно сказала Джинни. Она сбросила с себя обгоревшее, хотя вполне еще пригодное к носке отделанное мехом пальто.

Сомневаюсь, чтобы когда-нибудь кого-либо одевали быстрее. Пальто очень жало в плечах, но было достаточно длинным, если я вел себя осторожно. Ночной ветер холодил мои голые колени, зато лицо по-прежнему жгла саламандра.

Это одна из причин, по которым среди моих тревог отсутствовала мысль о встреченном мною видении. Другая причина — непосредственно угрожающая нам опасность. Опасность сиюминутная, реальная. Кроме того, уж очень неправдоподобно было пережитое мною. Сознательная реконструкция расплывшегося воспоминания о случившемся причиняла просто физическую боль. Даже более сильную, чем когда я вспоминал о предыдущем случае. И наконец, не уверен, чтобы мне хотелось думать об этом.

В голове мелькнуло: дважды, когда я умирал, терял сознание, у меня были схожие видения. Может, следует обратиться к психиатру? Нет, это было бы глупо. Увиденное — не более, чем идиосинкртеическая реакция на травму. Скорее всего, подобного рода травм в моей жизни больше не будет.

И я забыл обо всем этом, а затем торопливо спросил:

— Куда теперь? Проклятая тварь может быть где угодно.

— Думаю, она околачивается возле студенческого городка. Там ей достаточно места, где разгуляться, а она не слишком торопится. В путь.

Пивной зал тлел. Джинни принесла метлу, и мы взмыли в небо.

— Итак, — сказал я, — мы ничего не добились, лишь потеряли время.

— Нет, не совсем так. Я немного разобралась в ее психологии.

Под нами проносились крыши.

Джинни обернулась ко мне:

— Саламандру породили заклинания, и я не знала точно, что она собой представляет. При создании стихийного Духа можно получить, практически, что угодно. Но очевидно, руководитель парада был убежден, что саламандра должна знать

английский. У нее есть даже рудиментарный интеллект. Учти при этом изменчивую природу огня. И что мы в результате получаем? Ребенка!

— Ничего себе ребеночек! — проворчал я, поплотнее запахиваясь в пальто.

— Нет, нет, Стив, это важно! Ей присущи характерные черты, отличающие ребенка. Ограничивающие его черты. Непредусмотрительность, беззаботность, бездумность... Умная саламандра не бушевала бы. Она втихомолку и постепенно накапливала бы силы. А эта даже не понимает, что ей не следует сжигать всю планету. Либо просто не задумывается о такого рода вещах. Потому что откуда она возьмет после всего этого кислород?! Вспомни так же ее фантастическое тщеславие. Она пришла в неописуемую ярость, когда я сказала, что существуют силы более могущественные и прекрасные, чем она. Причем замечания, касающиеся могущества и красоты, разозлили ее одинаково сильно. У нее нет способности надолго задерживать на чем-либо свое внимание. До того, как начать беспокоиться о причинении нам сравнительно незначительных неприятностей, она могла бы сперва убить тебя либо Свертальфа, либо меня. И могла бы, когда ты вцепился в нее, скрежеща зубами, выдержать боль на короткое мгновение и не слезать с тебя до тех пор, пока ты не погибнешь...

Ее голос дрогнул, и она торопливо продолжила:

— В то же время, пока ее внимание не рассеивалось, пока ничто не отвлекало ее, она концентрировалась только на одном исходе. Она забыла, что она лишь часть большого целого и исключала все возможные результаты. — Джинни задумчиво кивнула. — Должен существовать какой-то путь воздействия на ее психику.

Мое собственное тщеславие не такое уж маленькое.

— Я не был сравнительно незначительной неприятностью... — проворчал я.

Джинни улыбнулась, и, дотянувшись, погладила меня по щеке:

— Все хорошо, Стив, все прекрасно. Я рада, что ты такой же. Я убедилась, что ты будешь хорошим мужем.

Эта фраза здорово ободрила меня, но хотелось бы точно знать, что она подразумевала под этим.

Мы обнаружили саламандру. Там, внизу, она поджигала театр. Но пока я смотрел на нее, она, полыхнув, исчезла и вновь появилась на расстоянии мили, возле медицинского исследовательского центра. Не выдержав жара, кирпич стал покрываться стекловидной пленкой. Мы приблизились, а са-

ламандра тем временем с раздражением ударилась о стенку. Потом она вновь исчезла. Невежественная, импульсивная... ребенок. Адское создание.

Развернувшись над студенческим городком, мы увидели свет в окнах административного корпуса.

— Вероятно, здесь устроили штаб, — сказал Джинни. — Сейчас узнаем новости.

Свертальф приземлился на бульвар перед зданием. Мы, спотыкаясь, побрели вверх по ступеням.

Дверь охраняли вооруженные противопожарным снаряжением легавые.

— Эй, вы! — Один из них загородил нам дорогу. — Куда вы направляетесь?

— На совещание, — Джинни пригладила волосы.

— Вот как? — Полицейский взглянул на меня. — Одет и взаправду для совещания... Все, что творилось этой ночью... — Хохот полицейского переполнил чашу терпения. Я превратился в волка и тряхнул легавого за штаны. Он замахнулся дубинкой, но Джинни превратила его в маленького боа-констриктора. Я снова превратился в человека и предоставил банде полицейских решать возникшие у них проблемы самим. Мы прошли в зал.

Зал совещания преподавательского состава был набит битком. Мальзус собрал всех своих профессоров. Мы вошли и я сразу же услышал его звучный голос:

— Постыдно. Власти не захотели прислушаться к моему мнению. Джентльмены! Город выступил против носящего мантию ученого! Мы обязаны защищать честь...

Мальзус замигал, увидев меня и Джинни, входящую со Свертальфом. Его лицо приобрело пурпурный цвет, когда он заметил торчащие из-под пальто мои голые колени. В самом деле, я был в блеске своей славы. Отделанное норкой пальто и щетинистый подбородок.

— *МИСТЕР МАТУЧЕК!!!*

— Он со мной, — отрывисто бросила Джинни. — Пока вы тут заседаете, мы сражались с саламандрой.

— Возможно, чтобы победить ее, требуется нечто большее, чем мускулы, — улыбнулся доктор наук Алам Аберкромби. — Больше даже, чем мускулы волка. Как я вижу, мистер Матучек остался без штанов в самом прямом смысле этого слова...

Джинни холодно глянула на него:

— Я полагала, что ты руководишь гидрой...

— О, у нас уже достаточно специалистов, чтобы использовать одновременно трех водяных Духов, — сказал Аберкром-

би. — Рутинная работа. Я понял, что мое место здесь. Скоро мы без труда справимся с пожарами.

— А саламандра тем временем зажжет новые, — отрезала Джинни. — И с каждым пожаром она делается все сильнее и сильнее... пока вы здесь сидите и благодушествуете.

— Ну, моя дорогая, спасибо на добром слове, — он рассмеялся.

Я так сжал челюсти, что сделалось больно. Джинни в ответ на смех улыбнулась. Улыбнулась на самом деле.

— К порядку! К порядку! — гудел президент Мальзус. — Мисс Грейлок, садитесь, пожалуйста. Хотите ли вы что-нибудь добавить к дискуссии?

— Да. Теперь я понимаю, что представляет собой саламандра.

Она заняла место за дальним концом стола. Это был последний оставшийся незанятым стул. Так что мне пришлось с несчастным видом болтаться на заднем плане. Ах, если бы на ее пальто было больше пуговиц!

— Так вы знаете, как ее можно уничтожить? — спросил профессор алхимии Линден.

— Нет, но я поняла ее образ мышления.

— Нас больше интересует, как ею можно управлять, — скривился Линден. — Как мы можем, наконец, от нее избавиться? — Он прочистил горло. — Очевидно, прежде всего, нам нужно понять, какой процесс позволяет ей быстро передвигаться.

— Ну, это просто, — пыхнул трубкой Грисволд.

Его голос был заглушен басом Линдена:

— Процесс, в основе которого лежит, конечно, общеизвестное свойство взаимодействия огня со ртутью. Поскольку, в сущности, в наши дни в каждом доме есть, по меньшей мере, хоть один термометр...

— При всем моем уважении, дорогой сэр, — прервал его астролог Витторио, — должен сказать, что вы говорите сущий вздор. Дело просто в том, что Меркурий и Нептун, совпав с созвездием Скорпиона...

— Вы не правы, сэр, — возразил Линден, — крайне неправы!

— Давайте справимся в «Арс тавматургике»... — Он пошарил руками в поисках экземпляра, но тот куда-то пропал.

Чтобы найти книгу, алхимику пришлось пропеть адаптированный вариант заклинания, используемого племенем Добу при поисках бататов.

А Витторио тем временем вопил:

— Нет, нет и нет! Совпадение со Скорпионом, если

учесть, что им противостоит Уран в своем восхождении, что я могу легко доказать... — он подскочил к доске и принялся чертить на ней диаграмму.

— Ну вот, поехали! — вмешался метафизик Джаспер. — Не понимаю, как вы оба можете так ошибаться! Как было доказано мной в докладе, прочитанном на последней конференции «Тройственных англосаксонцев», внутренняя природа матрицы...

— Это было опровергнуто еще десять лет назад, — закричал Линден. — Средство...

— Динг эн зих... (непонятно, на каком языке)

— Уран...

Я украдкой подобрался к Грисволду и дернул его за рукав. Он последовал вслед за мной в угол зала.

— Ладно, как же действует эта окаянная тварь? — спросил я.

— В основном ответ дает квантовая механика, — прошептал он. — Согласно принципу неопределенности Гейзенберга, существует определенная вероятность нахождения фотона в какой-либо точке пространства, чтобы изменить свои пространственные координаты обычного дифракционного процесса. Наблюдается пси-переход. В результате она переходит от точки к точке, не пересекая разделяющее пространство и не появляясь в нем. Это очень напоминает скачок электрона, хотя, если быть точным, аналогия не совсем корректная, ибо меняется влияние...

— Ладно, это не важно, — вздохнул я. — Наш разговор делается чуточку беспорядочным. Не лучше ли нам...

— Заняться первоначально поставленной целью, — согласился подошедший к нам Аберкромби.

Вместе с ним к нам присоединилась Джинни.

Тем временем Линден успел подбить глаз Витторио, а Джаспер забрасывал их обоих кусками мела.

Наша оставшаяся вне схватки группа отошла поближе к двери.

— Я уже нашел ответ, — сказал Аберкромби. — Но мне нужна помощь. Волшебство трансформации. Мы превратим саламандру во что-то иное, с чем мы можем легко справиться.

— Это опасно, — возразила Джинни. — Понадобятся действительно сильные заклинания, а это такая вещь, что результаты могут оказаться обратными. Что тогда случится, предсказать невозможно.

Аберкромби выпрямился и уставился на нее с благородной болью:

— Ради тебя, моя дорогая, я готов встретить любую опасность...

Она посмотрела на него с восхищением.

Меня всего скрутило.

— Пойдем, — сказала она, — я тебе помогу.

Грисволд схватил меня за руку:

— Не нравится мне это, мистер Матучек, — поведал он. — Искусство трансформации слишком ненадежно. Должен, наверное, существовать какой-то иной метод, основанный на законах природы. На законах, которые можно было бы выразить качественно.

— Да, — печально сказал я. — Но что это за метод?

Я пошел к сблизившимся над книгами головам Джинни и Аберкромби. Рядом вышагивал Грисволд и Свертальф, дергающий из стороны в сторону хвостом. Профессора ничего не замечали, они были слишком заняты собой.

Мы вышли и проследовали мимо бесившейся втихомолку (мы их хорошо запугали) банды полицейских.

В его химическом отделе были все необходимые нам вещества. Мы вошли в отозвавшуюся эхом темноту.

Вот и наша цель. Лаборатория первого курса. Длинная комната, в которой рабочие столы со скамьями, полки и тишина. Грисволд включил свет.

Аберкромби осмотрелся:

— Так, нам придется затащить сюда саламандру. Она обязательно должна быть здесь, иначе мы ничего не сможем сделать.

— Действуй и будь наготове, — сказала Джинни Аберкромби. — Я знаю, как заманить сюда эту бестию. Небольшая трансформация.

Она подготовила пробирки, заполнила их различными порошками и бегло начертила на полу символы. Уже были подготовлены к работе увенчанные шарами волшебные палочки.

— Что вы надумали? — спросил я.

— Ох, не путайся под ногами! — вскрикнула Джинни.

Я сказал себе, что это вызвано просто слабостью и отчаянием. Но все равно было больно.

— Мы, разумеется, используем ее тщеславие. Я приготовлю римские свечи, ракеты, заряды. Выпустим в воздух все это, и, естественно, она явится продемонстрировать, что она способна сотворить еще более эффектные штучки.

Грисволд и я забились в угол. Началась большая игра. Если честно, я был напуган. Костлявые колени крошки-ученого стучали друг о друга, выбивая дробь маршевого ритма. Даже Джинни... Да, на ее гладком лбу выступили бусины пота. Если задуманное удастся, мы, вероятно, приговорены. С нами покончат либо саламандра, либо непредвиденная отдача за-

клинания. И мы понятия не имели, не сделалась ли тварь слишком большой, чтобы ее удалось трансформировать.

Подготовив свои огненные изделия, ведьма подошла к раскрытому настежь окну и высунулась. Голубые и красные шары, рассыпая потоки искр, с шипением унеслись в небо и там взорвались.

Аберкромби закончил чертить свои диаграммы. Улыбаясь, обернулся к нам:

— Прекрасно! Все под контролем. Я обращу энергию саламандры в материю. Как вам известно, Е равняется МС в квадрате. Матучек, зажгите бронзовую горелку и поставьте на нее мензурку с водой. Грисволд, включите и выключите свет, а потом включите поляроидные лампы. Нам понадобится поляризованное излучение.

Мы повиновались, хотя меня корежило при виде старого заслуженного ученого в качестве лаборанта согласно снисходительным указаниям этого карточного паяца. Вот уж ловкач — мечта рекламного агентства...

— Вы полностью убеждены, что это сработает? — спросил я.

— Разумеется. — Он улыбнулся. — У меня есть опыт. Во время войны я был в интендантском корпусе.

— Так, — сказал я, — но превратить грязь в солдатские пайки — это не то же самое, что трансформация этого чудовища.

Мне вдруг сделалось тошно. Я вспомнил, как он напортачил с гидрой. Я понял правду. Аберкромби был уверен в себе, он не боялся потому, что знал слишком мало!

С минуту я не мог пошевелить ни одним мускулом. Грисволд с несчастным видом нес в руках какие-то металлические предметы. В былые дни он, кажется, использовал их, когда проводил с первокурсниками эксперименты. Он пытался научить их общаться с химическим оборудованием. Боже, это было так давно, кажется, миллион лет назад...

— Джинни! — Я, спотыкаясь, кинулся к окну, возле которого стояла Вирджиния. За окном в воздухе зависла радуга. — Господи, дорогая, остановись...

Грянул гром, и в комнате появилась саламандра. Полуослепший, я отшатнулся назад.

Ужасающе выросшая саламандра заполняла всю противоположную часть лаборатории.

Поверхности столов и стульев начали дымиться.

— Ах так! — от огня чуть не лопнули барабанные перепонки.

Свертальф взвился на верхнюю полку и опрокинул на паразитку бутылку с кислотой. Она этого не заметила.

— Та-ак! Маленькие влажные букашки, вы пытались превзойти меня!

Аберкромби и Джинни подняли свои волшебные палочки и выкрикнули несколько коротких слов. Заклинание трансформации.

Припав к полу в углу, я пытался хоть что-нибудь разглядеть сквозь клубы вонючего пара. И увидел: Джинни пошатнулась, а затем, спасаясь, отпрыгнула в сторону. Она явно поняла, что результат оказался не тот, которого ожидали.

Раздался дробящий все взрыв, в воздух полетели осколки стекла...

Меня прикрывало тело Грисволда, и волшебство всего лишь превратило меня в волка. Джинни стояла позади скамейки на четвереньках. Она была почти без сознания, но невредима. Благодарение, вечное благодарение охраняющим нас Силам! Невредимая...

Свертальф... на полке тявкала пекинская болонка. Аберкромби исчез. Зато к двери мчался, стеная, шимпанзе в твидовом костюме.

На пути обезьяны грохнул взрывом огненный шар. Она завертелась, завизжала и отскочила от поднявшихся клубов пара. Саламандра изогнула спину и заревела.

Это она смеялась.

— Так вы хотели испробовать свои штучки на мне? Всемогущей, Ужасной, Прекрасной?! Ну, вы попрыгаете... как вода на раскаленной сковородке! И я, я — та сковородка, на которой вы будете поджариваться!

Почему-то отдающая низкопробной мелодрамой, речь саламандры не казалась нелепой. Это была обладающая детским разумом, хвастливая, бесчувственная, пожирающая все тварь, которую выпустили на Землю, чтобы она обратила в пепел и дома человека, и самого человека.

Оказавшись под поляризованным светом, я вновь превратился в человека и вскочил на ноги. Грисволд открыл водопроводный кран и, прижав струю воды пальцем, направил ее на саламандру. Саламандра раздраженно зашипела. Что ж, вода по-прежнему вредила ей, но потушить саламандру мы не могли, у нас было слишком мало жидкости. Теперь для этого понадобилось бы целое озеро.

Голова саламандры качнулась. Она разинула пасть, целясь в Грисволда, и длинным толчком выдохнула:

— Все суета и тщеславие...

Я перекатился к бунзоновской грелке, на которой кипела никому не нужная мензурка. Взгляд Джинни блестел сквозь

свесившуюся на глаза обгорелую челку. От жара комната пошла кругом, с меня потоками лил пот. Нет, не было у меня никакого озарения, мною руководил голый инстинкт и беспорядочно кувыркающиеся воспоминания.

— Убей нас! — крикнул я. — Убей, если смеешь! Наш слуга более могущественен, чем ты. Он разыщет тебя на краю света!

— Ваш слуга? — Взвились языки пламени.

— Да... Я всерьез говорю! Да, наш слуга: огонь, который не боится воды!

Зарычав, саламандра немного отступила. Она еще не настолько окрепла, чтобы страшное имя Воды не заставило ее колебаться.

— Покажи мне его. — Она дрожала. — Покажи... Я посмею...

— Наш слуга... маленький, но очень могущественный, — скрежетал я. — Он ярче и прекраснее тебя! И ему не страшна стихия Воды! — Я, шатаясь, добрался до банки, где лежали обломки металла. Щипцами вытащил пару кусков. — Осмелишься ли ты посмотреть на него?

Саламандра рассвирепела:

— Осмелюсь ли я? Спроси лучше, посмеет ли он сравниться со Мной?

Я глянул искоса. Джинни поднялась на ноги. Она уже схватила свою палочку, глаза ее сузились.

Тишина повисла в комнате, словно в ней сконцентрировалась тяжесть всего мира. И пропали, сгладились все оставшиеся на свете звуки — и треск огня, и невнятное обезьянье бормотание Аберкромби, и негодующее тявканье Свертальфа. Щипцами я взял узкий и длинный кусок магния, затем поднес его к пламени горелки.

Металл вспыхнул голубовато-белым пламенем. Я отвернулся. Глаза не выдерживали ослепительного фиолетового сияния. Даже саламандра сверкала менее ярко. Зверюга было попыталась сравниться с ним, но этот подвиг был ей не под силу... Она отпрянула.

— Смотри! — Я еще выше поднял пылающий кусок.

Из-за спины донеслось быстрое бормотание Джинни:

— О, Индра, Абадонна, Люцифер...

Детский разум, не способный охватить более одного объекта в один промежуток времени... но как долго протянется этот промежуток? Я должен полностью владеть вниманием, нам нужно всего две минуты.

— Огонь. — Саламандра была обеспокоена. — Всего лишь еще один огонь. Крохотная часть породившей меня силы.

— Способна ли ты на подобное чудо?

Я сунул кусок в мензурку. Из воды вырвался клуб пара. Вода зашипела, пошла пузырями. Но металл продолжал гореть.

— ...абире экс орбис территория... — благоговейно шептал Грисволд.

— Это какой-то фокус! — завизжала саламандра. — Это невозможно, если этого не могу даже Я! Нет!

— Оставайся там, где стоишь! — гаркнул я в лучших армейских традициях. — Ты все еще сомневаешься, что мой слуга настигнет тебя всюду, где бы ты не скрылась?!

— Я убью это маленькое чудовище!

— Приступай немедля, дружище! — согласился я. — Не хочешь ли устроить дуэль на дне океана?

В поднятый нами шум вплелись пронзительные свистки. В окнах появились полицейские.

— Я покажу вам! — рев едва не перешел в рыдание.

Толкнув сперва Грисволда, я нырнул под лавку. На то место, где я стоял, обрушился фонтан пламени.

— Цып, цып, цып, — звал я. — Все равно не сможешь поймать меня! Ты же боишься, кошка драная!

Свертальф кинул на меня негодующий взгляд.

Пол затрясся, когда Дух кинулся на меня. Саламандра не огибала столы и скамейки, а просто прожигала себе сквозь них дорогу. Раскаленный жар вцепился в меня, впился когтями в глотку. Извиваясь, я катился во тьму.

И все кончилось.

Джинни вскрикнула с триумфом:

— Амен!

И в опустевшем воздухе грохнул разряд грома.

Кренясь и шатаясь, я встал на ноги. Джинни упала мне на руки. В лабораторию полезла полиция. Грисволд проверещал, что нужно позвонить в Департамент Огня и Пожаров, пока еще не все здание обратилось в дым.

Свертальф соскочил с полки. Он забыл, что пекинской болонке не присуща кошачья ловкость. В итоге, в его выпученных глазах закипело глубокое и праведное негодование...

12

Снаружи, на бульваре, было прохладно. Мы сидели в покрытой росой траве. Я смотрел на луну и думал о том, как это много и удивительно — жить.

Нас разделяли чары постановления, но лицо Джинни светилось нежностью. Мы едва ли обращали внимания на тех, кто бежал мимо, крича, что саламандра исчезла. Мы почти не

слышали трезвона церковных колоколов, возвещавших новость людям и небу.

Пробудил нас своим лаем Свертальф.

Джинни тихо рассмеялась:

— Бедняга! Как только смогу, сразу же превращу его обратно. Но сейчас у меня более неотложные дела. Идем, Стив.

Грисволд, убедившийся, что его бесценная лаборатория в безопасности, следовал за нами, тактично сохраняя дистанцию. Свертальф остался на месте. Полагаю, что он просто не мог двигаться. Его слишком потрясла мысль о том, что есть дела более важные, чем превращение его в кота.

Доктор Мальзус встретил нас на полдороге, как раз под одним из фонарей Святого Эльма. Лунный свет выбелил его лицо. Пенсне блестело.

— Моя дорогая мисс Грейлок! — начал он, — это действительно правда, что вы отвели от общества нависшую над нами угрозу? Ваши действия в высшей степени заслуживают внимания. В славные анналы этого славного заведения, в котором я имею честь быть президентом...

Подбоченясь, Джинни повернулась к нему и пригвоздила на месте ледяным взглядом, с каким он наверняка никогда не сталкивался.

— Похвалы следует адресовать мистеру Матучеку и доктору Грисволду. Так я и информирую прессу. Не сомневаюсь, что у вас появится желание выделить ассигнования на имеющие громадное значение исследования доктора Грисволда.

— Ох, но, право... — заикаясь, начал ученый, — я не...

— Замолчите, вы, простофиля, — шепнула Джинни. И громко: — Лишь благодаря проявленной им смелости и дальновидности, лишь благодаря его приверженности к основополагающим современным теориям, глубокому знанию законов природы... Мальзус, остальное вы сможете добавить сами. Не думаю, чтобы вы были особенно популярны, если и далее будете держать возглавляемый доктором Грисволдом отдел на голодном пайке.

— О... действительно... в конце концов... — президент распростер плечи. — Я уже собирался внимательнейшим образом обсудить высказанную вами идею. Точнее, она будет рекомендована к утверждению на ближайшем заседании правления.

— Я поддержу вас в этом, — сказала Джинни. — Далее — это дурацкое правило, ограничивающее отношения преподавателей и студентов... Мистер Матучек в недалеком будущем станет моим мужем и...

Бац! Я попытался вновь обрести дыхание.

— Дорогая мисс Грейлок, — забрызгал слюной Мальзус. — Правила приличия, пристойность... у него неприличен даже внешний вид.

Я с ужасом понял, что в суматохе каким-то образом потерял пальто Джинни.

Появились двое легавых, они тащили кого-то волосатого, бьющегося в их руках... Третий нес свалившуюся с шимпанзе одежду.

— Простите, мисс Грейлок. — Это было сказано чрезвычайно почтительным тоном. — Мы нашли эту потерявшуюся обезьяну и...

— Ах, да, — Джинни рассмеялась. — Нам придется вернуть ей прежний облик, но не прямо сейчас. Стив больше нуждается в этих брюках.

Я нырнул в штаны, словно змея в нору.

Джинни обернулась с ангельски сладкой улыбкой к Мальзусу:

— Бедный доктор Аберкромби, — вздохнула она, — вот что случается, когда имеешь дело со сверхъестественными силами. Полагаю, сэр, что у вас нет правил, запрещающих представителям профессорско-преподавательского состава проводить исследования?

— О, нет, — сказал президент дрожащим голосом. — Разумеется, нет. Наоборот, мы надеемся, что наши сотрудники в своих публикациях...

— Ну, конечно, полагаю, что наиболее интересные исследовательские проекты предусматривают изучение трансформации. Допускаю, что это немного опасно. Волшебство трансформации может привести к нежелательным результатам, как это случилось с доктором Аберкромби.

Джинни оперлась на свою волшебную палочку, задумчиво скользя взглядом по дерну.

— Может случится... да, есть маленькая вероятность, что в обезьяну превратитесь вы, дорогой доктор Мальзус. Или, например, в червя. В длинного скользкого червя. Но мы не позволим, чтобы эти обстоятельства препятствовали развитию науки. Не так ли?

— Что?! Но...

— Естественно, — мурлыкала ведьма, — если бы мне предложили возможность общаться с моим женихом так, как мне хочется, то у меня не было бы времени на подобного рода исследования.

Чтобы признать поражение, Мальзусу пришлось потратить лишних пятьдесят слов. Покосившееся величие — он не

сдавался до тех пор, пока над студенческим городком не погас последний отблеск фонаря.

Джинни неторопливо скользнула по мне взглядом:

— Правило не может быть официально отменено вплоть до завтрашнего утра, — шепнула она. — А тогда... ты сможешь пропустить несколько лекций?

— Ка...ак? — сказал доктор Алам Аберкромби.

Затем появился полный негодования Свертальф и загнал его на дерево...

13

Сейчас — короткая интермедия. Первый учебный год для нас закончился. Джинни гордилась моими сплошными пятерками по шаманистике и математическому анализу. Она помогала мне в критические моменты по колдовским языкам (Грисволд оказал мне такую же услугу по электронике). Поскольку мы решили сыграть нашу свадьбу в июне, Джинни пришлось кое-что изменить в своих учебных планах.

Думайте о бывшей высокооплачиваемой Нью-Йоркской ведьме все что угодно, но не считайте ее наивной. Конечно, у Джинни был характер. Приобрела она и своего рода опыт. Однако специализировалась она в тех областях Искусства, где, помимо упрямой верности и чистоты характера, требуется также и невинность. Такого рода специалистки оплачиваются соответственно. Теперь моей девочке, которая соединила лед и пламень, придется сделаться всего лишь одной новобрачной. Ну и что из этого? В следующем году она приобретет необходимые знания и компенсирует свое замужество.

Мы не могли скрыть от средств массовой информации нашу роль в тушении саламандры. Но Мальзус, оглушительно трубящий, что университет спас этот прекрасный городок от гибели, страстно желал нашей дружбы. И с его помощью мы ухитрились сбить газетчиков с толку. Так что скоро общественность перестала нами интересоваться.

Грисволд чуть не тронулся, получив ассигнования больше, чем он, по его мнению, заслуживал.

Заодно его возмущало, что мы получили меньше, чем заслуживали.

Это продолжалось до тех пор, пока он не узнал, что данные нам деньги необходимы лишь для того, чтобы гарантировать наше уединение. Кроме того, нам хотелось быть уверенными, что правило, касающееся свиданий, так и останется аннулированным. И что в прочих аспектах наша жизнь в Трисмегисте окажется сносной.

Так что пришлось заключить с Мальзусом молчаливое соглашение о сотрудничестве: в свою очередь мы должны были не дать прилипнуть к нему клейму труса и, напротив, способствовать восстановлению его чувства собственного достоинства.

Вот так протекли зима и весна. Все было чудесно и изумительно.

Я мог пропустить весь этот период, но не могу удержаться, чтобы не остановиться на... на, по крайней мере, одном моменте.

— Нет, — сказал я партнеру и другу моей невесты. — Медовый месяц мы проведем без тебя.

Он прижал уши и возмущенно сказал:

— Фрр-мяу!

— Ты же прекрасно проведешь весь месяц в этой квартире. Управляющий обещал кормить тебя каждый вечер. В то время, когда он ставит молоко для домового. И не забывай, что если приходит домовой, ты не должен за ним охотиться. Ты делал это уже три раза подряд, когда мы с Джинни уходили обедать. После последнего случая добрый народец превратил наш мартини в сладкую воду.

Свертальф сверкнул желтыми глазами и забил по бокам хвостом. Я вообразил, что такое для кота те, кто, черт возьми, величиной с мышь и спасается бегством, словно мышь... Что ж, они должны рассчитывать, что с ними будут обходиться, словно с мышами.

— Он будет приходить сюда, чтобы стирать пыль и менять твой песок, — напомнил я самым непреклонным голосом. — Ты можешь покидать квартиру, если тебе захочется свежего воздуха. В любую минуту бери метлу и лети в дымовую трубу. Но домовой неприкосновенен — запомни это, хвастун. И если я, вернувшись, узнаю, что ты гонялся за ним, то превращусь в волка, и ты будешь отсиживаться на дереве, понял?

Свертальф дернул хвостом в мою сторону, а затем поставил его вертикально.

В комнату вошла Вирджиния Грейлок, которая несколько часов назад (не могу поверить) стала миссис Матучек. Я увидел ее: высокую, изящную, тонкую, в белом платье, увидел ее прекрасное лицо и облако рыжих волос, падающих на плечи.

Я был так ошеломлен, что воспринял ее голос, как симфонический оркестр.

Ей пришлось повторить:

— Дорогой, ты абсолютно уверен, что мы не можем взять его с собой? Это такое испытание для его нервов!

Я очухался достаточно, чтобы ответить:

— Его нервы сделаны из оружейной стали. Это прекрасно, что он хочет спать с нами в одной постели... Когда мы вернемся, допускаю, что это разумно... но неразумно, если весь мой медовый месяц на моем животе будут находиться пятнадцать фунтов веса черного колдовского кота. Кроме того, что еще хуже, он предпочитает твой живот...

Джинни залилась румянцем:

— Будет непривычно и странно, если я, после стольких лет, останусь без него. Он мой близкий друг. Если он обещал вести себя хорошо...

Свёртальф, успевший забраться на стул, терся об ее бедро и мурлыкал. Мне в голову пришла неплохая мысль. И все же я опустил поднятую было ногу.

— Он не способен вести себя хорошо. И он не нужен тебе. Мы же собираемся забыть обо всем на свете, забыть о делах, так ведь? Я не буду штудировать никаких текстов, не стану навещать моих товарищей-оборотней. Мы даже не посетим семейство койотов-оборотней из Акапулько, тех, которые приглашали нас. Ты не собираешься заниматься колдовством и посещать шабаши. Мы с тобой будем вдвоем, и я не хочу, чтобы твоя мохнатая штучка... — я моментально осекся.

Но Джинни не заметила. Она лишь вздохнула и, кивнув, начала гладить спину коту.

— Хорошо, дорогой, — сказала она, и в ней будто щелчком возродилось былое: — Решил напялить семейные кальсоны? Наслаждайся, покуда сможешь.

— Намерен это делать всегда, — похвастался я.

Она вздернула голову:

— Всегда? — Потом поспешно добавила: — Нам пора отправляться. Все упаковано.

— Давай, супруга, — согласился я.

Она показала мне язык.

Я погладил Свертальфа:

— До свиданья, дурачок. Надеюсь, ты не в обиде?

Он легонько куснул мою руку, заявив тем самым обратное.

Джинни крепко обняла его, затем схватила меня за руку и торопливо повлекла к двери.

Дом, в который нам предстояло потом вернуться, находился вблизи Трисмегиста. Наша квартира находилась на третьем этаже. Состоявшаяся утром свадьба была тихой и скромной. Несколько друзей в церкви, потом завтрак у кого-то из них дома. А затем мы сказали им: «До свидания». Нью-Йоркские родственники Джинни и мои — в Голливуде — были богаты. Они скинулись и подарили нам персидский ковер.

Подарок нас несколько потряс, но покажите новобрачных, которым не хотелось бы роскоши.

Ковер лежал на лестничной площадке под лучами солнца, его краски пылали. На заднем краю громоздился багаж. Мы уютно уселись бок о бок на подушках из полимеризированной морской пены. Джинни прошептала слова команды. Ковер двинулся так плавно, что я не заметил, как мы поднялись в небо. Ковер не обладал той скоростью, что спортивная модель помела, но триста драконьих сил вынесли нас из города за считанные минуты.

Под нами развертывались громадные районы Среднего Запада. Здесь и там, словно серебряные ленты, блестели реки. Мы неслись, и порывы ветерка не проникали за защитный экран. Джинни выскользнула из платья. Она была одета только солнцем, и теперь я понял теорию защитного переноса. Отсутствие чего-то имеет столь же реальное значение, как и наличие.

Мы летели на юг и купались в солнечном свете. Когда наступили сумерки, мы остановились и поужинали в очаровательном ресторанчике. Нам не хотелось останавливаться в помело-отеле и мы полетели дальше.

Ковер был мягкий, толстый и уютный. Я хотел было поднять откидной верх, но Джинни сказала, что если мы спустимся пониже, то там будет теплее. И она оказалась права.

Небо было усеяно звездами. А потом поднялась большая желтая луна, и в ее свете половина звезд исчезла. Воздух был наполнен шепотом, внизу была темная земля, и мы слышали, как поет слитный хор кузнечиков. И все, что будет потом, нас не интересовало...

14

Я точно знал, куда мы направляемся. Мой фронтовой друг, Хуан Фернандец, нашел хорошее применение приобретенным в армии знаниям. Он служил в секции пропаганды и создал там немало превосходных сценариев. Теперь он готовил уже не посылаемые на врага кошмары, а сонные серии.

Передачи пользовались популярностью, и заказчики хорошо платили Хуану. По сути, все любили Хуана, если не считать психоаналитиков. Теперь, когда научные исследования привели к созданию противомагийной техники, психоанализ устарел. Хуан в прошлом году соорудил в стране своих предков дачный домик. Домик был выстроен почти на самом побережье Соноры — это одно из наиболее красивых мест Мидгарда.

Фернандец пригласил меня сюда на этот месяц, и мы с Джинни запланировали на этот срок нашу свадьбу.

В полдень следующего дня мы пошли на посадку. К западу от нас голубым и белым огнем играл Калифорнийский залив. Выглаженная прибоем широкая полоса песчаного пляжа, громоздившиеся ярус за ярусом утесы и, наконец, вся разворачивающаяся к востоку страна — сухая, застывшая, внушающая страх... А наш домик, возвышающийся над склоном был окружен зеленью.

Джинни захлопала в ладоши:

— О, я никогда бы не поверила, что такое возможно.

— Вы, жители восточных штатов, не знаете, как велика страна.

Я был полон самодовольства.

Она заслонилась от слепящего солнца и указала:

— А что там такое?

Мой взгляд не мог оторваться от ее руки, поэтому я просто вспомнил. Над утесами, примерно в миле к северу от нашего домика и на несколько футов выше, виднелись полуосыпавшиеся стены, окруженные грудами камней. В северном углу хмуро встречала ветер башня, торчащая обломанным зубом.

— Ла Форталеза, — сказал я. — Построена испанцами в семнадцатом веке. Какого-то дона осенила идея разбогатеть, разрабатывая этот край. Он воздвиг замок в качестве опорного пункта и резиденции. Привез жену из Испании. Но все пошло плохо, и замок вскоре оказался покинутым.

— Давай мы его обследуем.

— Хорошо, если тебе хочется.

Джинни положила руку мне на плечо:

— Стив, почему у них пошло все плохо? Что им противодействовало?

— О... ничего. Я не особенно интересовался Форталезой. Даже будучи человеком, я ощущал там что-то враждебное. Однажды, приняв волчий облик, я отправился туда после наступления темноты и... это было омерзительно. Причем ощущалось не столько физически, сколько... А, не будем об этом.

— Испанцы в те времена обращали туземцев в рабство, — сказала она задумчиво, — не так ли? Вообрази, сколько человеческих смертей повидал этот замок! И смерть оставила на нем свой след. Но это было давным-давно. Мы осмотрим его. Руины очень живописны и выглядят отсюда потрясающе. Если тебя действительно беспокоят привидения...

— Дорогая, забудем об этом! Я не подвержен суевериям!

И мы поселились в домике, действительно забыв об этом.

Дом был построен под монастырь — белые стены и красная черепичная крыша. Он был окружен двором, где весело

играл фонтан, вокруг которого располагался сад. Зелень травы и листьев, красный, белый, пурпурный, золотой узор цветочных клумб завершал красоту дома. Мы были совершенно одни. Почва была насыщена Землей и Водой — следовательно, в уходе не нуждалась. Две другие стихийные силы кондиционировали в доме воздух. Кроме того, чистота там тоже поддерживалась волшебными силами (дорогостоящее это удовольствие — заклинание чистоты).

Поскольку Джинни временно выбыла из магической деятельности, она приготовила завтрак по-мексикански из привезенных нами припасов. Она была так прелестна в шортах, купальнике и переднике с оборочками, что у меня не хватило духу вылезти с предложениями поучить ее готовить. Джинни громко крикнула от восторга, когда грязная посуда сама полетела на кухню. Она даже пошла за ней следом — вдруг какая-нибудь из тарелок захочет упасть вместо воды на пол.

— Это самая современная посудомойка, о которой я когда-либо слышала, — воскликнула Джинни.

Во второй половине дня у нас было много свободного времени, и мы отправились купаться в прибое. Когда солнце село, мы вскарабкались по желтой скале обратно. Эта скала была как лестница, ведущая в небо. Мы проголодались, и я поджарил на углях бифштексы. Во время еды мы молчали. Потом ушли в патио и оттуда, сидя на сбитых из досок стульях, любовались морем и держались за руки, и звезды высыпали на небо, чтобы приветствовать нас.

— Давай, когда взойдет луна, сменим кожу на шкуру и чуть порезвимся, — предложил я. — Из тебя выйдет очаровательная волчица. Я бы, гм... ну, неважно!

Она покачала головой:

— Я не могу, Стив, дорогой.

— Ты наверняка сможешь. Конечно, понадобится пустить в ход волшебство, но...

— В том-то и дело. У тебя человеко-волчьи гены. Все, что тебе нужно для изменения — это поляризованный свет. Но для меня изменение означает большую трансформацию и... Не знаю. Я чувствую, что не смогу этого сделать. Даже не могу сейчас вспомнить формулы. Вообще ничего не могу вспомнить. Все, что я знала, смешалось и улетучилось даже в большей степени, чем я ожидала. Мне придется заново пройти курс обучения по самым элементарным вещам. А сейчас... меня может изменить только профессионал.

Я вздохнул. Ведь я надеялся, что мы вместе превратимся в волков. Нельзя по-настоящему узнать мир, обладая только

человеческими чувствами и разумом не используя ощущения, присущие зверю. А ведь Джинни, разумеется, часть этого мира... Что ж!

— О'кей, — сказал я. — Тогда сделаем это позднее, когда ты вновь станешь специалистом.

— Конечно. Мне очень жаль, дорогой. Но если хочешь пробежаться в волчьем облике сам — беги.

— Без тебя — нет.

Она тихо рассмеялась:

— А вдруг у тебя появятся блохи?

Затем наклонилась, чтобы укусить меня за ухо.

И тут мы услышали шаги.

Я вскочил на ноги. То, что я бормотал при этом, особым гостеприимством не отличалось. Под бархатным небом, по тропинке, змеей уходящей вглубь страны, к нам приближалась какая-то тень.

«Что за черт, — подумал я. — Кто-то из расположенной отсюда в десяти милях деревни? Но...»

Когда я человек, мой нос очень нечуток по моим же волчьим стандартам, но запах, который я уловил, мне не понравился. Не то чтобы это был неприятный запах. Наоборот, от его острого аромата полускрытое сумерками лицо Джинни сделалось еще прекраснее. И все же что-то во мне противилось.

Я шагнул навстречу входившему в патио незнакомцу. Он был среднего для мексиканца роста, то есть ниже меня. Вдобавок он двигался так грациозно, что производил шума меньше, чем струйка дыма, и я подумал: «Не ягуар ли оборотень он?» Его гибкое тело было облачено в безукоризненно белый костюм. Сверху — темная накидка, лицо затенено широкой шляпой. Пришелец снял шляпу и поклонился. Лицо его оказалось в луче падающего из окна света.

Я никогда не встречал такого красивого мужчину. Выступающие скулы, греческий нос, заостренный подбородок, широко расставленные глаза с зеленоватым оттенком, в которых прыгали золотые искры. Кожа белее кожи моей жены, плюс гладкие, светлые, пепельного оттенка волосы. Я усомнился: мексиканец ли он. Скорее, — последний представитель некогда существовавшей, а теперь начисто забытой расы.

— Буэнос ночэс, сеньор, — грубовато сказал я. — Пардон, перono хабламос эспаньол. — Это было не совсем правда, но мне не хотелось разводить вежливую болтовню.

Я не мог сказать, был ли ответивший мне голос тенором или контральто, но, в любом случае, в нем звучала музыка:

— Поверьте мне, добрый сэр, я владею всеми, которые

мне могут понадобиться, языками. Молю простить меня, но увидев издали, что дом освещен, я взял на себя смелость предположить, что вернулся его хозяин. И я решил навестить его, дабы по-соседски поприветствовать.

Выговор был столь же архаичен, как и построение фраз. Гласные, например, звучали по-шведски, хотя в предложениях отсутствовал присущий шведскому ритм. Сейчас, однако, я был удивлен сказанными словами.

— По-соседски?

— Обстоятельства сложились так, что мы — я и моя сестра — живем в том древнем замке.

— Что? Но... — Я остановился.

Фернандец не упоминал ни о чем подобном, но с другой стороны, он и сам не был здесь много месяцев. Он купил несколько акров у мексиканского правительства, которому принадлежали и Форталеза, и окружающие земли.

— Вы приобрели этот замок?

— Несколько комнат замка обеспечили нам вполне комфортное существование, сэр, — уклонился он. — Мое скромное имя — Амарис Маледикто.

Его рот был так четко очерчен, что было трудно заметить, как полные губы искривились в улыбке. Если бы не запах, бьющий мне в ноздри, я был бы окончательно покорен.

— Вы и ваша леди являетесь гостями синьора Фернандеца? Добро пожаловать.

— Мы временно поселились в этом доме, — Джинни говорила как-то по-детски, задыхаясь.

Я бросил на нее украдкой взгляд и в желтом, падающим из окна свете увидел, что ее глаза блестят, и что она пристально смотрит ему в глаза:

— Нас... Нас зовут Вирджиния... Стивен и Вирджиния Матучек.

С каким-то холодным недоумением я подумал, что новобрачным почему-то кажется, что если они теперь именуются «миссис», то это должно производить впечатление. «Миссис такая-то...» — и с этой уверенности их не сдвинешь.

— Это очень мило с вашей стороны, что вы навестили нас... Пешком в такую даль. Ваша сестра, она тоже придет?

— Нет, — сказал Маледикто. — И честно говоря, ей было бы неприятно ваше общество. Весьма вероятно, что ее уязвило бы зрелище такой красоты, как ваша. Ваша красота породила бы у нее тоску и зависть.

Ночь была наполнена ароматами цветов. Над головой, над вершинами острых утесов, сверкали звезды; внизу шуме-

ло, окутанное туманом, громадное море. И, как ни странно, речь Маледикто не казалась ни дерзкой, ни надуманной. Я увидел, что Джинни залилась румянцем. Она отвела взгляд от глаз Маледикто. Ее ресницы затрепетали, словно птичьи крылья, и она смущенно ответила:

— Вы так добры. Не хотите ли присесть?

Он снова поклонился и мягко опустился на стул, переливишись, словно вода .Я дернул Джинни за рукав, подтолкнул ее к дому и зашипел с яростью:

— О чем ты думаешь? Теперь мы не избавимся от этого типа на протяжении часа!

Она, не обращая внимания на сказанное, стряхнула мою руку с таким гневным жестом, которого я не помнил со времен нашей последней ссоры.

— Не выпьете ли немного коньяка, сеньор Маледикто? — спросила она, улыбнувшись ему своей лучезарной улыбкой. — Я принесу. Или, может быть, хотите сигару? У Стива — «Префектос».

Я сидел, пока она суетилась внутри дома. Какое-то мгновение я был слишком разъярен, чтобы выговорить хоть слово, но первым заговорил Маледикто:

— Очаровательная девушка, сэр. В высшей степени восхитительное создание.

— Она моя жена, — взорвался я. — Мы приехали сюда, чтобы в одиночестве провести наш медовый месяц...

— О, прошу вас, не подозревайте меня, — его довольный смех смешался с бормотанием моря.

Он сидел в тени, и я мог разглядеть только нежные, расплывчатые очертания — черное и белое.

— Я все понимаю и не осмеливаюсь испытывать ваше терпение. Не исключено, что позже, когда вы познакомитесь с моей сестрой, вам доставит удовольствие...

— Я не играю в бридж.

— Бридж? А, верно, вспомнил. Это новая карточная игра, — он изобразил рукой гипнотический знак отрицания. — Нет, сэр, мы ни других, ни себя не должны заставлять делать то, чего они не хотят. И с другой стороны, мы должны прийти с визитом туда, где существует некто, желающий — пусть даже и невысказанно — нашего появления. И теперь я не в силах ответить на вежливое приглашение вашей леди неблагодарным отказом. Не беспокойтесь, сэр, мой визит продлится очень недолго.

Что ж, как всегда, вежливость смягчает гнев. Маледикто мне по-прежнему не нравился, но теперь я мог анализировать свои мотивы, и моя враждебность по отношению к нему

уменьшилась. Ярость превратилась в какое-то громадное неприятное чувство третьего лишнего. Что-то исходящее от него — возможно, его духи — заставляли меня желать Джинни более, чем когда-либо прежде.

Но ярость вновь вспыхнула, когда принесшая коньяк Джинни начала вертеться вокруг него. Она щебетала слишком громко и слишком много смеялась и, наконец, принялась настойчиво зазывать его к нам завтра обедать.

Я угрюмо прислушивался к их беседе. Он говорил гладко, вкрадчиво, остроумно, но ни разу не ответил прямо на касающиеся лично его вопросы. Я сидел и репетировал, что я выскажу, когда он уберется.

Наконец он поднялся:

— Не смею больше вас задерживать. Кроме того, дорога на Форталезу проходит по скалам, а я знаком с ней недостаточно хорошо. Так что для того, чтобы не сбиться с пути, придется идти немедленно.

— Но это может быть опасно, — Джинни повернулась ко мне. — Ты должен проводить его до дома.

— Не осмелюсь позволить себе доставить вам подобное затруднение, — возразил Маледикто.

— Это минимум того, что мы можем для вас сделать. Я настаиваю. Это не займет у тебя много времени, Стив. Ты говорил, что тебе хочется пробежаться в лунном свете? Глянь — луна почти поднялась.

— О'кей! — гаркнул я так нелюбезно, как только возможно.

Действительно, на обратном пути я смогу превратиться в волка и несколько сбить свою злость. Если же я попытаюсь с нею спорить прямо сейчас и выскажу все, что чувствую, наша вторая часть ночи будет... Это будет скорее не ссора, а Армагеддон.

— Пойдемте.

Он поцеловал ей руку. Она попрощалась таким нежным, таким дрожащим голоском, словно влюбленная в первый раз школьница.

У него был фонарик, которым он бросал маленькую прыгающую лужицу света, выхватывая из сгущающейся перед нами темноты то камни, то кучно растущие побеги полыни. Лунное зарево над восточным кряжем разгоралось все ярче. Я почувствовал, как звенели мои нервы. Какое-то время мы наискось поднимались по склону. Тишину нарушало лишь поскрипывание наших туфель.

— Вы не побеспокоились взять с собой светильник, сэр, — сказал наконец Маледикто.

Я хмыкнул. С какой стати говорить ему о колдовском зрении? Я также ничего не сказал ему о том, что я волк-оборотень, которому, чтобы переменить обличие, не всегда нужно использовать фонарик.

— Итак, вам придется взять мой, — продолжал он, — в противном случае обратный путь может оказаться чрезвычайно опасным.

Я знал это. Обычный человек был бы подобен слепому на этой тропе — даже при ярком лунном свете. Тропа почти стерлась, разглядеть ее было трудно, и все вокруг сделалось искривленным и заполнилось тенями. Если человек потеряет голову, он будет бродить, сбившись с пути, до самого рассвета или, скорее всего, свалится в пропасть и разобьет себе череп.

— Я зайду за вами завтра вечером, — Маледикто удовлетворенно вздохнул. — Ах, сэр, ваше прибытие сюда — это такое редкое счастье. Новобрачные так сильно переполнены любовью, а Сибелита томилась, пылая, столь же долго, как и Амарис.

— Ваша сестра? — спросил я.

— Да. Не хотите ли, если вас не затруднит, встретиться с ней этой ночной порой?

— Нет.

Снова воцарилась тишина. Мы спустились в окруженное утесом ущелье. Там было темно, как в желудке. Я уже не видел ничего, кроме тусклого отблеска воды, а вверху — лунного сияния. В свете холодных и очень далеких звезд я рассмотрел утесы, что возвышались надо мной. Утесы походили на клыки. Казалось, что мы с Маледикто — последние, оставшиеся в живых.

Он остановился. Его фонарик вдруг потух.

— Доброй ночи, синьор Матучек, — крикнул он. Его смех звенел, и в нем звучали одновременно зло и красота.

— Что? — Сбитый с толку, я заморгал, всматриваясь в мрак. Тьма сомкнулась вокруг меня. — Что вы имеете в виду, черт побери? Мы еще не дошли до замка!

— Согласен. Отправляйтесь туда, если вы того хотите... и если сможете.

Я услышал как он отправился по тропинке обратно. Камешки под его ногами уже не хрустели. Шаги были мягкие, быстрые, словно прыжки зверя. Он направлялся к нашему дому.

Мгновение я стоял, словно вылитая из свинца статуя. Я слышал малейшее движение воздуха, шорох полыни. Слышал океан. Затем грохот сердца заглушил все другие звуки.

— *ДЖИННИ!* — завизжал я и кинулся вслед за ним. Ноги соскользнули со скалы, я упал, разбив до крови руки. Шатаясь, поднялся. Отвесные утесы и обрывы швырнули обратно мои

проклятья. Спотыкаясь, я спустился вниз по откосу, продираясь сквозь кустарники и кактусы. Потом споткнулся обо что-то. Снова упал. На этот раз я ударился головой о булыжник. Удар не был серьезным, но боль пронзила все тело, в глазах взорвались огни, и минуты две-три я лежал без сознания.

15

И тогда я почувствовал в ночи чье-то присутствие. Сквозь безнадежность одиночества, что струилось отовсюду и захлестывало мою душу, я различал натянутую струной надежду.

Мой пристальный взгляд скользнул по переходящему в пропасть откосу. За пропастью тускло мерцало море. Рассудок мой большей частью вернулся. Маледикто искусно убрал меня со сцены. Вероятно, и убил бы, не будь моей тренировки, не принадлежи я к особому виду Гомо Сапиенс. Этого он не предполагал. У меня было в запасе чуть больше, чем он догадывался. Например, колдовское зрение.

Я пробормотал формулу и почувствовал, как сетчатка глаз изменилась. Теперь я мог видеть на мили. Разумеется, то, что я видел, было нечетким, расплывшимся. Человеческий глаз не может должным образом сфокусироваться в лучах инфракрасного света. Но я начал узнавать местность, затем приблизительно определил путь и помчался к дому.

Было жутко. Я бежал слишком медленно, а Маледикто передвигался с недоступной для человека скоростью.

Над холмами поднималась луна. Было почти полнолуние. Изменение произошло раньше, чем я осознал, что хочу этого. Я не стал останавливаться, чтобы раздеться — на ходу сорвал с себя одежду и понес ее в пасти. Побывавшая в волчьих челюстях, она тут же превратилась в лохмотья. Остались лишь шорты, но тогда мне такое не приходило в голову.

Глаза волка не позволяли видеть далеко. Но обоняние вело меня по собственному следу на утоптанной траве.

Вдруг до меня долетела мысль врага. Мысль более ужасная, чем любая боль:

...УСПЕХ В МОИХ РУКАХ. С ТРЕТЬЕЙ ПОПЫТКИ... ОБА. ОН МЕРТВ, А ОНА СОВРАЩЕНА. РАСКАЯНИЕ ОБ ЭТОМ СЛОМИТ ЕЕ... УГРОЗА, КОТОРУЮ МОЖНО БЫЛО ПРЕДВИДЕТЬ В НИХ, КАК В ПРИБЛИЖАЮЩЕМСЯ ГРОЗОВОМ ОБЛАКЕ, ОТВЕДЕНА... НАКОНЕЦ-ТО БЕЗОПАСНОСТЬ...

Маледикто не смог так воздействовать на нее сам — во всяком случае, не так сильно... Не мог сломить ее любовь, гордость, порядочность... Нет, мою девочку вынудил так действовать сам Искуситель...

Я не знал, какое задумано зло. Но мгновенной вспышкой я увидел ее наедине с Маледикто — и это сожгло все остальное: боль, слабость, здравый смысл, даже память о глумящемся наблюдателе. Я заревел от ярости и отчаяния, вскочил и побежал.

Мной овладело безумие берсеркера. Я не осознавал, что делаю. Несомненно, и это было предусмотрено. Я должен был упасть со скалы и разбиться насмерть. Но полузвериные инстинкты и рефлексы охраняли меня. Думаю, что это было именно так. Внезапно я ощутил, что вымотался. Мне пришлось остановиться. Эта вынужденная пауза дала возможность рассудку справиться с эмоциями. Я огляделся и не обнаружил ни замка, ни нашего дома.

Затем нашел тропу и впитал еще один запах. Теперь я знал, что скрывается за непонятным благоуханием Маледикто.

Демон.

Мне не встречался прежде точно такой же запах, но моему волчьему мозгу не было интересно, к какому роду принадлежал демон. В узком моем черепе оставалось пространство лишь для ненависти и спешки.

В поле зрения появился наш домик. Я прыгнул к патио. Никого не было. Выходящее на море окно спальни было открыто навстречу лунному свету... Он держал ее в своих объятиях. Она еще сопротивлялась, отталкивала его. Но глаза ее были закрыты. Она слабела.

— Нет... — шептала Джинни. — Нет. Помогите, не надо... Амарис, Амарис... — ее руки качнулись к его голове и соскользнули на шею.

Она притянула его лицо. Обнявшись, они споткнулись вниз. Мрак окутал спальню.

Я коротко взвыл, прыгнул и вонзил в него зубы. На вкус его кровь не была похожа на человеческую. Она была, как вино, и теперь она горела и пела во мне. Я не посмел укусить его снова. Еще один такой глоток, и я, наверное, лягу, как собака, у его ног и буду просить приласкать меня.

Я пожелал превратиться в человека.

Трансформация заняла не больше времени, чем понадобилось ему отпустить Джинни и повернуться ко мне. Хоть он и был удивлен, но рычать мне в ответ не стал. В зыбком лунном свете вырисовывалось его волшебное лицо, в глазах горели золотые искры. Он смеялся.

Добавив вес своего тела, я направил кулак в его лицо. Гладкая, медленная плоть человека! Ей ли вступать в битву с быстрой, как ртуть, жизнью, порожденной Воздухом и Тьмой? Резким, точно вспышка, движением Маледикто отскочил. Его

просто не было на прежнем месте. Я врезался в стену и упал. Надо мной звучал его смех.

— Разве сия хныкающая тварь достойна обладать такой милой девицей, как ты? Молви хоть одно слово, Вирджиния, и я пинками загоню его в собачью конуру.

— Стив...

Она съежилась, вжалась в угол. Она не кинулась ко мне.

Я перекатился, вскочил на ноги. Маледикто ухмыльнулся. Обхватив Джинни за талию, привлек ее к себе. Она задрожала, пытаясь оттолкнуть его. Он поцеловал ее, она порывисто вскрикнула. И снова жест сопротивления превратился в жест любви. Маледикто толкнул меня свободной рукой, и я тяжело упал. Он поставил ногу мне на голову, надавил.

— У меня нет большого желания ломать тебе кости, — сказал он. — Но если ты настолько вежлив, чтобы уступить желанию леди...

— Желанию?! — Джинни вырвалась из его рук. — Силы небесные! Изыди!

Маледикто рассмеялся:

— Если моя жертва призывает святое имя вполне искренне, я должен исчезнуть, — его голос походил на журчание. — Тем не менее, я, как видишь, остался здесь. То, что сокрыто глубоко внутри тебя, томится желанием ко мне, Вирджиния!

Она схватила вазу и запустила в него. Он ловко поймал ее, грохнул об меня и направился к окну.

— Айе, — сказал он. — Сейчас чары рассеялись. Но не бойся. Когда наступит более благоприятный час, я вернусь...

Мгновение, и он перепрыгнул через подоконник. Я пополз следом. Белое патио залило лунным светом. Пусто.

Я сел и поднял голову. Рядом опустилась на пол Джинни. Медленно текли минуты. Наконец я встал, включил свет. Нашел сигареты и тяжело сел на кровать. Возле моих колен распростерлась ничком Джинни. Я не стал даже касаться ее.

— Кто это был? — спросил я.

— Инкуб.*

Ее голова была опущена, я видел лишь рассыпавшиеся по ее спине рыжие волосы.

Пока мы с Маледикто отсутствовали, она надела свою самую нарядную ночную рубашку.

Для кого?

Ее голос был тихим и слабым:

---

* *Инкубы, Суккубы — демоны разврата — соответственно мужского и женского пола.*

— Он, должно быть, обитает в развалинах. Поселился в замке вместе с испанцами. Возможно, он — виновник постигшей их неудачи.

Я втянул дым в легкие.

— Почему он не появлялся раньше? — Спросил я громко и глупо. — Ах да, у него ограниченные возможности действия. Фамильное проклятье. Он не мог выйти за пределы своих владений. А здесь с давних пор никто не появлялся.

— До тех пор, пока мы... — продолжила она шепотом.

— Хуан со своей женой здесь бывали редко. — Я неистово дымил. — Ты же ведьма! У тебя должна быть информация! Инкуб — демон разврата. Скажи, почему он никогда не беспокоил Фернандеца?

Она снова начала плакать, будто у нее кончилась всякая надежда. Мне подумалось, что это отчаяние вызвано также и потерей ведьмовской силы. Она уже не являлась волшебницей. Мне все было ясно.

— Потому что святые символы защищают тех, кто действительно хочет защиты. Думаю, тут он сказал правду. Хуан и его жена — добрые католики. Они не появятся здесь, не развесив на каждой стене по распятию. Ни у нее, ни у него не возникает желания изменить друг другу...

Она подняла лицо. Выражение его было диким:

— Ты думаешь, что я...

— О, не сознательно! Если бы мы догадались сразу же по прибытию развесить кресты... Если бы сотворили от чистого сердца молитву, мы тоже были бы в безопасности. Никогда нельзя знать заранее, будешь ли окружен инкубами! Но наши головы были слишком заняты, а сейчас — поздно. Полагаю, что подсознательно ты забавлялась мыслью, что маленький отход от неукоснительной моногамии — это не так уж и плохо...

— Стив! — Она с трудом поднялась на ноги. — В наш медовый месяц! Как ты мог сказать такое!

— Смог... — я затушил сигарету. Жаль, что не о лицо Маледикто. — А как иначе ему бы удалось опутать тебя своими чарами?

— И ты, Стив... Стив, я люблю тебя. Только тебя!

— Что ж, будет лучше, если ты сядешь на ковер и дашь полные обороты. Лети в Гуйамас — это ближайший город, достаточно крупный, чтобы полиция экзорсиста* тебе помогла. Расскажи там все и попроси помощи, потому что, если я помню что-то из демонологии, раз ты попала под влияние

---

* *Экзорсист — священник по изгнанию бесов.*

инкуба, он последует за тобой куда угодно.

— Но ничего не было!

— Она закричала так, как будто я ее ударил.

Что ж, в определенном смысле это и был удар.

— Да... Не хватило времени. В этот раз. Конечно, обладай своей колдовской силой, ты могла бы изгнать любого демона с помощью чисто светского искусства. Но сейчас у тебя этой силы нет. Пока ты не пройдешь курс повторного обучения, каждый час, когда ты находишься вне Церкви, тебя должен охранять экзорсист, если только не...

Я встал.

— Что? — Близкая к безумию, она вцепилась в меня ледяными пальцами.

Я стряхнул ее. Я был слеп от ярости. Мое мужское достоинство было уязвлено вдвойне. Маледикто отлупил меня в драке и чуть было не соблазнил мою жену.

— Стив! Что ты задумал?!

— Я могу сам избавиться от него.

— Не можешь! Ты не колдун, а он — демон!

— А я волк-оборотень. Может быть, это уравняет наши шансы.

Шаркая, я протащился в ванную и перебинтовал там руку. Раны, впрочем, были поверхностные. А вот суставы пальцев распухли.

Джинни попыталась помочь, но я показал ей на дверь. Я понимаю, что тогда был неправ. Но уж слишком распирала меня боль и ярость. Я только смутно понимал, что должен отправиться в Форталезу, куда, по-видимому, вернулся Маледикто. Став волком, я буду так же силен и быстр, как и он. Разумеется, кусаться я не осмелюсь. Но если представится случай превратиться в человека, используя приемы рукопашного боя, которым меня обучали в армии...

План был абсолютно безнадежен, но меня подстрекал мой собственный демон. Джинни все понимала. Ее колдовские способности частично вернулись к ней, а может, это у нее врожденное. Безжалостное сияние огня Святого Эльма высвечивало ее абсолютно белое лицо. Она дрожала и судорожно глотала слюну.

Но вот она кивнула:

— Если ты иначе не можешь, то пойдем вместе.

— Нет! — Рык клокотал в моем горле. — Отправляйся в Гуйамас, говорю тебе! Мало мне из-за тебя бед? Оставь меня одного. А потом я решу, хочу ли я, чтобы ты вернулась ко мне!

Какое-то мгновение она пристально смотрела на меня.

Пусть никогда я больше не увижу подобного взгляда. Потом она исчезла.

Я вышел из патио и превратился в волка. В воздухе висел запах демона. Я пошел по этому запаху. Путь вел в гору...

16

Земля была залита ослепительным лунным светом. Нос чуял запахи пыли, шалфея, кактусов, осоки и бурых водорослей. Уши слышали ультразвуковой писк летучих мышей, панический топоток американского зайца. Мое естество больше не корчилось в муке. В волчьем черепе вмещаются лишь простые мысли жаждущего убить плотоядного зверя. Я как бы переродился. Известно, что некоторые психиатры добивались хороших результатов, временно превращая своих пациентов в животных.

Какое-то время спустя на фоне луны обрисовались изъеденные временем очертания сторожевой башни. Каждым своим нервом готовый к атаке, я вошел в то, что когда-то было воротами, и встал посреди пустого двора. Песок, наносимый сюда в течение столетий, сорняки, пробившиеся между плитами, отколовшиеся камни облицовки, валяющиеся под ногами. Ближе к центру громоздилась груда обломков — тут когда-то стояло здание. Ниже — отверстия погребов. Я осмотрел их, вернее, небрежно заглянул туда — неглубоко, но логовища инкуба я не обнаружил.

Я завыл, бросая вызов противнику.

Кто-то мгновенно повернулся у двери, ведущей в башню. Одетый во все белое, он шагнул вперед. Я тут же отпрыгнул. Мелькнула дикая мысль: если же первым же укусом я порву ему шейную вену, то тогда я наглотаюсь этой пьянящей, как вино, крови. Но он уже будет мертв.

Смех, бегущий на маленьких и легких ножках. Девушка шагнула вперед.

Неправдоподобно белая на фоне черных заплесневелых стен, она стояла под водопадом льющегося сверху лунного света.

— Добрый вечер, прекрасный юноша. Я не смела надеяться на такое счастье.

Исходящий от нее аромат проник в мои легкие, в мои жилы... Я зарычал. Рык превратился в поскуливание. Я завизжал. Я завилял обрубком хвоста. Она подошла ко мне, почесала у меня за ушами. Я лизнул ее руку — вкус был ошеломляющий. Где-то, как в грохочущей громами пустыне, родилась мысль: сейчас мне ни к чему оставаться волком. Тело пронизал ток изменения. Я стал человеком.

Она была такого же роста, что и Амарис, и такая же

красивая. То же самое странное лицо с заостренным подбородком. И флюоресцирующие под лунным светом глаза. Облаком ниже талии падали пепельные волосы, и одета она была в платье, сотканное, очевидно, скаредными на паутину пауками. Платье облегало ее фигуру, которая... Ладно, не буду и пытаться описать ее фигуру. Думаю, секрет наполовину объяснялся движениями девушки.

— Сибелита, я полагаю... — с трудом удалось мне выдавить.

— А ты, видимо, Стивен, — узкая изящная рука упала на мою руку и осталась там. — Ах, добро пожаловать!

Я облизал губы.

— Э-э... Ваш брат дома?

Она подвинулась ко мне:

— Какое это имеет значение?

— Я... э-э... — идиотская ситуация: невежливо объяснять женщине, какое дело у тебя к ее брату, если хочешь убить его.

— Послушайте, — выпалил я, — вы и он... вы должны оставить нас в покое.

Сибелита мягко улыбнулась:

— Ах, твоя печаль — это моя печаль, Стивен. И кроме того, неужели в душе не отыщется жалости к нам? Известно ли тебе, в чем на самом деле заключаются вечные муки? Быть созданием, в котором существуют, не смешиваясь, первичные стихии — Огонь Вожделения, Воздух Порыва, Вода Изменчивости и Темное Могущество Земли... И, имея такое естество, быть обреченной красться, подобно крысе, в этих руинах, выть в пустое небо... И голод, голод в течении многих лет. Если ты погибаешь от истощения, а двое прохожих рассыпают те малые крохи, которые без труда могут тебе уделить?

Я пробормотал что-то насчет ложности аналогий.

— В этом нет зла, — молвила она и подвинулась еще ближе. Ее руки легли мне на плечи, грудь легко коснулась моей груди. — И нет в этом злого умысла. Это — необходимость, Стивен. Вы, смертные, тоже не безупречны. Ни один демон не осмелится приблизиться к вам, будь вы святыми, у которых не возникает нечистых мыслей. Нас влечет к тем, кто схож с нами.

— А... это... да... — мне нечем было дышать. — Тут две стороны вопроса... Я хотел сказать: одна сторона... да...

Сибелита рассмеялась снова.

— Не надо, прекрасный юноша! Вот я стою в лунном свете, обнимая обнаженного, самого прекрасного в мире мужчину...

— О, Господи! — Я вспомнил, что все мое обмундирование — лишь нижнее белье. Поскольку она не отпрянула — мое

восклицание, должно быть, не было воспринято как молитва.

— ...Способного рассуждать на материалистические темы! Нет, вы переполнены любовью и щедры! — Сибелита отпорхнула в сторону. — У меня не должно быть перед тобой преимущества. Пусть мы будем в одинаковом состоянии...

Она щелкнула пальцами и платье исчезло. Не то чтобы это сильно изменило ситуацию, разве что морально. Но мораль казалась не относящейся к делу.

— А теперь иди ко мне, мой дорогой. Мой волк, мой первый в жизни «лоупгароу»... Не надо бы тратить столь много времени на женщину, но я предчувствую так много нового... Иди ко мне!

Она снова бросилась мне на грудь.

Не могу сказать точно, что заставило меня ответить на ее поцелуй. Это было так, словно вокруг закружил окрашенный розовым вихрь.

Каким-то образом мне удалось собрать остатки моей воли:

— Нет! У меня есть жена!

В смехе Сибелиты послышались неприятные нотки:

— Ха-ха! Как полагаешь, чем изволит быть занятым Амарис с того момента, как ты оставил девку одну?

Я издал короткий визгливый звук.

— Это уже произошло, — мурлыкала Сибелита, — и что сделано, то сделано. Не порицай свою жену. Она всего лишь смертная. Можешь ли ты возвыситься над своим состоянием смертного?

Передо мной на минуту мелькнуло видение Ада. Затем, едва сознавая, что происходит, я резко привлек Сибелиту к себе. Целуя, я легонько укусил ее губу и почувствовал вкус демонской крови.

— Пойдем... — напевала она. — Мой любимый, отнеси меня в башню.

Я поднял ее и пошел через двор.

— Стив! — Крик Джинни впился в меня, словно нож.

Я выронил прекрасную ношу. Сибелита шлепнулась на землю своим прекрасным задом и выпалила несколько неприличных слов. Я изумленно уставился на Джинни. Она лежала свесившись с ковра, парившего над разрушенными воротами. Рыжие волосы ниспадали в беспорядке на голые колени. И хотя я знал, что она для меня потеряна (ибо ее отнял Амарис и прежнего между нами уже никогда не будет), мне стало ясно: кроме Джинни мне никого не нужно.

Сибелита поднялась. Она была совсем белая в лунном свете. Я более не желал ее. Пошла она к черту!

Она презрительно усмехнулась Джинни, повернулась к ней спиной и раскрыла мне свои объятия, сказав:

— Защищайся!

Я превратился в волка.

Сибелита уклонилась от моего выпада. Я снова услышал доносившийся будто из другого мира крик Джинни. Все мое внимание было привлечено к инкубу. Тело Сибелиты задрожало, посерело, и она тоже превратилась в волка. Она бесстыдно улыбнулась мне. Аромат самки ударил меня, словно дубинкой.

Я не дал ей время на попытку обольщения и вцепился в ее глотку. Мы покатились, сплелись в драке. Она была сильна, подвижна, упорна, но не тренирована в тонкостях рукопашного боя оборотней. Я, превращаясь в зверя, все равно владею приемами дзю-до. Я поднырнул под ее челюсти и сомкнул зубы там, где намеревался.

Кровь дьявола была сладка и отвратительна на вкус. Теперь она уже не могла возбудить мои желания — слишком сильна была овладевшая мною любовь к жене. И ненависть к существу, с которым я сражался. И, если бы вы предпочли современную терминологию — в моих железах накопилось достаточно тестостерона и адреналина, чтобы подавить все остальные содержащиеся в ней гормоны.

Я убил ее.

В последний миг я услышал — но не с помощью слуха — пронзительный вопль демона.

Грязный дух! Я почувствовал нервами, как взвихрилось пространство, когда демон пытался сопротивляться изменению предингеровской математической формулы и формы функции, вылетая в породивший его нижний континуум и оставляя в этом мире лишь массу обмена.

Быстро и безжалостно действовали мои клыки. Тело погибло, и не обладающий душой демон исчез.

Я лег возле трупа волчицы. Я задыхался. Тело демона страшно корчилось. Менялась последовательность: волчица, женщина, мужчина, хвостатый и рогатый сатаноид.

Когда исчезли последние связующие силы, она задымилась и превратилась в клуб пара.

Медленно, шаг за шагом, возвращался мой изодранный в клочья разум. Я лежал на коленях моей дорогой Джинни. Наверху дружелюбно мерцали звезды, и на нас лился прохладный лунный свет, и замок был ничем иным, как грудой камней. Я снова превратился в человека и обнял ее.

— Все хорошо, любимая, — выдохнул я. — Все хорошо. Я прикончил ее. Теперь я убью Амариса.

— Что?! — Ее мокрое лицо оторвалось от моей груди, коснулось моих губ. — Разве ты не знаешь? Ты же убил!

— А?

— Ну да. Мои познания частично вернулись ко мне... после твоего ухода, — она прерывисто вздохнула. — Инкубы и суккубы — это одно и тоже. Они меняют свой пол, когда это требуется. Амарис и эта шлюха — одно и тоже!

— Ты хочешь сказать, что не... он не... — я испустил вопль, который наверняка зарегистрировал сейсмограф в Байя-Калифорнии.

Этот вопль — самая благодарственная молитва, которую я когда-либо возносил Богу.

Не то чтобы я не был готов простить любимую. Я ведь на себе испытал мощь демона. Но когда я узнал, что прощать-то ее не за что, у меня словно гора с плеч свалилась.

— Стив! — воскликнула Джинни. — Я тоже люблю тебя, но у меня не железные ребра...

Я вскочил на ноги.

— Мы прошли через это, — сам себе не веря, шептал я. — Мы действительно прошли через это. Мы действительно выиграли!

— О чем ты? — спросила она. Спросила по-прежнему робко, но глаза ее уже сияли светом.

— Что ж, — сказал я, — думаю, что мы получили хороший урок смирения. Теперь мы знаем собственное подсознание куда лучше, чем знает его обычный человек.

Мгновенный озноб пронзил меня. Я подумал, что никогда обычный человек не оказался бы так близко к гибели, как мы. На вторую ночь свадьбы! Но и сами по себе мы могли бы оказаться на краю гибели. Нам противостояло нечто большее, чем притязание мелкого демона. Не случайно мы оказались в его логовище! Кто-то хотел нас уничтожить.

Теперь я полагаю, что Сила, желающая погубить нас, тогда еще лишь наблюдала. Она не могла сама нанести удар. Никого, кто бы смог попытаться снова совратить нас, поблизости не было. И во всяком случае, мы были здорово настроены против таких целей. Враг не мог вновь использовать глубоко кроющиеся в нас ревность и подозрение. И не мог натравить нас друг на друга. От подозрений и ревности мы были свободны как никто из смертных. Мы очистились от них.

Но враг был терпелив и хитер, он выволок наружу все еще оставшееся в нас зло... И освободимся ли мы от тоски и боли? И оставит ли он нас в покое?

Не знаю. Но знаю, что внезапно мне открылись велико-

лепные ночи, и что меня захлестнула, не оставившая места ни для чего другого, волна любви к Джинни. А когда много дней спустя мне вспомнилось то, что произошло на высившемся над морем утесе — это воспоминание было таким же смутным, как и все предыдущее, и я отделался от него, решив небрежно и в шутку: забавно, что получив по башке, я всегда вижу одну и ту же галлюцинацию.

— В итоге, любимая, я узнал как велика твоя тревога за меня. Когда я сказал, чтобы ты спасалась, ты последовала за мной, не зная, что может произойти...

Она потерлась взъерошенной головой о мое плечо:

— И я узнала то же самое, Стив. Я рада.

Мы ступили на ковер.

— Домой, Джеймс, — сказал я. И когда Джеймс взмыл в воздух, добавил: — Подозреваю, что ты смертельно устала.

— Ну, не особенно. Я еще слишком взвинчена... Нет, черт возьми, слишком счастлива...

Она сжала мою руку:

— Но ты, любимый мой, бедный мой...

— Я чувствую себя прекрасно, — ухмыльнулся я. — Завтра можем встать поздно. Выспимся...

— Мистер Матучек, о чем вы думаете?

— О том же, о чем и вы, миссис Матучек.

Догадываюсь (в лучах луны плохо было видно), что она залилась румянцем.

— Понимаю, и очень хорошо, сэр. Все вышло так, как мы это и предвидели...

17

Мы вернулись домой. На лето устроились на работу и уволились, когда осенью вновь начались занятия. Ничего особенно серьезного, но, например, когда Джинни забеременела, нам пришлось продать ковер. За эти два года семейной жизни с нами не происходило ничего экстраординарного.

А потом сиделка подвела меня к кровати, на которой лежала моя любимая. Ее всегда великолепного цвета лицо было сейчас белым от вынесенных страданий. Волосы огненным пламенем разбросаны по подушке, а глаза никогда еще не сияли таким ярким зеленым светом.

Я наклонился и поцеловал ее так нежно, как только мог.

— Эй, ты... — прошептала она.

— Как ты себя чувствуешь? — единственное, что пришло мне в голову.

— Прекрасно. — Она рассмеялась, а потом принялась меня рассматривать. — Но ты выглядишь так, будто вся эта чушь имеет под собой основания.

Действительно, многие акушеры, когда рождается ребенок, укладывают отца в постель. Но наш врач следовал наиболее распространенному мнению, что максимум симпатической помощи жене я оказываю, когда потею в приемной. За последние месяцы я с таким остервенением учил все относящееся к этому вопросу, что стал чуть ли не специалистом. Первые роды для такой высокой и тонкой женщины, как Джинни, должны быть трудными. Она восприняла это со своим обычным хладнокровием. В предсказании обратила внимание только на то место, где руны указывали пол ребенка, ибо зная его, мы не опростоволосимся с выбором имени.

— Как тебе понравилась наша дочь? — спросила она.

— Она великолепна.

— Лжец. — Она тихо рассмеялась. — Еще не было на свете мужчины, не ужаснувшегося, когда ему сказали, что теперь он должен именоваться отцом сморщенного комка красной плоти, — ее рука потянулась к моей. — Но она еще станет красивой, Стив. Она такая беспомощная. Для нас она самая прекрасная на свете.

Я сказал себе, что не стоит орать прямо здесь, в палате полно матерей.

Спасла меня нянька:

— Я думаю, вам лучше пока оставить вашу жену в покое, мистер Матучек. И доктор Акман предпочел бы, чтобы свидание закончилось. Ему пора идти домой...

Он ждал меня в помещении записи новорожденных. Я вошел, звуконепроницаемая дверь захлопнулась, и нянька запечатала ее, оттиснув на воске Звезду Давида. Это была современная больница, здесь принимались все меры предосторожности.

Томас Акман был седой угловатый человек шести футов росту. Он напоминал скалу. Я заметил, что под украшенным знаками Зодиака халатом медика на нем были одеты белые парусиновые брюки и рубашка без галстука. Не считая, конечно, амулета.

Мы пожали руки друг другу.

— Все идет хорошо, — заверил он. — Получены результаты лабораторных анализов. Как вы понимаете, поскольку в роду матери не было человеко-зверей, ваши дети не станут прирожденными волками-оборотнями. Но так как девочка унаследовала от вас комплекс рецессивных генов, она будет легко поддаваться заклинаниям трансформации. Это — опре-

деленное преимущество, особенно если она, подобно матери, изберет профессию волшебницы. Но это не означает, что не должны быть приняты некоторые предосторожности. По сравнению с другими, она будет более подвержена сверхъестественным влияниям.

Я кивнул. Мы с Джинни наверняка неподобающе часто принимали участие во всех нежелательных для нас приключениях.

— Выдайте ее замуж за подходящего человека, — пошутил Акман, — и ваши внуки будут волками-оборотнями.

— Если она окажется похожей на мою старуху, — сказал я, — то, Боже, помоги тому бедняге, которого мы заставим на ней жениться. — Я говорил это, чувствуя себя полнейшим идиотом. — Послушайте, доктор, мы оба устали. Давайте оформим документы новорожденной и покончим с этим...

— Согласен. — Он сел за стол.

На пергаменте уже были написаны имена родителей, дата рождения и официальный порядковый номер, под которым ребенок числился среди других новорожденных.

— Как вы решили ее назвать?

— Валерия!

— Что ж, я предполагал, что ваша жена выберет что-то вроде этого. Ее идея, не так ли? А второе имя?

— Э-э... Мэри. Мое решение, в честь моей матери. — Я понял, что снова бормочу чушь.

— Хорошая мысль. Если ей не понравится причудливое «Валерия», она будет называть себя вторым именем. Хотя подозреваю, что ей понравится.

Он сунул пергамент в машинку, впечатал оставшиеся сведения. Вздохнув, передал документ мне (при этом просыпал на него пепел из пепельницы) и очень торжественно сложил пополам первичное свидетельство с отпечатками пальцев моей дочери.

— А подлинное имя?

— Викторикс.

— А?

— Это имя всегда нравилось Джинни...

Валерия Викторикс. Последний римский легион в Британии. Последняя противостоящая Хаосу сила, как сказала Джинни в одну из тех редких минут, когда была совершенно серьезна.

Акман пожал плечами:

— Ну, не думаю, чтобы девочка когда-нибудь назвала себя так.

— Надеюсь, что не назовет никогда.

Акман окунул орлиное перо в чернила, сделанные из дубового галла.

— Во имя птицы, олицетворяющей твою родину, и дерева Молнии, — он возвысил голос, — под их и Божьей защитой, дитя сего дня, да будет твое подлинное имя, известное на всей земле лишь твоим родителям, твоему врачу и тебе самой, когда ты достигнешь совершеннолетия — Викторикс. И пусть оно принесет тебе добрую славу и счастье. И носи его, пока не истекут отведенные тебе годы... Амен!

Он вписал имя, присыпал доставленным из Галлилеи песком и снова встал:

— Этот документ я зарегистрирую лично. -- и зевнув: — О'кей, это все.

Мы повторно пожали друг другу руки.

— Сожалею, что вам пришлось принимать младенца в такой неурочный час.

— Мы, врачи, ко всему готовы, — ответил он. Сон его оставил. Он пристально взглянул на меня. — Кроме того, я ожидал этого...

— А?

— Я уже слышал кое-что о вас и о вашей семье. И кое-что выяснил самостоятельно. Погадал на рунах. Возможно, вы этого не знали, но ребенок был зачат во время зимнего солнцестояния. И совершенно не говоря уже об обычной наследственности, результаты гадания показывают еще что-то. Не могу понять, что. Но я был совершенно уверен, что она родится именно в эту ночь, потому что в эту ночь — Великое полнолуние. Я буду наблюдать ее с неослабевающим интересом, мистер Матучек. И советую вам особо оберегать вашу дочь. А теперь — доброй ночи...

18

В последние три года ничего примечательного у нас не произошло. Вернее, так бы подумали вы. Но ведь вы как-то отличаетесь от нас. А что касается нас, то это было время, когда перед нами открылся весь мир. И одновременно — дрогнула земля под ногами.

Начну с того, что мы не ожидали рождения Валерии. Позднее мы выяснили, что Свертальф вновь принялся гоняться за домовым. В отместку Добрый народец превратил противозачаточные таблетки Джинни в аспирин. Много позже мне подумалось, не крылось ли за этой случайностью нечто большее. Ведущие нас Силы ставят нас в положения, служащие Их целям...

Сперва Джинни намеревалась жить и далее соответственно нашим первоначальным планам. Хотя бы с того времени, когда наша маленькая подрастет, чтобы на день ее можно было оставлять под присмотром приходящей няни. И она получила в Аркане степень доктора философии. Ей предложили великолепную работу. Но поскольку в нашей семье появилась дочь, и от этого никуда не денешься, эмансипацию мамы пришлось отложить. Мы не могли доверить Валерию какой-то наемной неряхе! Пока не могли. Ни тогда, когда она впервые научилась улыбаться, ни тогда, когда она начала ползать, ни когда звуки, напоминающие бульканье и птичий щебет, превратились в настоящий смех... Позже, позже.

Я не протестовал. Был совершенно со всем согласен. Но это означало подчиниться — временно, если не навсегда, — следующему: ловко устроившись, молодая чета, имевшая жирный доход (нас двое), поселилась в очаровательном месте и занимается полной ерундой. У меня появилось было намерение возобновить голливудскую карьеру, но я изумился бы, пожелай Джинни выслушать хоть слово об этой идее.

— А ты вообрази на полсекунды, — заявила она, — что мне бы захотелось стать заурядной актрисой. Сыграть в «Серебряном вожде и девушке», когда бы из меня вышел чертовски хороший инженер?!

Лично я не думал, что все, сыгранное мною в кино, так уж плохо, но в целом ответ ее меня утихомирил.

Не станет же новоиспеченный бакалавр заниматься сложными исследовательскими проблемами? Мне пришлось начать с более простого. К счастью (как мы тогда подумали), работа оказалась неожиданно хорошей.

Корпорация предсказаний «Источник Норн»* была одной из тех появившихся в последнем буме компаний, которые взяли на себя обслуживание бизнеса Информации и так далее. Первоначально маленькая, она разрасталась по экспоненциальной кривой. Помимо производства, она занималась исследованиями. И в конце концов туда был приглашен и я.

Это было не просто восхитительно, но и означало первый (и неплохой) шаг на пути профессиональной деятельности к цели. Кроме того, просвещенная администрация подстрекала нас к дальнейшему приобретению знаний. Жалование было хорошим. И вскоре мой босс, Барни Стурласон, стал моим другом.

Главный недостаток заключался в том, что нам с Джинни

---

* *Норны — у древних скандинавов — Богини Судьбы.*

пришлось остаться в этом, во всех отношениях скучном, городе. Но мы арендовали за городом комфортабельный дом, что утешало. Мы оба обладали друг другом, и у нас была маленькая Валерия. Это были хорошие годы. Точнее — в них не было ничего из ряда вон выходящего.

Вы совершенно правы, если считаете все это малозначительным. Полагаю, что человека всегда привлекало то, где таится гибель. И будет привлекать впредь. Однако иные времена заставляют вспомнить древнее китайское ругательство: «Чтобы тебе пришлось жить в эпоху перемен!»

Ни Джинни, ни я не поддались на пропагандистскую болтовню, что коль скоро злой и безнравственный Халифат разгромлен, то впереди — вечное торжество мира и счастья. Мы знали, что вечно наследие, оставленное человечеству войнами. Кроме того, мы знали, что этот конфликт был не столько причиной, сколько симптомом навалившегося на мир недомогания. Не будь христианский мир расколот, враг не смог бы захватить большую часть Восточного полушария и Соединенных Штатов. По существу, Халифат был ни чем иным, как секуляризованным оружием мусульманской еретической секты. Среди наших союзников было немало верующих в Аллаха.

Разумным казалось ожидать, однако, что теперь человечество осмыслит полученный им урок и отставит в сторону религиозные распри, приступив к восстановлению и созиданию. В частности, мы надеялись, что будет окончательно дискредитирована и захиреет Церковь Иоаннитов.

Правда, ее приверженцы тоже сражались с Халифатом. Правда и то, что они сыграли ведущую роль в движении Сопротивления на оккупированных территориях. Но они бросили вызов старым убеждениям и верованиям, всему, на чем основывается западное общество. Так кто же в первую очередь раскалывает и ослабляет нашу цивилизацию?! И не они ли подали пример поднимающей голову идеологии Халифата, не они ли подтолкнули взрыв безумия на среднем Востоке?

Теперь я лучше знаю, насколько следует ожидать от человечества разумных действий.

Вопреки всеобщему убеждению, угроза появилась отнюдь не внезапно. Некоторые предупреждали о ней с самого начала. Они указывали, что иоанниты сделались доминирующей силой в политике уже нескольких стран, и что эти страны тут же начали относиться к нам не особенно дружелюбно. И что несмотря на это, иоанниты постепенно обращают в свою веру всю Америку.

Но мы их, в общем-то, не слушали. Мы были слишком

заняты восстановлением причиненных войной разрушений. Мы решили, что те, кто трубит тревогу — реакционеры и мечтающие дорваться до власти тираны (не исключено, что среди них были и такие). Теология иоаннитов, возможно, идиотская, говорили мы, но разве первая поправка не гарантирует свободу проповеди и вероучений? Вероятно из-за них, иоаннитов, у петристских церквей* появились определенные трудности — но разве это не их собственная проблема?

Действительно, в наш век говорить об опасности, исходящей от религиозно-философской системы, якобы искусно повсюду распространяемой, системы, подчеркивающей свое стремление к миру почти так же неуклонно, как квакеры, системы, превозносящей заповедь любви к ближнему своему превыше всего прочего... Но, пожалуй, насквозь светское общество и наша опутанная ритуалами вера лишь выигрывает, восприняв кое-что из того, что проповедуют иоанниты.

Движение и его влияние разрастались. Каким-то образом соблюдающие порядок демонстрации все чаще и чаще стали превращаться в свирепые бунты. Не санкционированные профсоюзами забастовки, выдвигавшие все менее осмысленные требования, сделались всеобщим явлением. Агитация парализовывала один студенческий город за другим. И человек за человеком начинали умно толковать, что необходимо сломать безнадежно коррумпированный порядок, а на его развалинах построить Рай Любви.

Но мы, то есть большинство народа, его великовесное большинство, не желаем ничего, кроме того, чтобы нас оставили в покое и дали возможность возделывать персональные садики... И я все удивляюсь, как это страна сразу, буквально за одну ночь, покатилась к гибели?

Брат, это случилось не в одну ночь. Даже не в одну Вальпургиеву ночь...

19

В тот июльский день я вернулся домой рано. Наша окруженная стеной улица была тихой и спокойной. Повсюду — старинные огни Святого Эльма. Дома и газоны купались в солнечном свете. Я заметил несколько моих соседок, летящих верхом на метлах. В седельных сумках у них — покупки из бакалейной лавки и привязанные к детским сидениям один-два ребенка. Этот способ передвижения был наиболее популя-

---

* *Большинство христианских церквей базируется на вероучении, восходящем к Петру и Павлу.*

рен среди молодежи нашего округа. Его предпочитали хорошенькие молодые жены (кстати, в теплую погоду они надевали только шорты и лифчики). Эта залитая солнцем сцена не улучшила моего плохого настроения.

Меня переполнял гнев. Я только что выбрался из разыгравшейся около завода заварухи. А здесь было тихо. Показалась моя крыша. Там, под ней, — Джинни и Валерия. Мы с Барни выработали план, как справиться с начавшимися вчера вечером неприятностями. Я даже развеселился, представив наши дальнейшие действия. И между тем, я дома.

Я влетел в открытый гараж, снизился и повесил свой «шеви» рядом с «фольксбесом» Джинни. Когда я вышел из гаража, направляясь к парадной двери, что-то, будто пушечное ядро, просвистев в воздухе, ударило меня в грудь. Я крепко обнял дочку. Вьющиеся желтые волосы, громадные голубые глаза.

— Папа! Папа!

Не потомок, а произведение искусства!

На ней был костюм херувима, и мне пришлось вести себя осторожно, чтобы не помять крылья.

Прежде, когда она летала, принимались меры предосторожности: привязывали к столбу плюс присмотр Джинни. Каким образом ей удалось освободиться?

О! Сделав разворот на помеле, из-за угла вылетел Свертальф. Спина изогнута, хвост трубой. Он ругался. Очевидно, Джинни доверила ему присматривать за Валерией.

Несомненно, он вполне мог проследить за ребенком. Не выпуская его со двора, кот должен был оберегать ее от всяких неприятностей... пока она не увидела, что пришел папа.

— О'кей. — Я рассмеялся. — Хватит. Давай войдем в дом и скажем «Ау-у» маме.

— На свинке?

В прошлую осень, на день рождения Валерии, я наскреб денег на дорогостоящее колдовство. Превращала меня Джинни. До того, играя с ребенком, я превращался в волка, а вот прокатиться на толстой, украшенной цветочками свинье?.. Вся местная ребятня до сих пор обсуждала этот случай.

— Извини, нет, — пришлось ответить мне. — С такими летными качествами тебе бы следовало обратиться в Военно-воздушные силы, — и я схватил ее, пронзительно визжащую, и понес за лодыжки, а пока нес, пел: «В небе птенчик маленький, в небе вверх тормашками»...

В комнате, выйдя из подсобного помещения одновременно с нами, появилась Джинни. Заглянув ей за спину, я понял,

почему ей пришлось передоверить присмотр за полетами: вал стирки. Трехгодовалый ребенок пачкает массу одежды, а мы не могли позволить себе пользоваться услугами фабрики самоочистки.

Джинни пришлось одушевлять каждую одежду по отдельности, а потом проверять, не пожелали ли они связаться узлом во время намыливания и прополаскивания и носиться вокруг нее, пока она самовысушивалась, и так далее. И поскольку такого рода представления неотразимо привлекательны для любого ребенка, она вынуждена была отправить Валерию куда-нибудь в другое место.

И тем не менее, не безрассудно ли доверить опеку дитя своему приятелю? До сих пор она занималась стиркой, пока Валерия спала. Свертальф уже неоднократно доказывал, что он заслуживает полного доверия. Но несмотря на все сидящие в нем сверхъестественные силы, он оставался большим черным котом. Всего лишь. Следовательно, на него нельзя было слишком полагаться в скучных повседневных делах. Но потом я подумал: «Какого черта! С тех пор, как Джинни перестала быть практикующей ведьмой, у бедного зверюги не так уж много развлечений. Он даже не может погоняться за другим котом, потому что никто из соседских не осмеливается драться с ним. Это поручение он, вероятно, воспринял с радостью. Джинни, как всегда, знает что делает и...»

— И я, идиот, попусту торчу здесь, теряя время, — сказал я, загребая ее в объятия.

— Что такое идиот? — спросила с пола Валерия. И поразмыслив над этой проблемой, добавила: — Папа хороший идиот...

Свертальф глянул на нас скептически и завертел хвостом.

Рядом с Джинни я немного расслабился. Она пропустила сквозь пальцы мои волосы.

— Р-р, — пробормотала она. — Чем вызвано такое поведение, тигр?

— Сегодня можешь называть меня тигром, — сказал я, чувствуя себя все более счастливым с каждой минутой.

Джинни кинула на меня хитрый взгляд:

— Хорошо, котенок...

— Ну, подожди немного...

Она пожала плечами. Рыжие локоны качнулись:

— Если ты уж так настаиваешь, неудачливый похититель женщин...

Валерия строго посмотрела на нас и сказала: «Когда вы штукаетесь головами, убирайте их, чтобы не было больно»...

В этом была своя логика. Пока мы извлекали херувима из его одежды, времени объясняться не было. Потом наш потомок, перевернув вверх дном все в гостиной, устроился смотреть по хрустальному шару мультипликации. Наконец я оказался на кухне, наблюдая как Джинни готовит ужин. Появилась возможность побеседовать.

— Почему ты вернулся домой так рано? — спросила она.

— Как тебе понравится, если сегодня вечером мы попытаемся возродить кое-что из былого?

— Что именно?

— «Матучек и Грейлок»... Нет — «Матучек и Матучек — Странный Сигнал Тревоги». Патент взят компанией «Чертова Нелепица».

— Что случилось, Стив?

— Увидишь в передаче по шару. Наступают новые времена. Они уже не просто пикетируют, они пошли дальше. Они блокируют все входы. Нашим служащим пришлось выбираться через верхние окна. В них швыряли камнями.

Джинни была удивлена и возмущена. Но сохранила хладнокровие, которое выказывала миру за пределами этого дома.

— Вы вызвали полицию?

— Конечно вызвали. Я ведь вместе с Барни слушал передачу, в которой Робертс излагал свои мысли, что ветераны еще могут быть в чем-то полезны. Что ж, если мы так хотим, полиция может оказать нам помощь. Демонстранты вторглись в чужие владения. Окна разбиты, стены заклеены непотребными лозунгами... и так далее. С точки зрения закона, наш случай вполне очевиден, но... От хлопот избавлена только оппозиция. Хлопоты — для нас, и столько, сколько угодно. Они будут сопротивляться любой попытке рассеять демонстрацию. Помнишь Нью-Йоркский скандал в прошлом месяце? Многие из этих типов тоже студенты. Вообрази заголовки: «Жестокая полиция выступает против Идеалистических настроений молодежи», «Нападение на Мирную демонстрацию», «Полиция пустила в ход дубинки и Колдовство»... Пойми, вот ведь в чем самое дерьмо.

Предприятия, связанные с «Источником Норн», производят снаряжение для армии и полиции. Такое, как флюоресцирующие колдовские опознавательные метки или глаз василиска. Контракт обязывает нас вести исследования в этом направлении, но полиция и вооруженные силы служат истеблишменту. Истеблишмент — есть зло. Поэтому «Источник Норн» следует уничтожить.

Начальник полиции сказал нам, что официальное вме-

шательство с целью пресечь вторжение будет означать кровопролитие. А тогда вероятны волнения на Мерлин-авеню... Бог знает, куда это может завести. Он попросил оставить работу до конца недели. Может, тогда гроза нас минует. Мы, вероятно, сделали бы это в любом случае. Некоторые наши служащие уже сказали инспекторам, что боятся вернуться обратно. Так вот обстоят дела...

В глазах Джинни искрами сверкнула с трудом сдерживаемая ярость.

— Если вы уступите, — сказала она, — они перейдут к следующему номеру своей программы.

— Ты все поняла верно. Мы все это понимаем. А вот как насчет мученичества? Священники иоаннитов готовы провести еще одну ханжескую церемонию, посвященную невинно пролитой крови. Крови, во всем подобной крови Агнца. В стране полно исполненных благих намерений простаков, которые задумаются, а не ошиблись ли они, действительно, в петристской церкви, если общество, которое на ней основывается, использует насилие против членов Церкви Любви. Кроме того, давай, дорогая, смотреть в лицо фактам. Против гражданского неповиновения насилие еще никогда не помогало...

— Ты вспомни, как бывает после того, как заговорят пулеметы.

— Да, конечно. Но кому захочется убеждать правительство, что последняя надежда — кровопролитие? Да скорее я сам стану иоаннитом! Итог: «Источник Норн» не может просить полицию, чтобы та очистила его владения.

Джинни резко повернула ко мне голову:

— Не похоже, чтобы тебя это особенно печалило...

Я рассмеялся:

— Нет, мы с Барни поразмыслили некоторое время над этой проблемой и кое-что придумали. Я сейчас действительно, в определенном смысле, доволен. В последнее время жизнь стала слишком скучной. Вот я и спрашиваю — не хочешь ли ты принять участие в одной забаве?

— Сегодня вечером?

— Да. И чем раньше, тем лучше. Подробности я тебе расскажу, когда наша юная надежда уляжется спать.

Появившаяся было улыбка Джинни увяла:

— Боюсь, что не смогу так быстро найти няньку для присмотра за ней. На этой неделе в школе выпускные экзамены.

— А если не найдешь, тогда как насчет Свертальфа? Там твой приятель тебе не понадобится. А здесь он способен делать

элементарные вещи: может нести охрану, а если у нее разболится животик, то он сбегает к соседям и разбудит их всех...

— Она может проснуться и захочет нас увидеть, — возразила Джинни, хотя и не очень твердо.

Возражение я опроверг, напомнив, что мы, когда Валерии вроде бы стали сниться кошмары, купили ей охранитель сна. Маленький деревянный солдатик, с мушкетом наизготовку, стоял возле ее кровати, готовый прогнать из сна все страшное. Я не особенно верил приборам, призванным возмещать родительскую любовь и вообще родителей, но они помогали.

Джинни согласилась. Я увидел, что в ней ключом бьет энергия. Хотя она и приняла на время роль домашней хозяйки, но чистокровную скаковую лошадь не заставишь до бесконечности тащить плуг...

Вот таким образом мы сделали первый на нашем пути шаг в Ад...

20

Ночь была безлунной, звезды скрывала легкая дымка. Мы собирались недолго.

И она, и я одели черные свитера и брюки. Мы летели, выключив фары и пользуясь колдовским зрением. Это было хотя и противозаконно, но зато безопасно. Летели над городом, где созвездиями светились окна и уличные фонари. Наконец помело пошло вниз. В этом районе расположились промышленные предприятия. Здесь было еще темнее, еще более пусто, чем обычно в эти часы. Возле магазинов и пакгаузов я не видел практически ни одного мерцавшего здесь крохотного голубоватого огонька. Добрый народец всегда пользовался предоставленной ночью возможностью, пока вокруг нет людей, заглядывать, удивляясь и восхищаясь, в окна. Сегодня что-то спугнуло их, и это что-то было на земле «Источника». В воздухе билось тревожное, яркое, словно пламя рассвета, зарево. Когда мы приблизились, утихший было ветер вновь усилился и донес до нас запах плоти, пота и ладана, отдающего кислотой и электрической энергией сверхъестественного. Волосы встали дыбом у меня на хребте. Импульс был так силен, что мне пришлось приложить все усилия, чтобы не превратиться в волка-оборотня.

Вокруг главного здания собралась огромная толпа. От сада, где в теплую погоду завтракали наши рабочие, ничего не осталось, кроме грязи и сигаретных окурков. Я прикинул: здесь собралось около пятисот человек. Свободного места не осталось и приземлиться было невозможно. В целом толпа

оставалась на месте, но движение отдельных тел создавало бесконечную рябь. Волнами катились слитные звуки голосов и шарканье ног.

У гаража было более свободно. Здесь и там виднелись люди, собравшиеся перекусить или выспаться, забравшись в спальные мешки. Они сохраняли почтительное расстояние от установленного в дальнем конце сада переносного алтаря. Время от времени кто-то из них преклонял колени и кланялся алтарю.

Я протяжно присвистнул:

— Эта штука появилась уже после моего ухода.

Рука Джинни еще теснее сомкнулась вокруг моего запястья.

Службу вел иоаннитский священник. С высоты мы не могли ошибиться, увидев его белую мантию и молитвенную позу, в которой он мог оставаться часами. Руки широко раскинуты, точно крылья у орла. Мы услышали печальное высокое песнопение. Позади алтаря поблескивал высокий Т-образный крест. На самом алтаре четыре талисмана — чаша, скипетр, меч и диск. Два псаломщика размахивали кадилами, в воздухе пахло сладковатым и, как ни странно, морозным дымком.

— Что он делает? — пробормотал я.

Я никогда не утруждал себя изучением обычаев новой церкви. Не то, чтобы Джинни и я были совсем уж невежественными и не знали о новых научных открытиях, доказывающих реальность Божества и всего прочего, вроде абсолютного зла, искупления и загробной жизни. Но у нас создавалось впечатление, что это лишь отрывочные сведения и за ними скрывается что-то еще. И что Бог имеет такое множество проявлений, что они едва ли доступны ограниченному человеческому пониманию.

Так что мы смело могли именовать себя унитарианцами.

— Не знаю, — ответила Джинни. Голос ее был мрачен. — Я читала что-то насчет доктрин и обрядов, но это всего лишь вершина айсберга, да и было это несколько лет тому назад. Во всяком случае, нужно быть послушником... Нет, много больше — посвященным. Надо быть адептом, и лишь тогда можешь сказать, что понимаешь значение этого обряда.

Мне стало не по себе.

— Может он сбить нас?

С наступающим беспокойством я смотрел на неровное свечение, не имеющее, казалось, источников. На всю эту широкую, развернувшуюся передо мной сцену. Вокруг здания

стояли дородные, одетые в синее полицейские. Несомненно, их коробило от летящих в их адрес язвительных замечаний.

Кроме того, в большинстве они, вероятно, принадлежали к традиционным церквям. Они уж точно были бы не против арестовать проповедника вероучения, утверждающего, что их собственная вера должна исчезнуть.

«Нет, — ответил я сам себе. — Не может быть. Иначе легавые тотчас же упрячут его в холодную. Может быть, сейчас он предает нас анафеме. Полагаю, что он мог бы это сделать, учитывая, что у нас свобода религии и что человек не может указывать Богу, а может лишь просить его милости. Но вдруг он действительно творит заклинания, вызывает вредоносные колдовские силы?»

Громкий голос Джинни прервал мои размышления:

— Когда имеешь дело с этими гностиками, — сказала она, — трудности в том, что неизвестно, где кончаются их молитвы и начинаются заклинания. Идем на посадку, пока что-нибудь не случилось. Происходящее сейчас мне совсем не нравится...

Я кивнул и направил помело к главному корпусу. Иоанниты меня не слишком-то беспокоили. Священник, в общем, тоже. Вероятно, они служили свою эзотерическую мессу лишь для того, чтобы воодушевить демонстрантов. Разве его церковь не заявляла, что она — Церковь Вселенской Любви? Может быть, она, будучи выше всего земного, действительно не нуждается в насилии? Время Ветхого Завета, время Сына — было временем искупления. Время Евангелия от Иоанна, время Духа Святого — будет временем любви и раскрытием тайны. Не взирая ни на что...

Полиция запретила полеты в непосредственной близости от места проведения демонстрации. Исключение делалось лишь для тех, кто хотел улететь отсюда.

Иоаннизм — это общественное движение. Но лишь чернь, лишь выходцы из самых низов становились иоаннитами. Для значительного большинства из них идея об отречении от этого, достойного лишь презрения грешного материалистического мира, означало не что иное, как вошедшее в моду требование уничтожения этого мира. Искушение одним махом взлететь наверх и там попивать коктейль «Молотов» нередко оказывалось слишком сильным.

Естественно, мы с Джинни могли бы настаивать, что имеем право явиться сюда. Даже с эскортом, в случае необходимости. Но это могло бы вызвать то, чего нам хотелось избежать — взрыва. В общем, лучше всего для нас было про-

скользнуть сюда незамеченными. Незаметно как для врагов, так и для друзей. Но сноровка, отличающая нашу команду, несколько поблекла. Нам следовало бы как следует собраться.

Это нам удалось. Метла, привидением скользнув по небу, влетела в гараж. Открывающая система вспомогательного оборудования вентиляции пронизывала здание от первого этажа до крыши. В обычных условиях наши работники входили и выходили через двери. Но сегодня двери были перекрыты дважды: телами оппозиционеров и установленными нами защитными полями. Чтобы снять эти поля, требовалось усилие высококвалифицированного чародея. Технари агентства Пинкертона колдовали не так надежно, как нам бы хотелось.

Все окна первого этажа были прикрыты ставнями. Сквозь вентиляционные отверстия доносился снизу невнятный говор, молитвенное пение.

Положив метлу, я чуть слышно шепнул на ухо Джинни (ее волосы щекотали мои губы и это было восхитительно):

— Знаешь, а я рад, что у них появился священник. До этого они весь день распевали народные песни.

— Бедняжка... мой любимый... — Она крепко сжала мою руку. — Давай посмотрим, что там еще.

Мы заглянули в выходящее в холл и на лестницу окно, где вызывающе горел свет. И решили зайти. В пустом холле наши шаги звучали слишком мрачно и громко, и мы почувствовали облегчение, когда добрались до кабинета Барни Стурласона.

Огромная туша Барни возвышалась над письменным столом.

— Вирджиния! — прогрохотал он. — Какая приятная неожиданность! — И явно колеблясь: — но, э-э... опасность...

— Не заслуживает внимания, как объяснил мне Стив, — перебила Джинни. — У меня впечатление, что вы собираетесь пустить в ход первосортную магию?

— Конечно собираемся...

Я заметил, что его некрасивое лицо осунулось от усталости. Он настаивал, чтобы я шел домой и ждал там. В этом был свой резон. Но были и возражения. Например, если бы дела пошли наперекосяк, и мы обнаружили, что нас атакуют, мне следовало бы превратиться в волка и держать оборону, пока не подоспеет полиция. Барни оставался у себя. В подчинении у него находились несколько добровольцев, и он был уже не просто исследователь — он был босс.

— Стив объяснил вам, что мы задумали? — продолжал Барни. Он мгновенно сообразил, что стоит принять предло-

женную Джинни помощь — В таком случае, надо удостовериться, что наиболее дорогостоящее оборудование не пострадает. Я не говорю об уже уничтоженных приборах... Вы только вообразите, сколько времени и денег уйдет на то, чтобы заново все настроить! От рудопоисковой рогульки до вечного двигателя! Я уверен, что все надлежащим образом защищено, но независимая проверка, конечно, не помешает. Потом пройдитесь возле цехов и лабораторий и посмотрите, что я мог проморгать. Там где нужно, поставьте защиту.

— О'кей. — Она была здесь достаточно часто, чтобы знать, что где находиться. — Что мне будет нужно, я возьму на складе. А если понадобится помощь, попрошу мальчиков из отдела алхимии. — Она помолчала. — Подозреваю, что вы двое будете сейчас очень заняты.

— Да, я собираюсь дать им последний шанс убраться отсюда, — сказал Барни. — А если кто-то из них чрезмерно разъярится, то будет лучше, если рядом окажется Стив. Он хороший телохранитель.

— А я по-прежнему полагаю, что ты сам себе хороший телохранитель, — фыркнул я.

— Несомненно ты прав. Как всегда прав, — тут же согласился Барни, — но не забывай о том, что нам нужно соблюдать законность. Я не владелец данного участка земли, я всего лишь владелец расположенного на нем предприятия. Мы действуем по инициативе наших работников. И после того, как дирекция согласилась поддержать наши действия, Джек Робертс весьма одобрил предложенный план. Кроме того, владельцы мы участка или нет, но применив против вторжения колдовство, мы поступаем менее жестоко, чем если бы было пущено в ход огнестрельное оружие. То, что мы сделаем — это не приносящие вреда оборонные меры, направленные на защиту наших людей и нашего имущества.

— Но если мы подвергнемся прямому нападению... — начал я.

— А вот именно это мы и пытаемся предотвратить, — напомнил он. — Во всяком случае, поскольку существует закон, нужно, чтобы будущей свидетельнице, которой предстоит остаться в этом здании, все это было совершенно ясно.

Я пожал плечами и стащил с себя верхнюю одежду. Под ней был одет эластичный, без швов, костюм. Человека в таком костюме вполне могли бы арестовать за неприличный вид, но когда я становился волком, он не стеснял движений. Лунный фонарик, словно диковинный амулет, уже висел на моей шее.

Джинни крепко поцеловала меня и шепнула:

— Береги себя, тигр.

У нее не было особых причин для беспокойства. У осаждающих нас не было никакого оружия, если не считать кулаков, ног, возможно — контрабандно протащенных дубинки или железного прута. То есть у них не было ничего, чего бы я мог бояться, сменив кожу на шкуру. Даже нож, пуля или клыки могли причинить мне лишь временный вред. Да и то, нужны были бы особые, я бы сказал редкие, условия, вроде тех, при которых я потерял половину хвоста во время войны. Кроме того, вероятность, что начнется драка, была очень маленькой. С какой стати оппозиционеры станут нападать на нас? Полиции бы их хватило на один зуб, а вот под флагом затеи с мученичеством прикрыть наш завод было бы гораздо легче. Несмотря на это, голос Джинни звучал не совсем ровно, и пока мы шли через зал, она смотрела нам вслед. Смотрела, пока мы не завернули за угол.

— Подожди секунду. — Барни открыл шкаф, извлек оттуда одеяло и перекинул его через руку. — Если ты захочешь сменить облик, я наброшу его на тебя.

— С какой стати? Снаружи нет солнечного света, только огни эльфов. А их свет не препятствует трансформации...

— После того как появился священник, свет изменился. Для полной уверенности я использовал спектроскоп. Сейчас там достаточно ультрафиолета, так что у тебя могут возникнуть трудности. Это результат охранительных заклинаний — на случай нашего нападения.

— Но мы не нападем...

— Разумеется, нет. С его стороны — это демагогический прием чистейшей воды, который выставляется напоказ. Но прием умный. Фанатики и наивные детишки, входящие в эту банду, увидели, что вокруг нас установлено защитное поле и тут же заключили, что это было необходимо. Так было вновь подтверждено, что «Источник Норн» — их враг. — Он покачал головой. — Поверь мне, Стив, этими демонстрантами управляет, словно марионетками, кто-то более сильный.

— Ты уверен, что священник сам установил поле?

— Да. Все их священники — маги. Вспомни, это входит в курс обучения, и хотел бы я знать, чему еще их обучают в этих никому недоступных семинариях... Давай попытаемся поговорить с ним.

— Он проповедует? — Я был удивлен. — Высшие иерархи иоаннитов не раз заявляли, что если члены их церкви и вмешиваются в политику, то делают это исключительно как честные граждане.

— Знаю. А я — император Нерон...

— Нет, действительно, — настаивал я, — эти их темные теории... Все это чрезвычайно просто, чтобы быть правдой. То, что мы видим — это общественное волнение, недовольство людей, какие-то неопределенные изменения...

Мы вышли к главному входу. Еще недавно дверь обрамляли мозаичные стеклянные панели. Теперь они, как и окна, были разбиты вдребезги, но никто не догадался заложить дыры. Наши защитные чары могли действовать беспрепятственно. Разумеется, на нас они не действовали. Мы вышли на лестничную площадку — прямо к тем, кто хотел заблокировать нас в здании.

Дальше нам идти было некуда. Ведущие вниз ступеньки были плотно забиты людьми. Пока на нас никто не обращал внимания. Барни похлопал по плечу тощего бородатого юнца.

— Извините, — прогремел он с высоты своего башенного роста. — Разрешите?

Он выдернул из немытой руки юнца плакат, навесил на него одеяло и, подняв как можно выше, замахал этим импровизированным флагом. Цвет его лица был желто-зеленый.

Похожий на дуновение ветра перед штормом вздох прошел по толпе. Я видел лица, лица, лица... Лица рядом со мной, лица внизу, выплывающие из мрака, куда не доходил колеблющийся свет; думаю, что виной было то, что я торопился, или мое предубеждение, но только создавалось жуткое впечатление, будто все лица — совершенно одинаковы. Всем приходилось слышать о длинноволосых мужчинах и коротко подстриженных женщинах, об их немытых телах и изношенной одежде.

Все это наличествовало в избытке. Естественно, я обнаружил и обязательных в таких случаях седобородых радикалов, и их прихлебателей из студенческих общежитий, и хулиганов, и тунеядцев, и вандалов, и правдоискателей, и так далее. Но было здесь много чистых и хорошо одетых, ужасно серьезных мальчиков и девочек. У всех них был удивленный вид, как-будто они совершенно внезапно обнаружили, что участвуют в пикетировании.

И у всех у них — у богатых, бедных, гетеросексуальных или гомосексуальных, способных в одних отношениях и тупых — в других, обладавших бесконечными и неповторимыми наборами своих воспоминаний, мечтаний, надежд, страхов и привязанностей — у всех у них были свои души.

Нет, они показались одинаковыми лишь вначале, из-за своих плакатов. Трудно было сосчитать, на скольких, наподобие спортивных табло, указывался счет, с которым выигры-

вает святой Иоанн, на скольких были тексты, что-то вроде «Возлюби ближнего своего» или просто «Любовь». Впрочем, различий в текстах было мало, они повторялись и повторялись. Надписи на иных плакатах были менее дружелюбны — «Дематериализуйте материалистов!», «Фабриканты оружия, рыдайте!», «Прекратить снабжать полицию рогами дьявола!», «Убивайте убийц, ненавидьте ненавидящих, уничтожайте несущих уничтожение!», «Закрыть это предприятие!»

И казалось, будто лица... нет, хуже, сам мозг этих людей сделался ничем иным, как набором плакатов, на которых были написаны эти лозунги.

Поймите меня правильно, я просто никогда не размышлял о юнцах, чувствующих настоятельную необходимость нанести удар прямо в брюхо Богу существующего порядка. Очень плохо, что большинство людей, старея и жирея, теряет интерес к подобным вещам. Истеблишмент зачастую нестерпимо самодоволен, ограничен и глуп. Его руки, которые он заламывает столь ханжески благодаря благочестивости, слишком часто обагрены кровью.

И еще... И еще... Есть что-то, что будет отличать наше время от грядущих Темных времен, которые продлятся, пока не возникнет новый и, вероятно, еще худший истеблишмент, который восстановит порядок. И не обманывайте самих себя, думая, что ничего подобного не случится. Свобода — прекрасная вещь, пока она не превратится во что-то иное — в свободу вламываться в чужие дома, грабить, насиловать, порабощать тех, кого вы любите. И тогда вы с восторгом встретите того, кто въедет на белом коне и начнет обещать, что перевернет и изменит вашу жизнь. И вы сами вручите ему кнут и саблю...

Так что наша лучшая ставка — хранить то, чем мы уже обладаем. Разве не так?

Однако, как ни печально, такое положение налагает на нас определенные обязанности. И это — наше. Оно формирует нас. Мы можем сами не слишком хорошо сознавать это, но когда-нибудь мы поймем. Это лучше, чем что-то для нас чужое и незнакомое. И если мы будем упорно трудиться, упорно думать, проявим чутье и добрую волю, мы сможем доказать это.

Вы не повторите нашу ошибку, не будете надеяться, что вашу жизнь смогут улучшить злобные напуганные теоретики. Они лишат вас вашего богатства, приобретенного в муках жизненного опыта. Вы не станете слушать речи вещающих догматиков. Их предел — реформистские движения, которые чего-то там добивались то ли два поколения, то ли два столе-

тия тому назад.

Отвернитесь от студентов, уверяющих, что у них есть ответ на все социальные вопросы, над которыми ломали головы и разбивали вдребезги сердца такие люди, как Хаммурапи, Моисей, Конфуций, Аристотель, Ксаверий, Платон, Фома Аквинский, Гоббс, Локк, Вольтер, Джефферсон, Линкольн и тысячи других.

Но хватит об этом. Я не интеллектуал, я всего лишь пытаюсь думать самостоятельно. Мне тягостно видеть, как полные благих намерений люди делаются орудиями в руках тех немногих, чья цель — обвести нас вокруг пальца...

...Они едва не задохнулись от изумления. Горловой звук вздоха быстро прекратился и перешел в рычание. Ближайший мужчина сделал один-два шага в нашу сторону.

Барни взмахнул своим флагом:

— Подождите! — воззвал он. Громоподобный бас перекрыл все остальные звуки. — Перемирие. Давайте начнем переговоры! Приведите сюда вашего руководителя.

— Нам не о чем говорить с тобой, убийца! — завизжала усеянная прыщами девица и замахнулась на меня своим плакатом.

Я успел мельком увидеть на нем надпись: «Мир и братство». Дальше читать я не стал, был слишком занят, оберегая свой череп. Кто-то начал скандировать лозунг, который быстро подхватили остальные: «Долой Диотрофеса, долой Диотрофеса, долой Диотрофеса»...

Меня охватила тревога. Хотя Диотрофес лишь едва упоминался в Третьем послании Иоанна, современные иоанниты превратили его в символ, противостоящий движению их церквей (несомненно, их посвященные адепты подразумевали под этим именем и какие-то другие объекты).

Неверующие, то есть просто бунтари (они составляли большинство иоаннитов), не беспокоились о том, чтобы разбираться в таких тонкостях дела. Для них Диотрофес сделался нарицательным именем ненавистной им светской власти. Или кого угодно еще, кто стоял им поперек дороги. Этот призыв уже не раз гипнотизировал толпы, приводя их в сокрушительное неистовство.

Защищая глаза от когтей девицы, я отобрал у нее плакат, извлек свой фонарик, но внезапно все изменилось. Зазвучал колокол. Послышался чей-то голос. Низким был и звон, и голос, и в них звучало что-то, что перекрывало растущий гам.

— Мир! Храните любовь в ваших сердцах, дети! Успокойтесь, ибо здесь присутствует сам Святой дух!

Нападающие попятились. Наше окружение распалось. Люди начали опускаться на колени. Стон прошел по толпе, он все усиливался. Это был почти оргазм, и вдруг он смолк, сменившись тишиной. Подняв глаза, я увидел, что к нам приближается священник.

Он шел, держа в руке колокол, а над головой его, вознесшись вверх, плыл ранее стоявший за алтарем Т-образный крест. Так что вместе с ним шествовал сам пригвожденный к кресту Тайны Христос.

«Ничего тут нет страшного, — мелькнула дикая мысль, — если не считать, что другие церкви назвали бы все это кощунством — придать главному символу веры подобную форму и подействовать на него, как на какую-то метлу, с помощью антигравитационных заклинаний...»

Однако, в целом, спектакль был чрезвычайно внушительным. Это было как бы олицетворением всего гностицизма. Я всегда относился к «невыразимым тайнам» иоаннитов, как к невыразимому пустословию. Теперь я кое-что понял. Здесь было нечто большее, чем обычные сверхъестественные эманации. Я ощущал это каждым унаследованным от волчьей ипостаси нервом. Мне казалось, что эта сила исходила не от Всевышнего. Но тогда от кого же?

Священник остановился перед нами. Выглядел он вполне нормальным человеком. Маленький, тощий, и его мантия была ему не слишком впору. На пуговке носа криво сидели очки. Его седые волосы были такими редкими, что я едва мог понять, где начинается его тонзура — пробритая через всю макушку от уха до уха полоса. Рассказывали, что такую тонзуру ввел Симеон-маг.

Сперва он повернулся к толпе:

— Разрешите мне без ненависти поговорить с этими не знающими любви джентльменами. Возможно, это послужит торжеству добродетели. — В его голосе была какая-то странная убежденность. — Тому, кто любит, не может быть неведом Бог, ибо Бог есть любовь.

— Амен... — забормотали иоанниты.

Когда маленький священник повернулся к нам, я внезапно понял, что он действительно принимает всерьез это изречение. От его слов не пахло ложью.

Враг хорошо знает, как использовать преданность своему делу и искренность. Но теперь я относился к нему с меньшей неприязнью.

За стеклами очков священника обозначился человек. Он улыбнулся нам и наклонил голову:

— Добрый вечер. Я — посвященный Пятого класса, Мармидон. К вашим услугам.

— Это... э-э... ваше экклесиастское имя? — осведомился Барни.

— Разумеется. Прежнее имя — есть первое, что следует оставить в этом мире, проходя через Врата Перехода. Если это вызывает у вас насмешки, то они меня не волнуют, сэр.

— Нет, ничего подобного я даже не допускаю. — И Барни представился.

Потом представил меня. Этим дешевым способом он высказал наше желание наладить мирные отношения, поскольку и без того было легко определить, кто мы такие.

— Мы пришли, поскольку надеемся заключить соглашение.

Мармидон засветился:

— Великолепно! Изумительно! Как вы сами понимаете, я не официальный представитель. Демонстрация организована комитетом Национальной добродетели, но я буду рад оказать вам услугу.

— Беда в том, — сказал Барни, — что наши возможности в выполнении ваших основных требований весьма ограничены. Как вы понимаете, мы не против мира во всем мире и всеобщего разоружения. Но это дело международной дипломатии. А решать, когда нужно положить конец оккупации ранее враждебных нам стран и сколько нужно затратить средств на повышение социального благосостояния в нашей стране, должны президент и Конгресс.

Амнистией всех участвовавших в беспорядках должны заниматься городские власти. Вводить ли в школах курс философии и истории гностицизма, обязаны решать специально для этого назначенные представители правительства. Что касается всеобщего равенства и искоренения материализма, лицемерия и несправедливости... — Он пожал плечами. — Для этого нужно, по крайней мере, ввести поправку в Конституцию.

— Вы, однако, можете оказать немаловажное влияние на процесс достижения этих целей, — возразил Мармидон. — Например, вы можете пожертвовать определенную сумму в фонд Комитета Общественного Просвещения. Вы можете способствовать выдвижению на выборах достойных кандидатов и помочь финансировать их кампанию. Вы можете разрешить прозелитам обращать в истинную веру ваших служащих. Вы можете прервать отношения с дельцами, все еще проявляющими упорство. — Он распростер руки. — И если вы сделаете это, дети мои, вы спасетесь от вечного проклятья.

— Ну, может быть. Хотя пастор Карлслунд, из лютеран-

ской церкви Святого Олафа, убеждал меня в обратном, — сказал Барни. — Но, в любом случае, перечень слишком велик, чтобы провернуть все это за один день.

— Само собой, само собой. — Мармидона затрясло, так его переполняло рвение. — Мы достигнем поставленных целей постепенно, шаг за шагом. «Но пока в вас есть свет, вы можете быть детьми света». Таков единственный результат нашей сегодняшней беседы.

— Трудности в том, что вы хотите, чтобы были аннулированы подписанные нами контракты, за которые мы уже получили аванс. Вы хотите, чтобы мы нарушили данное нами слово и подвели тех, кто нам доверяет...

Сказанное никак не подействовало на Мармидона. Он выпрямился во весь рост, твердо посмотрел на нас и отчеканил:

— Эти воины Духа Святого требуют, чтобы вы прекратили производство снаряжения для армии, несущей угнетение другим странам, и полиции, несущей угнетение нашей стране. Сейчас мы не просим вас ни о чем большем. И не согласимся ни на что меньшее. Данный вопрос — вне обсуждения.

— Понимаю. Ничего иного я от вас не ожидал. Но я хотел бы при свидетелях разъяснить вам ситуацию. Я хочу предостеречь вас.

Те, кто слышал эти слова, завертелись. Одни свистящим шепотом передавали услышанное другим. Я понял, что напряжение снова возрастает.

— Если вы используете насилие против тех, кто пришел сюда, чтобы просто выразить свой протест, — объявил Мармидон, — они либо обрушат на вас силу закона, либо окончательно убедятся, что закон есть выражение интересов крупных предпринимателей... которые, говорю вам, есть, в свою очередь, порождения Сатаны.

— О нет, нет, — заверил Барни. — Мы пониже сортом, хотите — верьте, хотите — нет. Но вы вторглись в чужие владения. Вы помешали нашей работе как раз тогда, когда нам не хватает ни времени, ни рабочих рук. Мы обязаны выполнить вытекающие из контракта обязательства, и мы попытаемся сделать для этого все от нас зависящее. Сейчас будет проводиться эксперимент. Он может оказаться опасным. Пожалуйста, ради вашей же безопасности, очистите территорию предприятия...

Мармидон застыл.

— Если вы задумали изгнать нас с помощью несущих смерть заклинаний...

— Ничего подобного. Я точнейшим образом расскажу

вам, что мы задумали. Мы намерены испробовать новый метод транспортировки жидкостей. Прежде чем внедрить его, мы обязаны удостовериться в его безопасности. Если система не выдержит испытания, те, у кого нет защиты, могут оказаться травмированными. — Барни возвысил голос (хотя мы знали, что полицейские олухи и так ловят каждое слово): — Я приказываю и предупреждаю, я прошу вас. Прекратите вторжение, очистите территорию компании. В вашем распоряжении полчаса.

Мы повернулись и оказались внутри здания. Исчезли с их глаз раньше, чем опять поднялся шум. И пока мы шли через зал, пока не достигли благословенной тишины главной алхимической лаборатории, слышали летящие нам вслед проклятия, насмешки, ругательства. Слышали звериный вой иоаннитов.

В лаборатории собрались отобранные Барни из числа добровольцев с дюжину ученых, техников и рабочих. Они сидели, курили, пили сваренный на бунзеновских горелках кофе. Негромко переговаривались. Когда мы вошли, нас встретили тихими аплодисментами. Сидевшие в лаборатории наблюдали за нашими переговорами по видеошару.

Я поискал глазами заведующего товарными складами Айка Абрамса. Еще во время войны я знал его как хорошего парня и впоследствии предоставил ему работу на нашем предприятии.

— Все в порядке? — спросил я.

Он показал большой палец:

— Что касается меня, капитан, — более, чем в порядке. Я уже ждать не могу!

Мгновение я рассматривал его:

— Ты действительно готов применить ЭТО против тех людей?

У него стал такой вид, будто ему плюнули в лицо:

— А вы бы не применили, будь вы в моем положении?

«В твоем, — подумал я, — а также в положении множества людей, но особенно — в твоем, Айк, — да!»

Будучи рационалистом, я питал отвращение к иррациональной сущности гностицизма. Будь я набожным христианином, я мог бы предъявить церкви иоаннитов длинный счет. Тут и ее претензии быть преемницей всех прочих церквей, и отрицание всякого права этих церквей на дальнейшее существование...

И еще в больше степени, вероятно, — эзотеризм иоаннитов, отрицающих, что Бог изливает свою милость на все че-

ловечество. И рационалист, и верующий — равно могли бы протестовать против извращения церковью иоаннитов Евангелия от Иоанна, не только самой мистической, но и самой прекрасной книги Святого Писания.

Но если вы еврей, иоанниты вырывают из контекста и швыряют вам в лицо изречение, вроде: «Много есть в этом мире людей, которые не признают, что Иисус Христос явился к нам во плоти. Такой человек обманщик и антихрист». И вы понимаете, что возрождается древний кошмар антисемитизма.

Чуть смутившись, я обернулся к Биллу Харди, нашему главному Парацельсу. Он сидел, покачивая ногой, на лабораторном стуле.

— Сколько вы получили вещества? — спросил я.

— Около пятидесяти галлонов, — ответил Билл.

— Ого! Без всякой алхимии?

— Абсолютно без всякой. Чистая и честная реакция Берцеллиуса. Допускаю, что нам просто повезло, что у нас в запасе оказалось много исходных компонентов.

Я содрогнулся, вспомнив ужасный пример, приведенный им, когда обсуждался план.

— Как это отзовется на Мидгарде?

— Ну, в департаменте производства... полным-полно всяких распоряжений. Например, от маслопроизводителя требуют принятия многих мер против прогорклости. С процессом вы знакомы. Мешало то, что вы не хотели, чтобы реакция была сперва проведена в пробирке, чтобы потом с помощью симпатических чар получить сколько угодно тонн этого вещества. Правительство может попытаться взять под контроль популяцию скунсов в Западных штатах и... — он замолчал.

Вошла Джинни. Ее глаза блестели. Она держала волшебную палочку, словно меч Валькирии.

— Приступим, мальчики! — В ее голосе слышался лязг металла.

— Пойдемте. — Барни приподнял свое объемистое туловище.

Вслед за ним мы пошли к контейнерам. Это были самые обычные одногаллонные канистры, такие, в каких продается жидкая краска. Но на воске, запечатавшем винтовое горло каждой канистры, была оттиснута печать Соломона, и я подсознательно ощутил, как напряжено поле сверхъестественных сил вокруг этих посудин. Казалось невероятным, чтобы ученым удалось погрузить их на тележку и вывезти.

Вместе со мной в мой отдел вошли Айк и его команда. Наспех смонтировали аппаратуру, которая тоже не произво-

дила особо внушительного впечатления. Честно говоря, это было спаянное на скорую руку чудовище: большой, работающий на бензине электрический генератор в обрамлении катушек и пучков проводов. Для эксперимента иногда требуется больше энергии, чем способны дать заботливо экранированные силовые линии общего пользования.

Чтобы эта халтура заработала, мне пришлось снять с генератора магнитные экраны. Поэтому все, что мы сейчас имели — это куча железа. Никакими чарами в непосредственной близости от генератора и не пахло. Айк, весь день пребывающий в своей стихии, взвалил на себя весь вес генератора и неуклюже потопал за мной следом. Он протащил генератор через все залы и комнаты и затормозил, лишь поднявшись по лестнице.

Без сомнения, ему иногда хотелось, чтобы люди никогда не открывали способа воздействовать на сверхъестественные силы (влиять на них мы научились вскоре после конца Бронзового века). Он не был ортодоксом. Его вера не запрещала ему использовать колдовство. Но он не был ни реформатором, ни неохаосистом. Он был иудаистом консервативного толка. То есть мог использовать предметы, приведенные в повиновение с помощью колдовства кем-то другим. Но сам порождать чары не имел права. Нужно отдать ему должное: невзирая на это, он и сам работал успешно, и пользовался уважением своих подчиненных.

Он ухитрился дотащить никак не приспособленное к переноске устройство, вместе со всем добавочным оборудованием, до гаража. На его плоской крыше уже собрались все остальные. Джинни предстояло отправить канистры по назначению именно отсюда. Канистры покачивались в воздухе там, где их могли достать создаваемые генератором искажения магнитного поля.

Мы втащили машину наверх. Затем осторожно установили возле светового люка. Барни обошел агрегат кругом. Из-за генератора мы не могли подняться к нашим друзьям ни с помощью метлы, ни с помощью заклинаний. Пришлось подниматься по веревочной лестнице.

— Готовы? — спросил Барни. В тусклом тревожном свете на его лице поблескивали бусинки пота. Если наша затея окончится неудачей, отвечать за непредвиденные осложнения придется ему.

Я проверил все соединения:

— Как-будто ничего не отошло, но дай мне сперва осмотреться.

Я подошел к стоящей у низкого парапета Джинни. Внизу мутным потоком бурлила толпа, задиравшая вверх исполненные ненависти плакаты и лица. Они заметили парящие над ними контейнеры и поняли, что решающий момент близок. Склонившись над алтарем, что-то делал посвященный Мармидон. Я понял, что он усиливает поставленное им защитное поле. До меня донеслись незнакомые слова:

— ...Хелифомар, мабонсарун гоф ута эннуас сацинос...

Молитва перекрывала угрюмое бормотание осаждающих.

Огни эльфов вспыхнули ярче. Насыщенный энергией воздух потрескивал, кипел, пахло грозовым ветерком озона.

На губах моей любимой появилась слабая задумчивая улыбка.

— Как бы это понравилось Свертальфу, — сказала она.

Барни неуклюже подошел к нам.

— Можно начинать, но я дам им последний шанс...

Он прокричал те же предупреждения, что и прежде. В ответ раздались пронзительные вопли. В стену застучали объедки и камни.

— О'кей, — сказал Барни. — Хватит ждать.

Я шагнул к генератору и запустил мотор. Включил ток. Генератор запел, прерывисто задрожав. Я вдохнул отвратительный дым — и мне стало радостно. Хорошо, что мы не полагались на двигатели внутреннего сгорания. Мне приходилось видеть так называемые автомобили — они были построены около 1900 года, незадолго до полета первой метлы. Поверьте мне, помещения, где хранятся автомобили, не надо называть музеями. Гораздо точнее — «Хранилища ужасной нелепицы».

Громкий голос Джинни отвлек мое внимание. Она отправляла канистры в предназначенное для них место. Я их уже не видел. Теперь, равномерно распределенные по всей площади, они плавали в десяти футах над головами толпы. Джинни взмахнула волшебной палочкой. Я щелкнул главным включателем.

Нет, чтобы очистить принадлежащую «Источнику» территорию, мы не использовали колдовство... Ток, пройдя по обмотке генератора, породил такое магнитное поле, что в радиусе ста ярдов прекратилось действие как наших, так и их чар.

Все приборы, которые могли быть повреждены, мы упрятали в помещение, оббитое изнутри изолирующим материалом. Мы повторно предостерегли толпу, что проводим эксперимент с транспортировкой жидкостей, возможно, являю-

щийся опасным. Ни один закон не мог требовать от нас, чтобы мы добавили, что эти жидкости — находящиеся под большим давлением намеренно испорченные нами консервы. Настолько испорченные, что готовы взорваться в любую секунду. И взорвутся, когда исчезнут силы, поддерживающие защитное поле.

На самом деле, мы намеренно преувеличили опасность. Мы пытались свести на нет, или, по крайней мере, уменьшить вред, который будет причинен захватчикам. Ничего страшного в контейнерах не было. Может быть, присутствовал слабенький токсин в такой концентрации, что и говорить об этом не стоило. Хотя... нормальное человеческое обоняние сочло бы ее достаточной, чтобы забить тревогу.

Просто безобидная смесь таких веществ, как бутил-меркаптан, трупные запахи и ароматы гниения... М-да, у всей этой органики великолепная проникающая способность. И если хоть несколько капель попадет на кожу человека, вонь не исчезнет в течение недели, а то и двух.

Донесся первый истошный визг. Настала минута моего торжества. Затем нахлынула волна зловония. Я забыл одеть противогаз, забыл, что даже когда я человек, мой нос все же достаточно чувствителен. Одно слабое дуновение — и я задохнулся. Меня вырвало, содержимое моего желудка разлетелось по всей крыше. Запах, в котором смешалась вонь скунса, прогорклого масла, сгнившей спаржи... Это было гниение, гибель, это были колеса Колесницы Джагорнаута, вымазанные лимбургским сыром... это не поддается описанию. Я едва смог натянуть на себя маску.

— Бедный Стив. — Рядом стояла Джинни.

— Они убрались? — прошипел я.

— Да... Вместе с полицией. А с ними, похоже, и половина квартала.

Я вздохнул с облегчением. Была в нашем плане слабая точка: оппозиционеры могли не разбежаться, а возжелав наших жизней, вломиться в уже незащищенные двери. Узнав на собственном опыте, что мы им устроили, я теперь не думал, что такое возможно. Свою задачу работники лаборатории выполнили лучше, чем сами надеялись.

Вряд ли нужно ожидать, что они захотят вернуться. Если тебя арестовали, или ты сложил голову в борьбе за общее дело — ты герой, и твой пример вдохновляет всех прочих. Но если ты просто-напросто воняешь так, что не можешь поговорить с лучшим другом (потому что последний не может приблизиться к тебе на расстояние слышимости), то, видимо, твоя борьба

за правое дело закончилась неудачей...

Я схватил Джинни, прижал к себе и принялся целовать. Черт, снова забыл о противогазе! Она распутала хоботы масок.

— Мне лучше идти. Пока эта гадость не разошлась по всему городу, надо уничтожить ее, — сказала Джинни. — Выключи свою машину и заэкранируй ее.

— А-а... да, — мне пришлось согласиться. — Мы планировали, что завод возобновит работу уже утром...

Обнаруживалось то одно, то другое, и еще пару часов мы были заняты. Когда закончили, Барни раздобыл несколько бутылок, и до самого рассвета мы отмечали победу. Небо в восточной стороне вспыхнуло розовым заревом, и лишь тогда мы с Джинни, шатаясь и икая, взобрались на нашу метлу.

— Домой, Джеймс.

Нас обвевал прохладный воздух, высоко над головой разворачивался купол небес.

— Знаешь что? — сказал я через плечо. — Я люблю тебя.

— Мур-р... — Она дотянулась, потерлась щекой о мое плечо. Ее руки скользнули по моему телу.

— Бесстыжая девка, — констатировал я.

— Предпочитаешь что-нибудь в другом роде?

— Ну, нет. Но могла бы и подождать немного. Я тут с тобой чувствую себя все более развратным с каждой минутой и не имею никакой возможности удовлетворить похоть...

— О, возможность есть, — пробормотала она мечтательно. — Даже на помеле. Забыл?

— Не забыл. Но, черт побери, здесь, как и на других воздушных линиях, вот-вот все будет запружено. Зачем в поисках уединения лететь несколько миль, когда у нас рядом есть великолепная спальня?

— Верно, твоя идея мне нравится. Всего пятнадцать минут — и нам обеспечено уединение в собственном доме... Прибавь пару, Джеймс.

Метла резко ускорила полет.

Меня переполняло счастье, и моим счастьем была Джинни.

Она первая почувствовала признаки сверхъестественного. Я понял лишь, что ее щека оторвалась от моей спины, руки отпустили мою талию, а ногти сквозь рубашку вонзились в тело.

— Какого Молоха!

— Тс-с! — выдохнула она.

Полет. Молчание. Легкий, но неприятный холодный ветер рассвета. Наконец она заговорила. Голос ее звучал напряженно, он был каким-то ослабевшим, растерянным:

— Уже некоторое время я чувствую что-то неладное. Возбуждение и все такое... я только сейчас это осознала.

У меня все дрогнуло внутри, как будто я готовился к превращению в волка. Магия и сверхчувства стали ощупывать пространство. Повседневная магия плюс кое-что полученное в армии, плюс чуточку более чем солидная инженерная подготовка. Но у человеко-волков есть еще и прирожденные инстинкты и знания.

Наконец я понял.

Вокруг веяло ужасом...

Помело устремилось вниз. Мы уже поняли, что ЭТО случилось в нашем доме.

Мы соскочили с метлы на газоне перед домом. Я повернул ключ, ворвался в дверь. В доме было темно.

— Вал! — закричал я. — Свертальф!

Замки не были сломаны, стекла целы. Мечи и камни, охранявшие проходы, по которым к нам могло проникнуть сверхъестественное, находились на прежнем месте.

Но стулья были опрокинуты, вазы сметены со столов и разбиты, пол, стены, ковры — вся квартира забрызгана кровью...

Мы вбежали в комнату Валерии. Когда же увидели, что малютка спокойно спит в своей кроватке, то обнялись и расплакались.

Наконец Джинни удалось заговорить:

— Где же Свертальф? Что случилось с ним?

— Я поищу. Он совершил подвиг.

— Хорошо. — Джинни вытерла глаза.

Она оглядела царящий в детской беспорядок. Взгляд ее сделался жестоким.

— Почему она не проснулась? — спросила она голосом, какого я никогда раньше не слышал.

Я уже начал поиск. Свертальф нашелся на кухне. Линолеум был залит кровью. У кота оказались переломаны кости, разорвана шкура, распорото брюхо. И все же он с хрипом дышал. Я не успел рассмотреть, какие у него еще повреждения, как раздался пронзительный крик Джинни. Я галопом помчался обратно.

Она держала ребенка на руках. Из-под спутанных золотистых локонов тускло и тупо глядели голубые глаза. Лицо Джинни так осунулось, что, казалось, кости скул сейчас прорвут кожу.

— С ней что-то случилось, — с трудом выдавила Джинни, — не знаю что, но случилось...

Я постоял мгновение, чувствуя, как вдребезги разлетается Вселенная, потом шагнул в туалет. Там темно, а мне сейчас нужна была темнота. Сорвал с себя одежду и пустил в ход фонарик. Превратившись, подбежал к ним. Нос волка впитывал запахи. Я сел на задние лапы и взвыл.

Джинни выронила то, что держала.

И пока я совершал обратное превращение, она неподвижно стояла возле кроватки.

Снова приняв человеческий облик, я сухо сказал:

— Надо позвонить в полицию. — Я не узнал собственного голоса. — Это не Вал. Это вообще не человек...

21

Я не могу вспомнить в подробностях, что происходило в течение нескольких следующих часов.

К полудню мы оказались в моем рабочем кабинете. Начальник местной полиции почти сразу понял, что дело выходит за пределы его компетенции и убедил нас известить ФБР. Работники Бюро тщательно, дюйм за дюймом, обследовали дом и весь участок. Лучшее, что мы могли сделать — не путаться у них под ногами.

Я сидел на кровати, Джинни — на краю вращающегося стула. Время от времени кто-то из нас вскакивал, ходил по кругу, произносил какую-то бессмыслицу и падал обратно. Густо висел туман табачного дыма. Пепельница переполнилась окурками. В голове было пусто. Взгляд Джинни был обращен глубоко внутрь себя. В окнах — солнечный свет, трава, деревья. Все это теперь казалось нереальным.

— Тебе, правда, нужно что-то поесть... — сказал я Бог знает какой раз. — Подкрепи силы.

— Поешь сам, — ответила она, глядя в никуда.

— Я не голоден.

— Я тоже.

Нас снова охватило отупение.

Резкий телефонный звонок сорвал обоих с места.

— С вами хочет поговорить доктор Акман, — сказала трубка. — Будете говорить?

— Во имя самого Господа, да! — вырвалось у меня. — С видеоконтактом!

На мгновение я лишился рассудка и никак не мог сконцентрироваться на ожидании разговора с человеком, с чьей помощью Валерия вступила в этот мир. Мой разум закрутился вокруг принципов устройства телефона. Симпатические вибрации, когда оба абонента чарами заклинают один и тот

же номер. Если пожелать — видеоконтакт с помощью магического кристалла, частичное вселение души в аппарат для передачи речи...

Рука Джинни обхватила мое запястье. Ледяная рука. Это привело меня в чувство.

Лицо Акмана выглядело почти таким же изможденным, как и лицо Джинни.

— Вирджиния, Стив... — выговорил он, — у меня для вас сообщение.

Я попытался ответить. Не смог.

— Вы были правы, — с явной усмешкой произнес Акман. — Это гомункулус.

— Почему исследования заняли столько времени? — спросила Джинни. В ее голосе не было уже той силы. Просто хриплый суровый голос.

— Потому что случай беспрецедентный. Об оставленных колдунами подменышах до сих пор говорилось только в легендах. Ничто в имеющихся данных даже косвенно не указывает на причину, по которой нечеловеческий разум украл ребенка... и каким образом это было сделано. И, в-третьих, нам неизвестно, почему этот гипотетический похититель оставил вместо ребенка голема... — Он вздохнул. — Вероятно, мы знаем меньше, чем полагали.

— Что вам удалось обнаружить? — В голосе Джинни вновь зазвучала решимость.

Я пристально посмотрел на нее.

— Вместе со мной, — вновь заговорил Акман, — исследования вели: полицейский хирург, люди из криминалистической лаборатории, а позднее — паталогоанатом из больницы университета. Вернее, я вместе с ними. Я ведь домашний врач. Несколько часов мы потратили на проверку предположения, что Валерия заколдована. Сами понимаете — подобие полное.

Данное существо не имеет разума. Линии электроэнцефалограмм практически ровные... Но оно идентично вашей дочери во всем, вплоть до отпечатков пальцев. Однако, она... оно не смогло отреагировать на все наши терапевтические заклинания. Что привело нас к мысли, что это тело — имитация. Стив, мы втолковывали это вам с самого начала. Наш вывод подкреплен целой серией тестов. Например, недостаточное процентное содержание соли в тканях. Окончательно вопрос был решен, когда сделали инъекцию радиоактивной святой воды. Метаболизм и отдаленно не схож с человеческим...

Нам помогло, что он говорил таким сухим тоном.

Ужас постепенно начал приобретать пусть туманные, но очертания. Колесики мозга со скрипом пришли в движение. Как найти способ вступить в бой с похитителем?

— Что сделают с подменышем? — спросил я.

— Полагаю, что власти предпочтут сохранить ему жизнь. В надежде, что... что удастся что-нибудь узнать. Понять и что-то сделать. И если больше ничего не случится, он перейдет в собственность государства. Не питайте ненависти к нему. Это всего лишь бедное существо, созданное для какой-то злой цели. Но ответственности за это оно не несет.

— Если не возражаете, не будем терять времени, — резко сказала Джинни. — Доктор, у вас есть какие-нибудь идеи, как вернуть Вал?

— Нет. И это угнетает меня. — Он нахмурился. — Хотя я только медик... Что я еще могу сделать? Скажите, что? Я начну тогда немедленно.

— Можете начать прямо сейчас, — тут же отозвалась Джинни. — Вы, конечно, слышали, что мой кот защищал Вал и был очень сильно изранен. Сейчас он у ветеринара, но я хочу, чтобы им занялись вы.

Акман не скрыл удивления.

— Что? Но, право же... послушайте, я не могу спасти жизнь животному, если этого не может даже специалист!

— Здесь нет проблемы. Свертальф выкарабкается, но я хочу, чтобы он выздоровел как можно скорее. Для этого необходимо оборудование, предназначенное для людей. Но ветеринар не подготовлен для работы с ним. У него нет и самого оборудования. Если же у вас нет нужных зелий или заклинаний, узнайте, как их найти. Деньгами можете не ограничиваться...

— Подожди, — остановил ее я, — сколько с меня высосут эти пиявки?

Она тут же оборвала меня:

— Счет оплатит «Источник». Или правительство. У них денег хватит. С подобным они еще не сталкивались. Возможно, впереди страну ждет крах. — Она выпрямилась. Мрачный взгляд, свисающие прямые волосы, одежда та же, что была прошлой ночью... и все же она снова была капитан Грейлок из Четырнадцатого кавалерийского полка Соединенных Штатов Америки. — Я не спятила, доктор. Поразмыслите, что вытекает из того, что вы обнаружили, — продолжала она. — Не исключено, что Свертальф может дать какую-нибудь информацию о том, с чем он столкнулся. Конечно, только не в том случае, если он был без сознания — но и в конце концов,

и мы обязаны быть хорошими товарищами и помочь ему всем, чем только можем.

Акман поразмыслил с минуту.

— Хорошо, — наконец согласился он.

Он уже собирался закончить разговор, когда дверь кабинета открылась.

— Подождите-ка! — приказал чей-то голос.

Я мигом (да только к чему теперь эта скорость?) повернулся на каблуках. И увидел твердое коричневое лицо и мускулистое тело Роберта Сверкающего Ножа. Глава местного отделения ФБР был облачен в старомодный деловой костюм. Такие костюмы в его организации — рабочая униформа. Его украшенная перьями, шляпа мела, казалось, по потолку. Смахивающая на полицейскую дубинку бутыль из выдолбленной тыквы похлопывала по заду при каждом шаге. Плащ, наброшенный на плечи, и щеки были разукрашены изображениями орлов, солнечного диска и Бог знает чего еще.

— Вы подслушивали, — обвиняющим тоном заявил я.

Он кивнул:

— Нельзя упускать ни одного шанса, мистер Матучек. Доктор Акман, вам придется соблюдать абсолютную секретность. Никаких, как вы намеревались, консультаций с не умеющими держать рот на замке шаманами и знахарями.

Джинни вспыхнула:

— Послушайте...

— Вашего кота вылечат, — тем же самым, не допускающим возражений резким тоном пообещал Сверкающий Нож. — Сомневаюсь, что он может оказаться в чем-то полезным, но нельзя упускать ни единой возможности. Счет оплатит Дядя Сэм. Доктор Акман по-прежнему может руководить работой своей группы. Но я хочу, чтобы всем ее членам было ясно... Наверняка, черт возьми, ясно! Что они не должны болтать больше, чем необходимо. Задержитесь в своем кабинете, доктор. В течении часа к вашей группе присоединится оперативник.

Врач рассвирепел:

— Сколько же времени ему понадобится, чтобы убедиться, что все приглашенные мной специалисты — самые благонамеренные американцы?

— Это займет у него очень немного времени. Вы удивитесь, как много он уже о них знает. Вас также удивит, как много будет неприятностей у того, кто будет настаивать на своем праве поведать прессе или даже своим друзьям, как пойдут дела дальше. — Сверкающий Нож саркастически усмехнулся. — В наши дни те, кому положено подслушивать,

обладают самой ухищренной аппаратурой...

Дверь он оставил приоткрытой. Было слышно, как его люди бродят по дому и о чем-то вполголоса говорят друг другу. В комнате почему-то чувствовался сильный кислотный запах.

— Сядьте, пожалуйста. — Сверкающий Нож оперся спиной о книжную полку и внимательно посмотрел на нас.

Чтобы овладеть собой, Джинни понадобилось заметное усилие.

— Вам не кажется, что вы действуете, как уличные грабители?

— Обстоятельства вынуждают, миссис Матучек.

Джинни закусила губу и кивнула.

— Может, перейдем к делу? — попросил я.

Суровая жестокость ненужной маской слетела с лица Сверкающего Ножа:

— Мы осведомлены, что у вашей жены есть определенные подозрения, — сказал он с таким выражением, что подумалось, будто речь идет о его собственной дочери. — Она ведьма и уже все поняла. Но не желает допускать эту мысль, пока есть хоть какая-то надежда, что ответ может быть менее ужасен. Это не обычное похищение.

— Конечно же!

— Подождите. Я сомневаюсь, относится ли вообще данный случай к категории «похищение». Возможно, он выходит за пределы юрисдикции моего Бюро. Однако, как сказала ваша жена, здесь в большой степени затронуты интересы национальной безопасности. Я свяжусь с Вашингтоном, пусть там решают. В конечном счете — хоть сам президент. А пока мы не должны раскачивать лодку.

Я перевел взгляд с него на Джинни. Снова не имеющий формы ужас. Снова — не конкретное существо, с которым можно сражаться, а просто обстановка кошмара.

— Пожалуйста... — прошептал я.

Угол рта Сверкающего Ножа быстро и страшно дернулся. Он заговорил ровной бесцветной скороговоркой:

— Мы установили, что вся кровь принадлежит коту. Обнаружены слабые следы иоарха, то есть крови сверхъестественного существа. Не сам иоарх, но, вероятно, возникшие вследствие его воздействия пятна. Больше нам дало изучение оставленных на полу пятен и царапин. Эти отметины мы идентифицировать не смогли, они не принадлежат ни одному из известных нам существ как обычного, так и сверхъестественного мира. И поверьте мне, в нашей фирме работают хо-

рошие идентификаторы.

И еще. Как ни удивительно, судя по внешним признакам, в дом никто не входил. Мы проверили все возможные способы проникновения... и опять-таки, нам их известно множество. Ничто не сломано, не снято, не просверлено. Нет ни признака воздействия на символы и предметы охраны. Их поля развивают полную мощность, надлежаще настроены, ловушки в порядке, нигде ничего не нарушено.

Поэтому никто и ничто не могло пролететь в дымовую трубу, просочиться в щель, материализоваться, пройти сквозь стену. Или чарами заставить присматривающего за ребенком кота впустить его. Столь же многозначителен тот факт, что никто по соседству не видел и не слышал ничего, вызывающего тревогу. Вспомните о так называемом втором зрении сторожевых собак. Вспомните, как быстро распространяется среди них тревога. Появись на вашей улице с враждебными целями кто-нибудь сверхъестественный — поднялся бы гам, перебудивший всех на три квартала вокруг. Вместо этого ваши ближайшие соседи сообщили, что слышали что-то напоминающее шум кошачьей драки...

Помолчав, Сверкающий Нож закончил:

— Наверняка наши знания в области магии не полны. Однако мы знаем достаточно о применении магии в преступных целях, чтобы сказать с уверенностью: «Никакого насильственного проникновения в дом не было».

— Так что же, в таком случае, это было? — закричал я.

Вместо него ответила Джинни:

— Это пришло к нам из Адской Вселенной...

— Теоретически это могло быть и существо небесного происхождения. — Сверкающий Нож коротко и натянуто улыбнулся. — Но с философской точки зрения... это исключено. Девочку похитил кто-то из слуг дьявола.

Джинни упала на стул. Ее лицо было безжизненным, руки безвольно лежали на коленях, глаза полузакрыты. Она забормотала, будто в бреду:

— Подменыш прекрасно подтверждает вашу теорию, не так ли? Согласно современной науке, перенос материи из одного пространственно-временного континуума в другой требует соблюдения известных физических законов. Психическое излучение вполне может проникать из континуума в континуум. Отсюда — видения, соблазны, вдохновение и так далее. Тут действует принцип неопределенности. Но к объектам реального мира это не относится. Если осуществляется перенос из одной реальности, из одной Вселенной в другую, необхо-

димо объект переноса заменить другим предметом. В нем должно содержаться точно такое же количество материи. Точно так же должно в точности совпадать на момент переноса и строение обоих объектов...

Лицо Сверкающего Ножа выражало тревогу:

— Сейчас неподходящее время ссориться со Всевышним, — пробормотал он.

— У меня не было и нет такого намерения, — вяло возразила Джинни. — Он всемогущ. Но могущество его слуг ограничено. Для них наверняка легче перенести предмет, не меняя его естественной формы, учитывая, что в нем содержится неисчислимое количество имеющих разную скорость атомов.

Гораздо легче обеспечить подобие предмета заменой. Вероятно, то же относится и к обитателям Нижнего Континуума. У них отсутствует творческое начало. По крайней мере, так утверждает петристская церковь. Насколько я понимаю, вероучение иоаннитов включает элементы манихейства. Демон мог перейти из своей Вселенной в любую точку нашего дома, поскольку естественная форма его существования — хаос. Ему для перехода не нужно было ничего, кроме обладающих высокой энтропией грязи, пыли и мусора. Выполнив задуманное, он, вероятно, вернул все это на место. Не исключено, следы этого можно заметить. Я знаю, что во время драки все в доме было перевернуто вверх дном, но было бы полезно произвести лабораторный анализ содержимого помойного ведра, песка для кота и так далее.

Фэбээровец поклонился:

— Мы уже подумали об этом и обнаружили, что содержимое всюду одно и то же.

— О, вы-то как догадались подумать об этом? При таких обстоятельствах... — глаза Джинни раскрылись, и голос ее зазвенел, как медленно вытаскиваемая из ножен шпага:

— Наша дочь в Аду, сэр, и мы намерены вернуть ее.

Я подумал о Валерии. Она одна, а вокруг визжащее и кривляющееся нечто, жестокий и безымянный ужас. Она кричит, зовет папу и маму, а они не идут...

Я сидел на кровати, меня окружала ночь, которой не было конца, и слушал доносящиеся с другого конца спальни, будто из опасной пропасти шириной во многие световые годы, слова моей любимой:

— Давайте не будем тратить время на эмоции. Я продолжу дальнейшую реконструкцию случившегося. Если ошибусь — поправьте. Демон (возможно, их было несколько, но я прини-

маю, что он был один), так вот, демон вошел в наш космос в виде рассеянного скопления материи, но тут же собрался воедино компактной массой. Путем обычной трансформации он принял выбранную им форму. Можно принять как истину, что ни Враг, ни любой из его прислужников (если верны утверждения петристов) не стал бы мешать демону и он мог бы принять облик какого-либо реально существующего создания.

То, что вам не удалось его идентифицировать, ничего не означает. Это существо могло быть порождено уже забытой мифологией или придумано кем-то, наделенным особо богатым воображением. Может быть, даже на другой планете. Наша семья не особенно набожна. Было бы лицемерием, а потому — бесполезно, если бы мы пытались возвести вокруг себя защитную стену из религиозных символов. Кроме того, несмотря на прежние наши схватки с демонами, мы не ожидали, что один из них вторгнется в обычный пригородный дом, принадлежащий обычной средней семье.

В легендах не приводится ни единого подобного случая. Так что вторжению демона ничто не препятствовало.

Он располагал всего несколькими фунтами массы. С ним мог бы справиться любой сохранивший присутствие духа человек. В крайнем случае, обратил бы его в бегство.

Демону было бы уже не до выполнения его грязного дела, а тем временем успели бы позвонить экзорсисту. Но в ту ночь ни одного взрослого человека здесь не было.

Свертальф говорить не умеет, а никакого иного средства позвать на помощь у него, очевидно, не было. В принципе, он мог бы одержать победу, но не справился с существом, сплошь состоящим из клыков, когтей, шипов и брони. В конце концов, победив Свертальфа, демон схватил Вал и унес ее в Нижний Континуум. Предназначенной для обмена массе была придана форма нашей дочери. Я права?

Сверкающий Нож кивнул:

— Полагаю, да.

— Что вы намерены теперь предпринять?

— Честно говоря, сейчас мы не можем сделать много. Мы ничего не можем сделать. Мы не знаем, зачем было совершено преступление. Его мотивов.

— Нам стало известно о них прошлой ночью. Мы приобрели могущественного и опасного врага. Полагаю, что заявления иоаннитов, будто их адепты владеют тайнами знаниями — истина. Эзотеризм всегда больше ассоциировался не столько с божественным, сколько с дьявольским. Я предлагаю начать поиск с кафедрального собора.

Лицо Сверкающего Ножа, несмотря на покрывавший его слой краски, явно выразило страдание:

— Я уже объяснил вам, миссис Матучек, когда вы впервые догадались, кто может быть ответственным за преступление, что это очень опасно — предъявить обвинение, не имея серьезных улик. Сейчас сложилась крайне деликатная ситуация. Кто может это понять лучше, чем вы? Мы не вправе допустить новых беспорядков. Кроме того... скажу, не скрывая, — это вторжение, возможно, означает начало чего-то гораздо более страшного. Гораздо более худшего, чем похищение вашей дочери...

Я приподнялся.

— Ничего не может быть хуже, — тихо сказал я.

Он не обратил на это никакого внимания. Он понимал, что сейчас главная из нас — Джинни.

— Наши знания об Адской Вселенной практически равняются нулю. Я сейчас выдам вам то, что сохраняется в глубокой тайне, потому что подозреваю, что вы всегда докопаетесь до правды на основании незасекреченной информации. Лишь очень немногие из гражданских волшебников знают то, что вы сейчас услышите. Армия предприняла несколько попыток проникнуть туда, в Адскую Вселенную. Успех был не больше, чем у института Фауста триста лет тому назад. Пробыв там считанные минуты, люди возвращались в состоянии крайнего психического шока. И не могли рассказать, что с ними случилось. А записи приборов не имели никакого смысла.

— Если только не принять гипотезу Никельсона, —уточнила Джинни.

— Какую гипотезу?

— Гипотезу, что в той Вселенной пространство-время, в отличие от нашего, является неэвклидовым и что его геометрия меняется от точки к точке, — сухо пояснила Джинни.

— А, да, мне говорили, что армейские исследователи пришли к такому выводу... — Он увидел торжество, вспыхнувшее в глазах Джинни. — Черт, ловко вы меня поймали в ловушку! — И опять непреклонным тоном: — О'кей. Вам придется понять, что мы не имеем права действовать вслепую и опрометчиво, когда в действие по непонятным причинам вовлечены неизвестные силы. Результаты могут оказаться катастрофическими. Я намерен доложить обо всем самому директору Бюро. Я уверен, что директор тут же доложит обо всем президенту. И равным образом уверен, что президент прикажет нам не терять бдительности, но пока мы не узнаем больше — носа не высовывать...

— А как насчет Стива и меня?

— Насчет вас — все так же. Запомните, если понадобится, с вами свяжутся. Возможно, им нужен выкуп.

— Сомневаюсь. Какой выкуп может потребовать демон?

— Тот, кто наслал демона.

— Повторяю вам, займитесь иоаннитами!

— Займемся. Мы займемся всеми, кто попал в наше поле зрения. Пусть это и не очень разумно, ведь понадобится время.

— А пока что Валерия находится в Аду!

— Если вам понадобится священник для очистки душ, наше Бюро располагает священнослужителями практически всех вероисповеданий. Если хотите, я вызову сюда священника.

Джинни покачала головой:

— Спасибо, не надо. Попросите их, чтобы они помолились за Вал. Вреда от этого не будет. Правда, сомневаюсь, что это принесет пользу. Но, конечно, никакой священник не может помочь Стиву и мне. Все, что мы хотим — это получить возможность вернуть свою дочь.

Мое сердце забилось. Оцепенение спало. Я встал.

Сверкающий Нож обхватил себя за плечи руками:

— Я не могу, конечно, допустить этого... хотя вы двое совершили в прошлом почти неправдоподобное. Но ставки сейчас слишком велики, чтобы доверить игру дилетантам. Если вам угодно меня возненавидеть — пожалуйста. Мне будет больно, но, если это послужит вам хоть каким-нибудь утешением... Но я не позволю вам рисковать ни собственной жизнью, ни интересами общества. Вы останетесь здесь. Под стражей...

— Ты! — Я уже почти кинулся на него, но Джинни оттолкнула меня.

— Прекрати, Стив, — жестко сказала она. — Не создавай дополнительных трудностей. Мы — ты и я — сделаем вот что. Если это не помешает следствию, поедим через силу и выпьем сонного зелья. И перестанем дергаться до тех пор, пока снова не научимся думать.

Сверкающий Нож улыбнулся:

— Спасибо. Я был уверен, что вы проявите благоразумие. Я пойду потороплю на кухне, так что вы скоро сможете поесть.

Я закрыл за ним дверь. Я весь трясся от ярости.

— Какого черта нужно было разыгрывать этот фарс? — разбушевался я. — Если он полагает, что мы будем сидеть и ждать, пока чиновники изволят прогоготать свое разрешение...

— Тихо. — Она коснулась губами моего уха и зашептала: — Думаешь, эта поганая стража будет для нас что-нибудь значить?

— О-хо-хо! — в первый раз за все время я рассмеялся. В изданных мной звуках не было ни веселья, ни мелодичности, и все же это было нечто вроде смеха...

22

Нельзя сказать, что мы оказались под домашним арестом. Приставленный к нам хорошо воспитанный молодой мужчина обеспечивал нашу безопасность. И когда нужно, помогал по хозяйству. Но он дал ясно понять, что если мы попытаемся выйти из дома или передать кому-нибудь весточку, он вдруг обнаружит, что мы замыслили заговор против Всеамериканской комиссии по торговле. Тогда, как ни печально, придется арестовать нас. Он сожалеет.

У парня была хорошая колдовская подготовка. Агент ФБР должен иметь ученую степень в какой-нибудь отрасли волшебства или магии, не считая точных наук, таких как математика, например. Его начальство хотело быть уверенным, что мы не попытаемся выкинуть что-нибудь отчаянное. Для начала Джинни ухитрилась вытянуть из него нужную информацию. Никогда не пойму, как ей удалось это сделать. Не думаю, что она пустила в ход против него чары (я имею в виду чары Искусства).

Ее чары относились, скорее, к другой области. И против них не мог устоять ни один мужчина с нормально работающими железами внутренней секреции. Но вот что мне по сию пору кажется невозможным — она разговаривала, улыбалась, расцвечивала искрами остроумия какую-то очень ей идущую, чисто женскую, строго отмеренную грусть.

Взмахивая ресницами, она постепенно подводила его к рассказам о его прошлых подвигах... а тем временем каждый угол дома вопил о том, что здесь нет Валерии.

Сославшись на усталость, мы рано покинули гостиную. И действительно, мы очень устали и были крайне измотаны.

— Он хорошо подготовлен в колдовстве, — шепнула моя любимая во мраке нашей спальни. — Но не в практической магии. Постараемся обвести его вокруг пальца, возьми накидку.

Я понял ее намерения. Кончились эти часы несвободы. Во мне забурлила холодная радость. Я содрал одежду и, натянув волчий костюм, одел ее снова поверх него. Достал шапку-невидимку, без пользы валявшуюся уже годы... Всего лишь, казалось бы, сувенир времен войны.

Джинни подошла и крепко прижалась ко мне всем телом.

— Любимый, будь осторожен! — Ее голос дрожал, и я ощутил, что губы Джинни соленые.

Ей нужно было остаться. Ей отводилась роль разбивать возможные подозрения и действовать, если вдруг поступит требование выкупа. Джинни досталась более трудная часть задачи.

Я одел плащ. Закрывавший лицо капюшон пахнул плесенью. Если точно — не шапка-невидимка, а плащ-невидимка. Маленькие пятнышки видимости показывали, где поработала моль.

Нужно было просто-напросто сбежать из дома, а потом мы надеялись, что представится возможность незаметно вернуться обратно. Слишком много средств разработано в наши дни против шапки-невидимки. Для серьезного дела она уже не годится. Тут и детекторы, работающие на инфракрасных лучах, и банки с краской, взрывающиеся, если сделаешь неверный шаг, и так далее. У нашего, всегда дружелюбно относившегося к нам соседа, несомненно установлены приборы, которые поднимут тревогу, если поблизости обнаружится изменение поля невидимости.

Джинни вполголоса бормотала заклинания и еще что-то. Все необходимое она принесла в комнату еще днем. Объяснила это тем, что хочет как можно надежнее защитить нас от враждебного нашествия.

Следующий пункт нашего плана был столь же прост. Сверхъестественные силы действуют, пока не очень велик магнетизм Земли. Магнетизм — вот тут и появляются возможности воздействия на эти силы и их изменения. Но сила магнитного поля Земли постоянна. Поэтому обычно поисковые магические приборы не предназначены для обнаружения малых количественных изменений. Джинни придумала хитрую штуку: слабое поле шапки-невидимки постепенно усиливалось по интенсивности вдвое. Теперь, по мере моего удаления от дома, интенсивность столь же постепенно будет снижаться вплоть до первоначального значения. Когда я вернусь, Джинни уничтожит всякие следы этой проделки.

В теории все было просто, а вот на практике... Как выяснила Джинни, в доме были установлены приборы тревоги. Понадобилась вся ее сноровка, чтобы они не сработали.

Наше бедное старое ФБР! Оно понятия не имело, что имеет дело с Джинни и что нельзя принимать в расчет лишь уровень образования и наличие оборудования. У нее помимо этого был Талант!

Она подала сигнал, и я выскользнул в окно.

Ночной воздух был сырой, промозглый. На газоне, в колдовском сиянии уличных фонарей, блестела роса. Я слы-

шал воющее рычание собаки. Вероятно, она почуяла запах моего плаща. И, несомненно, весь наш участок находится по наблюдением... Да, мое колдовское зрение тут же обнаружило прячущегося в тени фонаря Святого Эльма по ту сторону дороги какого-то мужчину. Я старался шлепать как можно быстрее и тише. Шел посередине мостовой. Так меньше вероятности, что меня засечет подлец-караульный, или сработает сторожевое поле.

Пройдя несколько кварталов, я оказался на безопасном расстоянии — возле местной школы. Свернув, я запрятал плащ-невидимку на помойке, неподалеку от спортивной площадки. Теперь я мог идти открыто — ничем не примечательный законопослушный обыватель, направляющийся куда-то по своим делам. Ночь близилась к концу — следовало позаботиться, чтобы меня не узнал кто-нибудь из прохожих.

Из первой же телефонной будки я позвонил в дом Барни Стурласа. Он сказал, чтобы я пришел к нему прямо сейчас. Такси я брать не стал, предпочел маршрутный ковер, ибо понимал, что, затерявшись в толпе пассажиров, легче остаться неузнанным. На ковре я и добрался.

Барни открыл дверь. Прихожая была освещена. Желтый свет падал на широкие плечи хозяина.

Он тихо присвистнул:

— Я понимаю, что тебе лучше побыть сегодня дома, подстригая кустарник. Но Стив, ты выглядишь так, будто наступил конец света. Что случилось?

— Твои родные не должны нас слышать, — прошептал я.

Он тут же развернулся на каблуках и провел меня в кабинет. Толкнув меня к оббитому кожей креслу, Барни запер дверь, налил две здоровые порции шотландского виски, и, наконец, сам опустился в кресло напротив меня.

— Итак?..

Я рассказал ему. Никогда прежде на его лице не приходилось видеть мне подобной боли.

— Нет, нет... — шептал он.

Затем он встряхнулся, как медведь, готовящийся кинуться в драку, и спросил:

— Что я могу для вас сделать?

— Прежде всего, одолжи мне метлу.

— Постой... Я чувствую, что ты действуешь опрометчиво. Куда ты задумал отправиться?

— Я собираюсь лететь в Силоам и выяснить там все, что удастся.

— Я так и думал. — Барни зашевелился, кресло скрипело

под его весом. — Стив, это не шуточки. Силой проникнуть в кафедральный собор иоаннитов... Наверное, попытаться выбить признание у какого-нибудь священника... Нет. Ты только накличешь новые беды на ваши головы. И это тогда, когда Джинни нуждается в каждой крохе твоих сил и возможностей. Пусть следствие ведет ФБР. Там работают профессионалы. Допустим, улики действительно существуют. Гоняясь за ними, ты их, скорее всего, попросту уничтожишь.

Взгляни фактам в лицо, и ты придешь к тому же самому заключению... — Барни внимательно поглядел на меня. — Добавь к этому моральные соображения. Ты был возмущен, когда вчерашняя толпа пыталась настаивать на своем праве устанавливать свои собственные законы! Теперь же ты сам претендуешь на обладание таком правом?

Я сделал маленький глоток, прислушиваясь к ощущению. Виски приятно обожгло горло.

— У нас с Джинни было время все обдумать, — сказал я. — Мы знали, что ты будешь возражать. Но не мешай нам. Я им покажу, где раки зимуют! Не хочу, чтобы это звучало драматически, но разве может с нами случиться что-нибудь худшее? Добавь любое число к бесконечности, сколько угодно... — Мне пришлось остановиться, чтобы сделать еще глоток, — И ты получишь ту же самую бесконечность. Насчет того, что у ФБР больше возможностей... Мы не собираемся метаться, словно бык на арене — лишь бы что-нибудь делать.

Поверь, что мозги у нас тоже есть. Наверняка Бюро уже давным-давно имеет своих агентов среди иоаннитов, досье на лидеров их церкви и так далее — все, что полагается в таких случаях. Но вспомни, как несколько лет назад проходило судебное разбирательство преступлений другой церкви. Помнишь ее аббревиатуру ХСУА? В обвинительном заключении, предъявленном церкви Генеральным прокурором, не нашлось ни единого веского доказательства. И это несмотря на то, что они открыто отрицали традиции и законы Америки.

— Иоанниты широко проповедуют свои взгляды, — проговорил Барни. — Черт возьми, я и сам согласен с некоторыми их утверждениями! Наше общество сделалось слишком мирским, слишком любящим жизненные блага! Все слишком заняты деланием долларов и погоней за наслаждениями. Все увлечены сексом и ни у кого нет времени на любовь. Огрубелые, бессердечные люди не обращают никакого внимания на неимущих...

— Барни! — рявкнул я. — Ты пытаешься отвлечь меня, расхолодить, но это со мной не пройдет. Либо ты поможешь,

либо я получу то, что мне нужно, но в другом месте...

Он вздохнул, нащупал трубку в кармане своего твидового жилета и принялся набивать ее.

— О'кей. Продолжай. Если мой друг не может найти защиты от незаконных... от ведущих к гибели действий руководителей иоаннитов, разве это не доказательство, что иерархи этой церкви служат дьяволу? Или, может, они просто ничего не знают?

— Гностики хвастают, что обладают более никому неподвластными силами и знаниями. Каким-то образом они привлекают на свою сторону все больше людей. И все ближе подводят страну к социальным потрясениям, ведущим к... Ладно. Главное вот что — кто еще, кроме них, может быть связан с тем, что случилось? Возможно даже, они ввязались в это дело непреднамеренно. Полагаю, именно так и было. Но с тем, что случилось, они связаны.

Я наклонился к нему:

— Послушай, Барни. Сверкающий Нож признал, что торопиться с расследованием он не будет. А Вашингтон придержит на привязи эту свору еще крепче, чем хочет сам Нож. Нет сомнения, завтра он разошлет агентов расспросить иоаннитов. И как водится, ничего не узнает. Чтобы получить ордер на обыск в церкви, нужно иметь очень веские доказательства. Особенно если так много людей верят, что эта церковь несет им последнее Слово Божье.

И опять-таки, ведь храм представляет собой лабиринт, секрет которого знают лишь посвященные различных степеней. Даже если кому-нибудь и удастся произвести обыск, что он выяснит? Тут не какая-нибудь заурядная задача. Обычные тесты на наркоманию и тому подобное неприменимы. А будь я Верховный Агент Зефира, я бы сам пригласил фэбээровцев. Пусть смотрят, где им угодно. Всюду, где это допустимо с религиозной точки зрения. Что ему стоит?

— А чего ты можешь добиться? — вопросом ответил Барни.

— Вероятно, ничего. Но я намерен действовать сейчас, а не через неделю. И ни законы, ни общественное мнение меня не остановят. У меня есть кое-какие особые способности, и есть опыт борьбы со злом. И еще — они меня не ждут. И — чтобы закончить наш спор — если там есть, что искать, то лучшие шансы найти — это у меня.

Барни, нахмурясь, разглядывал меня.

— Что касается моральной стороны дела, — сказал я, — ты, может быть, и прав. С другой стороны, я не собираюсь

зверствовать, словно мнимый Агент особого назначения, супердетектив Ви-Ноль-Ноль. И несмотря на все опасения Сверкающего Ножа, я, честно, не понимаю, как я могу спровоцировать серьезное вторжение со стороны Нижнего Мира. Это вызвало бы вмешательство Всевышнего, а Враг не пойдет на открытое столкновение. Что хуже, Барни, — незаконное вторжение в чужие владения... может быть, осквернение святынь... или оставленный в Аду ребенок?

Он с маху поставил стакан на край стола.

— Ты прав, — вырвалось у него, и я в удивлении захлопал глазами. — Кажется, я разбил дно у этого стакана...

— Закончили. Мне пора.

Мы встали вместе.

— Тебе нужно оружие? — предложил Барни.

Я покачал головой:

— Давай не будем впутываться в уголовщину. Против того, с кем мне придется столкнуться, оружие, вероятно, не поможет.

Мне показалось, что незачем объяснять ему, что за пазухой у меня спрятан нож, а когда я превращусь в волка, оружия у меня будет полная пасть.

— Ах, да, — спохватился я, — договоримся, чтобы все было ясно. Я был у тебя. Без сомнения, это может быть установлено, если хорошо постараться, но взяв у тебя метлу, снова исчез неизвестно куда.

Он кивнул:

— Верю, что тебя ждет удача. Мое помело не такое быстрое, как какая-нибудь спортивная модель, зато летит почти бесшумно. Я отрегулировал его только вчера. — Он постоял мгновение, размышляя. Сквозь окна сочилась тишина, темень. — Тем временем я тоже начну изыскания. Вим Харди... Янис Вензель, он работает в библиотеке... Гм, мы можем привлечь к работе твоего доктора Акмана. А как насчет профессора Грисволда из университета?..

Я найду и еще людей, способных держать язык за зубами. Тех, кто с радостью захочет нам помочь и готов нести любую ответственность. По крайней мере, мы соберем все незасекреченные данные, относящиеся к Нижнему Континууму. Может быть, добудем что-то из засекреченного. Мы сможем составить уравнения, выделим сведения, предположительно относящиеся к решению нашей проблемы. Потом пропустим весь массив через вычислительную машину и отсеем неработоспособные идеи. Ну, я приступаю к работе прямо сейчас...

Что можно сказать такому парню? Только «спасибо»!

23

Похоже, это было вполне в характере церкви иоаннитов. Свой кафедральный собор (единственный на весь Верхний Средний Запад) они воздвигли не в Чикаго, Милуоки или в каком-нибудь городе вообще, а в совершенно пустынном месте.

Даже от нашего скромного городка его отделяло миль сто. Местоположение собора олицетворяло и символизировало отношение гностиков к этому миру как ко злу.

Идея спасения с помощью тайных ритуалов и оккультных знаний...

В отличие от петристского христианства, христианство иоаннитов само не придет к вам. Оно возводит лишь маленькие угрюмые часовни, размером едва ли больше тех будок, в которых стоят караульные. Вы сами должны прийти к христианству иоаннитов.

Вызов такого рода кажется очевидным, и поэтому, подумал я, он, вероятно, неверен. Все, что относится к гностицизму, всегда на самом деле иное, чем кажется. Вероятно, так много народу тянется к иоаннитам в наши дни потому, что весь их гностицизм состоит из загадок. Под одной маской у него обнаруживается другая, а внутри лабиринта — другой лабиринт.

Традиционные церкви создали простую и ясную теологию.

Эти церкви четко определяют смысл своих мистерий (хотя тут нужно отметить общеизвестное — что смертные, то есть мы, — не могут постичь все проявления Всевышнего). Они заявляют, что, поскольку этот мир дан нам Создателем, значит, в своей основе он добрый, хороший мир. Многие его недостатки вызваны человеком, и наш долг — стремиться к совершенствованию.

Все это слишком неромантично. А иоанниты аппелируют к мечтам и грезам человека, к ребенку, всегда сидящему внутри нас. Они обещают, что познав тайну, человек станет всемогущим, а одна часть этой тайны — отрицание этого общества.

Я относился к данному утверждению с высокомерной насмешкой, но в то же время... верил, что в нем есть большая доля правды. Однако, чем больше я размышлял, тем меньше мне казалось, что это утверждение что-нибудь объясняет.

У меня было время и желание подумать. Я летел в ночи, над головой сверкали россыпью звезды, внизу — почти такая

же россыпь столь же далеких огней деревень и ферм. Вокруг свистел становившийся все холоднее воздух. Он насквозь пронизывал меня. Теперь я понимал, как мало знаю, как я был ленив в учебе — не ленился лишь получать стипендию.

Но я начал понимать и другое. Факты, уже забытые мной, всплывали в памяти и начинали складываться в единую картину. Я чувствовал, что скоро буду понимать больше. Я летел и мрачно размышлял о том, что мне известно о церкви иоаннитов.

Был ли это просто идиотский культ, появившийся то ли два, то ли три поколения назад? Культ, взывавший к чему-то глубоко погребенному в душе человека Запада? Или он действительно так древен, как утверждают иоанниты — основан самим Христом?

Другие церкви отрицали это. Само собой, католиков, ортодоксов и протестантов нельзя рассматривать как единую общность петристов. Но общественное мнение их такой общностью, тем не менее, считало. Эти церкви одинаково интерпретировали слова, с которыми Иисус обращался к своим ученикам. Они все признавали особо важную роль, которую играл Петр. Хотя, разумеется, между ними были разногласия (включая вопросы о старшинстве Апостолов), но все они совершенно одинаково признавали двенадцать учеников Иисуса.

И еще... и еще... Эти странные слова в последней главе Евангелия от Иоанна:

«Петр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус, и который на вечери, приклонившись к груди Его, сказал: Господи! кто предаст тебя?

Его увидев, Петр говорит Иисусу: Господи! а он что?

Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе *до того*? ты иди за Мною.

И пронеслось это слово между братиями, что ученик тот не умрет. Но Иисус не сказал ему, что не умрет, но: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе *до того*?

Сей ученик и свидетельствует о сем и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его».

Мне были непонятны эти слова, и я не уверен, что их понимают и ученые-библеисты (безотносительно к тому, что сами они утверждают). Конечно, именно здесь берет начало легенда, что Господь наш что-то совершил, чего никто, кроме Иоанна, не знал. Совершил что-то, о чем не поведал другим церквям — петристским и схожим с ними. Это деяние в конце концов станет известно людям и поведет человека к новому помыслу Божьему. Возможно, нынешний культ иоаннитов

целиком и полностью зародился в текущем столетии. Но иоанниты трубят, что этот культ тайно существовал уже две тысячи лет.

Это утверждение почти неизбежно ассоциируется с миром потустороннего.

Гностицизм, меняя название, существовал издавна. И всегда считался еретическим течением. В своей первоначальной форме (вернее — формах) он представлял собой попытку растворить христианство в мешанине тайных восточных культов, неоплатонизме и колдовстве. Предание возводит его возникновение к Симеону-магу, упоминавшемуся в Восьмой главе Библии, и воспоминания о котором приводят ортодоксов в неподдельный ужас.

Современный иоаннизм обрел сомнительную честь, воскресив это древнее, от зари времен, религиозное течение, и заявляя, что оно не было ошибкой, а напротив, несло людям высшую истину. Собственно, они утверждают, что Симеон-маг был не извратителем Библии и религии, а пророком.

Насколько вероятно, что все это правда? Может быть, мир действительно стоит на пороге царства Любви? Не знаю. Откуда я могу знать? Но поразмыслив (причем петристская церковь сыграла не меньшую роль, чем мои эмоции), я решил, что учение иоаннитов — ложь. То, что иоаннизм приобрел такое широкое распространение, я просто отнес за счет столь свойственной для человека тяги к иррациональному.

Так же проста община правдоискателей, исполняющая свои ритуалы и предающаяся различным размышлениям там, где им ничто не помешает. Община притягивает пилигримов, которые нуждаются в крове, заботе и пище. В том же нуждаются священники, псаломщики и другие. Храму (это более точное название, чем «Кафедральный собор», но иоанниты настаивают на «соборе», чтобы подчеркнуть то, что они являются христианами) необходимы денежные поступления.

Как правило, поступают значительные пожертвования, и эти деньги оказываются в умелых руках. Зачастую вокруг первоначально уединенного храма вырастает целый город. Так возник и Силоам, куда я направлялся.

Просто. Банально. Почему у меня возбуждают беспокойство сведения, известные любому читателю ежедневной прессы? Может, я размышляю над этим просто чтобы не думать о Валерии? Нет. Чтобы как можно лучше разобраться в том, что бесконечно, туманно и запутано.

Что-то там еще, что-то там за этим кроется... Неужели мне это не кажется, неужели я начал понимать их? Но если

и так, то что именно я начал понимать? Я подумал о нетерпимости иоаннитов. О бунтах и мятежах, вечно устраиваемых иоаннитами. Я вспомнил, как они откровенно признают, что адепты повелевают силами, о которых и вообразить трудно. Ведь это еще более разоблачает их!

Я вспомнил рассказы об отступниках, не продвинувшихся, против их ожиданий, до высших ступеней... Что же такое страшное случилось с ними? Не было ничего преступного, ничего противоречащего нормам морали. Ничего, что щекотало бы нервы. Просто было что-то безобразное, плачевное и что-то подобное ненависти.

Я думал о теологии гностиков. Вернее, о той ее части, что они не скрывали. Какая-то ужасная смесь апокалипсического откровения и логики.

Иоанниты извращенно отождествляли своего Демиурга с Богом Ветхого Завета.

Я подумал об Антихристе...

Но тут меня не хватило. Слишком мало, как я уже говорил, я знал о таких вещах. Пришлось остановиться на том, что думать об этом бесполезно. Ибо Всемогущий и сам справится с ним в любом случае, какое бы обличие он не принимал... Где-то далеко, чуть ли не на другом краю прерии, замерцали огни. Я был рад, что полет близится к концу, а что дальше случится — неважно. Хватит с меня размышлений.

Силоам — обычные улицы, обычные дворы и дома. Под Главной Аэролинией, возле границы города, написано:

«НАСЕЛЕНИЕ 5240 ЧЕЛОВЕК».

Другая вывеска возвещала, что члены клуба Львов встречаются в ресторане «Котел кобальта».

В городе имелось с пару маленьких предприятий, Муниципалитет, начальная и средняя школы, пожарная часть, порядком замусоренный парк, гостиница. И большее количество заправочных станций, чем необходимо.

В деловой части города находились универсальные магазины, одно-два кафе, банк, клиника, кабинет дантиста, аптека... Все, как обычно в Америке.

Эта невзрачность подчеркивала, насколько чуждо все остальное. Хотя близилась полночь, в городе было, как в могиле. Улицы пустынны, никто не прогуливался, не шел, взявшись за руки, не было молодых пар. Кое-где виднелись редкие полицейские метлы. И лишь кто-то один, закутанный в мантию, с капюшоном на голове, медленно брел вдоль улицы.

Дома отгородились друг от друга и от остального мира закрытыми ставнями. Горожане спали. А где не спали, там,

вероятно, не смотрели в хрустальный шар, не играли в карты, не пили спиртное и не занимались любовью. Скорее всего, они молились или штудировали свои книги в надежде достичь более высокой религиозной степени, овладеть большими знаниями и мощью, обеспечить спасение своей души.

В центре города стоял кафедральный собор. Он возвышался над городом-равниной. Ничего преступного в этой картине не было. Ровные, белые, как слоновая кость, стены поднимались все выше и выше, а над ними — огромный купол. Издали окна походили на ногти.

И на каждом этаже один ряд окон. Но затем я увидел еще два мозаичных, каждое в половину фасада, окна. Мрачными тонами на них были изображены тревожащие душу рисунки. На западном окне — Сандала Мандала — священный символ буддистов. На восточном — Окно Божье. На западной же стороне вздымалась одинокая башня. На фотографиях она не производила внушительного впечатления, но теперь было видно — она едва не достигала звезд.

На стенах собора играли огни, окна тускло светились. Я услышал молитвенные песнопения. Откуда-то, словно из-под толщи льда, доносились мужские голоса. С ними переплетались голоса женщин. Мелодия была мне незнакома. А слова... Нет на Земле такого языка.

...Хельфист аларита арбар ионитоте мелихо тарасут ганадос тепрура маряда селисо...

Мелодия звучала так громко, что ее было слышно, наверное, и на окраинах города. И она была нескончаемой. Хор пел беспрерывно. Всегда под рукой были священники, прислужники, псаломщики, пилигримы, чтобы заменить уставшего певца или певицу. Любого и любую из участников хора.

Мне стало не по себе, как подумал, что дни и ночи напролет людям приходится слушать гимны. Если человек живет в Силоаме, пусть даже не иоаннит, вероятно, его сознание скоро перестает воспринимать это пение. Но разве не будут постоянно проникать эти звуки в его думы, сны, грезы? Наконец, в саму душу?

Я не мог объяснить, что я сейчас чувствовал. Словами этого не выразишь. Но с каждым ярдом ощущение делалось все сильнее. Ощущение враждебности... или истины, которую я просто не способен воспринять?

Привратник у входа был приятным на вид молодым человеком. Волосы, как пакля, и голубые глаза. Таких американцев любил описывать Уолт Уитмен.

Я припарковал метлу (участок был огромен, пуст и по-

гружен во тьму), подошел к нему и спросил, можно ли войти. Мгновение он рассматривал меня, потом осведомился:

— Вы не причастник, не так ли?

— Н-нет. — Я был несколько ошеломлен.

Он захихикал:

— Да разве я знаю... Мне чего? Подождем, когда они закончат молиться Марии, потом войдем.

— Извините, я...

— Все, ладно. Веди себя тихо, никто ничего не заподозрит. В теории ты все равно проклят. Сам-то я в это не верю. Знаешь, чего я думаю? Моя девушка — методистка. Священники тянут волынку, не разрешают мне жениться на ней. Но все равно не поверю, что ей гореть в аду...

Тут он понял, что слишком распустил язык:

— Чего это ты явился так поздно? — спросил он. — Туристы обычно бывают у нас в дневное время.

Я решил, что он не принял обет, просто вольнонаемный. И не более фанатичен, чем обычный средний христианин. Короче говоря, принадлежит к тому большинству, какое есть в любой организации, в любой стране.

Я был готов к такому вопросу и ответил:

— Я путешествую по делам. Получил указание посетить ваш город сегодня рано утром. Задержался и прилетел сюда только сейчас. Ваш хор так знаменит, что не хотелось бы упускать случая послушать его.

— Спасибо. — Он протянул мне брошюру. — Правила знаешь? Входить и выходить через главный вход. Займешь место в языческом... э-э... туристском приделе. Не шуметь, не фотографировать. Когда захочешь уйти, иди тихо тем же путем, которым пришел.

Я кивнул и пошел к двери. Мощеный двор, в нем — вспомогательные здания, выстроившиеся квадратом вокруг собора. Там, где здания не соединялись впритык, между ними поднимались стены, оставляя лишь три прохода. Ворота в них были закрыты на проволоку. Учрежденческие, жилые, складские здания выглядели одинаково. Точнее — однообразно. Кое-где виднелись фигуры неспешно идущих куда-то людей. Мужчин трудно было отличить от женщин. И на тех, и на других были одинаковые рясы с затеняющими лица капюшонами.

Мне вспомнилось, что иоанниты никогда не были замешаны в любовных скандалах. И это при том, что они практиковали как секс, так и безбрачие. Их монахи и монахини не просто прошли посвящение. Они посвященные. Иоаннизм

превзошел баптизм и оставил далеко позади обычные ритуалы и элементарную перемену имени (последнее соответствовало принятой в петристских церквях конфирмации. Кстати, прежнее имя оставалось и использовалось во взаимодействиях со светскими властями).

Годами посвященные умерщвляли плоть, дисциплинировали дух, занимали свой мозг тем, что их святые книги называли «божественным откровением», а неверующие, принадлежавшие к другим церквям, именовали претенциозной чепухой. Нередко это «Откровение» считали нераспознанным дьяволопоклонством.

«Да провались оно все...» — подумал я.

Мне необходимо сконцентрироваться на том, что я обязан сделать. Нет сомнения, что эти тихие унылые фигуры в рясах в случае нужды будут действовать быстро и энергично.

...Невозможно отрицать подавляющее впечатление, производимое вблизи собором. А доносившееся из него песнопение заставляло думать, что оно заполняет всю ночь...

Сохранившиеся у меня чувства волка начали отказывать. И хорошо, потому что окружающая обстановка и так угнетала и пугала чуть ли не до смерти. Кожа покрылась едким потом, его холодные капли струйками сбегали по телу и резкий запах пота бил в ноздри. Весь мир окутался дымкой нереального, весь мир заполнила безжалостная мелодия.

Но Валерия оставалась в аду...

Я остановился там, где смутный колеблющийся свет был сильнее всего, и прочитал брошюрку. В ней меня вежливо приветствовали и излагали те же правила поведения, о которых мне поведал привратник. На задней обложке был начерчен поэтажный план базилики главного здания. Других схем не было, но я понимал, что на всех этажах как северной, так и южной стороны, есть еще много помещений. Есть они и в башне, и даже в куполе. Не составляло секрета, что под собором располагались обширные подземелья. Там проводились обряды. Некоторые обряды, во всяком случае.

Что я еще знаю? Чем выше духовная степень, тем больше тайн святилища открывается посвященному. А в самые тайные святилища вход открыт только адептам, и лишь они знают, что там происходит.

Я поднялся по ступенькам собора. Огромные двери были открыты. По обеим их сторонам торчали два здоровенных монаха. Монахи стояли неподвижно, глаза обыскивающе скользили по мне.

Длинный, с низко нависшим потолком, стерильно чис-

тый вестибюль был совершенно пуст, если не считать купели со святой водой. Ни радостно верещавшей доски объявлений, ни приходских извинений, ни рисунков, что любят делать ученики воскресных школ. Посредине вестибюля стояла монахиня. Она указала мне на коридор, ведущий налево. Другая, стоявшая рядом с ней, переводила взгляд с меня на коробку с надписью «Пожертвования» и обратно, пока я не опустил туда пару долларов.

В воздухе носилось что-то странное. Не только пение, запах ладана, пристальные взгляды — что-то неосязаемое, какие-то силы, от которых напряглись все мышцы моего тела.

Я вошел в боковой придел собора. Он был огражден канатами. Скамьи в несколько рядов. Очевидно, придел предназначался для посторонних. Я был здесь один. С минуту я осматривался. Предел был огромен и производил потрясающее впечатление. Я сел. Еще несколько минут я потратил на то, чтобы постичь окружающее, в чем потерпел неудачу.

Эффект превзошел всякое понимание. Геометрия голых белых стен, колонн, свода — ее просто не с чем было соизмерить. Человек оказывался как бы в бесконечно тянущейся куда-то пещере. И в густом сумраке господствовал собор. Око Божье над алтарем и Мандала над возвышением, где находился хор. Но и они казались нереальными, они были где-то за орбитой Луны, а редкие свечи мерцали, будто звезды. Пропорции, изгибы, пересечения — все служило созданию впечатления, что человек оказался в неимеющем конца лабиринте.

Раньше на краю неба виднелись фигуры полдюжины служек, теперь они исчезли, но, может быть, это были просто прихожане. Церковь иоаннитов намеренно унижала свою паству.

У алтаря стоял священник. Рядом — два прислужника. Взглянув на их белые мантии, я понял, что они посвященные. На расстоянии они казались совсем крохотными. Только священник почему-то не казался маленьким. У него была белая борода, на плечах — черно-голубая ряса. Высокого роста. Адепт. Он застыл, неподвижно раскинув руки...

Мне стало страшно, я боялся его. Он молился, а может...

Кадила раскачивались, я задыхался от их дыма. Над головой хор все вел свою монотонную мелодию. Никогда в жизни я не чувствовал такого страха.

Отведя взгляд, я принудил себя внимательно оглядеть окружающее. Так, будто это вражеская крепость, в которую необходимо проникнуть. Что бы со мной сейчас ни творилось, не здесь ли скрываются виновники того, что произошло с

моей девочкой?

При мысли о Валерии во мне проснулась ярость. Ярость тут же сделалась такой сильной, что ко мне вернулась смелость. Колдовское зрение помочь мне здесь не могло. Тут наверняка приняты все меры против подобных магических штучек. Оставалось обычное зрение. Глаза постепенно адаптировались к полутьме. Все мои чувства, не только зрение, были мобилизованы и напряжены до предела.

Место, отведенное для тех, кто не принадлежит к иоаннитской церкви, было расположено как можно дальше от алтаря. По левую сторону передела собора, справа от меня, до самого нефа, тянулись ряды скамей. Слева, вдоль северной стены, оставался проход. На возвышении, прямо надо мной, громоподобно ревел хор. Впереди, где обрывались ряды скамеек, висел, скрывая большую часть поперечного нефа, занавес, украшенный черными звездами.

Я подумал, что ничто из увиденного не подсказывает, как проникнуть, куда мне надо.

Мягкими шагами прошел мимо меня монах. Поверх рясы на нем был длинный стихарь, расшитый кабаллистическими знаками. На полдороги к поперечному нефу он остановился у плиты, на которой горели свечи, зажег еще одну и простерся на полу. Пролежав так несколько минут, он встал, поклонился, отступил на несколько шагов и обернулся ко мне.

Я видел такое одеяние на фотографиях. Так одевались те, кто пел в хоре. Очевидно, его только что сменили, и он, вместо того, чтобы тут же снять это одеяние, предпочел сперва приобщиться к Божьей милости.

Когда монах миновал меня, я направился за ним следом. Между стеной и скамьями оставалось свободное место. Нависший сверху балкон для хора отбрасывал такую густую тень, что я едва заметил, как монах проскользнул в дверь, открывшуюся в ближнем ко мне углу.

Идея блеснула, словно молния. Я сел, внешне совершенно спокойный, на деле же, я был напряжен до предела. Оглядел из конца в конец базилику. Никто не обращал на меня внимания. Вероятно, священник и служки не видели меня. Тут все было спроектировано так, чтобы навязчивые язычники мешали службе как можно меньше. Сквозь громкое пение я слышал шаги монаха, но мои уши не уловили поворота ключа в замке. Путь был свободен.

А что дальше? Этого я не знал. Да это меня и не особо заботило. Если меня сразу сграбастают — я турист-остолоп. Выругают и выкинут пинком под зад, а я попытаюсь найти

какой-нибудь другой способ проникнуть внутрь. Если меня схватят, когда я достаточно глубоко проберусь в глубины собора... — что ж, я готов рискнуть.

Я подождал еще триста миллионов микросекунд. Я ощущал каждую из них. Надо дать монаху достаточно времени, чтобы он успел убраться отсюда. И пока длились эти секунды, я опускался на колени и сгибался все ниже и ниже, до тех пор, пока меня совершенно не скрыла спинка скамейки. И наконец я встал на четвереньки. Пора!

Я поспешно, хотя и не очень быстро, пополз в залитый тенью угол. Поднявшись на ноги, оглянулся. Адепт стоял в прежней позе и походил на мрачное привидение. Прислужники производили какие-то сложные манипуляции со священными предметами. Хор пел.

Кто-то бил себя в грудь, покидая собор через южный придел. Я подождал, пока он уйдет, затем взялся за дверную ручку. От нее исходило странное ощущение. Я очень медленно повернул ее. Дверь заскрипела, но ничего не случилось. Заглянув внутрь, я увидел цепочку тусклых голубых фонарей.

Я вошел.

И оказался в прихожей. Отделенное занавесью, за ней находилось помещение больших размеров. И там, и здесь было пусто. Но такая удача не могла продолжаться долго.

Всего занавесей было три. За второй открывалась спиральная лестница, откуда доносились звуки гимна. За третьей тянулся коридор. Большая часть его была заставлена вешалками с висящими на них стихарями.

Очевидно, иоаннит, получив наставление где-то в другом месте, должен был одеть здесь стихарь и затем уже подняться на возвышение, где пел хор. Кончив петь, он возвращался тем же путем.

Если хор состоит из 601 певца, меняться поющие должны достаточно часто. Возможно, сейчас, ночью, когда хор состоит в основном из священников, более тренированных, чем энтузиасты-миряне, смены проходят не так часто. Но в любом случае мне лучше здесь не оставаться.

Костюм будет мешать, если я превращусь в волка. Снять его и оставить под этими свитерами-распашонками? Однако, если кто-то случайно увидит меня босого, в плотно прилегающей к телу одежде — костюм «кожа волка» — ему будет трудно поверить в мои добрые намерения.

Я вытащил из-за пояса ножны, достал нож и сунул его в карман куртки. И отправился в путь...

24

Коридор тянулся вдоль всего здания. В стенах его было множество дверей. В основном там, видимо, размещались обычные кабинеты и канцелярии. Что-нибудь в этом роде. Двери были закрыты, свет погашен. На матовом стекле виднелись надписи. Так, например, «Пост пропагандиста. Отдел 12».

Что ж, отсюда брались под контроль обширные территории. Проходя мимо одной из дверей, я услышал стук пишущей машинки. Я как-то привык слушать одно бесконечное песнопение, и вдруг — стук машинки. Это так испугало, будто я услышал стук челюстей скелета.

Планы у меня были смутные. Очевидно, Мармидон — священник, участвовавший в демонстрации у предприятий «Источника», получает указания из этого центра.

Выполнив поручение, он вернулся сюда, чтобы собратья очистили его от греха общения с язычниками. Сложные, тщательно разработанные заклинания очистят его быстрее, чем это произошло бы естественным путем. В конце концов я мог ориентироваться только на Мармидона. Если он ни при чем, я могу угрохать на поиски в этом крольчатнике дней десять. Причем без всякой пользы.

От коридора ответвлялись идущие то вверх, то вниз лестницы. Куда они вели, указывали надписи на стенах. Я ожидал этого. Сюда, должно быть, являлось множество мирян и пришлого духовенства, у которых были какие-то дела в канцелярии и кабинетах собора, в незасекреченных отделах, конечно.

Еще одна надпись: «Кабинет Мармидона — номер 413».

Он посвященный Пятой степени, а этот ранг расценивался достаточно высоко. Еще две ступени — и он становится кандидатом на Первую степень, то есть — на получение звания Адепта. Поэтому я решил, что он не простой священник, капеллан или миссионер, а, скорее, принадлежит к руководящей верхушке собора. Но тут мне пришло в голову, что я не знаю, в чем состоят его обычные обязанности.

Я шел теперь с удвоенной осторожностью. На площадке третьего этажа путь преградили ворота из сварной стали. Они были заперты. «Неудивительно, — подумал я. — Добрался туда, где обитает высшее духовенство». Ворота были не так высоки, чтобы ловкий человек не смог перелезть через них.

Помещение, куда я попал, внешне не отличалось от предыдущих. Но по коже пробежали мурашки — так много было здесь энергии сверхъестественного.

Четвертый этаж не походил на Мэдисон-авеню. Коридор был здесь облицован кирпичом, с бочкообразного свода свисали масляные лампы, имеющие форму чаши Святого Грааля. По коридору метались огромные тени. От стен отражалось эхо песнопения. Воздух пах как-то странно — кислотой, мускусом, дымом. Комнаты, должно быть, были здесь очень большие, так как двери, выполненные в виде стрельчатых арок, находились на значительном расстоянии друг от друга. На дверях были лишь таблички с именами, никаких номеров, но я решил, что порядок нумерации здесь такой же, как и всюду.

Одна дверь на моем пути оказалась открытой. Оттуда лился неожиданный здесь яркий свет. Я осторожно заглянул туда и увидел множество полок с книгами. Некоторые книги казались древними, но большинство были современными... Да, эта толстая, должно быть, «Руководство по алхимии и метафизике», а вон та — «Энциклопедия таинственного», а вон то — переплетенная подборка «Души»... Что ж, каждому ученому нужна своя подручная библиотека. Но наверняка здесь проводятся очень странные исследования. Это уж такое мое счастье, что кто-то продолжал работать так поздно ночью.

Я рискнул посмотреть, кто и что там, поближе. Скользнул к косяку. В комнате находился мужчина. Один. Он был громаден, выше Барни Стурласона. Но он был стар, очень стар. Ни волос, ни бороды у него не было. Лицо... такое лицо должно быть у мученика или у мумии Рамзеса.

Старик был облачен в рясу Адепта. На столе перед ним лежала книга, но он не глядел в нее. Неподвижны были его глубоко посаженные глаза, а руки медленно двигались по странице. Я понял, что он слеп. Книга, однако, была обычной, это не был шрифт Брайля.

Свет, вероятно, включался автоматически. А может, за полками работал еще кто-то. Я тихо скользнул мимо дверей.

Кабинет Мармидона оказался несколькими ярдами дальше. Под его именем и рангом на латунной дощечке было обозначение:

«ЧЕТВЕРТЫЙ ПОМОЩНИК — ЗВОНАРЬ».

Ради всего святого, этот недомерок, он что — звонит в колокола?

Дверь была заперта. Я мог бы вывинтить задвижку или шурупы, на которых держались дверные петли, для этого у меня был нож. Но лучше подождать, пока рядом совсем никого не будет. А тем временем я, пожалуй, суну нос в...

— Кто тут?

Я мгновенно обернулся. В дверях своего кабинета (того,

который выходил в библиотеку) стоял Адепт. Он опирался на посох. Но его голос звучал как-то странно, так что мне не верилось, что ему вообще нужно опираться. Меня охватила тревога. Я и забыл, каким могуществом обладают маги. А он — маг.

— Пришелец — ты кто? — припер меня к стене грохочущий бас Адепта.

Я облизал пересохшие губы.:

— Сэр... Ваша Просвященность...

Посох поднялся, указывая на меня. На нем был изображен главный символ иоаннитов: крюк, перекрещенный Т-образным крестом. И это была не просто палка со знаком, это был волшебный жезл.

— От тебя веет падалью, — сказал Адепт. — Я слеп, но чувствую это. От тебя веет опасностью. Назови себя.

Я коснулся ножа в кармане и фонарика превращения за пазухой. Сейчас эти предметы были для меня бесполезны. Но когда пальцы ощутили их, они сделались для меня как бы талисманами. Я мог воспользоваться ими, если подвернется случай. Во мне вновь проснулись воля и разум. Ударами пульса прозвучала мысль: мне везет больше, чем я мог рассчитывать. Он сам заговорил со мной. Он — жуткий старик, этот сукин сын, но он — человек. Какие бы силы не повиновались ему, я держу его в поле зрения.

Тем не менее, мне пришлось пару раз откашляться, прежде чем он смог услышать от меня пару слов. Слова мои, как мне показалось, звучали скомкано и неуверенно:

— Я... я прошу прощения у Его Просвященности... Он появился так неожиданно. Не будет ли он так любезен сказать мне, где сейчас находится Посвященный Мармидон?

Адепт опустил свой посох. Это было его единственное движение. Его мертвые глаза неподвижно уставились на меня. Лучше бы он действительно был зрячим.

— Какое у тебя к нему дело?

— Извините, Ваша Просвященность. Секретное и неотложное дело. Как узнали Ваша Просвященность, я э-э... не совсем обычный посланец. Могу признаться, что собирался поговорить с посвященным Мармидоном в связи с э-э... трудностями, возникшими по делу компании «Источник Норн». Выяснилось, что это гораздо более важно, чем сперва казалось.

— Это я знаю. И знаю, конечно, когда вернется Мармидон. Я вызывал... Узнавал. Достаточно. Это тот сдвинувшийся с места камень, который может вызвать лавину.

У меня возникло дикое ощущение, что эти слова пред-

назначались не мне, а кому-то другому. И почему это дело заставило тревожиться и его тоже? Но я не осмелился потянуть время для раздумий.

— В таком случае, Ваша Просвященность поймет, почему я так спешу и почему не могу нарушить клятву никому не разглашать порученное дело. Никому, даже Его Просвященности. Если он даст мне возможность узнать, где келья Мармидона...

— Провинившийся живет отдельно от братии. Он плохо выполнил свой пасторский долг и навлек на себя гнев Святоносного. На него наложена эпитимья. Пока над ним не совершат обряд очищения, можешь не искать его. — И неожиданно резко: — Ответствуй мне! Откуда ты явился? Чего добиваешься? Как это может быть, что от тебя несет опасностью?

— Я... не знаю, — заикаясь, пробормотал я.

— Ты не освящен?

— Видите ли, Ваша Просвященность... если вы... если он, ну, возможно, тут имеет место недопонимание. Меня... мое начальство приказало мне вступить в контакт с Мармидоном. У входа мне сказали, что я могу разыскать его здесь, и дали ключ от ворот.

В эту скромную фразу мне удалось вместить куда больше наглой лжи, чем я мог надеяться. Великолепное вранье! Учитывая, что он тоже сопричастен.

Он растерялся. Что делать дальше? Удивляться?

— Полагаю, что это, может быть, была их ошибка.

— Да. Низшему духовенству, естественно, ничего не сообщили...

Маг задумался.

— Если Его Просвященность скажет, куда мне идти и к кому обратиться, я больше не буду беспокоить его.

Он пришел к решению:

— Секретариат ночного аббатства, комната 107. Спроси посвященного Хезатоуба. Из тех, кто сейчас там находится, ни один не обладает достаточной информацией по делу Матучека. Проконсультируйся с ним.

По делу Матучека?..

Пролепетав слова благодарности, я едва ли не бегом удалился. И пока шел по лестнице, беспрерывно чувствовал между лопатками пристальный взгляд невидящих глаз. Прежде чем снова перелезть через ворота, я позволил себе на мгновение остановиться, чтобы опомниться.

Я знал, что едва ли располагаю временем. Адепт, может, несколько дряхл, но только несколько. Вряд ли он особо обес-

покоен моим появлением. Но если он решит выяснить побольше? Тогда, возможно, он не ограничится телефонным звонком брату Хезатоубу. Если у меня действительно есть шанс узнать что-то, надо спешить.

Куда, однако, мне идти? Как идти? На что я рассчитывал? Пора сознаться, что эта рискованная затея слишком уж отдает донкихотством. Пора смываться.

Ну, нет! Пока есть возможность, нужно атаковать самую большую ветряную мельницу. В работу включился мозг. Нет сомнения, что верхние этажи и подвалы собора предназначены для священников самого высокого ранга. В древности приверженцы древних культов проводили главные обряды под землей. Пожалуй, лучше всего мне поискать Мармидона в подземельях собора.

Я ощутил, как на лице сама собой появилась судорожная улыбка. Ему вряд ли стали облегчать наказание, заклинаниями лишив его запаха. Вот еще одна причина полагать, что он упрятан в подвал. Упрятан слишком далеко, чтобы его можно было отыскать с помощью даже обоняния.

С помощью человеческого обоняния!

Я вернулся на первый этаж и поспешно начал спускаться вниз. Все шло как по маслу. Было уже далеко за полночь. Чародеи, наверное, поглощены своими делами. За немногим, быть может, исключением.

Я уже спустился двумя этажами ниже. Здесь, видимо, помещались склады и кладовые, где хранился дворецкий инвентарь и тому подобное. На одном из этажей я увидел монашку, драившую пол голыми руками. Обычная ее работа? Искупление вины? Самоуничижение? Она была единственным человеком, которого я встретил здесь. Она меня не заметила.

Дальше по пути мне снова встретились запертые ворота. По ту сторону, за ними, лестница делалась круче. Вокруг был уже не бетон, а грубо отесанный камень. Я уже углубился в скальное основание собора. Стены были холодными до озноба, влажными. Холодным был и воздух. Современного освещения здесь не было, оно осталось там, позади. Путь мой освещали только свечи, вставленные в далеко стоявшие друг от друга железные подсвечники. Свечи были оплывшие. Снизу тянул ветерок. В тусклом свете прыгали уродливые тени. И наконец я был избавлен от звуков мессы. А лестница все вела вниз!

И снова бесконечно вниз.

Но вот лестница кончилась. Я ступил на пол созданной природой пещеры. Редкие голубые огни выхватывали из ко-

леблющегося мрака очертания сталагмитов и сталактитов. Над входами в туннели были укреплены Руки Славы. Я знал, что высшие иерархи иоаннитов пустили в ход все свое влияние, чтобы получить разрешение полиции на эти приборы. Действительно ли они понадобились иоаннитам для проведения исследований?

Из одного туннеля доносился шум бегущего под землей потока. Из другого сочился тусклый свет, несло ладаном, слышался чей-то дрожащий голос. Молитва, бдение, чародейство или еще что-то?

Я не стал задерживаться, чтобы выяснить, что там такое. Быстро скинул с себя одежду и обувь. Спрятал все это в расщелине скалы. Нож заткнул за эластичную резинку трусов.

Направив на себя линзу, я трансформировался. При этом постарался, конечно, не слишком поддаваться квазисексуальным ощущениям и вбил себе голову, для чего я совершаю превращение. Чувства и мышцы зверя должны служить поставленной человеком цели.

Поэтому, как я заметил, превращение проходило трудно. Чтобы закончить его, мне понадобилось вдвое больше времени по сравнению с тем, сколько это обычно занимало. Несомненно, влияли антиколдовские заклинания. Вероятно, мне не удалось бы стать волком, если бы не мои хромосомы.

Но мне это удалось. Никакого сомнения. Я снова стал волком!

И без того слабый свет потускнел так, что только мешал. Волк не так зависит от зрения, как человек. Уши, ноги, язык, каждый волос моего тела и, прежде всего, нос — впитывали поток информации. Пещера перестала быть местом, где я мог бы оступиться. Любую пещеру теперь я мог постигнуть сразу.

И... да, это не ошибка. Из одного тоннеля слабо тянуло запахом тухлого мяса — отвратительным запахом. Я едва успел подавить вой вышедшего на охоту волка и затрусил к тоннелю...

25

Проход был длинным, извилистым, пересеченным множеством других тоннелей. Не веди меня мое обоняние, я бы скоро заблудился. Путь освещали испускавшие огонь Руки — над каждой выбитой в скале кельей. Но кельи встречались редко. Общеизвестно, что кандидат на Первую ступень посвящения должен в одиночестве провести здесь сутки, но лишь в отдельных случаях после этого на него снисходило благочестие и святость. Утверждали, что так душа вознаграждается за

творимые без помех молитвы и размышления. Но мне как-то не верилось, что благие влияния проникают также и в сознание...

Некие запахи, едва уловимые даже моим волчьим обонянием... от них шерсть на загривке становилась дыбом.

Через некоторое время эти запахи были заглушены одним другим, след которого и вел меня. Когда я наконец я добрался до источника запаха, пришлось на время задержать дыхание. Так, не дыша, я и заглянул в келью.

Тусклое голубое свечение, льющееся с пальцев над входом, давало света вряд ли больше, чем ночник в большой палате. На соломенном тюфяке спал Мармидон. Чтобы было теплее, он укрылся рясой. Столь же грязной, как и его кожа. Помимо рясы у него был сухарь, жестяная банка с водой, чашка, иоаннитская Библия и свеча, чтобы можно было читать Библию. Должно быть, он покидал келью только тогда, когда нужно было посетить расположенную дальше по тоннелю каморку с люком. Но и если бы он вообще не выходил из кельи, особенной разницы не было. Ф-фу!

Отступив немного, я превратил себя в человека. В этом облике зловонные испарения действовали на меня не так сильно. Да и вновь обретенный человеческий разум человека взял верх над инстинктом зверя. Кстати, Мармидон, несомненно, даже не замечал зловония.

Я вошел в его жилище. Опустившись на корточки, я потряс его за плечо. Свободной рукой вытащил нож.

— Вставай, ты!

Он забарахтался, проснулся и, увидев меня, застыл с разинутым ртом. Должно быть, я представлял собою весьма зловещее зрелище. На голое тело надето местами что-то черное и облегающее, а на лице нет и тени милосердия. Впрочем, и его лицо с ввалившимися глазами выглядело тоже неважно в этом мертвенном свете. Он не успел закричать — я зажал ему рот ладонью.

Щетина на небритой физиономии скрипела. Тело посвященного колыхалось, как тесто, и протягивало мне руку.

— Тихо, — произнес я выразительно. — Или я выпущу тебе кишки.

Он показал знаками, что согласен, и я отпустил его.

— М-м-мистер Матучек... — шептал он и, съежившись, все старался отползти от меня, пока не наткнулся на стену.

Я кивнул:

— Пришел потолковать с тобой.

— Я... Как... О чем, во имя Господа?

— Верни мне мою дочь в целости и сохранности.

Мармидон чертил в воздухе кресты и другие знаки.

— Вы сошли с ума? — Он нашел в себе силы внимательно посмотреть на меня и сам ответил на свой вопрос. — Нет. Я могу сказать это твердо...

— Я не одержим демоном! — прорычал я. — И я не сумасшедший. Говори!

— Н-но мне нечего сказать. Ваша дочь? Я и не знал, что у вас есть дочь!

Мир закружился. Я попятился назад.

Он не лгал. Он не мог лгать в таком состоянии.

— А?.. — только и мог выдавить я.

Он немного успокоился, пошарил вокруг в поисках очков. Нащупав, нацепил их и, опустившись на тюфяк, вновь взглянул на меня.

— Это святая правда, — сказал он настойчиво. — Почему у меня должны оказаться сведения о вашей семье? Почему кто-то из вашей семьи должен оказаться здесь?

— Потому что вы сделались моими врагами! — Во мне опять закипела ярость.

Он покачал головой:

— Мы никогда не враждуем с человеком. Как мы можем сделаться его врагами? Мы используем Евангелие Любви.

Я фыркнул. Он отвел глаза.

— Что ж, — голос его дрогнул. — Все мы — сыны Адама. Мы тоже, как и любой другой, можем впасть в грех. Признаю, что тогда меня охватил гнев... когда вы выкинули... этот фокус... когда ваша хитрость заставила нас... заставили те невинные души...

Я взмахнул ножом. Лезвие сверкнуло..

Прекрати болтать чепуху, Мармидон! Единственная невинная душа в этом деле — трехлетняя девочка. Ее похитили. Она в Аду!

Его рот широко открылся, глаза выпучились, как у лягушки.

— Говори! — приказал я.

Какое-то время он не мог выдавить из себя ни слова, а потом, в совершеннейшем ужасе просипел:

— Нет! Невозможно! Я бы никогда... никогда!!!

— А как насчет твоих дружков священников? Который из них?

— Никто! Клянусь. Этого не может быть...

Я кольнул его острием ножа в глотку. Он содрогнулся:

— Пожалуйста, разрешите мне узнать, что случилось.

Разрешите мне попробовать помочь вам.

Я убрал нож; пошатываясь, прошел пару шагов, сел; хмурясь, потер лоб. Все это расходилось с тем, что я думал сперва.

— Послушайте, — начал я обвиняющим голосом, — вы сделали все от вас зависящее, чтобы лишить меня смысла моего существования. А когда вся моя жизнь пошла под откос, что я должен подумать? Если вы невиновны, вам лучше представить мне убедительные доказательства этого...

Посвященный сглотнул слюну:

— Я... Да, конечно. У меня не было намерения причинять какой-либо вред. То, что вы сделали... делаете... это грех. Не обрекайте себя на вечное проклятие. И не толкайте других на такой же путь греха. Церковь не может оставить это без внимания. Ее служители... большинство из них... помогут вам во всем, что только от них зависит.

— Кончайте проповедь! — приказал я. Помимо всего прочего, я не хотел, чтобы возгоравшийся в нем пыл пересилил его страх передо мной. — Придерживайтесь фактов. Вы были посланы натравливать на нас ту банду. Вы их подстрекали!

— Нет... Хорошо, я вхожу в состав добровольцев. Когда происходили те события, мне разрешили принять в них участие. Но не для того, чтобы... чтобы сделать то, о чем вы говорите... нет, чтобы оказать помощь, помощь советом, осуществлять духовное руководство... ну, и обеспечить защиту против возможного с вашей стороны колдовства... Ничего более! Вы же сами напали на нас.

— Конечно, конечно. Это мы начали пикетирование, а когда оно не сработало, силой вторглись в чужую территорию, установили блокаду, учинили факты вандализма, терроризма... Ха-ха! И действовали вы исключительно в качестве частного лица! Правда, когда вы потерпели неудачу, то нашли поддержку и утешение у вашего руководства. И уже вернулись к исполнению своих обычных обязанностей.

— На меня наложена эпитимья за то, что я согрешил гневом, — заявил он.

Легкая дрожь пробежала у меня по позвоночнику. Ну вот, теперь мы добрались до главного.

— Вас поместили сюда не просто потому, что вы рассердились на нас. Что вы сделали на самом деле?

Его снова охватил ужас. Он воздел бессильные руки.

— Пожалуйста... Я не могу... Нет!

Я поднес нож к его лицу.

Мармидон нахмурился и быстро сказал:

— Разгневался на вашу жестокость, упрямство... и наложил на вас всех проклятие. Проклятие Мабона. Посвященные отцы... Не знаю, как они узнали о том, что я сделал, но Адепты наделены даром... Когда я вернулся, мне сказали, что последствия могут оказаться гибельными. Ничего больше я не знаю. Пока я находился здесь, мне никто ничего не говорил. Никто не приходил сюда... Что, действительно были какие-то последствия?

— Как сказать... Что это за проклятие?

— Это не заклинание. Вы понимаете между ними разницу, не так ли? Заклинания, используя законы волшебства, вызывают к действию сверхъестественные силы или призывают нечеловеческие существа. Это, мистер Матучек, то же самое, что нажать спусковой крючок или свистнуть собаке. Это — как использование любого инструмента. Молитва — другое. Это мольба, обращение к Всевышнему. Проклятие — не что иное, как формула, в которой содержится просьба... ну, наказать кого-то. Всевышний либо его ангелы выполняют просьбу, если увидят, что человек должен быть наказан. Лишь им дано судить...

— Повторите его.

— Абсит омен! Это опасно!

— Вы только что утверждали, что само по себе оно безвредно...

— Разве вы не знаете? Молитвы иоаннитов не то же самое, что молитвы петристов. Нас осеняет особая милость Божья, его особый промысел. Мы обладаем особым знанием, мы — возлюбленные дети его. Наши молитвы могущественны сами по себе. Я не могу предсказать, что случится, если я произнесу эти слова... Пусть даже у меня нет никаких намерений, но в подобных условиях... когда нельзя проконтролировать...

«Очень может быть...» — подумал я.

Сущность гностицизма в древние времена состояла в поиске силы и власти с помощью древних знаний. В овладении мощью, превышающей мощь самого Бога. Несомненно, Мармидон будет искренне утверждать, что его церковь возродила эту идею, но он еще не получил статуса Адепта. Самые конечные тайны от него сокрыты. Без особого энтузиазма я подумал, что непохоже, чтобы он был способен совершить преступление. Этот коротышка в душе был неплохим человеком.

Меня осенило. Еще полсекунды я обдумывал эту мысль. А если логически продолжить ее... Предположим, что основоположники современного гностицизма сделали какое-то от-

крытие, вооружившее их до сих пор неизвестной мощью. Результаты убедили их, что они оказывают воздействие на самого Бога.

Предположим далее, что они ошиблись... были введены в заблуждение. Потому что, пропади они пропадом, идея, что смертные хоть как-то могут влиять на Всемогущего, не имеет никакого смысла. Какой вывод следует из всех этих предположений? Следующий:

Вне зависимости, знают ли они об этом или нет, благословения и проклятия иоаннитов являются в действительности не молитвами, а особо искусным, имеющим чрезвычайную силу колдовством!

— Я могу ознакомить вас с текстом. — Мармидон весь дрожал. — Вы можете прочесть его сами. Он не относится к числу запретных.

— Ладно, — согласился я.

Он зажег свечу и раскрыл книгу. Мне приходилось издали видеть Иоаннитскую Библию, но никогда не выпадало случая хоть полистать ее. Иоанниты заменили Ветхий Завет чем-то таким, что даже неверующие, вроде меня, сочли богохульством. Обычно текст Нового Завета сопровождался множеством апокрифов, добавлением других произведений, источник которых не мог определить ни один ученый.

Трясущийся палец Мармидона коснулся отрывка в последнем разделе. Я сощурился, пытаясь разобрать мелкий шрифт. Текст на греческом шел параллельно с переводом на английский. Отдельной строчкой шли пояснения смысла слов, вроде тех, что были в распеваемом наверху гимне.

«Свят, свят, свят. Во имя семи гномов. О, Мабон, праведный, безмерно Великий Ангел Духа Святого, надзирающий над изливающими гнев и хранящими тайну бездонной Бездны, приди ко мне на помощь, излей горе на тех, кто причинил зло мне, чтобы могли и они познать раскаяние и дабы не страдали больше слуги скрытой от очей человеческой Истины и Царства, которое грядет. Словами этими призываю тебя, Гелифомар, Мабон Сарут Эннанус Сацинос.

Амен, амен, амен...»

Я закрыл книгу:

— Не думаю, чтобы такого рода заклинания чего-нибудь стоили, — медленно сказал я.

— О, можете повторить это вслух, — выпалил Мармидон. — Вы — можете. И обычный церковный причастник тоже может. Но я — звонарь, или как вы говорите — заклинатель. Не слишком высокого ранга, не слишком искусный, но и мне

дарована определенная милость.

— Ах, так... — Я с болью начал понимать истину. — Ваша повседневная работа состоит в том, чтобы вызывать демонов и руководить ими...

— Не демонов. Нет, нет! По большей части — обычных существ сверхъестественного мира. Иногда — ангелов низшего разряда.

— Вы имеете в виду существо, сказавшее вам, что оно — ангел?

— Но оно и есть ангел!

— Неважно! Так вот что случилось! Вы говорите, что разгневались до безумия, прокляли нас. Прочли эту молитву темным силам. Я утверждаю, что сознательно или нет, но вы занимались колдовством. Поскольку детектором ничего не зафиксировано, этот род колдовства еще не известен науке.

Это был призыв к кому-то, живущему за пределами нашей Вселенной. Что ж, вы, иоанниты, кажется, ухитрились наладить связь с иным миром. Вы верите, большинство из вас верит, что этот мир — Небеса. Я утверждаю, что вас обманывают. На самом деле этот мир — Ад!

— Нет... — застонал он.

— Помните, у меня есть основания для этого утверждения. Вот куда попало мое дитя — в Ад!

— А может быть, и нет? — с надеждой возразил Мармидон.

— Демон отозвался на ваш зов. Случилось так, что из всех служащих «Источника Норн» лишь мой дом оказался незащищенным от нападения демона, так что месть обрушилась на нас.

Мармидон расправил хилые плечи:

— Сэр, я не отрицаю, что вашего ребенка похитили. Но если девочку украли... в результате моих опрометчивых действий, вам не следует бояться.

— Когда она находится в Аду?! Предположим, мне вернут ее сию же минуту. Какой страшный след оставит на ней пребывание там?

— Нет, честное слово, не бойтесь. — Мармидон похлопал меня по руке. И попал как раз по ослабевшим суставам пальцев, обхвативших рукоятку ножа. — Если она сейчас находится в Нижнем Континууме, действия по ее возвращению сопряжены со временем. Вы понимаете, что я имею в виду? Сам я не очень-то хорошо разбираюсь в таких вещах, но Адепты глубоко проникли в их суть, и некоторую их часть они передают посвященным, начиная с Пятой степени и выше. Мате-

матическая сторона осталась вне пределов моего понимания. Но как я понимаю, Адская Вселенная отличается особо сложной геометрией пространства и времени. Будет не особо трудно вернуть вашу дочь в ту же секунду, из которой ее похитили. Точно так же, как и в любой другой момент времени.

Нож вывалился из моей ладони. В моей голове гудели колокола.

— Это правда?

— Да. Церковный обет не позволяет мне сказать большего.

Я закрыл лицо руками. Слезы бежали у меня между пальцами.

— Я хочу помочь вам, мистер Матучек. Я раскаиваюсь в том, что поддался гневу.

Подняв взгляд, я увидел, что он тоже плачет.

Через некоторое время мы нашли в себе силы приступить к делу.

— Разумеется, мне не следует вводить вас в заблуждение, — объявил он. — Когда я сказал, что можно одинаково легко войти в любую точку времени, это не значит, что у вас нет трудностей. Я просто хотел, чтобы, успокоившись, вы все же увидели, как обстоят дела. На самом деле существуют такие препятствия, что преодолеть их могут лишь наши верховные Адепты. Никто из ныне живущих геометров, пусть даже он гений, не сможет самостоятельно отыскать дорогу сквозь эти измерения. К счастью, однако, этот вопрос перед нами не стоит. Возможно, ваша дочь была действительно похищена в результате моего проклятия. Тогда понятна немилость, проявленная ко мне моим руководством. Но если даже так, она находится под защитой ангелов.

— Докажите, — потребовал я.

— Попытаюсь. Я снова нарушаю все правила, если учесть, что на меня наложили эпитимью, а вы — неверующий. Однако, я могу попробовать воззвать к ангелу.

Мармидон застенчиво улыбнулся.

— Кто знает, если вы отречетесь от своих заблуждений, возможно, девочка будет возвращена немедленно. Обращение в истинную веру человека, обладающего вашими способностями и энергией — это было бы чудесно. Возможно, все, что случилось, соответствует цели Божьей.

Мне не очень-то понравилась идея с этим зовом. Если честно, у меня озноб пробежал по коже. Мармидон может сколько угодно думать, что явившееся к нему существо — небесного происхождения. Я же так не думаю. Но вступив на этот путь, я был готов встретиться лицом к лицу и с чем-то

худшим, чем дьявол.

— Приступим.

Он открыл Библию на новой странице. Текст был мне незнаком. Преклонив колени, он начал песнопение. Пронзительная, скачущая то вверх, то вниз мелодия била по нервам.

По туннелю порывами пронесся ветер. Огни не угасли, но темнота сгустилась. Казалось, будто я умираю. И вдруг я оказался в пронизанной свистом тьме. Я был совершенно один. А вокруг — нескончаемая ночь.

Внезапно появилось памятное мне бесконечное отчаяние. Никогда прежде оно не было таким сильным — ни в предыдущие три раза, ни когда похитили Валерию, ни когда умерла моя мать.

Поскольку кончилась для меня всякая надежда, я постиг тщетность всего сущего. Любовь, радость, честь — значили меньше, чем горстка пепла... их никогда не было. И во всем пустом мироздании существовал только я — совершенно опустошенный я...

Где-то в неизмеримой дали вспыхнул свет. Он двинулся ко мне. Искра. Звезда. Солнце. Он двинулся ко мне. Я увидел громадное, напоминающее маску лицо. Заглянул в лишенные жизни глаза.

И УДАРАМИ ЗАЗВУЧАЛ ВО МНЕ МЕРНЫЙ ГОЛОС:

— Час настал. Несмотря на ифрита, саламандру, инкуба, вопреки действиям смертных, твоя жизнь не оборвалась, Стивен. Вопреки моей воле и моим замыслам. Я предвижу, что в этом цикле развития мира среди моих злейших врагов окажешься и ты. Предвижу опасность, которую ты будешь представлять для моего нового замысла. Я не желаю знать причины, по которой ты пытаешься уничтожить дело рук моих — бездумный ли призыв одного дурака или поспешное повиновение другому.

Но теперь ты имеешь возможность проникнуть в мою сокровенную твердыню. Страшись, Стивен.

Сам я не могу и коснуться тебя, но у меня есть могущественные слуги, и я пошлю их навстречу тебе. Более могущественные, чем те, с которыми ты сталкивался прежде. Если ты и дальше будешь идти против меня, значит ты пойдешь навстречу собственной гибели. Возвращайся домой. Покорно, как подобает сыну Адама, смирись со своей потерей. Породи других детей.

Перестань вмешиваться в дела, касающиеся всего человечества. Занимайся исключительно своими собственными делами. Тогда тебя ожидает довольство, здоровье и богатство.

И долго продлятся дни твои. Но все это — если ты заключишь со мной мир. Если же нет — ты погибнешь, и погибнут все, кто поддерживает и любит тебя. Страшись меня!

Видение, голос, тьма — исчезли. Мокрый от пота, воняющий потом, я тупо уставился на Мармидона. Мерцали свечи... Не знаю, как я устоял на ногах. Мармидон излучал довольство и потирал руки. Мне едва удалось понять его.

— Вот! Разве я не был прав? Вы удовлетворены? Разве он не великолепен? Будь я на вашем месте, я бы пал на колени, восхваляя Бога за милосердие.

— Ч-ч-что? — выдавил я.

— Ангел! Ангел!

Я взял себя в руки. Ощущение, будто я выбрался из мутного потока. И — пустота в сердце. Но разум по инерции продолжал работать. Повинуясь разуму, губы выговорили слова:

— Возможно, мы по-разному видели одно и то же существо. Что видели вы — увенчанную короной голову, сверкающие крылья?

Он чуть не пел:

— Ваша дочь в безопасности. Она будет возвращена вам, когда вы окончательно раскаетесь. И поскольку на нее пало благословение в ее смертной жизни, она будет причислена к лику Святых истинной церкви...

Что ж, это, без сомнения, происходило не в первый раз. Враг использует в своих целях людей, искренне верящих, что они служат Богу. Как там было у Яхонтана Эдварса, жившего в давние времена в Новой Англии? «Земля в Аду вымощена черепами некрещенных детей»... Кто на самом деле был тот Иегова, которому он поклонялся?

— А что испытывали вы? — спросил Мармидон.

Нужно или нет скрывать то, что открылось мне? Вероятно, нет. Что бы это дало хорошего?

Но тут наше внимание привлекли новые звуки — шум приближающихся шагов и голосов.

— Что, если его здесь нет?

— Подождем два-три часа.

— В этой гробнице?

— Все в руках Божьих, брат...

Я окаменел. Шли двое — монахи, судя по звуку их шагов (их выдавали сандалии) — огромного роста и веса. У встреченного мною наверху Адепта, видимо, возникли подозрения, или где-то зарегистрировали заклинание Мармидона и появление «ангела», а, может, и то, и другое вместе. Если меня намерены схватить — я предупрежден. А сейчас моя жизнь

бесценна, ибо я должен вернуться домой со сведениями, которые помогут возвращению Валерии.

Я направил на себя фонарик. Изменившись, расслышал хныканье Мармидона. Хорошо, что мне некогда. Я был волк, и мои эмоции были эмоциями волка. Будь время, я бы порвал ему глотку за то, что он сделал, но...

Серой молнией я выскочил из кельи. Густой сумрак помог мне. Монахи не замечали меня, пока я не оказался почти рядом с ними. Двое, очень мясистые. У одного была палка, у другого — автоматический пистолет 45-го калибра. У этого второго я проскочил между ног. Он, не удержавшись, покатился. Его приятель с треском опустил мне на спину свою дубину. На мгновение движения мои замедлились. Должно быть, сломано ребро... Пистолет выстрелил, и в камень, рядом со мной, ударила пуля. Если в обойме пистолета есть серебряные пули, попадание означает смерть. Нужно бежать!

Я взлетел вверх по лестнице. Монахи остались где-то позади. Но впереди уже подняли тревогу — мелодию гимна прорезал звон колоколов. Может, у моих преследователей был каменный шар-переговорник? Созданный на предприятиях, принадлежащих «Источнику Норн»?

Я ворвался в прихожую первого этажа. Здесь должны быть другие двери, но я не знал, где они находятся. Волк может развивать скорость, с которой распространяются плохие новости. Я проскочил занавес, отделяющий ризницу, где пел хор, прежде, чем из канцелярии успел выглянуть кто-либо работающий в ночную смену, или появиться какой-нибудь заспанный монах.

Церковь бурлила. Под моим телом с треском распахнулась дверь в боковой придел. Достаточно было одного взгляда. Песнопение продолжалось, но по нефу, крича, бежали люди. Как раз в это момент двое закрывали ведущую в вестибюль дверь. Бежать было некуда.

Послышалось топанье ног по коридору. Иоанниты не знали, куда я делся. И конечно, были обескуражены внезапно поднятой непонятной тревогой. Тем не менее, времени у меня было мало — лишь до той поры, пока кто-нибудь не догадается заглянуть сюда.

Мне пришло в голову, как нужно действовать. Не знаю причин этого недоступного волчьему мозгу озарения. Видимо, повинуясь инстинкту, я передней лапой щелкнул выключателем на моем фонарике. Голубые огни, горевшие в помещении, не мешали моему превращению в человека. Кинувшись обратно в ризницу, я схватил стихарь и натянул его через голову.

Он оказался мне почти до пят. Ноги остались почти голыми, но, может быть, этого никто не заметит...

Поднявшись за рекордное время на возвышение, где пел хор, я остановился под аркой входа, чтобы оценить ситуацию. Мужчины и женщины были сгруппированы по голосам. У каждого или каждой в руках были сборники гимнов. Несколько таких книжек лежало на столе. Вид отсюда был потрясающий. Я не стал тратить зря ни мгновения. Выбрал себе группу, взял книжку и торжественно двинулся вперед.

Мне бы не удалось выйти сухим из воды, будь вокруг нормальная обстановка. Но хористы были слишком возбуждены, а их внимание приковано к суматохе, что бурлила внизу. Мелодия, сбиваясь, неуверенно прыгала. Я нашел себе место на краю группы баритонов и открыл сборник на той же странице, что и сосед.

Лучше будет, если я начну издавать похожие звуки. Это не репетиция, которая проводится с мирянами. Я не мог даже правильно произнести большинство этих слов и заботился только о том, чтобы не очень выпадать из тона.

Сосед искоса взглянул на меня. Это был осанистый, дружелюбный на вид священник. Должно быть, подумал он, что имея такое странное устройство ротовой полости, мне не следовало бы становиться рядом. Я одарил его слабой улыбкой.

— Тхатис эталетам тетс абеска русар, — подчеркнуто интонируя пропел сосед.

Я ухватился за первую же попавшуюся мелодию, имеющую сходство с той, что напевал сосед. Уставившись в книжку, я как можно неразборчивей начал:

«А ПЕРЕД СМЕРТЬЮ МОРЯК МНЕ СКАЗАЛ:
НЕ ЗНАЮ, МОЖЕТ БЫТЬ, УБЛЮДОК МНЕ...»

В общем контрапункте это сошло, не говоря уже о гамме внизу. Критик отвел взгляд.

Так мы и продолжали: он — гимн, я — «Большое красное колесо».

Полагаю, что за проведенный здесь час мне должны проститься многие грехи. Час, решил я, как раз то, не вызывающее подозрения время, которое может провести здесь певец-мирянин. А тем временем — ушки на макушке и взгляд украдкой — я пристально следил, как продвигается охота за мной.

Обширные размеры и запутанная планировка кафедрального собора здорово сыграли мне на руку. Я мог находиться где угодно. Разумеется, при поисках было пущено в ход кол-

довство. Но у колдунов было мало зацепок, помимо того, что рассказал обо мне Мармидон...

Я был под защитой чар одной из лучших ведьм Гильдии — Джинни. Перед моим уходом она сделала все, что только от нее зависело. Выследить меня было бы не таким простым делом даже для тех существ, которых могли позвать на помощь наиболее могущественные Адепты.

Но долго выжидать я не мог. Если я вскоре не выберусь отсюда — я мертв, или со мной случится нечто худшее, чем смерть. А какой-то частью своего сознания я радовался. Видимо, опасность мобилизовала мои силы. Отчаяние, порожденное встречей с исчадием Ада, — там, в подземелье, — исчезло полностью. Главное — я жив, и я сделаю все, на что только способен. Я убью каждого, кто станет между мною и моими любимыми!

Через некоторое время главный ход опять открыли. Хотя и под присмотром монахов. Я придумал план, как обвести их вокруг пальца.

Выбравшись из хора и сняв стихарь, я опять превратился в волка. В северном коридоре снова было пустынно. Не повезло бы иоаннитам, которые бы там мне встретились. Конечно, они выставили охрану у каждой двери... и после этого их страсть к охоте охладела. Разумеется, поиски продолжались, но уже без шума: спокойно и методично, не дискредитируя религиозную атмосферу собора. Мне удалось не попасться на глаза поисковиков — ведь у меня были чувства волка. И я стал искать окно.

На нижних этажах в комнатах либо кто-то был, либо комнаты эти были заперты. Я поднялся на шестой этаж. Здесь веяло такой враждой, что я едва смог вытерпеть. Но я нашел то, что искал: выходящее наружу окно в коридоре. Я прыгнул (просто ли я решился, или мне помогло отчаяние?..). Разбившееся стекло оставило на моей шкуре глубокие раны, но эта боль была ничто по сравнению с болью, когда я грохнулся на бетонную площадку.

Но я был волком-оборотнем, так что повреждения не были смертельными, и калекой на всю жизнь я тоже не стану. Оставшееся от меня кровавое месиво зашевелилось, вновь становясь единым целым. Вокруг меня все было залито кровью, не подвергшейся регенерации. Я чувствовал слабость и головокружение. Ничего, хорошее питание — и все будет в порядке.

В небе все еще мерцали звезды. Видно было плохо. И конечно, привратники у входа уже оповещены. Им известно

многое, а может быть, и все. Руководители иоаннитов очень хотели как можно скорее справиться с этим хлопотным делом.

Зубами я содрал с себя остатки одежды. Оставил только фонарик — его хорошо скрывали складки шерсти вокруг шеи — и потрусил к воротам, через которые вошел в собор.

— Здравствуй, песик! — приветствовал меня юный привратник. — Откуда ты взялся?

Я покорно потерпел ласку его руки на своем загривке и смылся...

В окутанной тьмой деловой части Силоама я совершил новое преступление. Проник сквозь еще одно окно, на этот раз в задней части бакалейного магазина.

Позднее я смогу компенсировать ущерб владельцу. «От неизвестного». Я нашел несколько фунтов бифштексов и съел все это. Но главное — мне нужно было какое-нибудь транспортное средство. Превратившись в человека, я обнаружил, что у меня нет ни единого цента. Более того, я абсолютно гол. Мне пришлось позвонить Барни.

— Прилетай и забери меня, — сказал я. — Буду, обернувшись волком, ждать тебя где-нибудь в одном из этих мест... — Я назвал ему примерно с полдюжины, на случай, если охота на меня не ограничится стенами собора.

— Что случилось с моей метлой? — тревожно спросил Барни.

— Оставил ее на месте парковки. Сможешь завтра заявить свои права на нее.

— Сгораю от нетерпения услышать о твоих похождениях...

— Ну, могу сказать тебе, это была и ночка!..

26

Проскользнув домой, я подробно отчитался перед Джинни. Я был туп от усталости, как бревно. Она лежала бок о бок со мной и настойчивым шепотом требовала, чтобы я рассказал ей все немедленно. Ее вопросы вытянули из меня все до последней детальки, даже то, что пролетело мимо сознания, на что я не обратил внимания.

Уже было утро, когда Джинни приготовила завтрак и позволила мне отдохнуть. Я сразу уснул и проспал целые сутки. Иногда просыпался, ел, сонно озираясь, и засыпал снова.

Джинни объяснила нашему фэбээровцу, что мое состояние вызвано нервным истощением. И это не было такой уж неправдой. Заодно она убедила его и его непосредственного начальника (Сверкающий Нож находился уже в Вашингтоне),

что, если они хотят сохранить происшедшее в тайне, им не следует держать нас под замком — кое-что знали соседи, и уже поползли слухи.

Конечно, слухи можно было быстро пресечь, но до наших друзей и деловых партнеров они дойдут. И если наши знакомые встревожатся, их ворожба может принести кучу неприятностей.

В итоге, нам разрешили принимать гостей. Когда к нам залетела миссис Делакорт, чтобы одолжить пинту серы, мы представили фэбээровца как кузена Луи и мельком упомянули, что пока ищут проникших к нам грабителей, мы отослали Вал из города. То ночное происшествие оказалось почти незамеченным, лишь ежедневная газета поместила на одной из внутренних страниц заметку. Как бы то ни было, мне снова позволили работать, а Джинни — выходить за покупками. Нам назвали номер, по которому мы могли звонить, если потребуется.

Но ничего, конечно, не сказали о тех, кто тенью следовал за нами по пятам. «Хвосты» были подготовлены отлично, и, если бы не некоторые наши ухищрения, мы бы их вообще не заметили.

Итак, на третий день утром я явился в «Источник». Проинформировал Барни Стурласона. Он подыскал мне на этот день работу «не бей лежачего». И в своем кабинете я расхаживал, курил, пускал кольца (мой язык уже напоминал высушенный кожаный ремень) и пил кофе, пока он, булькая, не полил у меня из ушей. Так я проводил время, ожидая назначенной после обеда встречи. Я знал, что эта встреча действительно может многое решить. Когда по интеркому известили, что совещание начинается, я совсем потерял голову. С трудом вспомнил, что мне тоже надо туда идти... встретиться с теми, кто решит нашу судьбу.

Комната, где должно было состояться совещание, находилась наверху. Она была заколдована как против промышленного шпионажа, так и против властей.

Во главе стола громоздилась туша Барни. Воротник расстегнут, сигара дымится. Собрались одиннадцать человек — это в какой-то степени гарантировало, что среди нас не затаился Иуда...

Кроме Барни, я знал троих — Грисволда, Харди, Яниса Вензеля и немножко еще одного — доктора Нобу, метафизика, с которым мы иногда консультировались. Остальных я не знал. Один оказался адмиралом в отставке Хью Чарльзом, специалистом по разведке. Другой — математик Фалькенберг.

Третий — пастор из церкви, прихожанином которой был Барни.

Все они выглядели усталыми. Им пришлось работать, как галерным рабам. Работу они закончили буквально минуту назад. У последних двоих вид был свежий. Абсолютно ничего примечательного в их внешности не было, если не считать того, что у одного из них имелся небольшой чемоданчик, который владелец аккуратно поставил на пол.

Прежде чем представить нас друг другу, Барни сделал несколько пассов и произнес заклинание.

— О'кей, — удовлетворенно пророкотал он. — Поле секретности опять на полной мощности. Заходи и присоединяйся к шабашу. — Он улыбнулся мне: — Стив, разреши мне познакомить тебя с мистером Смитом и мистером Брауном. Они — представители компании, деловые предложения которой сегодня ставятся на ваше обсуждение.

Фигуры и лица Смита и Брауна заколебались, расплылись и опять сделались четкими. Наваждение кончилось. В падающем из окна свете волосы Джинни отливали мерцающей медью. Доктор Акман открыл свой чемоданчик. Из него выскочил Свертальф. Уже выздоровевший, большой, черный — и как всегда самонадеянный. Потянулся, разминая затекшие мышцы.

— Мур-р-р, — сказал он ворчливо.

Пастору захотелось приласкать его, и он протянул руку. Предостеречь я не успел. К счастью, у Акмана вошло в привычку брать с собой аптечку.

Свертальф уселся рядом с Джинни и принялся умываться.

— Как вам удалось это сделать? — спросил с профессиональным интересом адмирал.

Джинни пожала плечами:

— Очень просто. Как вы знаете, Барни связался с доктором Акманом. Они назначили время, когда доктор должен был отменить прием больных. Потом Акман сходил в ветеринарную лабораторию и принес оттуда Свертальфа. Мой кот, когда нужно, умеет вести себя тихо, даже если лежит в чемодане. Мы уже убедились, что «хвоста» за доктором не было.

Свертальф самодовольно дернул хвостом.

— Тем временем в город вышла я, — продолжала Джинни. — У Барни сегодня распродажа. Самая легкая вещь на свете — это затеряться в толпе. И кто может заметить, если я чуточку подколдую? Изменив свою внешность, я встретилась с доктором Акманом и изменила внешность ему.

Свертальф задумчиво уставился на доктора.

— Потом мы пришли сюда. — Джинни слегка улыбнулась. — Барни точно знал время нашего прихода и понизил активность поля, чтобы наша маскировка не развеялась.

Джинни открыла сумочку (та походила на обычный конверт), вытащила косметичку и посмотрелась в зеркальце. Неяркая косметика, скромное платьице — в ней трудно было заподозрить ведьму высокого полета, если только не заметить, что все это нарочитое.

— Перейдем к делу, — сказал Барни. — Мы немедленно проинформировали собравшихся о том, что тебе удалось обнаружить, Стив. С чисто научной точки зрения, твое открытие (с учетом того, что мы выяснили) имеет чрезвычайно важное значение. Можно сказать, что наша совместная работа имеет революционное значение. — Он сделал паузу. — Но это значит, что мы вмешиваемся в политику.

— Или в религию, — вставил Янис Вензель.

— Сомневаюсь, — заметил пастор Карлслунд, — есть ли в этом случае между ними какое-то различие.

Пастор был высокого роста светловолосый мужчина с внешностью настоящего ученого.

— Если иоаннитская церковь действительно есть порождение дьявола... — Грисволд поморщился. — Мне очень бы не хотелось верить в это. Я не согласен с ее догматами, но утверждение, что это вероучение не просто ошибочно, но создано Злом, означало бы зайти слишком далеко. Вы уверены, мистер Матучек, что вы действительно встретились с Врагом?

— Во всяком случае, с одним из его наиболее высокопоставленных приближенных, — кивнул я, — или, если предпочитаете, с одним из наиболее низкопоставленных. То, что я увидел и пережил, теперь полностью укладывается в целостную картину.

— Э-э... полагаю, вы испытывали тогда значительной силы стрессы. Галлюцинации могут быть очень реальными... если ожидаешь что-то увидеть.

— Если иоанниты действуют в рамках закона, — оборвала моя жена, — то почему они затаились? Личность Стива ими установлена. У них было достаточно времени, чтобы связаться с ним или подать властям жалобу. Но будто ничего не случилось. Служащий Барни, посланный забирать метлу, взял ее там, где она была оставлена, и никто не задавал ему никаких вопросов. Утверждаю, что они не могут пойти на риск судебного разбирательства...

— Может быть, они пытаются вступить в контакт с потусторонними силами, чтобы вернуть вашу дочь? — без убеж-

дения произнес Харди.

Адмирал Чарльз фыркнул:

— Как же! Не сомневаюсь, что Врагу уже хочется, чтобы ничего из случившегося вообще не было. Но как это сделать? Вы говорите, мистер Матучек, что можно вернуть вашу дочь, сведя к нулю время ее пребывания в аду? Это поразительно. Но как бы то ни было, не могу представить, что можно изменить прошлое. Время, прожитое без нее, уже прошло...

— Если мы будем вести себя тихо, это может помочь ее освобождению, — сказал Харди. — Молчание будет расценено как выкуп.

— Какой человек согласится вступить в такого рода сделку? — возразил адмирал.

— В любом случае, никакие соглашения с Нижним миром невозможны, — констатировал Карлслунд. — Соглашение подразумевает согласие и намерение поддерживать достигнутую договоренность. Будучи сам нечестным, дьявол не способен поверить, что человек не попытается, в свою очередь, обмануть его.

— Да, — согласился Чарльз, — освободив Валерию, он ничего не выиграет, зато теряет ценного заложника.

— Он уже добивался успеха, разобщив силы добра, — с горечью проговорил Акман. — У меня создается впечатление, что наша встреча — на самом деле заговор и акт неповиновения правительству. Умно ли мы поступаем?

— Как я понимаю, вы считаете, что нам нужно открыться Дяде Сэму и решение полностью передоверить ему? — Моя усмешка была рождена болью.

— Сравните, какие возможности у нас и у властей, — настаивал Акман. — Правильно ли мы поступаем, скрывая собранные нами сведения? От них зависят благо и жизнь всего общества.

— Разрешите мне ответить на этот вопрос, — вмешался Барни. — У меня имеются связи в Вашингтоне, и... адмирал Чарльз, у которого таких связей еще больше, подтвердил мое предположение о том, как там будут развиваться события. Исходным моментом является следующее: официально акт похищения скрывается.

Глава нашего ФБР — человек умный. Он сразу понял, какая будет проводиться политика, и начал действовать в соответствии с ожидаемыми директивами. Причины такой политики сложны и запутанны, но основными являются два пункта.

Первый: об Адской Вселенной почти ничего неизвестно. Это один из немногих... может быть, единственный случай

прямого нападения, произведенного миром демонов. Не вмешательство, а нападение. Никто не знает наверняка, что оно предвещает. При таких обстоятельствах необходимо действовать осторожно. Государственный Департамент доказывает, что истинная подоплека нам полностью неизвестна.

Люди из Министерства Обороны утверждают, что нам не следует связываться и связывать себя никакими решениями до получения большей информации, и особенно, пока не увеличены расходы на военные нужды. Президент, кабинет министров, руководящие деятели Конгресса единодушны в том, что сейчас не следует поднимать шума. Из этого следует, что информация не должна доводиться до сведения широкой публики, чтобы не вызвать общественного беспокойства.

Второй момент касается иоаннитской церкви. Эта проблема, может быть, носит менее угрожающий характер, и тем не менее, она обязательно должна быть разрешена. США — демократическая страна. Многие избиратели являются либо истинными иоаннитами, либо полагают, что иоаннизм — просто вероучение.

К тому или иному разряду относится значительное число людей, занимающих видное положение в обществе. Вспомните историю с расследованием, которое пытался провести Комитет Конгресса. Сколько из-за этого было вони и шума. Инцидент, из-за которого мы собрались здесь, наводит на мысль, что правы те, кто утверждает, что церковь иоаннитов порождена Падшим в качестве средства восстановления всех и каждого против каждого.

Последнее, чего желает в данной ситуации администрация — это еще раз тщательно рассмотреть все возможности, которые, в конечном счете, сводятся в двум: свержение правительства либо использование мер подавления. Соблюдение секретности позволит пока сохранить мир и спокойствие. И выиграть время...

Барни остановился, чтобы разжечь потухшую сигарету. В комнате было очень тихо. Пластами плавал голубой дым, а воздух был тяжелым и несвежим. Джинни и я обменялись через стол отчаянными взглядами. Вчера мне нужно было спуститься в подвал и заменить сгоревший предохранитель. Джинни пошла со мной потому, что в последнее время мы старались держаться вместе. На полке остались стоять некоторые вещи Валерии — она вышла из того возраста, когда они ей были нужны, но выбросить их тогда мы не успели. Неиссякаемая бутылочка с молоком, кольцо Суберборосa, самокормящая крылатая ложка, горошок с радугой вместо ручки. Мы

поднялись наверх, и по нашей просьбе предохранитель был заменен фэбээровцем.

Лежащие на столе кулачки Джинни были крепко стиснуты. Свертальф терся спиной об ее руку — медленно, плавно, не претендуя на ответное внимание.

— Вывод заключается в том, — продолжил Барни, — что, есть для этого возможность или нет, правительство сейчас не хочет переходить к активным действиям. А может, и не только сейчас, но и вообще.

Что касается нас, то наше право и обязанность — сделать все, что от нас зависит. Поймите, доктор, с чисто формальной точки зрения мы не делаем ничего незаконного. Стив не был арестован. Он имел полное право покидать свой дом и возвращаться обратно, и, если ему того хотелось — через окно и в плаще-невидимке, ни перед кем не отчитываясь. Я имел полное право одолжить ему помело. Кафедральный собор открыт для посещения посторонней публикой. Если Стив, в поисках необходимых ему сведений, проник в закрытую часть собора, он допустил, самое большее, гражданское правонарушение.

Он виноват? Пусть руководители церкви преследуют его в судебном порядке. И не забывайте, что он может ответить обвинением в разбойном нападении. Для защиты собственности нельзя применять смертоносное оружие, а в него стреляли и избивали дубинкой. Соответственно, поскольку никакого преступления Стивом совершено не было, нас нельзя считать соучастниками либо укрывателями. Никто из нас не замышляет ничего преступного и не участвует в заговоре.

Заверяю вас, что скоро будет принят закон о Национальной безопасности. И все остальное, что президент сочтет необходимым принять. Тогда нам трудно будет действовать так, как мы действуем сейчас. Но сейчас наши действия не ограничены никакими официальными запретами. А по Конституции судопроизводство «постфактум» — запрещено.

— Гм... — отозвался Акман.

— Что касается сокрытия важной для правительства информации, — продолжал Барни, — то пусть вас это не беспокоит. Ничего подобного мы не делаем. Сейчас мы тщательно анализируем собранную информацию и, как честные граждане, не хотим, чтобы нас обвинили в том, что какому-то аспекту не было уделено нужного внимания. И мы позаботимся, чтобы обнаруженное нами попало по нужному адресу.

— Надо ли так торопиться? — возразил Акман. — Если девочка может быть возвращена в то же мгновение, когда

исчезла... не лучше ли будет, если мы предоставим действовать в ее интересах правительству? Пусть оно действует медленно и осторожно, но разве это не лучше, чем вообще ничего не добиться? Мы, плохо подготовленные и не имеющие нужного оборудования и снаряжения, можем все испортить.

Натянутое лицо адмирала Чарльза потемнело.

— Честно говоря, — процедил он, — не думаю, чтобы власти пожелали действовать, если не произойдет дальнейших инцидентов. Когда в недружелюбно относящихся к нам странах сажают, грабят и убивают в тюрьмах наших граждан (в том числе и официальных лиц), правительство ограничивается протестами. С чего вы взяли, что оно пойдет на смертельный риск, чтобы выручить из Ада маленькую девочку? Сожалею, мистер Матучек, но дела обстоят именно так.

— Как бы то ни было, — взглянув на Джинни (лицо моей жены было ужасно), торопливо заговорил Ралькенберг, — насколько я понимаю ситуацию, наши враги сейчас в растерянности. Действия мистера Матучека оказались для них полной неожиданностью.

Очевидно, Враг не может сейчас оказать им прямой помощи, не может помочь советом или даже сообщить что-либо, или считает такого рода помощь неблагоразумной, поскольку это может спровоцировать вмешательство Всевышнего.

Несомненно, заклинания иоаннитов способны творить чудеса. Но они не всезнающи и не всемогущи. Они не могут знать точно, что нам удалось сделать и что мы намерены предпринять. Но дайте время, и период растерянности кончится, защитные меры будут усилены и, вероятно, будут предприняты какие-то ответные действия.

Лицо Джинни было лицом Медузы-Горгоны.

— Что бы мы ни решили, — заявила она, — Стив и я не будем сидеть сложа руки...

— Нет, будь оно все проклято! — вырвалось у меня.

Свертальф прижал уши, между бакенбардами сверкнули клыки, шерсть на нем встала дыбом.

— Видите? — обратился Барни к собравшимся, — я этих двоих знаю. Их невозможно остановить, разве только бросить в тюрьму. И я не уверен, что существуют тюрьмы, из которых они не смогли бы выбраться. Наверное, помешать им можно, только убив их. Допустим ли мы, чтобы такое случилось, или поможем им, пока это еще в наших силах?

Голоса сидящих вокруг нас сорвались на крик, взметнулись руки. Громче всех кричал Янис Вензель:

— У меня у самого есть дети, Вирджиния!

Взгляды всех обратились на Акмана. Он покраснел:

— Я не собираюсь предавать вас. Просто все это было для меня слишком неожиданно. Я был обязан высказать то, что думал. И я не верю, что, подстрекая родителей Валерии к самоубийству, вы чего-нибудь добьетесь. Их смерть не принесет ей ничего хорошего...

— Что вы имеете в виду? — спросил Барни.

— Разве я неправильно вас понял? Разве вы не намерены послать Стивена и Джинни... в Адскую Вселенную?

Меня обдало холодом. Я был готов ко всему. Я бесился, я сгорал от желания действовать, но это было так неожиданно, как будто я оказался на краю бездны. Я взглянул на Джинни. Она кивнула.

Все — кто в большей, кто в меньшей степени — оцепенели от ужаса. Потом поднялся ропот, погасший под движением руки Барни. Я едва воспринимал окружающее.

Наконец в комнате воцарилось молчание.

— Я должен извиниться перед собравшимися, — сказал Барни. Его голос звучал колоколом — размеренно и низко. — Задача, которую я поставил перед вами, заключалась, главным образом, в сборе и анализе всей доступной нам информации о Нижнем Континууме, чтобы выяснить пути спасения девочки. Вы великолепно справились с работой. Получив информацию о том, что удалось обнаружить Стиву, вы сделали большой шаг вперед в своих исследованиях.

Вами разработана концептуальная сторона, и, вероятно, мы близки к выработке методики. Но большой объем работы не позволил всем увидеть, что кроется за непосредственным выполнением задания.

Вам трудно было представить, что это не просто исследование дальнего прицела, и что на деле оно не ограничивается выдвижением гипотез. В конечном счете, исследование заключалось в поисках путей защиты против возможных нападений со стороны Адской Вселенной.

Сказанное касается большинства присутствующих, но они, точно так же и те, чья деятельность заключалась в рассмотрении политических и религиозных аспектов программы, не видели, как близко мы подошли к тому, чтобы непосредственно вступить в схватку с Нижним Континуумом.

Равным образом, я и сам раньше не понимал возможных результатов нашей работы. Но миссис Матучек тайно встретилась со мной. Я обрисовал ей всю картину, и мы подробно обсудили ее и наметили план действий...

Барни отвесил короткий поклон в сторону Акмана:

— Примите мои поздравления. Вы очень проницательны, доктор.

«Она все знала...» — мелькнуло у меня.

И, однако, никто не подозревал этого, даже я. Никто ничего не подозревал, вплоть до той минуты — потому что она так хотела. И еще обрывок мысли: «Приходилось ли другим мужьям когда-либо сталкиваться с подобными неожиданностями?»

Джинни подняла руку:

— Положение дел таково, что шансы на успех имеет только маленькая, специально подготовленная группа. — В ее голосе звучала памятная решимость. — Большая группа, состоящая из не владеющих нужной сноровкой людей, не имеет никаких шансов. Нет сомнения, что такая, обладающая большой подвижностью группа сможет преодолеть препятствия, недоступные для армейского подразделения или целого отряда фаустов.

— Смерть, увечье, плен в Аду — со всеми вытекающими отсюда последствиями... — прошептал Акман. — Вы допускаете, что Стивен пойдет на это?

— Я знаю Стива достаточно хорошо, чтобы не пытаться остановить его... — ответила Джинни.

Ее слова в какой-то мере помогли мне вновь овладеть собой. И не настолько я был растерян, чтобы не заметить, с каким восхищением глядели на меня собравшиеся, но основное мое внимание сейчас было направлено на то, что говорила Джинни.

Лучшей группы, чем Стив, я и Свертальф, найти невозможно. Если у кого-нибудь и есть надежда добиться успеха, так это у нас. Вы все поможете нам должным образом подготовиться и будете ждать нашего возвращения. Если мы не вернемся, у вас останется уже собранная информация. Не растеряйте ее, потому что она имеет важное значение для всего общества. Согласитесь, что дело касается не только нашей дочери. Далеко не только ее... Вот главная причина, по которой вы обязаны помочь мне. Сделайте все от вас зависящее, чтобы ваши дети и внуки не уснаследовали гораздо худший мир, чем тот, в котором живете вы. — Джинни полезла в сумочку. — Черт возьми, у меня нет сигарет!

К ней потянулись пачки. Она предпочла мою, и наши руки на мгновение встретились. Акман, сцепив пальцы, неотрывно смотрел на нас. Внезапно он встал и, выдавив какое-то подобие улыбки, произнес:

— Ладно, я приношу извинения. Вы должны понять, что

моя реакция была естественной. Но вы, вероятно, правы, полагая, что найдете способ проникнуть в Ад и вернуться обратно. Я помогу вам всем, что в моих силах. Но могу я узнать план ваших действий?

Барни слегка расслабился. Затушил окурок сигары и закурил новую.

— Можете, — кивнул он. — Особенно потому, что мы должны объяснить то же самое и остальным присутствующим. Разрешите, я сначала изложу план вкратце. Затем вы сможете, в зависимости от того, в какой области науки вы являетесь специалистом, развить и дополнить его. Наша Вселенная характеризуется прямолинейной геометрией пространства, за исключением обладающих необычными свойствами точек, таких, как, например, ядра белых карликов. Демоны могут передвигаться в нашем мире без всяких затруднений. Более того, они способны выкидывать фокусы со временем и пространством, что в былые дни создало им репутацию сверхъестественных созданий. Способны они на это потому, что их собственная Вселенная устроена слишком сложно, и структура ее постоянно меняется. Современные исследования открыли способ войти в эту Вселенную. Но никому неизвестно, каким законам подчиняется там движение, как можно в ней передвигаться, и как можно выйти оттуда. Выйти целым, невредимым и сохранившим рассудок.

Что ж, Стив выяснил, что по времяисчислению Ада можно войти в любую точку времени. Это открывает выход из тупика. Перед нами появилась возможность установить, как соотносятся наш и Нижний Континуум, и это соотношение может быть математически описано. Доктор Фалькенберг составил системы уравнений и уже приступил к их решению. Исследования доктора Грисволда позволили наметить, как реализуются в той Вселенной физические законы.

Билл Харди делает то же самое в области химии и атомной физики. О, работа только начата, и полученные результаты еще не подвергались экспериментальной проверке. Но по крайней мере, мы — доктор Нобу, метафизик, и я, инженер-практик, — получили возможность приступить к созданию заклинаний.

Сегодня утром мы закончили нашу работу. План предусматривает посылку в Ад экспедиции (наше волшебство обеспечит ей там определенную защиту) и быстрое возвращение ее обратно.

Такой грандиозной цели прежде никто никогда не ставил...

— План неудовлетворительный, — возразил Харди — У вас не может быть описания Вселенной Ада. Ведь мы не в состоянии описать даже наш собственный космос.

— И абсолютно невозможно предвидеть, — подхватил Чарльз, — по каким сумасшедшим законам меняется там матрица в каждой точке.

— Верно, — согласился Барни.

— Следовательно, защитные меры, годные для одной точки пространства-времени, могут оказаться совершенно никчемными для всех прочих точек...

— Но не в том случае, если перемещение в пространственно-временной конфигурации будет подобрано...

— Что?! Но это же невозможно! Такого рода работа... ни один смертный...

— Верно, — спокойно подтвердила Джинни.

Мы изумленно воззрились на нее.

— Ключ к решению дает то, что удалось узнать Стиву в подземельях собора, — заговорила она. — Ваше замечание абсолютно правильно, адмирал. С такой работой ни один смертный человек справиться не может. Но величайшие геометры, каких знала история, уже мертвы.

Над столом повисло удивленное молчание...

27

Наколдовав соответствующее наваждение и запихнув Свертальфа в чемоданчик, мы покинули здание «Источника» на принадлежавшем компании ковре.

Время близилось к четырем. Если наша тень из ФБР не увидит нас дома к пяти-шести часам, у нее могут возникнуть подозрения. Но с этим я ничего не мог поделать.

Сперва мы приземлились у церкви Святого Олафа. Пастору Карлслунду нужно было кое-что оттуда забрать. Сидевший позади нас Янис Вензель нагнулся вперед и зашептал:

— Может быть, я невежа, но разве мольба, обращенная к святым католической церковью, не оказывается действенней, чем мольба, обращенная к святым лютеранами?

Этот вопрос на нашем заседании не поднимался. Карлслунд удовлетворился тем, что провел ясное различие между молитвой — мольбой к Всевышнему и заклинанием, которое должно привлечь внимание тех, кто добровольно захочет помочь нам, с одной стороны, и некромантией, то есть попыткой заставить действовать души умерших согласно нашему желанию — с другой. (Последнее законом запрещено, что объясняется, главным образом, уступкой общественному мнению.

Нет достоверных сведений, что удалось хотя бы раз вызвать душу умершего. Этот запрет — проявление очередного религиозного предрассудка и суеверия).

— Сомневаюсь, что принадлежность к той или иной церкви имеет какое-нибудь значение, — заметила Джинни. — Что такое душа? Никто не знает. Исследователи получили веские доказательства ее существования, но результаты противоречивы и не поддаются воспроизведению в контролируемых условиях. Как обычно, когда дело касается феноменов сверхъестественного...

— Что, однако, — вмешался доктор Нобу, — в свою очередь, есть причина такого быстрого развития магии. Мы достигли сути практического понимания волшебства: в отличие от физических силовых полей — гравитационного, электромагнитного и так далее, действие силовых полей парафизики — таких, как поля подобия, поля следствия — не ограничивается скоростью света. Следовательно, они могут, в принципе, перемещать энергию из одной части мироздания в другую. Вот почему ввод исчезающей мощности на входе может дать бесконечно большую мощность на выходе. Отсюда следует, что для овладения этими процессами понимание качественных аспектов имеет гораздо большее значение, чем количественных.

И после того как мы узнали о непостоянстве адского времени, можно с определенной долей уверенности утверждать, что наши новые чары окажутся работоспособными. Что касается души, я склонен полагать, что она скорее всего относится к явлениям парафизического, а не сверхъестественного мира.

— Я так не считаю, — возразила Джинни. — Я бы назвала душу энергетической структурой параполя. Она формируется телом, но продолжает жить и после смерти этой исходной матрицы. Освободившись от тела, она может без труда переходить из одной Вселенной в другую. И что такое привидение, как не лишившаяся тела душа, по неизвестной пока нам причине остающаяся возле какого-нибудь определенного места?

Что такое перевоплощение, как не проникновение души в только что оплодотворенное яйцо? Что есть спасение? Это когда Всевышний позволяет душе занять место возле него. Что есть вечное проклятие? Это когда притяжение Падшего оказывает на душу грешника большее влияние.

— Неужели? — притворно удивился Янис.

Джинни прерывисто рассмеялась.

Барни, сидевший на месте водителя, обернулся:

— Насчет вопроса, возникшего у нас на этом совещании. Хотя вы высказали его только сейчас. У них, лютеран, нет обычной молитвы святым. Но это не значит, что они отрицают их вмешательство в людские дела. Иногда такое вмешательство имеет место. Возможно, католический священник или неохасидский раввин лучше знают, как просить святых о помощи. Но не могу не заметить, что я решил привлечь Джима Карлслунда к сотрудничеству потому, что знаю его долгие годы. Говорить о пасторе как о... э-э...

Все натянуто рассмеялись, потому что как раз в эту минуту из дверей церкви появился пастор, руки которого были полны екклесиастских сочинений. Мы снова взвились в воздух, продолжая свой путь к университету Трисмегиста. Памятные мне здания, рощицы, лужайки были залиты золотом солнечного света. Сейчас, в перерыве между осенним и летним учебными семестрами, народу здесь было мало. Над студенческим городком висела тишина, ее подчеркивал далекий шум города. Казалось, века прошли с того времени, когда здесь учились мы с Джинни. Это было когда-то давно, в другом цикле развития мироздания.

Я искоса взглянул на Джинни, но выражение ее лица осталось непроницаемым.

Послышался шум крыльев. Следом за нами летел ворон. Предзнаменование? Что он предвещает? Мы приземлились, ворон сделал вираж, и, хлопая крыльями, исчез вдали.

Мы вошли в здание факультета физических наук. Коридоры и лестницы, заполненные эхом, тонули во мраке. Сейчас здесь никого не было, и поэтому мы выбрали именно это место. Вторая причина заключалась в том, что у Грисволда были ключи от всех лабораторий и кладовых.

Карлслунд предпочел бы часовню, но было слишком много шансов, что там нас заметят. Кроме того, Джинни и Барни, посоветовавшись, решили, что религиозная сторона нашего предприятия является второстепенной.

Нам нужен был кто-нибудь, чья молитва была бы искренней и бескорыстной одновременно. В противном случае ни один святой, вероятно, не пожелает на нее отозваться. Впрочем, по сравнению с числом молитв, ежедневно возносящихся к Небу, святые редко отвечают на просьбы. Всевышний ожидает, что мы сами справимся со своими проблемами. Мы полагались на то, что будет учтено наше знание того, как проникнуть в царство Врага (по крайней мере, надеялись, что знаем) и что будет учтена наша непреклонная решимость на деле использовать это знание. Слишком уж сильно в этом деле

были затронуты и интересы Неба, чтобы оно могло проигнорировать нашу просьбу. Мы надеялись...

Все качалось и плыло. Борясь с головокружением, я подумал, что если сейчас нас постигнет неудача, нам, наверное, запретят попытку.

Для молитвы мы выбрали философскую лабораторию Беркли. Она размещалась в недавно построенном флигеле, примыкавшем к древнему убогому зданию, где до инцидента с саламандрой находился отдел Грисволда. Лаборатория была большой и великолепно оборудованной. Здесь выпускники и и старшекурсники физического факультета учились, как использовать сверхъестественные и паранормальные силы при проведении естественнонаучных исследований. Так что тут имелось все, что могло нам понадобиться.

Главное помещение лаборатории представляло собой обширный зал с высоким потолком, где вдоль стен чинно тянулись шкафы и рабочие столы. Сквозь готические окна с темно-зелеными стеклами прохладной струей лился солнечный свет. На выкрашенных в глубокий голубой цвет потолках светилась золотом схема атома Бора, окруженная зодиакальными символами. Невозможно было найти место, более далекое по духу от кафедрального собора в Силоаме. В лаборатории обычно работали во многом схожие со мной люди. Я чувствовал, что стены этого помещения благотворно действуют на мою психику.

Грисволд запер дверь. Джинни сняла наваждение и выпустила Свертальфа. Кот на мягких лапках отправился в угол. Хвост его дергался, словно метроном. Карлслунд расстелил на столе алтарное покрывало, и расставил на нем распятие, сосуды со священным хлебом и вином. Остальные принялись за работу под управлением Барни. Приняли обычные меры против соглядатаев и установили защитное поле. Мы готовились открыть дверь в другую Вселенную.

Это всего лишь расхожее и ничтожное выражение. На самом деле нет никаких дверей, просто человек переходит из одного Континуума в другой. И, в конечном счете, переход не зависит от какой-либо аппаратуры.

«Приборы» — Библия, открытая на определенной странице, семисвечник (его огромные свечи были зажжены огнем, полученным от кремня и железа), пузырек с чистым беспримесным воздухом, колба, наполненная священной землей из Иордана, арфа Пифагора — имели не столько симпатическое, сколько символическое значение.

Мне хотелось особо подчеркнуть все это. Данный факт

малоизвестен, между тем он заслуживает, чтобы о нем знали все. Тут кроется одна из причин притягательности гностицизма. Догматы петристской церкви согласуются с принципами нехристианских вероучений и открытий, сделанных современной наукой. Не в наших силах принудить к чему-либо Небеса. Небо слишком велико, но на него можно оказать влияние, если будет на то воля Всевышнего. Влияние возможно, если Он сам того захочет.

Наша молитва была выражением горячей мольбы, которую Бог уже прочел в наших сердцах. В известном смысле ее цель заключалась в том, чтобы убедить нас самих, что мы действительно хотим сделать то, что задумали. Точно так же и наши заклинания лишь указывают путь какому-то Духу, который захочет помочь нам. Но заклинание не заставляет его оказывать нам помощь. Суть в том, что мы должны просто сделать все, от нас зависящее, чтобы он этого захотел.

Ад — совершенно иное дело. В физическом смысле — это Вселенная, лежащая на более низком энергетическом уровне, по сравнению с нашей. В спиритуалистическом смысле, Враг и его слуги не заинтересованы в оказании нам какой-либо помощи, если только ее конечным результатом не является шанс гибели. Силой колдовства (если обладаешь достаточной мощью) можно было принудить демонов вступить на этот путь и даже способствовать спасению Валерии.

Формулы призыва помощи Неба не относятся к числу общеизвестных, но и тайными они не являются. Их можно найти в соответствующих справочниках. Заклинание адских сил — нечто совершенно иное. Я не стану подробно описывать эти заклинания. Поскольку мы, конечно, знаем, что вызов сил Ада сопровождается своеобразным молитвенным ритуалом (все делается наоборот), отмечу, что тут необходимы: один из апокрифов «Либер Бенефикардиум», факел, пузырек с воздухом, взятым из урагана, немного праха мумии, тридцать капель крови, меч... Не стану утверждать, что в этом перечне нет ошибок.

Мы не думали, что нам понадобится весь этот хлам (а если и понадобится, то не сразу). Кроме того, надо было дать Джинни возможность ознакомиться с этими предметами. И даже при ее отточенной интуиции нужно было время, чтобы понять, как правильно расположить их. Весь этот зловещий набор был под рукой и служил еще одним доказательством серьезности наших намерений.

Колокольчик Карлслунда позвал нас. Он был готов. Мы собрались перед импровизированным алтарем.

— Сперва я должен освятить это место, — заявил он, — и как можно более полно провести обряд богослужения.

Я взглянул на наручные часы — черт возьми, почти пять! Но возражать не осмелился. Необходимо, чтобы служба была проведена должным образом.

Пастор раздал молитвенники, мы открыли их. У меня возникло странное ощущение. Как уже упоминалось, я не верил в превосходство каких-либо догм над другими — по крайней мере, ровно придерживался агностицизма. В церкви я бывал редко, но считал, что красочные ритуалы у приверженцев епископального направления интереснее.

Это меня вполне устраивало. И сейчас я чуть не шепнул сперва Джинни: «Эй, это тайное богослужение или секретная служба?» Но вскоре желание шутить у меня пропало вместе с породившим это желание возбуждением. От этого простого ритуала на меня снисходил покой и невыразимое словами благоговение. Мои мысли поворачивались к Богу. Так вот что это такое — религия... Не то, чтобы в этот момент началось мое обращение, но мне казалось, что перед нами открывается какая-то сторона Его могущества.

— Приступим к молитве.

— Отче наш, иже еси на нѣбеси...

Стук в дверь! Сперва я даже не обратил внимания на него, но стук раздавался снова и снова, и сквозь тонкие филенки просочился голос:

— Доктор Грисволд, вы здесь? Вас просят к телефону. Мистер Сверкающий Нож из ФБР. Говорит, что у него очень срочное и важное дело...

Пол едва не поплыл у меня под ногами. То, что я ощутил в душе, исчезло. Ноздри Джинни раздулись и она так сжала молитвенник, как будто это было оружие.

Карлслунд запнулся.

Грисволд, тихо ступая, подошел в двери и сказал привратнику, или кто там был:

— Передайте ему, что я провожу важный эксперимент и не могу прервать его. Пусть он оставит свой номер, и примерно через час я позвоню ему.

«Спасибо тебе, спасибо! — кричала одна половина моего сознания. Вторая корчилась, опутанная холодными кольцами непонимания: — Где же милосердие Божье? Ты захотел, чтобы это случилось... но что есть Твоя воля?.. Не может быть, чтобы все это было на самом деле... или люди — всего лишь марионетки в жестокой игре-головоломке?..»

Бог не мог желать крушения наших планов... нашего пу-

тешествия. Он не мог хотеть, чтобы маленькая девочка осталась в Аду. Он сделал это нечаянно, читая полицейские новости... Но жертвы преступлений уже освобождены смертью, им уже дано утешение. По крайней мере, так утверждают все церкви. Но откуда церковники знают? Может, ничего нет, кроме игры случайностей, взаимодействия слепых сил? А может, Всевышний и Падший — одно и тоже? А может... Нет, это в тебе говорит отчаяние, с которым ты уже сталкивался прежде — отчаяние Ада. Держись, Матучек! Не сдавайся! Выводи своим неправильным баритоном: «Вперед, Христа Солдаты»... А если не сработает, мы попробуем что-нибудь другое.

Прилагая все усилия, мы с трудом добрались до конца службы. Благословение. Затем Карлслунд, с трудом выговария слова, произнес:

— Я не уверен, что нам еще что-нибудь удастся. Необходимое благоговение утеряно.

Неожиданно ему ответил Харди:

— Пастор, ваша церковь основное значение придает вере. Но для нас, католиков, не менее важны дела

Карлслунд не стал спорить:

— Что ж, ладно... Можно попытаться. О какой помощи вы просите?

Барни, Джинни и все прочие обменялись озабоченными взглядами. Я понял, что в спешке они забыли договориться об этом. Точное определение не казалось им настолько необходимым, ибо Небо не так ограничено, как Ад.

Барни откашлялся:

— Э-э... Идея состоит в том, что настоящий ученый, например, математик, и после смерти будет заниматься исследованиями, повышать квалификацию, приобретать все новые знания. Там он может достигнуть таких высот, что нам и представить трудно. Нам необходим математик, занимавший ведущие позиции в неэвклидовой геометрии.

— Таким обычно считают Римана, — сказал Фалькенберг, — но он, как правило, опирался на работы других. Например, Гамильтона. Мы не знаем, как далеко продвинулся несравненный Гаусс, ведь он опубликовал лишь обрывки своих размышлений. В целом я предпочитаю Лобачевского. Он первый доказал, что геометрия не теряет внутренней согласованности, если откажется от аксиом о параллельных.

Насколько я помню, это произошло примерно в 1830 — 1840 годах, хотя я никогда не увлекался историей математики. Все, что было сделано позднее в области неэвклидовой геометрии, берет свое начало в идеях Лобачевского.

— Выбираем его, — решил Барни. — При этом примем во внимание, что остается неизвестным, можем ли мы вообще уговорить какую-либо великую душу стать нашим союзником. Вообще какую-либо, вот ведь в чем дело, — добавил он упавшим голосом и обратился к Фалькенбергу: — Вы займитесь чарами, а мы приступим к составлению молитвы...

Все это тоже потребовало времени, зато мы оказались слишком заняты, чтобы сходить с ума, а ведь только этим мы и занимались с той минуты, когда служба была нарушена. Мы делали пассы, произносили заклинания, напрягали волю и ощущали, как нарастает поток энергии, устремившийся к точке прорыва. Давление энергии достигло неописуемой силы. Это было не повседневное чародейство, это была вершина современного научного волшебства. Неизвестно откуда поползли тени. Они делались все гуще. Окна напоминали тусклые, горящие в ночи фонари. Пламя семи свечей сделалось неправдоподобно высоким, хотя света и не давало. Символы на потолке засверкали ярче, начали медленно вращаться. На пальцах наших поднятых рук, на волшебной палочке Джинни засветились огни Святого Эльма. Такие же огни потекли, потрескивая, с шерсти стоявшего на плече Джинни Свертальфа, с ее распущенных волос. Арфа заиграла сама собой, ее струны вторили протяжной музыке сфер, свивая взад и вперед рисунок танца.

Я не увидел в темноте, кто из нас семи медленными размеренными шагами вышел из ряда, лишь услышал крик:

— Алеф!

Много позже:

— Вайн!

При этом выкрике все мы замерли.

Арфа смолкла. Нас окутало вечное молчание бездонного космоса. Знаки зодиака вращались все быстрее и быстрее, пока не слились, образуя Колесо Времени. Карлслунд встал и воздел руки перед алтарем.

— Услышь нас, о Господь Бог, обитающий на Небесах, — воззвал он. — Тебе известно, чего мы жаждем; молим тебя, пусть эти желания будут чистыми. Ты видишь, как стоят перед тобой этот мужчина Стивен и эта женщина Вирджиния. Они хотят поразить врагов Твоих и избавить от заточения невинную девочку. Если ты позволишь им это, они готовы претерпеть все муки Ада. Нет у них никакой надежды, если ты не поможешь им.

Мы просим Тебя, пусть в диких дебрях Ада будет у них тот, кто сможет руководить ими и советовать им. Если мы не

заслужили, чтобы ты послал к нам ангела, то молим Тебя, пошли к нам умершего слугу Твоего, Николая Лобачевского, или кого-нибудь еще, кто будучи живым, занимался научными исследованиями в той же области знаний. Молим во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Амен!

Снова воцарилось молчание. Затем распятие на алтаре вспыхнуло ярким солнечным светом. Послышался тонкий пронзительный звук. И меня охватила волна радости, которую можно, и то отдаленно, сравнить лишь с радостью первой любви.

Но сразу же раздался другой звук. Он походил на шум штормового ветра. Свечи погасли, оконные слекла сделались темными, пол заколебался у нас под ногами. Свертальф отчаянно взвыл.

— Джинни! — Услышал я свой крик.

И одновремено с этим криком меня закрутил водоворот образов, воспоминаний... Увенчанная похожими на луковицы куполами церковь посреди беспредельной равнины. Грязная дорога между рядами низких, крытых соломой домов. Звякающий амуницией, с саблей у пояса всадник, едущий по этой дороге. Ледяная зима, в конце которой — оттепели и блеск разливающихся вод. И возвращение птичьих стай, и покрывающиеся робкой зеленью буковые леса. И беспорядочные нагромождения рук, книг, лиц, снова рук и лиц... Женщина, которая была моей женой. Сын, умерший слишком рано. Казань — половина ее объята пламенем. Год холеры. Письмо Геттингена.

Любовь. Неудачи. Слепота, медленно покрывающая день за днем. И все это было чуждым...

Наши зубы громко стучали. Ветер прекратился, и снова стало светло. Пропало ощущение нависшей над нами грозной силы... Ничего не понимающие, мы снова очутились в привычном для нас мире.

Джинни бросилась в мои объятия.

— Любимая, — крикнул я ей по-русски. — Нет... Любимая, — по-английски. — Господи помилуй, — снова по-русски...

Перед глазами вихрем вращался калейдоскоп чужой памяти. На столе стоял Свертальф. Спина выгнута, хвост трубой. Его трясло не от ярости — от ужаса. Язык, зубы и шея кота странно дергались. Звуки, на которые не был способен ни один кот... Свертальф пытался заговорить.

— Почему не получилось? — загремел Барни.

Джинни удалось овладеть собой. Она махнула рукой тем,

кто стоял ближе.

— Карлслунд, Харди, помогите Стиву! — крикнула она. — Док, обследуй его! — Я отрывочно слышал ее голос сквозь наваливающийся хаос. Друзья, поддерживая меня, довели до стула. Я рухнул на него. Приходилось прилагать усилия, чтобы дышать.

Помутнение сознания продолжалось недолго. Воспоминания об иной стране, об ином времени остановили свое беспорядочное коловращение. Они ужасали, но лишь потому, что находились вне моего контроля и были чужими.

Русский «покой» звучал в моем мозгу одновременно с английским «миром»... и я знал, что это одно и то же. Возвращалось мое мужество. Я чувствовал, что могу мыслить самостоятельно. Но в голове звенела чужая мысль, и в ней обертонами я ощущал странную смесь сдержанности и сострадания:

— Прошу прощения, сэр. Это перевоплощение смущает меня не меньше, чем вас. У меня не было времени осознать, насколько велики различия, обусловленные разницей более чем в сто лет, и тем, что я оказался в совершенно другом государстве. Полагаю, будет достаточно нескольких минут для предварительного ознакомления, чтобы обеспечить информационный базис для выработки приемлемого для вас модус вивенди*.

Остается заверить вас, что я сожалею о своем вторжении и постараюсь свести его к минимуму. Со всем должным уважением могу добавить: то, что мне пришлось узнать о вашей личной жизни, не имеет особого значения для того, кто давно лишился земной плоти...

До меня дошло: Лобачевский!..

— К вашим услугам, сэр. Ах, да... Стивен Антон Матучек. Не будете ли вы так добры... Извините, мне необходимо ненадолго отвлечься.

Этот диалог, а также последующее взаимодействие наших разумов (это трудно описать словами) происходили уже на границе моего сознания. А оно снова било тревогу — слишком уж жутко было все происходящее.

Пробормотав «со мной все в порядке»; я движением руки отодвинул Акмана в сторону и уставился на разворачивающуюся передо мною сцену.

Свертальф находился в состоянии истерики, приближаться к нему было опасно. Джинни схватила чашку, зачерп-

---

* *Модус вивенди — соглашение. (лат.)*

нула из раковины воды и выплеснула ее на кота. Он взвизгнул, соскочил со стула и припал к полу, разъяренно сверкая глазами.

— Бедный котик, — успокаивающим тоном говорила Джинни. — Извини, я должна была это сделать. — Она разыскала полотенце. — Иди сюда, к своей мамочке, и давай вытремся.

Он позволил ей подойти к себе. Джинни присела на корточки и протерла коту шерсть.

— Что это вселилось в него? — недоумевающе спросил Чарльз.

Джинни подняла взгляд. Рыжие волосы подчеркивали, как побледнело ее лицо.

— Хорошо сказано, адмирал. Что-то вселилось... Вода вызвала у него шок, и возобладали кошачьи инстинкты. Вселившийся Дух утратил контроль над телом. Однако он по-прежнему находится там. Как только Дух разберется в психосоматике Свертальфа, он попытается восстановить контроль и сделать то, для чего он явился.

— Какой дух?

— Не знаю. Нам лучше не мешать ему.

Я встал:

— Нет, подождите. Я могу это выяснить.

Взгляды всех присутствующих обратились ко мне.

— В меня, видите ли... э-э... вселился Дух Лобачевского.

— Что? — изумился Карлслунд. — Душа Лобачевского вселилась в ваше... Не может быть! Святые никогда...

Я отмахнулся, встал возле Джинни на колени и зажал голову Свертальфа между ладонями.

— Успокойся, никто не хочет причинять тебе вреда. Тот, кто вселился в меня, думает, что понимает, что случилось. Соображаешь? Его имя — Николай Лобачевский. Кто Вы?

Мышцы кота напряглись, сверкнули клыки, комната заполнилась громким воем. Свертальф снова был близок к истерике.

И снова во мне зазвучал чужой голос:

— Сэр, с вашего разрешения, у меня есть идея. Он не Враг. Я бы знал, если бы он был Врагом. Случившееся приводит его в замешательство, он смущен, а для того, чтобы мыслить, он располагает лишь кошачьим мозгом. Очевидно, ваш язык ему незнаком. Разрешите, я попытаюсь успокоить его?

С моих уст полились журчащие и шипящие русские звуки. Свертальф вскочил, потом я почувствовал, как он понем-

ногу расслабился под моими ладонями. А потом... он смотрел и слушал так внимательно, с таким наслаждением, будто я был не я, а мышиная норка.

Когда я замолчал, он покачал головой и мяукнул.

— Итак, он не русский, но, кажется, понял наши намерения.

«Посмотрите, я знаю английский, вы понимаете этот язык, Свертальф тоже знает его. Почему же этот... ну, тот, который вселился, в отличие от вас, английского не понимает?»

«Уверяю вас, сэр. Кошачий мозг в данном случае не годится. В нем нет структуры, хотя бы немного схожей с той, что управляет человеческой речью. Вселившейся душе и так приходится использовать чуть ли каждую работоспособную клеточку мозга вашего Свертальфа. Но она без затруднений может использовать весь накопленный им опыт. Даже у этого маленького млекопитающего есть хорошая способность к запоминанию и огромный запас памяти. Нам нужно только воспользоваться языком, на котором говорила при жизни эта душа».

«Понятно, — подумал я. — Но вы недооцениваете Свертальфа. Он долгое время прожил в нашей семье. Его с рождения воспитывала и обучала ведьма. И поэтому он гораздо разумнее обычного кота. Кроме того, атмосфера колдовства, в которой он прожил всю свою жизнь, не могла пройти для него бесследно».

— Прекрасно, говорите ли вы по-немецки? — теперь я обратился к коту. Свертальф с жаром кивнул.

— Ми-йа, — сказал он с выраженным акцентом.

— Добрый вечер, милостивый государь. Я — математик Николай Иванович Лобачевский, старший советник Российского Казанского университета. Рад приветствовать вас, милейший.

Последняя фраза была сказана по-французски — по всем правилам вежливости XIX столетия.

Лапа Свертальфа со скрежетом царапнула пол.

— Он хочет писать, — от изумления глаза Джинни широко распахнулись. — Свертальф, послушай... Не сердись. Не бойся. Не мешай ему делать то, что он хочет. Не сопротивляйся, помоги ему. Когда это все кончится, у тебя будет больше сливок и сардин, чем ты сможешь съесть. Обещаю. Ты же хороший котик. — Она пощекотала ему подбородок.

Непохоже было, что Свертальф полностью примирился с тем, что в его теле поселился Дух ученого. Но ласка помогла —

он замурлыкал.

Пока Джинни и Грисволд были заняты приготовлениями, я сконцентрировался на обмене мыслей с Лобачевским. Остальные, потрясенные случившимся, столпились вокруг. Неизвестность дальнейшего мучала их. Я обрывками слышал, о чем они переговаривались.

— Черт возьми, никогда даже не слышал, чтобы Святые являлись подобным образом, — удивился Чарльз.

— Адмирал, прошу вас... — отозвался Карлслунд.

— Что ж, это верно, — согласился Янис. — Демоны вселяются в одержимых. Но Святые, в отличие от демонов, никогда не вселяются в чужое тело.

— Может быть, и вселялись, — возразил Грисволд. — Мы иногда с пренебрежением относимся к доказательствам существования взаимного переноса масс при пересечении Континуумов.

— Они не дьяволы, — проговорил Карлслунд, — они никогда не делали этого в прошлом.

— М-м-да, — вмешался Барни. — Давайте подумаем. Дух или мысль из одной Вселенной в другую может переходить без помех. Может быть, Святые всегда так возвращаются к людям — не в телесном облике, а как Духи?

— А может, некоторые все-таки возвращались и во плоти? — предположил Карлслунд.

— Я бы предположил, — заговорил Нобу, что Святые могут использовать для создания своего тела любую материю. Ведь в воздухе (добавьте несколько фунтов теплосдерживающей пыли) имеются все необходимые атомы. Вспомните, что такое Святой. Насколько мы знаем, это взятая на Небо душа. Так сказать, душа, находящаяся рядом с Богом. Занимая такое высокое духовное положение, она наверняка приобретает многие замечательные способности. Ведь она может черпать из источника всякой силы и творчества.

— Но тогда им вообще не о чем беспокоиться, — заметил Чарльз.

— Господа, — сделав шаг вперед, произнесло мое тело, — прошу вас простить меня, поскольку я еще не совсем освоился с тем, что мне приходится делить с господином Матучеком его тело — вы окажете мне честь, вспомнив, что это совсем не то, что владеть телом собственным. Я еще не знаю в подробностях, что именно заставило вас просить о помощи.

И поскольку я сейчас нахожусь в человеческом теле, у меня нет средств лучших, чем у вас, чтобы узнать, кто этот господин, вселившийся в кота. Тем не менее мне представля-

ется, что я знаю цель его перевоплощения, но давайте, если у вас нет возражений, подождем и вынесем решение на основании более точной информации...

— Ух ты! — Барни выдохнул воздух. — Как ты себя чувствуешь, Стив?

— Неплохо, — ответил я, — и с каждой минутой — все лучше...

Это было весьма неточно сказано. Когда мы с Лобачевским достигли согласия, я ощутил, наряду со своими, его эмоции и мысли. Их мудрость и доброта превосходили всякое воображение. Разумеется, я ничего не мог узнать ни о его земной жизни, ни о том, что делается в сонме Святых.

Мой смертный мозг и заполненная унынием душа не могли постичь этого. Самое большее, что я мог уловить — нечто вроде едва различимой песни, в которой звучали непрекращающийся мир и вечная радость. Все же попробую объяснить, чем стало для меня присутствие Лобачевского. Представьте себе своего самого старого, самого лучшего друга и в общих чертах поймете, на что это похоже.

— Мы почти готовы, — обернулась к нам Джинни.

Вместе с Грисволдом она установила на столе доску Суныя — простейшее устройство для тех, кто не имеет рук, а лишь лапы. Покачивая ногами, Джинни уселась на краю стола. У нее были очень стройные ноги. На это обратил внимание даже Лобачевский, хотя это вылилось у него в основном в то, что он принялся составлять уравнения, описывающие их форму.

Свертальф занял место возле прибора. Я, готовый задавать вопросы, склонился над столом с другой стороны. Тишину нарушало лишь наше дыхание. Планшетка двинулась. К ней был пристроен кусок мела, заколдованный тем же заклинанием, которое приводит в движение помело.

Написанную фразу прочли все.

«Я — Янош Больян из Венгрии».

— Больян! — задохнулся Фалькенберг. — Господи, я совершенно забыл о нем! Не удивительно, что он... но как...

— Это для меня большая честь. Ваши работы вдохновляли меня, — с низким поклоном произнес Лобачевский.

Ни Больян, ни Лобачевский не желали уступить друг другу в любезности. Кот встал на задние лапы, поклонился, затем стал отдавать по-военному честь. Планшетка снова пришла в движение, выписав строку цветистых французских комплиментов.

— Кто это все-таки? — прошипел за моей спиной Чарльз.

— Я... я не помню его биографию, — так же шепотом ответил Фалькенберг, — но помню, что он был восходящей звездой на небосклоне неэвклидовой геометрии.

— Я посмотрю в библиотеке, — предложил Грисволд. — Похоже, что этот обмен любезностями может продолжаться еще долго...

— Похоже, — шепнула мне на ухо Джинни. — Нельзя ли их чуть поторопить? Мы с тобой уже давно должны быть дома. Если зазвонит телефон — жди очередных неприятностей.

Я изложил все эти соображения Лобачевскому, который, в свою очередь, объяснил их Больяну. Тот написал, что когда возникла необходимость, он стал военным и посему, как имперский офицер, научился действовать решительно. И что он и сейчас намерен действовать решительно — в особенности, когда к его чести взывает такая очаровательная девушка. И что он без страха и упрека поддерживал и намерен поддерживать впредь свою честь на любом поле сражения. Он уверяет, что за свою жизнь ни разу не уронил ее...

У меня нет желания насмехаться над великим человеком. Просто для того, чтобы мыслить, его душа располагала лишь кошачьим мозгом и воспринимала мир через органы чувств Свертальфа.

Поэтому его человеческие недостатки предстали перед нами в явно преувеличенном виде. И именно поэтому ему так трудно было выразить свой гигантский интеллект и свое рыцарство.

Грисволд обнаружил о нем кое-что в энциклопедиях и работах, посвященных истории математики, и мы познакомились с биографией Больяна, пока он обменивался любезностями с Лобачевским.

Янош Больян родился в Венгрии в 1802 году. Тогда Венгрия была лишь одной из провинций Австрийской империи. Его отец, видный математик, близко знакомый с Гауссом, обучил Яноша технике вычислений и математическому анализу, когда ему не было еще и тринадцати.

По совету отца Янош в пятнадцать лет поступил в Королевское инженерное училище в Вене. В двадцать лет он стал офицером инженерных войск.

Он хорошо играл на скрипке, прекрасно владел саблей — встретиться с ним на дуэли было опасно. В 1823 годе он послал отцу наброски своей «Абсолютной теории пространства». Некоторые из них были использованы Гауссом в носящих философский характер работах.

Сам Больян об этом так никогда и не узнал. В «Абсолют-

ной теории пространства» юный венгр сделал первую серьезную попытку построениия неэвклидовой геометрии. На самом деле все же он первым доказал, что аксиома о параллельных прямых не является логически необходимой.

К несчастью, его труд был опубликован только в 1933 году, и то как некий аппендикс к двутомной работе его отца. Работа была написана по-латыни и носила чудовищное название. Между тем, независимо от Больяна, сходные результаты были получены Лобачевским. Труды Больяна остались незамеченными.

Похоже, что его это охладило. Он поселился вместе с отцом, преподававшим в Реформистском училище Марты-Базареди. Умер в 1860 году. Время его жизни совпало с эпохой нарождавшейся венгерской революции Кошута 1848 года, ее поражением и последовавшей за этим реакцией. Но в обнаруженных нами статьях ничего не говорилось о его участии в революции или хотя бы отношении к ней. Он видел отмену военного положения в 1857 году и рост либерализации. Правда, его страна не достигла полной национальной независимости, оставаясь в рамках двуединой монархии. Независимость была достигнута лишь через семь лет после смерти Больяна.

Хотел бы я знать, не подождала ли его душа этого события, прежде чем унестись в другие Вселенные?

Куда больше сведений нам удалось обнаружить о Лобачевском. Он родился в 1803 году в Нижнем Новгороде. Его мать овдовела, когда ему было семь лет. Они переехали жить в Казань. Семья отчаянно нуждалась, и все же матери удалось дать сыну хорошее образование. В возрасте восьми лет, сдав вступительные экзамены, Николай поступил в гимназию. В четырнадцать был зачислен в местный университет. В восемнадцать получил ученую степень.

В двадцать один был назначен ассистентом профессора, а в двадцать два сам стал профессором.

В его ведении оказались университетский музей и библиотека. Разницы между ними, в общем-то, не было — и там и там царили запустение и беспорядок. Ассигнования были очень малы. Лобачевскому пришлось немало потрудиться, но через несколько лет музеем и библиотекой гордилась вся Россия. Можно добавить, что при царе Александре в его обязанности, по-видимому, входила слежка за студентами. Он ухитрялся обходиться без доносов. И правительство было удовлетворено, и студенты обожали его. В 1826 году он стал главой университета, ректором. Он сам строил свой университет. Строил в буквальном смысле слова. Он так изучил архитек-

туру, что смог самостоятельно заниматься проектированием зданий. В 1830 году, когда разразилась холера, он принял более усиленные меры по поддержанию санитарии, чем это делалось по Казани в целом, поэтому смертность среди студентов была невелика.

В другой раз, позднее, половина города была уничтожена пожаром. Обсерватория и важнейшие здания университета оказались разрушенными. Но Лобачевский смог спасти приборы, инструменты и книги. Двумя годами позже все утраченное было восстановлено.

Уже в 1826 году он начал разрабатывать неэвклидову геометрию. Весть о его открытии того, что аксиома о параллельных прямых не является логически необходимой, распространялась по Западной Европе настолько медленно, что менее терпеливый человек уже полез бы на стену, но Лобачевский был слишком занят своими делами. Между тем, весть все же распространилась. Когда она дошла до Гаусса, она произвела на него такое впечатление, что он рекомендовал Лобачевского в члены Королевского научного общества в Геттингенге. Это произошло в 1842 году. А через четыре года Лобачевский был отстранен от должности ректора. Ему разрешили заниматься преподавательской деятельностью — и не более. Возможно, причину этого нужно видеть в его независимости и злобной подозрительности царского режима ко всему чужестранному.

Убитый горем, он искал утешения в том, что целиком ушел в занятия математикой. Зрение ослабло. Умер сын. Лобачевский работал, мечтал и диктовал свою «Общую геометрию». Эта книга — венец всей его жизни — была закончена незадолго до смерти. Умер он в 1856 году.

Разумеется, он был Святым.

— Нет, Стивен Антонович, не надо преувеличивать мои заслуги. Я уверен, что немало и ошибался, и грешил. Но милость Господня не имеет границ. Я был... это невозможно объяснить. Пусть будет так. Мне было позволено и дальше заниматься своим любимым делом...

На доске появились новые фразы. Янош временами стирал написанное, и мел скрипел снова. Те, кто знали французский (русский и венгр сочли, что этот язык им подходит больше, чем немецкий), постепенно начинали понимать, что происходит. Однако лишь я, деля с Лобачевским общее тело, понимал все в достаточной степени.

И по мере того, как росло мое понимание, я все более ощущал необходимость передать его остальным. А время ле-

тело.

Лобачевский отвечал:

— Нужно торопиться, и поскольку согласен, что час поздний, а опасность ужасна, я буду вынужден использовать современную отрывистую манеру разговора...

Когда был получен ответ на последний вопрос, я подозвал присутствующих к себе. Все они, если не считать Джинни (а она сейчас выглядела весьма эффектно) и сидящего у ее ног Свертальфа, представляли собой довольно жалкое зрелище. Усталые, потные, осунувшиеся. Галстуки либо ослаблены, либо просто сняты. Прически растрепаны. У большинства в руках сигареты. Я сидел на стуле, глядя на них. Возможно, у меня был вид еще более ужасный. То, что сообщил мне влезший в мое тело Святой, было поразительно. Нет, это было просто кошмаром.

— Теперь все ясно, — заявил я. — Мы ошиблись. Бог ничего не приказывал своим Святым и ангелам. По крайней мере, в нашем понимании — не приказывал. Появление Святых объясняется нашей молитвой. Пастор, вы-то понимали все это и раньше. Но сознательно или нет, мы полагали, что являемся более значительными персонами, чем есть на самом деле, особенно по сравнению с силами Зла.

Лобачевский тут же поправил меня:

— Нет, для Него равно важно все. Но должна быть свобода выбора — даже для сил Зла. Более того, существуют соображения, в силу которых... Ну, думаю, тут не совсем подходит этот термин — «политика невмешательства». Не знаю, существует ли подходящая земная аналогия... Грубо говоря, ни Бог, ни Враг не желают своими действиями спровоцировать чрезмерно ранний Армагеддон. В течение вот уже двух тысяч лет они избегают прямого вторжения в э-э... территории друг друга: Небо и Ад взаимно неприкасаемы, и такая «политика» в обозримом будущем не подлежит замене...

Наша молитва была услышана. Лобачевский — Святой в прямом смысле этого слова. Он не мог сопротивляться нашей мольбе, да это ему и не запрещалось. Но и помогать нам в Аду он тоже не мог. Это запрещено. Он вправе, оставаясь в моем бренном теле, отправиться с нами туда, но лишь как наблюдатель. Только как наблюдатель, ничего более. Он очень сожалеет. Каждый Дух должен идти своим собственным путем, ибо... Неважно. В общем, в наш Континуум и в мое тело он вошел, преследуя иные цели.

Больян — другое дело. Он тоже услышал наш призыв. Ведь молитва была так свободно построена, что вполне могла

быть обращена и к нему. Далее, он не приобщен к сонму Святых. Он говорит, что его душа находилась в чистилище. Подозревая, что мы понимаем это место лишь умозрительно, он объяснил, что это место, где душа не может непосредственно воспринимать мудрость Господню, но может самостоятельно добиваться своего совершенствования.

Во всяком случае, хотя пока он не взят на Небо, но и он не проклят. Таким образом, ему не запрещено принять в борьбе активное участие. Похоже, у него появился шанс на выигрыш. Он понял, о чем мы просили в нашей молитве. Понял все, даже то, что мы не высказали словами. И, как Лобачевский, выбрал для воплощения мое тело. Но Лобачевский не знал о его намерениях. Будучи святым, он обладал большей мощью и успел воплотиться на какое-то мгновение раньше...

Я остановился, чтобы зажечь сигарету. Чего мне действительно хотелось, так это осушить галлон крепкого сидра. Глотка моя была словно высушена и забита пылью.

— Очевидно, в случаях, подобных нашему, Дух должен поступать согласно определенным правилам. Не спрашивайте меня, почему. Уверен, что если бы вам стали известны причины, вы бы нашли их достаточно вескими. В частности, полагаю, чтобы предохранить нашу смертную плоть от чрезмерного потрясения и перенапряжений. Одно из правил вполне очевидно. Больян, не обладая силой святости, не смог создать сколь-нибудь пригодное тело для воплощения.

Помните, доктор Нобу, вы предполагали это недавно. Вероятно, даже если бы мы приготовили все нужные вещества, он не смог бы воспользоваться ими. Единственная для него возможность открыть себя людям — это войти в чье-то живое тело. Есть еще правило — душа не может перескакивать из одного тела в другое. Она должна оставаться в нем, пока не закончится то, из-за чего она вернулась на Землю. Больяну нужно было молниеносно принять решение. Мое тело было уже занято.

Правила приличия не позволяли ему войти в тело э-э... женщины. А если бы он вселился в кого-то, кто не собирался вместе с нами отправиться в Ад, пользы от этого было бы немного.

Хотя об этом в молитве и не упоминалось, в ее обертонах он уловил, что в экспедиции должен участвовать третий член мужского пола. И Больян устремился в его тело. Он всегда действовал быстро. И слишком поздно обнаружил, что вселился в тело Свертальфа.

Могучие плечи Барни обмякли:

— Значит, из задуманного нами ничего не вышло?

— Не обязательно, — возразил я. — Джинни — сильная ведьма. Если она поможет увеличить мощь кошачьего мозга Свертальфа, то Больян полагает, что справится. После смерти он провел много времени, исследуя геометрию Континуумов. В том числе таких странных и жутких, что не может даже поведать о них и намеком. Идея налета на Ад ему понравилась.

Свертальф качнул хвостом, усы его встали прямо, бакенбарды распушились.

— Значит, получилось! — закричала Джинни. — Ура-а! Ию-лю-у!

— В определенной степени, да... — решимости у меня было не меньше — меньше было энтузиазма. На мрачный лад меня настраивало узнанное от Лобачевского. Я предчувствовал, что в нашем плане кроется много трудностей. Вряд ли бы так просто Враг позволил нам добиться успеха. Против нас будет направлена вся его сила, вся его хитрость.

— Так... — с растерянным видом произнес Карлслунд. — Так, так...

Джинни прекратила свой военный танец.

— Может, вы лучше позвоните Сверкающему Ножу, доктор Грисволд? — напмнил я.

Маленького росточка доктор кивнул:

— Я сделаю это из своего кабинета. Вы оставайтесь здесь, будете все видеть и слышать.

Я чуть не выругался. Законно ли это? По-видимому, в какой-то мере... не запрещается.

Несколько минут нам пришлось подождать. Я крепко прижал к себе Джинни. Остальные — кто негромко переговаривался о постороннем, кто в бессилии опустился на стулья. Бодрость хранил только Больян. С помощью Свертальфа он удовлетворял свое ненасытное любопытство обследованием того, что было в лаборатории.

Ведь на самом деле перед нами был один из лучших ученых-математиков, когда-либо живших на Земле. Его до смерти интересовало, как на нашей планете обстоят дела. И в полный восторг он пришел, когда Янис разыскал ему подшивку «Всемирной географии».

Телефон ожил, звякнул. Мы видели все, что делал Грисволд. Я со свистом втянул воздух между зубов. Сверкающий Нож действительно вернулся.

— Извините, что заставил вас ждать, — сказал профессор. — Раньше позвонить никак не мог. Чем могу быть вам полезен?

Фэбээровец назвал себя, предъявив удостоверение.

— Я пытаюсь разыскать мистера и миссис Матучек. Вы знакомы с ними, не так ли?

— Ну... э-э... да. Давно их не видел, правда... — врун из Грисволда был плохой.

— Пожалуйста, выслушайте меня, сэр. Сегодня днем я вернулся из Вашингтона. Был там в связи с их делом. Это чрезвычайно важно. Я опросил своих подчиненных. Миссис Матучек исчезла, и обнаружить ее не удалось.

Ее муж, по крайней мере, некоторое время находился в защищенном от любого надзора конференц-зале. Но после окончания рабочего времени его никто не видел. Я послал своего человека разыскать его, но он его не нашел. Наши люди сделали фотографии всех, кто входил в здание. Сотрудники криминалистической лаборатории среди других участников встречи опознали вас. Вы все еще уверены, что Матучека у вас нет?

— Н-нет. Их нет... Что вы хотите сделать с ними? Обвинить в уголовном преступлении?

— Пока они не окажутся в нем замешаны — нет. У меня на руках специальный приказ, предписывающий не допустить некоторых действий, которые Матучеки, вероятно, захотят предпринять. Всякий, кто окажет им помощь, в такой же степени подлежит аресту, как и они.

Грисволд оказался молодцом. Он преодолел испуг и, брызгая слюной, затарахтел:

— Честное слово, сэр, меня возмущает подтекст вашего заявления. В любом случае, ваше предписание должно быть предъявлено тем, кого оно касается, то есть — Матучекам. Без этого оно не имеет никакой законной силы и не ограничивает ни их действий, ни действий их сообщников.

— Верно. Не возражаете, если я приеду осмотреть помещение, в котором вы сейчас находитесь? Возможно, они все-таки там. Без вашего ведома...

— Нет, сэр, возражаю. Вам не следует приезжать сюда. — Отрезал Грисволд.

— Будьте благоразумны, доктор Грисволд. Помимо всего прочего, наша цель состоит в том, чтобы защитить их от самих себя.

— Такого рода намерения весьма присущи теперешней администрации, и мне они очень не нравятся. До свиданья, сэр.

— Эй, подождите, — Голос Сверкающего Ножа сделался тише, но трудно было ошибиться в его тоне. — Вы не являетесь

владельцем здания, в котором находитесь.

— Но я несу за него ответственность. Трисмегист является частным владением. Я могу осуществлять управление этим зданием по собственному усмотрению и запрещаю вам доступ в него. Вам и вашим подчиненным.

— Но не в том случае, если они прибудут с ордером на обыск, профессор.

— Тогда я вам советую поскорее получить его... — И Грисволд прервал колдовство телефона.

Мы, оставшиеся в лаборатории, поглядели друг на друга.

— Сколько у нас времени? — спросил я.

Барни пожал плечами:

— Не более пятидесяти минут. Фэбээровцы уже в пути.

— Стоит ли нам пытаться удрать отсюда? — спросила у него Джинни.

— Я бы не стал пробовать. Все вокруг, вероятно, взято под наблюдение еще до того, как Сверкающий Нож попытался дозвониться до Грисволда. Думаю, он выжидал просто для того, чтобы узнать, чем мы тут занимаемся. Видимо, ему приказали перейти к решительным действиям только в крайнем случае.

Джинни выпрямилась:

— О'кей. Тогда мы отправимся в Ад. — Ее верхняя губа слегка дернулась. — Нельзя упустить эту возможность! Готовиться некогда.

— А-а! — Барни хрюкнул, как будто получил удар ногой в живот. — Нет, вы сошли с ума! Без подготовки, не имея нужного снаряжения...

— Обойдемся и тем, что имеется здесь, — отрезала Джинни. — Воспользуемся советами Больяна. Лобачевский, пока мы здесь, тоже имеет право помочь нам. Мы выиграем — на нашей стороне эффект внезапности. Демоны не успеют организовать свои силы. Наше вторжение, повторяю, произведет на них неожиданный эффект. А раз мы выйдем из американской юриспруденции, разве будут у Сверкающего Ножа основания заставить волшебством нас вернуться? Прекращение вашей помощи, возможно, означало бы нашу смерть. Это будет убийство. Кроме того, подозреваю, Сверкающий Нож на нашей стороне. Он не в восторге от того, что ему приходилось делать. И он не станет мешать нам. Скорее, он предложит нам свою помощь. — Она подошла к Барни, обеими руками взяла его руку, заглянула снизу вверх в его изрезанное морщинами лицо. — Не мешай нам, старый друг, — попросила она. — Необходимо, чтобы вы согласились с нами.

Было больно смотреть, как мучается Барни. Но вот он крепко выругался и отдал приказ. Люди сразу же принялись за работу.

В зал вошел Грисволд.

— Вы уже... О, вы не можете отправляться прямо сейчас!

— Не можем не отправляться! — уточнил я.

— Но вы не... вы даже не обедали. Вы ослабеете и... Ладно, знаю, что мне не остановить вас. Иногда работа продолжается допоздна, и на этот случай у нас в лаборатории имеется холодильник с провизией. Пойду посмотрю, что в нем есть...

Вот так мы и отправились штурмовать твердыню Ада.

Янис отдал Джинни свою сумку (из тех, что носят на ремне через плечо), а Барни вручил мне куртку (она была мне велика, и рукава пришлось немного подрезать). Сумка и карманы куртки были набиты до отказа бутербродами с арахисовым маслом для нас и консервами (копченная селедка) — для Свертальфа-Больяна.

28

Некоторое снаряжение у нас было. В основном, оно лежало в сумке Джинни. В том числе и принесенное Акманом свидетельство о рождении Валерии. Инструкции по лучшему использованию этого свидетельства, которые он мог дать, были главной причиной его приглашения участвовать в совещании. Джинни положила документ в собственную сумочку и засунула ее за бюстгальтер.

Никто, включая наших геометров, не знал наверняка, какие средства окажутся в Аду действенными, а какие — нет. Лобачевский смог только сказать, что религиозные символы не обладают там силой, которую имеют здесь. Их действие основано на благости Всевышнего, а всем известно, что никто из обитателей Ада не способен любить. Кое-что, однако, нам могло дать язычество.

Языческие понятия о чести и справедливости ничего не значили там, куда мы собирались, а вот понятие силы и искупительной жертвы — значили. И хотя века уже минули с тех пор, как последний раз отправлялась служба языческим богам, в их символах еще сохранилось достаточно силы и могущества.

Джинни, как обычно, заколола отворот платья булавкой с изображением совы — знаком того, что она — имеющая лицензию ведьма. Грисволд разыскал где-то миниатюрную пластинку зеленовато-желтого цвета. Пластинка была ацтекского происхождения, и на ней было вырезано гротескное

изображение скалящей зубы змеи, покрытой перьями.

Я прикрепил пластинку к своему превращательному фонарику и спрятал под рубашку. Немного смущающаясь под взглядом пастора Карлслунда, Барни выудил из кармана сделанный в форме молоточка серебряный брелок — копию тех, что были распространены в эпоху Викингов. Брелок принадлежал его жене, но таскал его с собой сам Барни — на счастье. И теперь он перекинул цепочку через шею Свертальфа.

Не было смысла тащить с собой огнестрельное оружие. И Джинни, и я весьма неплохо стреляли, но это — в эвклидовом пространстве. Если из-за переменной гравитации траектория пули меняется самым непредсказуемым образом — забудь об огнестрельном оружии, приятель. Мы вооружились, пристегнув к поясу мечи. У Джинни был тонкий, современного производства, золингеновский клинок. Он предназначался, главным образом, для ритуальных действий, однако и режущий край, и острие его были хорошо отточены. Мой меч, более древний, обладал магической силой. Тяжелое, надежное оружие. Он побывал и в плавании — служил абордажной саблей самому Декатуру.

Воздух для дыхания тоже мог оказаться проблемой. Ад печально известен своим бесчестием. И вообще, это место во всех отношениях беспредельно грязное. В запасе у нас были дыхательные аппараты — из тех, что используют для подводного плавания. Если человек уподобляется русалке или иным подводным созданиям, лучше всего, если ему помогает маг или колдунья, способные отогнать, например, того же тюленя. Но тут уж как повезет.

Специалистов такого рода немного, поэтому чаще ограничиваются комплектом, состоящим из обычных баллонов и маски. Маски могут быть разными, в том числе и для различных животных. Мы разыскали еще и комплект, подходящий Свертальфу. И еще один я прикрепил к своему запасному баллону — для Валерии, если нам улыбнется удача.

На этом перечень нашего снаряжения заканчивался. Будь у нас время, мы смогли бы подготовиться лучше. И еще мы могли бы взять с собой не пару метел, а дракона, даже двух, и нагрузить на одного несколько тонн всяческого груза, чтобы во всеоружии встретить хотя бы те неожиданности, которые смогла предвидеть группа стратегического анализа. Однако армия уже пыталась действовать подобным образом и потерпела неудачу. У нас были сведения, которыми не располагали военные, и еще у нас был единственный в своем роде советник. Может быть, это сработает.

Пока мы вместе с несколькими помощниками торопливо готовились, Барни и Нобу тоже завершали приготовления к нашему перебросу. В последнюю минуту я попросил их сделать кое-что, и как можно скорее.

В центре пола была начертана фигура (не буду говорить, какая именно). Ее обрамляли расставленные правильным пятиугольником освященные свечи. Сверху издавал неприятные звуки огромный колокол. Его можно было опустить. Колокол предназначался для выброшенной из Адской Вселенной массы обмена. Возможно, это будет какое-то живое существо или некий газ. В общем, это будет что-то, с чем будет трудно справиться.

— После нашего переноса, — распорядился я, — сразу же поместите под колокол несколько фунтов какого-либо вещества. Конечно, если не окажется, что внутрь соваться опасно.

— Что? — в изумлении переспросил Барни. — Но тогда это даст возможность преследователю совершить переход без затруднений!

— Что бы здесь ни оказалось, оно не сможет выйти за пределы пентаграммы, — напомнил я. — Мы будем действовать очень быстро. Будьте наготове, пустите в ход все свое волшебство, чтобы оно не вернулось обратно. Не знаю, что нам удастся обнаружить. Возможно, все это будет иметь большое научное значение, а людям необходимо побольше знать об Аде. Хотя, скорее всего, наша добыча будет равна нулю. Но все же подготовьте замену.

— Ладно. Для сумасшедшего ты рассуждаешь разумно. — Барни вытер глаза. — Проклятье, я, должно быть, подцепил какую-то аллергию.

Когда мы прощались, сухие глаза оставались лишь у Яниса. И в мозгу моем, размеренно и печально, звучала чужая мысль:

«Стивен Антонович, Вирджиния Виллиаминовна и кот, наверняка обладающий своей собственной душой, я больше не могу помогать вам. Теперь я обязан стать простым наблюдателем. Только наблюдателем, удовлетворяющим свою собственную любознательность. Не буду отягощать вас горем, которое вызывает у меня эта необходимость. Вы более не будете ни сознавать, ни ощущать моего присутствия. Прощайте! Да благословит вас Бог!»

Я почувствовал, как он уходит из моего сознания. Как сон, который обесцвечивается, когда вы, проснувшись, пытаетесь вспомнить его. И вскоре от него осталось лишь ощущение чего-то хорошего, происходившего со мною в течение

двух-трех часов. Или нет, не совсем так. Подозреваю, что своим спокойствием в последующие минуты я обязан его незримому присутствию. Он не мог не помогать. Он был Лобачевским...

Рука об руку, держа свои метлы, мы с Джинни вступили в фигуру связи. Впереди шествовал Свертальф. В самой ее середине мы остановились, чтобы поцеловаться и шепнуть друг другу последние слова, а потом медленно натянули маски. Оставшиеся приступили к волшебству.

Зал снова окутался тьмой. Я ощутил, как скапливается энергия. Прогрохотал гром, заходил пол под ногами. Фигуры товарищей как бы отдалялись, и я уже висел над их головами. Сквозь усиливающийся грохот я расслышал, как моя ведьма начала читать то, что написано на пергаменте. Там стояло и имя «Викторикс», и теперь силы природы переносили нас туда, где она находилась. Переносили сквозь дьвольское пространство-время.

Зал, звезды, Вселенные — весь мир начал вращаться вокруг нас. Мы находились в центре урагана. Все быстрее и быстрее вращался мир. Он превратился в одну гигантскую мельницу, а потом остался лишь рев громадного водопада. Нас крутил, топил, засасывал бесконечный водопад и водоворот. Последний проблеск угасавшего со страшной скоростью света... и когда мы достигли конца бесконечности, свет умер. А в самом конце нас ждал такой ужас, что мы никогда бы не осмелились встретиться с ним.

Никогда, если бы не наша дочь, Валерия Викторикс...

29

Должно быть, я на минуту потерял сознание. На минуту, а, может, на миллион лет. Внезапно, как будто щелкнули выключателем, — и я начал понимать, что наше путешествие окончено, и мы куда-то прибыли. Куда-то, что бы это такое ни было.

Я привлек Джинни к себе. Мы смотрели друг на друга, ощупывали дрожащими пальцами. Никаких повреждений. Свертальф также был в полном порядке. Он не требовал, чтобы на него обращали внимание — значит, с ним все в порядке. Больян тут же заставил его пуститься бегом по расширяющейся спирали, чтобы выяснить обстановку.

Я осторожно сдвинул маску, вдохнул воздух. Он был ужасающе холодным. Дул ветер, пронизывающий до самых костей, но воздух казался чистым. Если быть точным — стерильным.

Стерильность. Все здесь было пропитано ею. Небо было абсолютно, беспредельно черным. Но каким-то образом мы видели звезды и планеты, похожие на безобразные груды шелка. И те, и другие — глаз видел ясно — двигались по хаотичным траекториям. Это были пятна еще более глубокой тьмы, тьмы, которая означает не отсутствие, а отрицание света.

Мы стояли посреди голой равнины — серой, плоской, словно отлитой из железобетона. Ничего вокруг не было, если не считать рассыпанных повсюду камней. Среди камней не было двух одинаковых, но все они были неизменно уродливы.

Свет исходил от почвы. Бледный, бесцветный, не дающий теней свет. Что находилось вдалеке — не было видно. Но равнина, казалось, продолжалась бесконечно — ни горизонта, ни препятствий. Не было ни движения, ни звука, ни сторон света — лишь тоскливый свист ветра.

Всякие мерзости мне приходилось видеть, но такое... Нет, ужаснее всего, что было и будет — подменыш в кроватке нашей дочери...

Джинни тоже сняла маску и, как и я, повесила ее на свой баллон. Она вся дрожала, крепко обхватив себя руками.

— Я думала, что нас в-встретит пламя, — сказала она.

Подходящее высказывание. Впрочем, в исторических случаях только такие и делаются.

— Данте описал седьмой круг Ада как место, где властвует холод, — медленно ответил я. — По-видимому, он что-то знал... Где мы?

Не знаю. Если волшебство удалось, если вообще удалось волшебство имени... мы на какой-то планете. Если только слово «планета» имеет тут какой-нибудь смысл. Вал должна быть где-то здесь. Не слишком далеко отсюда. Вернее, будет...

Мы, естественно, приложили все усилия, чтобы оказаться здесь раньше нее.

— Не похоже на то, о чем докладывали предыдущие экспедиции.

— Да. У них был иной способ переноса. У нас с ними были разные ритуалы. К тому же мы двигались против течения времени. Возвращаться будет легче.

Свертальф скрылся за ближайшим камнем. Мне это не понравилось.

— Коммен зи цурюк! — закричал я, перекрикивая свист ветра. — Ретурне ву! — И не без замешательства понял, что перед переносом Лобачевский запечатлел в моем мозгу знание немецкого и французского. Ей-Богу, и русского тоже!

— Иду! — раздалось сзади.

Я обернулся.

Кот исчез совсем не там, а сейчас он шел к нам прямо с противоположной стороны.

— Искривленное пространство, — констатировала Джинни. — Смотри, Свертальф ставит лапы твердо, но движется по кривой, будто он напился. И ведь он был всего в нескольких ярдах от нас. Что, если теперь в нескольких милях? Я огляделся и сощурился:

— Все выглядит прямолинейным.

— Так и должно быть, пока ты не двигаешься. Бр-р. Сделаем, чтобы потеплело.

Она вынула из сумки складную волшебную палочку. Звезда на ее конце не сверкала, лишь тлела. Но наши тела окутало исходящее от нее ласковое тепло. Если честно, стало, пожалуй, даже слишком жарко. Я вспотел. Видимо, Адская Вселенная обладала такой высокой энтропией и процесс термодинамического распада зашел так далеко, что и минимальное тепловое воздействие вызывало сильный эффект.

Свертальф уже был рядом с нами. Оглядывая с беспокойством равнину, я пробормотал:

— Нас ожидает здесь немало трудностей. Что мы можем им противопоставить?

— Нам благоприятствуют два обстоятельства, — ответила Джинни. — Первое — колдовство переноса оказалось действительно эффективным. Его влияние еще не закончилось. Оно охраняет нас, и в какой-то степени благодаря ему обстановка кажется схожей с земной. Второе — демоны заранее хорошо знали, где и когда им ждать предыдущие экспедиции. У них было достаточно времени для подготовки всяких грязных фокусов. Мы же прокрались незаметно. — Она откинула со лба локон и добавила твердо: — Но думаю, что и у нас, когда мы тронемся в путь, проблем будет полон рот.

— Да, а с какой стати похититель вернется именно сюда, в пустыню? Мы, видимо, не смогли оказаться точно в нужном месте.

— Помолчи, сейчас я определю направление.

Она подняла вверх пергамент с именем «Викторикс». Пропела заклинание. Палочка недвусмысленно повернулась в определенном направлении. Но магический шар оставался туманным. Ни намека на то, сколь долгий предстоит нам путь, и что нас ждет впереди. Слишком чуждым здесь было пространство-время.

Мы поели, напились, отдохнули несколько минут и отправились в путь. Джинни, со Свертальфом на седельной луке,

летела впереди. Я держался чуть сзади и справа. Метлы работали плохо, двигались медленно. Защитный экран приказал долго жить, и мы остались открытыми дующему справа ветру. Но зато мы успели подняться и выровнять наш полет до того, как он сделался достаточно сильным.

Сперва начались зрительные искажения. Я смотрел, и рука моя все крепче сжимала рукоять рычага управления. Свертальф, моя красавица Джинни, камни внизу — все пошло рябью, волнами, начало сужаться и растворяться, потекло. Все сделалось непристойно карикатурным. И одна грязная карикатура тут же сменялась другой — еще худшей.

Казалось, с тела сшелушивались комки мяса, обвисали каплями, утоньшались, вытягивались, а потом срывались и пропадали. Звуки изменились тоже. Пронзительный свист перешел в какофонию. Вопли, гул, жужжание — будто быстро произносимые, полные угрозы слова. Я почти понимал их. Они вибрировали ниже порога восприятия, я не слышал их, но мое тело слышало. И я отвечал им, содрогаясь от ужаса.

— Не обращай внимания! — закричал я. — Это оптический эффект Допплера... — Но мой крик не смог пробиться сквозь этот хаос.

Внезапно моя любимая стала удаляться. Она неслась от меня, вращаясь, словно сорванный ветром лист. Я попытался лететь за ней следом, прямо в поры ветра, выбивающего из глаз слезы, но чем больше я отклонял курс метлы, тем быстрее уносилась от меня Джинни.

— Больян, помогите! — закричал я, пытаясь докричаться в пустоту.

И пустота поглотила меня.

Я скользил вниз по какой-то невозможно бесконечной кривой. Метла не могла выйти из пикирования.

«Нет, — старался я перебороть страх, — я не разобьюсь! Нет. Полет скоро выровняется. Выровняется, когда я буду над теми...»

Гряда камней, к которой я наискось падал, оказалась вовсе не грядой камней — это была горная цепь.

Буря смеялась над моими усилиями. Метла подо мной тряслась. Я тянул на себя рычаг управления, мычал заклинания, но ничего не мог поделать. Мне не удастся сесть, я разобьюсь об утесы...

Видимо, я пролетел несколько тысяч миль. Не меньше — ведь иначе я бы увидел эти горные пики посреди бесконечной равнины. Джинни потеряна... Вал потеряна. Возможно, меня ждет смерть, но я не имел права терять надежду...

— Ию-у-у! — прорезалось сквозь шум и хаос.

Я крутанулся и чуть не свалился с седла. Ко мне неслась Джинни. Развевающиеся волосы пылали огнем. Звезда на волшебной палочке вновь сияла, словно Сириус. Управляли помелом когтистые лапы Свертальфа, то есть — Больяна. Сверкали желтые глаза, сверкали белые клыки. Морда кота походила на морду пантеры.

Они летели рядом. Джинни перегнулась ко мне, и наши руки встретились. Словно ток пробежал по мне от ее ладони. Я смотрел, как управляет кот, и делал то же самое. Дома такой пилотаж привел бы к аварии. Но здесь мы лишь развернулись и начали набирать высоту.

Как это объяснить? Предположим, вы — плоскостник, мифическое создание. Хотя всякое живое существо — мифическое создание. Так вот, вы — плоскостник, живущий в пространстве двух измерений. Двух, не более. Вы живете в поверхности.

Все правильно, именно «в», если это плоскость, геометрию которой мы изучили в средней школе. Параллельные линии не пересекаются, кратчайшее расстояние между двумя точками есть отрезок прямой, сумма углов треугольника равна 180 градусам, и так далее.

Но теперь вообразите, что какой-то трехмерный гигант вытащил вас оттуда и опустил на поверхность, имеющую форму. Например, это может быть сфера. Вы обнаружите, что пространство вдруг изменилось самым фантастическим образом. В сфере линии определяются как меридианы и параллели, что подразумевает наличие у них конечной длины. Расстояние между двумя точками тем меньше, чем ближе линии измерения к дуге наибольшей окружности. Сумма углов треугольника оказывается меняющейся величиной — она всегда больше 180 градусов, и так далее. Возможно, вы тут же свихнетесь.

А теперь вообразите конус, гиперболоид, тела, полученные вращением логарифмических и тригонометрических кривых, тело вращения ленты Мебиуса. Вообразите себе все, что можете. А теперь представьте все это и планету, где воду беспрерывно вспенивают штормы, где не действуют обычные законы физики. В каждой отдельной точке поверхность имеет свою форму, которая даже не остается постоянной во времени. Превратите два измерения в три, затем в четыре. Еще одно измерение — ось времени. Возможно, и темпоральных осей понадобится несколько — так полагают многие философы. Теперь добавьте гиперпространство, в котором действуют па-

ранормальные силы. Пусть в этом пространстве действуют законы хаоса и ненависти. И вы получите некоторую аналогию с тем, что представляет собой Адская Вселенная.

Мы тогда попали в силовую точку, и Джинни понесло в одну сторону, а меня — в другую. Наши курсы разошлись потому, что такой была кривизна пространства.

Моя попытка догнать ее была хуже чем бесполезной. В области, где я находился, линии пространства круто изгибались совсем в другом направлении. Я ошибся, и меня бросало от одной геометрии к другой. Оказавшись внутри громадной складки пространства, я помчался навстречу гибели.

Ни один смертный не смог бы избежать участи, которая была уготована мне. Но Больян уже не был смертным. Более ста лет назад его дух высвободился из бесценной для каждого человека, но такой ограниченной плоти. И к его природному гению его добавились знания и мастерство, приобретенные за это время. Математику удалось достичь взаимопонимания с Джинни, воспользоваться ее помощью. И поэтому тело Свертальфа превратилось из ловушки в оружие, которым он мог распоряжаться по своему усмотрению. Больян мгновенно оценил как меняется окружающее пространство. Составлял и решал в уме его уравнения, рассчитывал, каковы должны быть его свойства, безошибочно предвидел дальнейшие варианты кривизны пространства. И все это в мельчайшие доли секунды. Он лавировал в вихре измерений, словно футболист, рвущийся к заветным воротам.

И он победил. Не имея другого голоса, он запел песню, которую поют коты после драки с соперником или совокупления с самкой. Круто меняя курс, мы понеслись над горами и устремились к нашей цели...

Наш путь был не сахар. Мы должны были ни на мгновение не терять бдительности. Реагировать приходилось молниеносно. Нередко мы ошибались, что едва не приводило нас к аварии. Мне пришлось отпустить руку Джинни. Ее помело снова улетело в сторону. Потом, на повороте, мы едва не столкнулись: под действием мощнейшего гравитационного поля пространство резко прогнулось, и наши метлы чуть не врезались друг в друга.

От рывка глаза почти вылетели из орбит, а желудок оказался в горле. Вдруг сила тяжести исчезла, мы завертелись волчками и, пролетев сквозь сгусток пространства (вместо того, чтобы обогнуть его), оказались совершенно в ином месте. Мы попали в область, где в гиперпространстве было так мало энергии, что метлы перестали работать. Выбрались мы оттуда

только за счет набранной скорости и использования аэродинамических свойств метел... Сейчас я уже не могу вспомнить все то, что случилось.

До сих пор нам хватало сил, чтобы справиться с полетом. Мы увидели, что равнина кончается. А за ней виднеется гряда утесов; на многие мили простирались груды скелетов, между ними и утесами разверзлась пропасть, в которой, казалось, нет дна. А прямо перед нами начиналось море лавы, над которой вспыхивали языки пламени и поднимались столбы дыма.

Мы поспешно натянули маски, пока этот едкий дым не сжег наши легкие. Но до границы равнины было еще далеко. Теперь лететь было сравнительно легко. Полет не требовал всего нашего внимания. Мы этим воспользовались. Джинни достала шар. Бледное, разгоравшееся сияние показало, что мы близки к своей цели.

Я выпустил ее руку (мне не хотелось этого делать, но наши руки уже болели от напряжения. Не сцепи мы их тогда, нас бы разбросало). Некоторое время мы летели в тишине и осматривались.

Ветер остался где-то позади. Никто и ничто не нарушало тишину — только шорох разрезаемого метлами воздуха. Все более крепчал кладбищенский запах. Мы глотали тепловатый, пронизанный мерзостью воздух и задыхались. Все же дышать было можно. Небо по-прежнему было черным, а на нем — чернее самой черноты — медленно ползущие планеты. Иногда почти над нашими головами пролетали огромные метеориты. Скорость их полета была ненамного выше нашей. Они пролетали, выходили за пределы узкой атмосферы этого не имеющего горизонта мира и исчезали.

Изредка вспыхивало пламя разрыва, и сумрак заполнялся перекатывающимся грохотом.

Наш путь по-прежнему освещало лишь испускаемое почвой унылое свечение. Мы уже летели над окраиной болота — огромного, как и все, что мы видели в этом мире. Где-то вдали виднелись другие болота, пруды, озера. И там, где на них вскипала пена гниения, поверхность тускло блестела. Высились толстые, искривленные стволы деревьев.

Их ветви переплетались. Над водой, где плавали обломки деревьев, преклоняли колени мрачные кипарисы. И мертв был тесно росший вдоль берегов камыш. Сквозь сумрак ползли желтые испарения. Центральные области болот были полностью покрыты этим туманом. Туман медленно вскипал и выбрасывал все новые языки.

Далеко впереди тревожными красноватыми отблесками вспыхивали низко нависшие облака. Внезапно пространство содрогнулось, двинулось, и мы оказались над ними.

Нас оглушили звуки, буря звуков. Вопли, грохот барабанов, вой труб. В облаках открылся просвет. Там горел высокий, словно башня, костер. От него исходил страшный жар. Мне показалось, что на нас нацелен гигантский мясницкий нож. В пламени корчились и визжали какие-то существа, но я не мог разглядеть, какие именно.

Вокруг костра плясали люди — черные, тощие, как мумии, и голые. Они увидели нас, и прерывистый рев огня прорезал оглушительный крик. Тамтамы начали слитно выбивать: «Бум-да-ба-бу, бум-да-ба-бу». С безлистых деревьев сорвалась стая птиц. Размером и окраской они напоминали ястребов, но их черепа и лапы, с безжалостными изогнутыми когтями, были лишены плоти.

Свертальф вызывающе зашипел, дал ускорение, и птицы остались позади.

Внезапно, в нескольких милях впереди, тоже начали бить барабаны. А за ними вдали — уже шепотом, еще и еще — «бум-да-ба-бу, бум-да-ба-бу».

Джинни махнула мне, и я подлетел к ней поближе. Вид у нее был мрачный.

— Если не ошибаюсь, — прокричала она, — это «говорящие барабаны», и весть о нас передается все дальше и дальше.

Моя левая рука опустилась на рукоять меча.

— Что будем делать?

— Изменим направление. Попытаемся подлететь туда с другой стороны. Ну, быстро.

После страшного жара того костра ветер, вызванный полетом, показался почти приятным. Теперь это был прохладный, чистый, уже без зловоний воздух. Мы пролетели над линией Дольмена, и воздух мгновенно снова сделался холодным. Под нами простиралась голая вересковая пустошь. Там сражались две армии. Должно быть, они занимались этим уже не одно столетие.

На многих были кольчуги и остроконечные шлемы, остальные были одеты в кожу и грубо выделанные ткани. Оружием им служили мечи, топоры, копья. До нас донесся звон металла, шарканье ног, несущие смерть звуки попавшего в цель удара. Но не было слышно ни криков, ни клича труб, ни даже надсадного, как скрежет напильника, дыхания. Устало и безнадежно мертвецы продолжали сражаться. И этой войне не было конца.

Миновав поляну, мы повернули и снова устремились к своей цели. Пронеслись над лесом виселиц и над рекой — она текла с шумом, похожим на плач. Порывами ветра до нас донесло брызги. Они были теплыми и солеными на вкус. Нам пришлось вытерпеть жар и ядовитые испарения, поднимавшиеся над системой дорог, по которым ползли какие-то механические повозки.

Нос каждой повозки почти упирался в задний конец предыдущей. Дороги достигали нескольких метров в ширину. Не знаю, какой они были длины, как и не знаю цели, для которой их построили. Потом мы пролетели над холмами, изрытыми окопами и оставшимися после разрывов воронками. Здесь ничего не сохранилось, если не считать заржавевшей пушки и знамени, установленного в знак победы. Знамя давно выцвело. Теперь его цвет был серым.

Холмы тянулись бесконечно. Они громоздились все выше, и очередная их цепь была так высока, что нам пришлось надеть маски. Мы летели вдоль ущелья, увертываясь от падавших камней. За горами перед нами развернулась новая картина. Опять бесконечная, усеянная вулканами равнина. Далеко впереди высились гигантские черные башни. На таком расстоянии они казались игрушечными. Магический шар ослепительно вспыхнул. Волшебная палочка подпрыгнула в руках Джинни, указывая на башни.

— Клянусь Гекатой, — воскликнула Джинни. — Вот оно!..

30

Мы летели бок о бок. Воздух по-прежнему был холодным. Он выл и причитал, проносясь мимо нас. В его запахе было что-то сродни запаху серы и мокрого железа. Наши метлы развернулись, набрали высоту. Нога Джинни касалась моей и наши движения были точно согласованными.

Мы глядели в шар. Свертальф-Больян вывернул голову из-под руки Джинни и тоже смотрел в него. На таком близком расстоянии, да еще когда пространство имело почти земную геометрию, магический кристалл работал хорошо. Джинни настроила шар на замок. Замок был совершенно черного цвета. Размеры и форма его были чудовищными.

Да и имел ли он форму?

Он расползался во все стороны, тянулся вверх, подвальные этажи глубоко уходили под землю. Остальные его части ничто не объединяло — ничто, кроме уродства: то поднимающийся над кубической башней тонкий кривой шпиль, то, словно усеянный вздувшимися прыщами — купол, далее —

громадный каменный зубец, нависший над неправильными очертаниями ворот. Целые квадратные мили сооружений были воздвигнуты без всякого плана. И в них кишели толпы причудливых дьяволов.

Мы попытались заглянуть сквозь стены, однако проникли недалеко. Мы разглядели только похожие на пещеры извилистые лабиринты коридоров, но слишком уж все здесь было насыщено силами зла. И то нам повезло, учитывая, что хоть и смутно, но что-то мы увидели.

Вдруг из замка к нам донеслась мысль. Нет, не мысль, а волна такой муки, что Джинни громко вскрикнула, а у меня из прокушенной губы потекла кровь. Мы выключили шар и, обнявшись, ждали, пока не пройдет дрожь.

— Не поддавайся, — проговорила Джинни, высвобождаясь. — Времени у нас мало, — она вновь включила магический кристалл и произнесла заклинание предвидения.

В нашей Вселенной это колдовство срабатывало редко, но Лобачевский теоретически доказал, что координатная изменчивость Нижнего Континуума дает определенные шансы. Изображение в шаре поплыло панорамой, остановилось, придвинулось крупным планом. Мы увидели какой-то двор, имеющий форму неправильного семиугольника, окруженного зданиями с искривленными башнями.

Посреди двора стояло невысокое строение с бугристыми комковатыми стенами, без окон, с единственной входной дверью. Над домом возвышался шпиль, напоминающий безобразную черную поганку. Шпиль возносился над всеми окружающими зданиями, тень его пересекала весь вымощенный камнями двор.

Мы не смогли заглянуть внутрь этого дома по той же причине, что и раньше. Создалось, однако, такое впечатление, что там никого нет. И мне показалось (от одной мысли по телу поползли мурашки), что дом этот каким-то извращенным образом соответствует нашей часовне.

— Это недвусмысленно и определенно означает, что она скоро окажется здесь, — сказала Джинни. — Нужно быстро решать, что будем делать.

— Действовать придется быстро, — отозвался я. — Дай-ка все это крупно.

Джинни кивнула. Изображение в шаре изменилось. Теперь мы смотрели сверху. Я снова увидел как многочисленны заполняющие замок толпы. Всегда ли они бывают так возбуждены? Наверняка, нет. Мы сфокусировали кристалл на одной из групп демонов. Среди них не было одинаковых. Аду в

высшей степени было свойственно тщеславие: у одного все тело было покрыто шипами и иглами; другой — динозавр со щупальцами; неряшливого вида толстяк, соски которого представляли собой крошечные скалящие зубы головки; свинья с крыльями; беспрерывно меняющая свои очертания клякса; голый мужчина со змеей вместо пениса; демон с яйцом на животе; чудище с коротким туловищем, на тончайших, футов десяти, ногах, и другие, вид которых описать почти невозможно.

Мое внимание привлекло то, что большинство демонов были вооружены. Огнестрельное оружие им, по-видимому, знакомо не было, однако и холодное может наделать в бою немало хлопот.

Меняя настройку, мы видели другие такие же группы. Всюду царил совершенно неправдоподобный беспорядок. Ни дисциплины, ни хотя бы уважения друг к другу. Они метались — так бестолково носится курица, когда ей отрубят голову. Каждый орал что-то свое. На бегу демоны сталкивались — и тут же с руганью начиналась драка. Ежеминутно откуда-то из внутренних помещений замка доставлялось оружие. Все чаще гротескно выглядевшие твари взлетали в воздух и начинали там описывать круги.

— Поднята тревога. Все ясно, — констатировал я. — Барабаны...

— Не думаю, что они знают, чего ожидать, — низким голосом прервала меня Джинни. — В направлении, откуда мы прилетели, никакой особой охраны не выставлялось. Разве Враг не сообщил насчет нас?

— Похоже, что он избегает лично вмешиваться в это дело, как и Лобачевский, и, видимо, по тем же самым причинам. Самое большее, он может послать какую-нибудь мелочь для наблюдения. А сами демоны не могут знать наших возможностей. К тому же, мы сумели оказаться здесь вовремя.

— Учти еще, что дьявольское воинство всегда отличалось тупостью. Злу не присущи ни ум, ни созидательные способности. Их предупредили о том, что нужно ждать нападения — и погляди на эту сумятицу!

— Но не следует и недооценивать их. Идиот тоже может убить.

Я поразмыслил.

— Вот что мы сделаем, если ты согласишься. Лети прямо туда. Сделай так, чтобы нас не видели, хотя мы это вряд ли это сможем. В таком случае придется действовать быстро. Пространство здесь близко к нормальному, метлы работают

хорошо, хотя... Прямо во двор мы спуститься не можем, нам преградят дорогу.

Видишь тот дворец — допускаю, что эта уродина должна изображать дворец... слева, с колоннами по фасаду, похожими на кишки? Должно быть, он принадлежит важной шишке. Атакуем его. В последний момент разворачиваемся и мчимся к нашей подлинной цели. Ты влетаешь внутрь, устанавливаешь паранормальную защиту и готовишься к колдовству возвращения. Я охраняю дверь. Когда появляется Вал, ты протыкаешь мечом похитителя и хватаешь ее. Годится?

— Да. Ох, Стив... — Слезы медленно поползли по ее лицу. — Я люблю тебя!

Там в небе мы поцеловались в последний раз, а затем бросились в атаку.

Выл разрезаемый нашими метлами воздух. Мчалась навстречу мрачная твердыня Ада. Я услышал вопль Свертальфа — крик вызова — и отозвался своим криком. Страха не было. Прочь, легионы тьмы, мы пришли сюда за нашей дочерью!

Нас увидели. Карканье, кваканье, вой, встреченный снизу воплями других демонов. В воздухе замельтешили крылатые демоны.

Их становилось все больше, и вскоре их стаи совсем заслонили черные звезды — в воздухе были сотни крыльев. Но скудный разум демонов не смог сообразить, что делать дальше. Мы подлетали все ближе и ближе. Стены замка росли — они были словно граница — и мы пересекли ее!

Все силы Джинни уходили на отвращение их колдовства. Рассыпая голубые искры, в защитное поле ударила молния. Грянул гром, запахло серой. Несущие смерть облака газа вырвались из демоновых труб, окутав нас плотным шаром, и рассеялись. Я не видел, не слышал этого, но нисколько не сомневался, что на нас дождем сыпались проклятия и заклинания, что вокруг вертелись призраки и привидения — то страшные, то искушающие. Все это отскакивало от созданной Джинни защиты.

Но она была уже на пределе. Краем глаза я увидел ее белое осунувшееся лицо. Волосы прилипли ко лбу и щекам, залитым потом. Губы беспрерывно шевелились, творя заклинания. В одной руке — волшебная палочка, вторая делает пассы. На переднем сидении метался Свертальф-Больян. Еще несколько минут — и они просто не выдержат.

Но магия сделала свое дело, достать нас колдовством было немыслимо. Кинувшиеся в атаку твари, в конце концов, видимо поняли это. Их нападение застопорилось.

А на нас стремительно пикировал орел размером с лошадь и с головой крокодила.

Я выхватил меч, поднялся на стременах, и заорав: «Не выйдет!» — ударил.

В мече пробудилась былая сила. Удар попал в цель, да так, что мне самому чуть не вывихнуло руку. Из отрубленного крыла струей брызнула кровь. Дьявол взвыл и камнем упал вниз.

Вокруг моей правой руки обвилась змея с крыльями летучей мыши. Она не успела вонзить зубы — свободной рукой я схватил ее за шею. Я — волк, даже когда остаюсь человеком. И я откусил ей голову! И тут же — едва успел вовремя, чтобы разрубить напавшего на Джинни двухвостого ската.

Мы пронеслись, я оглянулся. Скат упал, и из брюха у него вывалились внутренности. Потом нас попыталась перехватить крылатая собака. Вскинув меч, я достал ее острием.

Завыли трубы. Хлопая крыльями, каркая, испуская пронзительную вонь, стая отступила. Началась обычная для них сумятица.

Наша стратегия сработала. Все они, и летающие, и нелетающие, — все отступили на защиту дворца. Как и было намечено, оказавшись в пределах замка, мы пролетели еще метров сто. Дворца уже не было видно. Его сплошь закрыли своими телами и крыльями дьяволы. Подавая сигнал, я поднял меч. Мы развернулись вправо и, со свистом рассекая воздух, помчались вниз. Сзади поднялась буря криков.

Посадка была жесткой. Окруженный стенами дворик, нависавшие макушки башен и вырисовывающаяся в сумраке «часовня» выглядели грудой камней. Я соскочил с седла, кинулся к двери, схватился за ручку. Дверь со скрипом открылась, и мы ворвались внутрь.

Дом состоял из единственной комнаты. Пусто, лишь посредине — алтарь. Влажные каменные стены. Открытое сверху помещение было невелико и залито непроглядными образовавшимися от башен тенями. Над алтарем — Рука Славы, из которой лился тусклый голубой свет. На полу — начертанная пентаграмма, такая же, какую мы использовали для переноса. И алтарь — такой же.

Сердце, гулко стукнув, замерло.

— Вал! — воскликнул я.

Пытаясь остановить, Джинни вцепилась в меня. Ей бы не удалось этого сделать, если бы не Свертальф, кинувшийся мне под ноги.

— Стой! — Джинни задыхалась. — Не двигайся! Это подменыш.

Я захлебывался, вдыхая воздух. Но как мне было вынести это зрелище стоявшей перед алтарем детской кроватки? Золотые локоны... и пустые, бессмысленные глаза. Дико было видеть это очередное... эту массу обмена. Ведь на самом деле это домашний мусор — пыль, содержимое Свертальфовой коробки с песком, кофейная гуща, использованные салфетки, бумажки, жестянки с надписью «Суп Кембелла».

Во двор хлынул кипящий поток дьяволов. Они лезли через стены, врывались в ворота. Я захлопнул дверь и опустил засов вполне приличной прочности.

Возможно, он поможет нам выиграть несколько минут... Сколько нам нужно продержаться?

Я попытался представить происшедшее. Похититель был несомненно слабоумным — даже по критериям Ада. Он услышал проклятие Мармидона. Многие демоны, должно быть, слышали это проклятие, но никто из них не видел возможности использовать его. Лишь этот заметил уязвимое место.

— Ага! — сказал он и кинулся добывать славу.

Советоваться с теми немногими демонами, которые способны думать, он не стал. Они бы могли отговорить его. Его поступок раскрывал связь между Адом и церковью иоаннитов. Таким образом, весь план Врага по уничтожению религии и общества оказался под угрозой. План, над которым он работал с тех пор, как удалось ввести в заблуждение первых приверженцев.

Будучи тупоумной, эта тварь никак не могла понять, как решить проблему импульса и количества движения переносимого тела. Масса обмена должна быть практически подобна по своему строению оригиналу — иного пути он не видел (сам по себе демон мог без помех перейти из одной Вселенной в другую). Тогда он выработал план.

Появиться в нашем доме, выяснить, как выглядит Валерия (она в это время спала), возвратиться сюда, создать ее подобие, и вновь возвратиться за нашей дочерью. На выполнение первой части плана ушли считанные секунды, но Свертальф оказался предупрежденным. Само похищение должно было произойти столь же стремительно, однако кот был уже настороже и кинулся в драку.

В это мгновение (если это понятие вообще имеет смысл для различных Вселенных) и начался бой, в котором Свертальф ценой своей крови пытался защитить Валерию.

Мое горло сжалось, и я нагнулся к Свертальфу:

— Мы все опоздали, кроме тебя, — прошептал я и нежно погладил кота по покрытой гладкой шерстью голове.

Он досадливо дернул ушами. В данных обстоятельствах у него не было никакого желания предаваться сентиментам. Впрочем, уши эти в равной степени принадлежали также и Яношу Больяну.

Выдвигая защиту против колдовства демонов, Джинни мелом начертила вдоль стен пентаграмму. Нельзя было ни в малейшей степени повредить алтарь, колдовской знак на полу и вообще что-либо. Они необходимы для возвращения демона. Если они не будут повреждены и пока он находится в нашей Вселенной, достаточно будет просто прочесть нужное заклинание. Точно так же, как аналогичные символы и алтарь в лаборатории Грисволда необходимы для нашего возвращения. Так сказать, спасательный трос. Один Бог знает, что случится, если похититель обнаружит, что не может вернуться обратно. Ведь у него в руках наша дочь...

Оставив подменыша, он уже покинул вместе с ней наш дом. Это — само собой разумеется. Но у нас не было ни малейшего намека на то, как именно происходит это возвращение, и где он сейчас находится. Соверши мы неосмотрительный поступок — и у Врага появится шанс осуществить свой план.

Шум снаружи нарастал. Топот, удары, звон, вой, свист, хрюканье, стоны, выкрики, какой-то плеск, шипение, лай, мычание. Дверь затряслась. В нее били кулаками, ногами, копытами. Мне пора было превращаться. Я сбросил акваланг и верхнюю одежду; оставил лишь куртку Барни, обмотав ее вокруг левой руки. Лязгая зубами, сквозь стену проплыла шестифутовая пасть. Я завопил. Свертальф зашипел, заплевался. Джинни схватила волшебную палочку и выкрикнула заклинание изгнания бесов. Пасть исчезла. Но оставалась опасность, что она появится вновь.

Джинни необходимо было установить защиту против проникающих сквозь стену демонов. Лишь потом она могла приступить к волшебству возвращения. Этот обряд нельзя было прерывать по крайней мере до тех пор, пока между этой «часовней» и оставшейся на Земле лабораторией не установится хотя бы слабое поле. В противном случае, волшебство окажется бесполезным.

Установив первоначальный контакт, Джинни могла не спеша определить, как должны соотноситься Вселенные и создать такой же баланс, чтобы мы смогли перенестись обратно. Но сейчас о «не спеша» не могло быть и речи. В результате,

ее защита действовала слабо и медленно.

Гвалт снаружи несколько уменьшился. Я слышал, как кто-то пролаял команду. Послышались глухие удары и жалобные вопли — видимо, отставших подгоняли дубинками. Стук усилился, и дверь затряслась. Били тараном.

Я встал сбоку. При третьем ударе дверь соскочила с петель. Передний дьявол, выронив бревно, кувырком влетел внутрь. Он несколько походил на гигантского, величиной с человека, таракана. Быстрым ударом я рассек его пополам. Уже разрубленный, он продолжал молотить конечностями. Судорожный взмах его лапы сбил с ног следующее существо, обладающее громадными оленьими рогами. Я воспользовался помощью и без труда прикончил упавшего.

Демоны оттащили перекрывающее узкий проход бревно, но тела убитых по-прежнему мешали им. Мрак снаружи еще более сгустился — так плотно столпились у входа демоны. Шума было поменьше, но воняло все так же отвратительно.

Вперед выступил демон, похожий на гориллу с человеческими ногами. Он вращал топором, соответствующим его росту, и сыпал ударами, похожими на те, какими колют дрова. Приняв стойку каратэ, я уклонился. Топор врезался в дерево, полетели щепки. Мой меч запел свою песню. Топор упал, и у гориллообразного оказались отрублены пальцы. Взвыв от боли, он набросился на меня. И с гулом воткнулся головой в стену, я же полоснул его по ахиллесовому сухожилию. Демон грохнулся, но я стал добивать его. Пытаясь отползти, он мешал остальным наброситься на меня. Кровь звонко стучала у меня в ушах.

Следующим было существо, вооруженное щитом и мечом. В течение двух или трех минут мы обменивались ударами. Это был хороший боец. Я парировал, а часть ударов принимал на куртку. Она была уже вся изрезана. Я никак не мог достать его из-за этого щита.

Лязг металла перекрывали сумасшедшие вопли снаружи. В сумраке вспыхивали искры. Я уже задыхался. Он теснил меня. Потом я заметил валявшийся на полу топор, дождался замаха сверху и снова присел, чуть не достав своего противника. Он повернулся. Схватив левой рукой топор, я просунул топорище ему между ног и дернул. Он грохнулся, открыв незащищенную шею, и я ударил.

Вскочив, я бросил топор в следующего монстра. Тот повалился. Стоявший сзади попытался ткнуть меня копьем. Перехватив древко, я рубанул демона по голове.

Больше желающих не было. Пока что не было. Ожесто-

ченно переругиваясь, они крутились возле двери. Я сознавал, что долго так не выдержу. Единственный шанс — принять облик менее уязвимый — волка. Я отбросил меч и направил на себя фонарик.

И сразу же почувствовал, что превращение идет плохо и медленно. Адское излучение препятствовало трансформации — это была пытка. Какое-то время я был совершенно беспомощен — ни то, ни другое. Я корчился. Дьявол с пушистой нетушиной головой радостно закудахтал и, подняв кинжал, кинулся на меня. Даже будь я волком, такой удар означал бы смерть... Мимо молнией пронесся Свертальф, прыгнул демону на плечи и выцарапал ему глаза.

Волк! Я снова занял свой пост. Кот трусцой убрался обратно. Демонов наконец осенила идея, что воевать можно на расстоянии. В меня полетели камни, ножи, копья — все, что попадалось им под руку. В основном, они промахивались. Ад — не то место, где можно было набить руку в метании. Иногда мне все же попадало. Короткая боль — и только. Серьезно ранить меня не могли.

Бомбордировка кончилась. Доведенные до состояния крайней истерии, демоны попытались взять нас штурмом. Пошла уж совсем сумятица. Дьяволы падали, кувыркались, вскакивали, орали. Возможно, они бы задавили нас количеством, но Джинни покончила с установлением паранормальной защиты и пришла ко мне на помощь. Ее меч без промаха разил демонов, пытающихся перебраться через груду иссеченных тел.

Уже многие были убиты, многие ранены, когда, наконец, их волна откатилась. Я сел на задние лапы. Вокруг кровь, трупы, стоны. Не было даже сил пошевелить языком. Я сидел и жадно глотал воздух. Полусмеясь, полуплача, Джинни взъерошила мне шерсть. Кое-где дьяволы добрались когтями до ее кожи. Из царапин сочилась кровь, а изорванное платье походило на боевое знамя. Спасибо Свертальфу. Лишь благодаря его помощи неприятель не смог нанести Джинни серьезных повреждений. Я глянул на него. Делая вид, что это мышь, Свертальф играл с чьим-то оторванным хвостом.

Вот что было действительно важно, так это начертанные на полу мягко светящиеся линии. Конечно, они не защищают от прямого физического воздействия, но колдовство нам теперь не страшно. Чтобы разрушить воздвигнутые Джинни невидимые стены, демонам понадобится много времени, гораздо больше, чем мы останемся здесь.

— Стив, Стив, Стив... — Джинни наконец справилась со

словами. — Я пожалуй, займусь приготовлениями к нашему возвращению.

— Хальт! — раздалось из темноты.

Голос был хриплый, в нем чувствовался жуткий гипнотический ритм. Ритм, который не успокаивает, а напротив, пробуждает ярость и слепую энергию:

— Опустите оружие. Мы — парламентеры.

Дьяволы, даже те, которые лежали ранеными, сразу затихли. Шум прекратился.

Стало почти совсем тихо. Те, кто мог отползти, скрылись во мраке. Я понял, что голос принадлежит главному демону, хозяину замка. Судя по тому, как беспрекословно повиновались ему эти сумасшедшие твари, он занимал высокое место среди приближенных Врага.

По плитам двора звонко простучали сапоги. Перед нами предстал главарь демонов. Меня удивило избранное им обличье.

Не только голос, но и облик, был у него совсем как у человека. Облик, в котором не было ничего примечательного. Он был среднего роста, может быть, чуточку ниже. Нервное, немного одутловатое лицо. Маленькие усы щеточкой и спадающие на лоб темные волосы. На нем было что-то вроде военной формы коричневого цвета без знаков различия, но к чему тогда красная нарукавная повязка с древним знаком свастики?

Свертальф прекратил свои забавы, ощетинился. Сквозь вонь дьявола я уловил исходящий от Джинни запах страха. Обхватив себя руками, Джинни подошла поближе. Она была выше дьявола и поэтому смотрела на него сверху.

— Чего тебе надо? — спросила она самым высокомерным тоном.

Обращение на «ты» Джинни употребила намеренно. Она хотела оскорбить дьявола. Сама она немецкий знала плохо, но пока Больян находился в теле Свертальфа, могла бегло изъясняться на этом языке. Ведь у нее со Свертальфом была постоянная мысленная связь. (Почему князь Ада предпочитал говорить по-немецки? Здесь кроется тайна, разгадки которой я так и не нашел). Я сохранил в себе достаточно человеческого, чтобы следить за разговором.

— Я спрашиваю у вас то же самое, — ответил дьявол.

Местоимение «вас» можно было толковать двояко, но дьявол говорил тоном, не допускающим возражений.

— Вы вторглись на землю нашей отчизны. Вы попрали наши законы. Вы убили и искалечили наших доблестных

воинов, пытавшихся осуществить право на самозащиту. Своим гнусным присутствием вы осквернили Дом Посланий. Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Мы пришли сюда за тем, что принадлежит нам.

— Вот как? Продолжай.

Я предостерегающе зарычал, но Джинни в предупреждениях не нуждалась.

— Если я скажу больше, вы сможете найти способ помешать нам. Но, однако, хочу заверить, что мы не намерены долго оставаться здесь. Мы скоро закончим нашу миссию. — На ее лбу блестели капельки пота. — Мне... Мне кажется, что если вы ненадолго оставите нас в покое, это послужит выгоде обеих сторон.

Дьявол топнул сапогом:

— Я должен знать! Я требую! Это мое право!

— У побежденных нет прав, — зло усмехнулась Джинни. — Подумай. За оставшееся время вы не сможете ни проникнуть сквозь волшебную стену защиты, ни взломать ее силой. Единственное, чего вы добьетесь — это новые потери. Не могу поверить, что Верховный правитель будет доволен таким расточительством.

Дьявол начал жестикулировать, его голос возвысился почти до крика:

— Я не допущу поражения! Что касается меня, то мое поражение не имеет права на существование! Если меня победят, то только потому, что предатели нанесли удар в спину. — Дьявол на глазах впал в транс. Его речь превратилась в грубое, но каким-то образом завораживающее пение. — Мы прорвем железное кольцо! Мы уничтожим весь мир! Нас ждет победа! Нет капитуляции! Нет соглашению! Наши предки зовут нас! Вперед!

Вся банда чудовищ подхватила призыв и приветственно завопила:

— Хайль!

— Если хотите предложить нам что-нибудь — предлагайте, — прервала его Джинни. — В противном случае, убирайтесь. Мне некогда.

По лицу дьявола прошла судорога, но он быстро овладел собой:

— Мне не хотелось бы допустить уничтожения этого здания. В эти камни вложено много труда и колдовской силы. Сдавайтесь добровольно, и я обещаю вам хорошее обращение.

— Какова цена вашим обещаниям?

— Мы можем обсудить, например, какие мирские блага в

качестве вознаграждения получит тот, кто служит правому делу.

Свертальф мяукнул. Джинни стремительно обернулась. Я, почувствовав новый запах, тоже обернулся. Это материализовался похититель. В его лапах лежала Валерия. Она как раз просыпалась — открыла глаза, повернула голову и поднесла кулачок ко рту.

— Папа? — пробормотала она тонким сонным голосом. — Мама?

Похитившая нашу дочь тварь была действительно невелика и на вид легковесна, но закованное в броню тело было в когтях и шипах, и две гиббоньих руки также заканчивались смертоносными шипами. У твари была крошечная головка с чем-то, отдаленно напоминающим лицо.

Из многочисленных ран демона капала кровь, на обвислых губах пузырилась пена, но пока демон не видел нас, он все скалился в кретинской ухмылке.

А потом он увидел Свертальфа. И завопив по-английски: «Хозяин, на помощь», бросил Валерию и попробовал спастись бегством. Свертальф преградил ему дорогу. Демон занес лапу. Кот увернулся. Тут демона и настигла Джинни, ногой припечатав гадину к полу. Я услышал хруст. Демон истошно завопил.

Я снова был на посту. Хозяин замка попытался незаметно проскользнуть у меня за спиной. Я вырвал неплохой кусок из его икры. Он и на вкус очень походил на человека. Ретировавшись, он скрылся во тьме, где мельтешили его приведенные в ужас сподвижники.

Перекрывая их вой, он завизжал:

— Я отомщу! Я пущу в ход секретное оружие! Пусть Дом будет разрушен! Наша гордость требует удовлетворения! Мое терпение истощилось!..

Я приготовился к новой битве, и она действительно едва не началась. Но князь Ада ухитрился усмирить свою ораву. Он переорал их. Джинни была права — он не мог и дальше нести бесполезные потери.

В моем волчьем мозгу мелькнула мысль:

«Хорошо, что он не знает, что сейчас они могут оказаться небесполезными, ибо Джинни уже не могла бы прийти ко мне на помощь...»

Она торопливо передала дочь Свертальфу. Девочка вцепилась в волосы Джинни, и чтобы отвлечь ее, кот принялся танцевать, шутливо подскакивать, мурлыкать. Я услышал радостный смех. Смех, в котором звучал серебряный колокольчик и журчал теплый дождик, какой бывает только весной. И

еще я услышал, как Джинни начала читать заклинание.

Заклинание нельзя было прерывать. Чтобы восстановить первоначальный контакт с Землей, Джинни нужно было около пяти минут. Потом она сможет передохнуть. И снова — время, необходимое на то, чтобы определить точную конфигурацию векторов и собрать требуемое количество паранормальной энергии, и затем — возвращение.

Завопил какой-то невидимый во тьме демон. Пущенный наугад камень попал в меня. Камень был брошен просто так, от злости. Я застыл в дверях. Успеем ли?

Воздух содрогнулся от грохота. Земля затряслась. Мелькали тени, и пронзительно выли демоны. Я слышал паническый топот их ног. Они убегали. Страх ледяной рукой сжал мое горло. Самое трудное, что было в моей жизни — это когда я заставил себя в тот раз остаться на посту.

Замок затрясся до самого основания. С зубчатых стен соскользнули сдвинувшиеся с места глыбы, грохнулись оземь, раскололись. В стенах здания прорезались щели. Оттуда выбивались языки пламени. Я задыхался в клубах дыма.

Потом дым рассеялся, и на смену ему пришел запах древнего праха.

— ...ин комине потестанто, фиал йануа, — торопливо читала за моей спиной заклинание Джинни.

Задевая головой небо, возле башни замка встал гигант. Он был выше, чем самый высокий шпиль твердыни, у стен которой лежала его могила. Он был черен, и в этой тьме померкли звезды Ада. Трясущейся ногой гигант ударил в стену замка.

Стена с грохотом обрушилась. Громадными столбами взвилась к небу пыль. Земля вздрогнула. С морщинистой кожи с шумом сыпался дождь песка, грязи и камней. Его тело поросло мертвенно-бледными фосфоресцирующими грибами и плесенью. Из глазных впадин выползали и падали вниз черви. Нечем было дышать — так силен был исходящий от него запах гниения. Разложение породило жар, и гигант был весь испещрен тлеющими огнями. Он был мертв, но тело его повиновалось воле демонов.

— ...секули этермитатис... — Джинни ни разу не прервалась.

Она остановилась лишь тогда, когда это можно было сделать без опасения повредить колдовству. Вот какая у меня была Джинни! Но теперь она упала на колени рядом со мной.

— Любимый! — расплакалась она. — Ведь мы почти сумели!

Я нащупал свой фонарик. Гигант поворачивал голову из стороны в сторону, будто мог видеть. Изъеденное лицо замерло, уставившись прямо на нас.

Я сдвинул переключатель. Превращение. Я снова человек. Гигант поднял ногу. Те, кто управлял им, старались причинить замку как можно меньше разрушений. Медленно, осторожно гигант перенес ногу через стену.

Я привлек к себе мою девочку. Моя вторая девочка смеялась и шумно возилась с котом. Зачем причинять им лишние муки...

— У нас нет шансов?

— Н-не успеваем... первичное поле установлено, н-но телесный перенос невозможен, пока я не закончу. Я люблю тебя, люблю...

Я сжимал в руке меч Декатура. Его лезвие слабо поблескивало в испускаемом Рукой свете.

«Что ж, вот и конец нашей жизни, — подумал я. — Нам предстоит умереть здесь. Так не лучше ли встретить смерть, сражаясь? Может быть, хоть наши души сумеют выбраться отсюда?»

Души! Я схватил Джинни за плечи и отстранил, чтобы увидеть ее лицо.

— Нам могут помочь! — Вырвалось у меня. — Не смертные, не ангелы — им это запрещено. Нет. Но, но... Ты ведь уже установила контакт и... энергетическое состояние этой Вселенной... Для этого не требуется многого... Существуют создания, которые... Они не принадлежат Небу, но все равно они враги Аду!

Глаза Джинни вспыхнули. Она резко выпрямилась. Схватив волшебную палочку и меч, вскинула их кверху и начала выкрикивать заклинания.

Нога гиганта опустилась на плиты двора. Дьяволы, те, кого не раздавила ступня, нечленораздельно вопили от ужаса. Громадные пальцы сомкнулись вокруг шпиля.

Не знаю, на каком языке было это заклинание, но закончила его Джинни выкриком на английском:

— Вы, которые знают человека! Вы, враги Хаоса! Святостью символа, который мы носим, призываю вас! И говорю вам, что дорога с земли открыта!

Часовня качнулась. Со стен посыпались камни. Шпиля больше не было — его сорвала ладонь гиганта. Поток обломков погреб оставшихся в живых демонов. Их было много — раненых, не сумевших вовремя спастись бегством. В небе показались льющие черное сияние созвездия. Гигант на ощупь ша-

рил по двору.

И тут пришло спасение...

Не знаю, кто они были. Возможно, их подлинный вид отличался от того, что мы видели... Стороны света, о которых я говорю далее — это умышленно допускаемые мною условности. Ведь говорить о сторонах света в Аду бессмысленно. И вот самое простое объяснение. На призыв Джинни отозвались какие-то существа, которые были рады возможности вторгнуться в царство Врага. Может, они были родом из нашей Вселенной, может, из какой-то другой, но, очевидно, он был и их Врагом.

Мост, выстроенный Джинни, был еще слишком хрупок, чтобы выдержать человеческое тело. Но, как мне кажется, уровень энтропии Нижнего Континуума дал возможность паранормальным и сверхъестественным силам действовать так, как это было бы невозможно в любом другом месте.

А в общем, объяснение ищите сами. Какое вам нравится. Но вот что я видел.

На западе появилась фигура царственного вида женщины. Она была одета в белое с голубой оторочкой платье. Глаза ее были серые, черты лица поражали ледяной красотой. Темные локоны венчал украшенный гребнем шлем. Острие копья мерцало лазурью — так сияют в ночи земные звезды. На левой руке — продолговатый, выпуклый щит. К щиту была прикреплена голова еще какой-то женщины, вместо волос — змеи, лицо искажено мукой. (Афина, воинственная богиня мудрости).

С юга ползла гигантская змея. Мертвец по сравнению с ней казался маленьким.

Глаза змеи сверкали, подобно солнцам, зубы походили на белые сабли, на голове — плюмаж всех цветов радуги. Плюмаж колыхался под порывами ветра, поднимаемого ею. Там, где она ползла, шел дождь, и капли его сверкали, как драгоценные камни. Вдоль спины росли излучающие сияние перья. Чешуя — коралловая, щитки на брюхе покрыты золотом. Змея свивала кольца, хлестала хвостом. Она походила на гигантскую молнию.

Это был Кетцалькоатль, воинственный бог мудрости, земледелия и ремесел. Первоначальный бог грозы и молнии.

С севера, в колеснице, влекомой двумя козлами, мчался мужчина. Огромный, краснобородый, облаченный в шлем и кольчугу. На нем был железный пояс и рукавицы. Правил он стоя, в левой руке держал поводья, а в правой сжимал молот на короткой рукояти. Его плащ развевался. Это был плащ-бу-

ря. Грохот колесницы разносился по всему небу. Смеясь, краснобородый раскручивал молот и бросал его. Там, куда он падал, вспыхивал огонь, и воздух содрогался раскатами грома. Потом молот возвращался обратно к краснобородому. Это был Тор, воинственный бог грома. (Первоначально — верховное божество).

Все трое казались такими громадными, что едва умещались на небе. Ад затрепетал при их появлении. Дьяволы пустились в бегство. Когда удрал главарь, искусственная жизнь покинула тело гиганта. Его падение сопровождалось таким грохотом, от которого я сам, не удержавшись на ногах, полетел наземь. Упав, гигант уничтожил большую часть замка. Наши спасатели не стали задерживаться, чтобы сравнять с землей остальное, и без промедления кинулись в погоню. Не думаю, что многим удалось спастись.

Мы не стали дожидаться конца этой битвы. Джинни закончила читать заклинания и схватила Валерию. Я сунул меч Декатура в зубы — да будь я проклят, если оставлю его здесь. Посадив Свертальфа на сгиб локтя, свободной рукой я поднял с пола за шиворот демона — похитителя Валерии, у которого была сломана нога.

— Хозяин, не убивай меня, я исправлюсь, я все скажу, я скажу все, что вы хотите, — безостановочно скулил он. Злу незнакомо чувство чести.

Джинни выкрикнула последнее слово, сделала последний пасс.

Перенос!..

31

Этот перенос полностью отличался от предыдущего. Мы возвращались во Вселенную, откуда мы родом. Силы космоса не препятствовали, а наоборот, способствовали перемещению. На мгновение мир пришел во вращение, и вот уже мы — дома.

Команда Барни по-прежнему ждала нас в лаборатории. Они отшатнулись, когда увидели нас под колоколом. Крик, плач, всхлипывания, благодарственные молитвы. Оказалось, мы отсутствовали всего лишь около двух часов. А может, и по адским меркам прошло не больше времени? Нельзя было сказать наверняка, потому что наши часы остановились еще во время первого переноса. Казалось, будто миновали столетия. Но, взглянув на Джинни с Валерией, мне почудилось, что и этих двух-то часов не было, не было даже секунды...

Девочка недоуменно огляделась и заморгала огромными небесно-голубыми глазами.

Меня пронзила мысль, что ужасный вид похитившей ее твари мог сильно испугать ее, повредить психику.

Дрожа, я нагнулся над ней:

— Радость моя, с тобой все в порядке?

— О, папочка, — она засветилась в улыбке. — Это было так весело! Давай еще раз.

Джинни отпустила ее, усадила. Склонившись, я привлек свою маленькую к себе. Она недовольно оттолкнула меня:

— Хочу кушать.

Я выпустил пленника. Когда колокол подняли, он попробовал уползти, но не смог выбраться за пределы пятиугольника. Кроме того, по моей просьбе, Джинни наложила на него чары, не дающие ему вернуться в Нижний Континуум без нашего разрешения.

Сверкающий Нож все же получил свой ордер. Он тоже ждал нас во главе целой банды фэбээровцев. Широко шагая, раздвигая мешавших, он вошел под колокол и поднял демона за здоровую ногу. Демон казался гротескно крошечным по сравнению с ним.

— Хозяин, не убивайте, — молила тварь. — Я все расскажу... Не мучайте...

Позже мы обнаружили, что наша масса обмена, перенесенная сюда из Адской Вселенной, представляла в основном скопления щебня, грязи и так далее... Почему-то в ней содержалось значительное количество атомарной серы, дегтя и производных нефти — легких углеводородов. Харди и Грисволд провели немало времени, занимаясь их классификацией и определяя конфигурацию. Все они относились к разряду взрывчатых и горючих веществ. Потом, по моей просьбе, вся эта взрывчато-горючая дрянь была основательно перемешана с обычными земными веществами.

Это было сделано, чтобы обезопасить нас на тот случай, если обмену подвергнется лишь небольшая часть всего этого (и действительно, как вы понимаете, конечная масса обмена составила всего несколько фунтов).

Все суетились, выбирая на память грязь, бутылки с сильными кислотами, ружейные патроны, бритвенные лезвия и прочую дребедень.

Барни впоследствии соорудил управляемую фотоэлементами штуковину, которая воспламеняла вещества массы обмена точно в момент выхода из нашей Вселенной. Полагаю, что той части Ада, где эта масса материализовалась, сильно не поздоровилось.

С возвращением Валерии от подменыша, разумеется, и

следа не осталось. Бедный комок плоти, надеюсь, что тебе позволили умереть.

Но тогда я не думал об этих вещах. Убедившись, что с нашей дочерью все в порядке, мы с Джинни кинулись друг другу в объятия. Наш первый поцелуй был прерван взрывом такой радости, такого счастья, что эхо его никогда не замолкнет в нас. И когда мы снова нашли в себе силы взглянуть на этот мир, Свертальф уже был только Свертальфом...

В моем мозгу раздался полный доброты голос:

«Да, за этот подвиг Янош Больян удостоился святости, и ему позволено занять место рядом с Богом. Как я рад! И как я рад, друзья мои, что мы победили и нанесли поражение врагам Всевышнего, а также, что Валерия Стивеновна спасена! Признаюсь, что у меня есть для радости и собственные эгоистические основания. Увиденное в этом путешествии подсказало мне некоторые новые теоретические анализы... обработка...»

Я понял желание, которое Лобачевский постеснялся высказать откровенно, и сам предложил:

— Вам бы хотелось задержаться здесь еще на некоторое время?

— Честно говоря, да. На несколько дней. Потом я действительно должен вернуться обратно. Это было бы замечательно — заниматься исследованиями, став как бы снова не просто душой, а обычным человеком. Это было бы очень интересно, Стивен Антонович. Было бы крайне любопытно посмотреть, на что ты способен, оказавшись вновь человеком. Умоляю вас, уважаемый друг, не рассматривайте сказанное как просьбу. Ваша жена и вы сами рисковали своей жизнью, испытывая такие лишения. Вы находились под страхом потери того, что значит для вас больше, чем даже ваша взаимная любовь. Вы, конечно, хотите отпраздновать вашу замечательную победу. Но, поверьте мне, я бы никогда себе не позволил такое неделикатное отношение...

Я нежно и чуть задумчиво глядел на Джинни и мысленно отвечал:

«Я понимаю, что вы подразумеваете, Ник. Я всегда готов на это — «праздновать» со своей Джинни. Я хочу, чтобы вся наша жизнь стала сплошным праздником, каждая мельчайшая ее секунда. И пусть так и будет, пока мы совсем не состаримся. Но вы забываете, что наша грешная плоть ограничена не только духовно, но и физически. Джинни нужно как следует отдохнуть. Да и мне не мешало бы. Но мне и хочется увидеть, как то, что вы напишете, появится в каком-нибудь

соответствующем издании. Это будет здорово способствовать нашей популярности...»

Вот так и случилось, что сквозь Хаос Ада нас вел Больян, но первый отчет о происшедшем был опубликован за подписью Лобачевского...

Не могу утверждать, что вся наша дальнейшая жизнь складывалась только счастливо и безмятежно. Вам бы понравилось стать знаменитыми? Возможно, вам знакомо все это. Репортеры, интервью по магическому кристаллу, ежедневные тонны писем, статьи, охотники за фотографиями и автографами, воинственно настроенные забулдыги, идиотские телефонные звонки, непрошенные посетители, подхалимы.

Все правильно, ну а далее перечисляйте сами. Я получил в фирме хорошую должность. Лучше, чем я, вероятно, заслужил. Джинни открыла собственную студию — об этом она всегда мечтала. В общем, особого общественного интереса мы уже не представляли.

А тем временем Валерия достигла того возраста, когда начинают дружить с мальчиками. Нам казалось, что кавалер нашей дочери не достоин ее. Говорят, что такие ощущения знакомы каждому, у кого есть дочь. Все проходят через это, но я был слишком занят другими делами, чтобы сильно уж беспокоиться.

Вот и вся история. Публичная лекция-исповедь демона привела к эффектному развалу церкви иоаннитов. Конечно, оставалось еще некоторое число самых твердолобых ее приверженцев, но особого вреда они уже причинить не могли.

Впоследствии образовалось ее реформистское ответвление — во главе с моим старым знакомым Мармидоном. Эта обновленная церковь объявила, что Евангелие Любви — такое же Евангелие, как и остальные, а вера — одно из вероучений в числе других. Поскольку ни гностицизм, ни тайный сатанизм не проник туда, не думаю, чтобы Святой Петр или кроткий добряк Святой Иоанн стали бы особенно возражать.

Перед тем, как вознестись из моего мозга на небо, Лобачевский продемонстрировал мне доказательства нескольких теорем. Я ничего не понял. Те, кто хоть как-то мог разобраться, утверждают, что теперь эффективность волшебства, созданного людьми Барни в те давние минувшие времена, может быть повышена вдвойне.

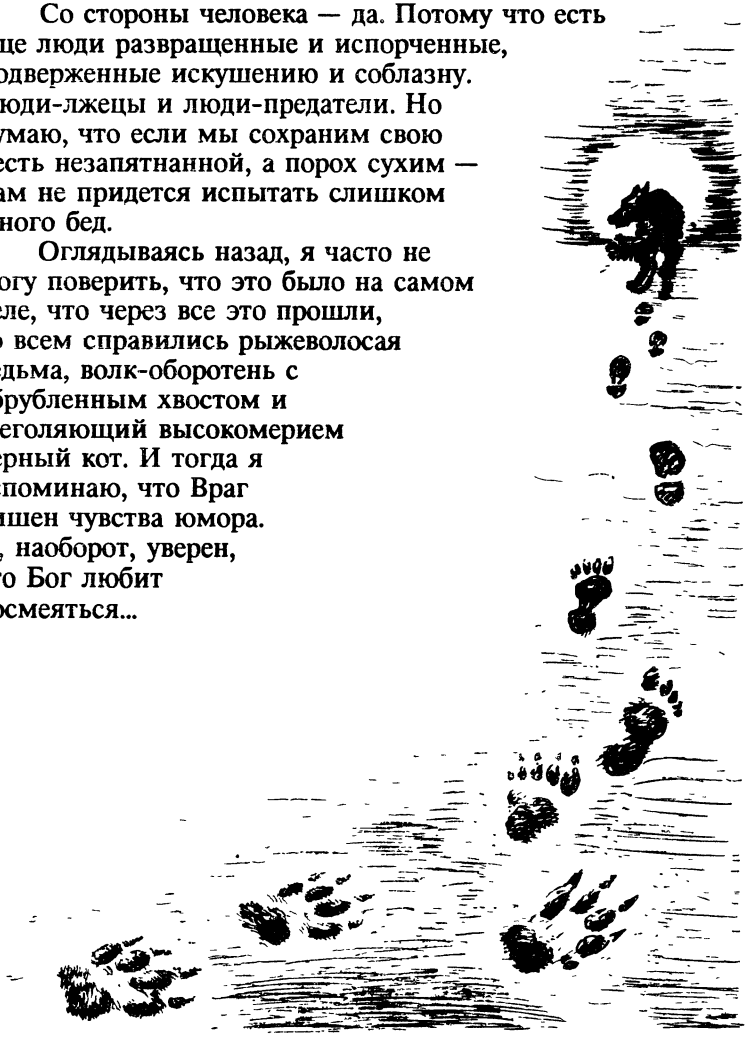
Нашему приятелю, Бобу Сверкающему Ножу, пришлось немало потрудиться, подготавливая почву для распространения новых научных взглядов. Но действовать ему пришлось осторожно, и работа предстоит еще большая. Нельзя безого-

ворочно доверяться каждому старому чудаку, наделенному от природы выдающимися способностями. И все же — правительству Соединенных Штатов (и не только ему) известно, как можно вторгнуться в Ад, если он вынудит нас к этому.

Маловероятно, чтобы армия Земли смогла завоевать Нижний Континуум, но бед неприятелю она может доставить предостаточно. Итак, у нас нет оснований опасаться еще одного прямого нападения со стороны Врага.

Со стороны человека — да. Потому что есть еще люди развращенные и испорченные, подверженные искушению и соблазну. Люди-лжецы и люди-предатели. Но думаю, что если мы сохраним свою честь незапятнанной, а порох сухим — нам не придется испытать слишком много бед.

Оглядываясь назад, я часто не могу поверить, что это было на самом деле, что через все это прошли, со всем справились рыжеволосая ведьма, волк-оборотень с обрубленным хвостом и щеголяющий высокомерием черный кот. И тогда я вспоминаю, что Враг лишен чувства юмора. И, наоборот, уверен, что Бог любит посмеяться...

СОДЕРЖАНИЕ

Три сердца и три льва
Перевод И. Труфанова, Э. Гюннер 9

Операция «Хаос»
Перевод О. С. Ладыженского, Д. Е. Громова 163

Литературно-художественное издание
Серия «Библиотека фантастики»

Пол Андерсон
Три сердца и три льва. Операция «Хаос»: Романы.

Редакционная коллегия под руководством
А. Г. Бобита, в составе:
Д. Е. Громов
О. С. Ладыженский
И. Л. Морева
Д. М. Поливанова

Подписано в печать с оригинал-макета 31.01.93.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать высокая. Усл. печ. л. 21. Тираж 100 000.
Заказ 9.

Подготовка оригинал-макета
МП «Информатика и техника». 310002, г. Харьков, ул. Маршала Бажанова, 28, к. 102.
Издательский центр КПКФ «Реванш».
310005, г. Харьков, пр. Московский, 94, к. 74.
Издательство «Гермес».
344092, г. Ростов-на-Дону, ул. Комарова, 11.
Отпечатано в ИПК «Царицын».
400066, г. Волгоград, Привокзальная площадь.

